

Вера Русанова
Пьеса для обреченных
М.: Центрполиграф, 2001

Вера Русанова

Пьеса для обреченных

...Его кончина, тайна похорон,
Где меч и герб костей не осеняли,
Без пышности, без должного обряда,
Взывают громко от небес к земле,
Да будет суд.

У Шекспир. Гамлет (Перевод М.Лозинского)

Пролог

Он лежал на дощатом полу и мутными, остекленевшими глазами смотрел в потолок. В тусклом свете рампы его лицо казалось желтым, как у старой восковой куклы, а улыбка, застывшая на губах, - на удивление мудрой и насмешливой. Концы размотавшегося синего шарфа напоминали переломанные крылья диковинной птицы. В пугающей, вязкой тишине отчетливо слышалось нудное поскрипывание дурацкого механизма там, внизу, под старыми, облезлыми досками.

Сцена по-прежнему медленно вращалась вместе с декорациями. А он лежал между нагромождением картонных булыжников и чахлым деревцем с марлевой потрепанной листвой. Лежал с невыразимой актерской естественностью, как будто только что закончил читать финальный монолог какой-то трагедии и умер согласно роли. Его голова была неловко запрокинута, рука с серебряным перстнем на пальце судорожно сжимала ствол бутафорской березки. Мизансцена получалась отличная. И он сам наверняка похлопал бы ее автору, если б мог. Но он уже не мог ничего: ни завидовать, ни радоваться чужому успеху, ни тискать по углам молоденьких артисток. Из его груди торчала длинная, матово поблескивающая рукоятка ножа, по рубашке расплывалось неровное бурое пятно. А воздух постепенно пропитывался липким и тошнотворным запахом свежей крови.

Было около полуночи - время теней и призраков. Он лежал и улыбался мертвой улыбкой балаганного Петрушки. Как будто там, на потолке, среди стропил и балок, видел что-то такое, чего не дано увидеть тем, кто пока еще жив...

Часть первая

«Мышеловка»

Витька Сударев приехал в среду, восьмого сентября, с некоторой брезгливостью поставил спортивную сумку на тумбочку в моей прихожей, оглядел квартиру и протянул:

- Н-да... За апартаменты, наверное, в месяц платишь не меньше долларов пятисот? Или баксов? У вас ведь тут в столицах все в баксах, правда?

Фраза была прямо-таки напичкана иронией, как рождественский гусь яблоками. Во-первых, мое временное жилище (однокомнатная малосемейка с совмещенным санузелом и газовой колонкой на кухне) вид имело откровенно убогий и тянуло рубля на три от силы. Во-вторых, находилось совсем даже не «в столицах», а в подмосковных Люберцах, до которых от метро надо было еще двадцать минут пилить на маршрутке. Но особая тонкость юмора заключалась в том, как Сударев, старательно и смешно артикулируя, выговаривал слово «бакс». Этим как бы подчеркивались его сибирское простодушие и близость к народу.

Простой сибирский парень Витенька Сударев свободное время посвящал таким народным сибирским забавам, как сауна, казино и боулинг, а вот словами «бакс» и «цент», действительно, чаще пользовались его заместители. Именно они непосредственно контролировали оптовые закупки туалетного мыла и дешевой косметики на московских и питерских фабриках, а также их рознично-оптовую продажу в Новосибирске. Сударев, в силу своего директорского положения, осуществлял общее руководство.

Правда, в душе Витенька был художником, а совсем даже не мылоторговцем.

С моим Пашковым они частенько беседовали о литературе вообще и поэзии в частности. Когда Сережа со своей журналистской позиции пытался критиковать сударевские пробы пера, Витина жена скучно и со значением замечала:

- Конечно! Всегда проще опустить друга, чтобы хоть таким образом подняться до его уровня и почувствовать, что тоже кое-что значишь.

Пашков не обижался, а Сударев так и вовсе не обращал на супругу внимания. Он считал ее глупой толстой курицей. Меня он считал глупой тощей курицей. К тому же дешевой актриской. Поэтому его сегодняшний визит вызывал здоровое изумление. А еще тоску. Витка был другом Сергея. А любое напоминание о Пашкове до сих пор погружало меня в мрачную меланхолию...

Сударев тем временем поправил перед зеркалом прическу, смахнул невидимые пылинки с лацканов светлого, буклированного пиджака и спросил:

- Пойдем где-нибудь пообедаем, что ли?

Я пожала плечами и через десять минут вернулась в прихожую уже не в халате, а в платье мышасто-серого цвета с небольшой перламутровой брошью на плече. Конечно, вариант не ресторанный, но, во-первых, было очень сомнительно, что Витенька поведет меня дальше ближайшего кафе, а во во-вторых, профессиональная необходимость одеваться сексуально и вызывающе в последнее время сильно утомляла.

Однако сударевскую щедрость я недооценила. Мы действительно поехали в ресторан. Правда, в дешевенький и на маршрутке, но, как говорится, дареному коню... Нам даже выделили некое подобие кабинета - уголок, отгороженный от зала цветастой ширмой. Кровать с овощами принесли вполне приличные, да и пиво подали холодное.

Я сделала пару глотков, приятно удивляясь тому, что кружка идеально чистая, и приготовилась слушать. То, что мой адрес Витеньке дала Ленка Журавлева, я уже знала. Оставалось понять, зачем он, собственно, ко мне притащился.

- Ну так вот, Евгения, - начал Сударев с места в карьер, - хочу я с тобой поговорить о друге моем задушевном, небезызвестном тебе Сергее Пашкове...

Начало было оптимистичным. Я поморщилась.

- ...Представь, его судьба меня волнует. Да и твоя тоже. Не знаю, что уж там между вами произошло...

«Ага! Не знаешь, как же! Небось без твоего участия не обошлось, кобель драный!» - подумала я, но мило ему улыбнулась:

- И не нужно, Витя, знать. Ни к чему в этом копаться. Дело прошлое, что уж теперь говорить?

Тут бы ему благоразумно уняться, чувствуя, что рыльце-то в пушку, но нет же - Витенька придал лицу покровительственное выражение и выдал:

- Ох, зря упорствуешь, Евгения! Парня-то ты такого можешь больше не встретить. Вернулась бы, на грудь ему кинулась, заплакала... У вас, женщин, со слезами просто, у актрис тем более - на лампочку посмотреть достаточно... Думается мне, что Сергей тут же растаял бы и бегство твое простил... Да и потом, если уж разобраться, что особенного случилось? Ну слышал я краем уха, что он, так сказать, не оценил должным образом твою верность и любовь...

Лучше бы он этого не говорил! Тем более таким откровенно снисходительным тоном, явно подразумевающим продолжение: «Он - мужик, ему положено. А ты, глупая курица, прижми хвост и радуйся, если любимый вообще соизволил вернуться!» Сударевские серые глазки насмешливо щурились, губы вздрагивали, готовые вот-вот расплыться в улыбке, а у меня внутри все потихоньку закипало от ярости. Вилку в креветку я вонзила с остервенением, сигаретой затынувшись, закашлявшись, как пионерка, первый раз пробующая курить в туалете.

- А было ли что оценивать, ты уверен? - Проклятая нервная дрожь все не унималась, но в глазах моих уже вспыхнул профессиональный стервозный огонек. - Я про «любовь» и «верность»... Сдается мне, Витенька, что ты и в самом деле не в курсе. Да и Пашков твой драгоценный, наверное, тоже... Квартирка тебе моя не понравилась? Так какая ни на есть, а моя. Личная! Я ведь ее не снимаю, один очень хороший человек мне ее подарил. На первое время. «Потом, - сказал, - что-нибудь попримечательнее подберем».

Врать я всегда умела вдохновенно и убедительно, поэтому ничуть не удивлялась сейчас тому, что глаза Сударева, насмешливо сощуренные, постепенно все более округлялись.

- Человек этот, правда, хороший, и знакома я с ним давно. А что касается моего бегства от Пашкова... Неловко, конечно, что Сережа теперь себя виноватым чувствует, но, сам пойми, и, мне стервой оказываться тоже было не с руки, а тут такой повод! При случае передай ему мои извинения.

- Так значит, ты с этим твоим «хорошим человеком»?.. - все еще немного недоверчиво начал Витенька.

Я легко и непринужденно рассмеялась:

- Да. Еще когда встречалась с Пашковым... Вить, ну что делать из этого трагедию? Все мы люди, все человеки!

- И кто же он, если не секрет? Квартиры, смотри-ка ты, направо и налево раздаривает!

- Во-первых, давай-ка без намеков! - По логике тут мне полагалось обидеться. - Никаких там «налево» и «направо». Мы с ним без налево, знаешь ли... А во-вторых, занимается он какими-то своими делами здесь, в Люберцах, я в них не лезу...

- Любер, что ли? - неожиданно обрадовался Сударев. - Бандюган местный? Ну, ты, Женька, даешь!

Вообще, сам факт моего подлого предательства огорчил его очень мало.

Окончательно переварив информацию, он даже повеселел, тон взял весьма игривый и, что прискорбно, начал вылавливать под столом мою коленку.

- Вкуса у тебя нету, Женька, вот что я тебе скажу! - вслух размышлял он, одной рукой орудуя вилкой, а другой пытаясь ухватить мою ногу. - Бандюган! Это же пошло. Бесперспективно к тому же. Да и не романтично.

«Мылоторговец зато романтично», - подумала я, задвигая нижние конечности куда-то под соседний столик.

Поведение Сударева злило и обижало меня несказанно. Однако я осознавала, что сама дала повод, намекнув на развратность своей натуры, поэтому решительных действий пока не предпринимала и из последних сил пыталась делать вид, что ничего не происходит. Витя же униматься никак не хотел, поэтому пришлось встать, церемонно откашляться и заявить:

- Бандюган или не бандюган - не твоё дело! За обед спасибо, а за коленки будешь свою жену лапать. Она тебя дома, поди, ждалась, что-то подзадержался ты в своем «бизнес-вояже». Так что поехали обратно в Люберцы, заберешь свою сумку и мотай в аэропорт!

- Евгения, - поморщился он, отхлебнув пива, - сядь и не актерствуй! Я ведь с самого начала знал, что ты собой представляешь. Классная баба, если тебя, конечно, приодеть нормально. А классной бабе нужен классный мужик... В общем, не выделывайся! Не думаю, чтобы с Пашковым ты познала прямо уж потрясный секс, так что есть шанс кое-что исправить...

Честное слово, я хотела всего лишь плеснуть пивом ему в лицо! Да, дешевый жест, я согласна, но безобидный! Сама не понимаю, как кружка вырвалась у меня из рук. А замах был хороший, сценический - так, чтобы с последнего ряда партера видно было...

Дальше все происходило как в замедленной съемке: пиво, выплескивающееся из кружки, сама кружка, летящая по какой-то немыслимой параболе, открывающийся рот Сударева...

Произведение горно-хрустального комбината вписалось ему точнехонько в правую скулу, и под глазом тут же начал вспухать и багроветь огромный фингал.

- Идиотка бешеная! У меня в Новосибирске презентация завтра! - завопил Витенька, прижимая ладонь к лицу и отплеываясь от пива, сбегающего по кончику носа.

А я подхватила сумочку и почти бегом покинула зал. Настроение у меня было - хуже некуда.

Всю дорогу до метро перед моим мысленным взором стояла привычная уже душещипательная картина: усопшая, я лежу на роскошном диване, вокруг - море хризантем и роз. Черты моего неживого лица так строги и прекрасны, что у сурового милиционера от жалости начинает нервно подергиваться квадратный подбородок. Но тем не менее страж закона мужественно продолжает надиктовывать:

«Умершая - женщина двадцати двух - двадцати трех лет, с прямыми каштановыми волосами, темными бровями, губами средней полноты и бархатистой кожей персикового оттенка...» (На этом самом месте мое воображение обычно спотыкалось, как резвый пони о колдобину. Понятно, что эпитетами «бархатистая» и «персикового оттенка» может оперировать косметолог, но отнюдь не мент. Однако казенное определение «кожные покровы бледные» совершенно меня не устраивало, ведь цвет лица - один из немногих предметов моей искренней гордости). В общем, далее милиционер упоминает для протокола мое безупречное сложение и витающий в воздухе аромат «Пятой авеню», а потом обращается к обезумевшему от горя Пашкову с вопросом: «Вы подтверждаете, что это - Мартынова Евгения Игоревна?» - «Да, - глухо отзывается тот. - Только вы не упомянули, что у нее были чудные, дымчато-серые глаза. И еще, ей не двадцать три, а двадцать восемь... Было».

Кто-то из женщин охает: «Надо же! А на вид - девочка девочкой!» Скорбный Пашков спрашивает: «Так и неизвестно, отчего она умерла?» Милиционер горько усмехается и отвечает: «Просто в ее жизни было слишком мало счастья». И все рыдают...

Да, картинка прошибала жалостностью и реализмом. Правда, «Пятая авеню» благополучно закончилась месяц назад, внешность у меня не столь романтическая, как получалось по протоколу, а самая что ни на есть обыкновенная. Но вот счастья мне на самом деле недостает...

Кстати, мама утверждает, что в моей жизни его так мало потому, что я ищу легкие дороги и всегда иду путем наименьшего сопротивления. Вместо того чтобы как все нормальные девочки закончить музыкальную школу по классу фортепиано, я выучилась играть на домре (в детстве мне казалось, что извлекать звуки из трех струн значительно проще, чем из неимоверного числа клавиш). Теперь мои ровесницы при случае могут смузицировать в компании, хотя бы на уровне «Собачьего вальса», а я вынуждена сидеть с умным видом - не пристраивать же, в самом деле, на коленях благородное подобие балалайки?

Дальше - больше... Актрисой я мечтала стать, наверное, с пятого класса, а «на актрис», как известно, учат в Москве. Но ближе к выпускному вечеру меня обуяли одновременно ужас, неверие в собственный талант и лень, поэтому Щукинским, Щепкинским и школам-студиям МХАТ я предпочла скромное Новосибирское театральное училище. В чем позже раскаялась: по окончании мне светила только сцена Областного драмтеатра, на которой я переиграла всех глупых стервоз и любовниц-разлучниц.

Девчонки из труппы, посвященные в мою личную жизнь, тоже сошлись во мнении, что я - ленивая трусиха, так как смелая и готовая к борьбе женщина не сбежала бы в Москву после всей этой истории с Пашковым, а принялась сражаться за свое счастье и любовь: прикупила бы суперэротическое белье, днем стала проявлять чудеса нежности и хозяйственности, а ночью - изобретательности и гимнастической гибкости.

Но я, едва начав думать о гибкости и изобретательности, представляла, как эти самые чудеса проявляла та девица из «Звезды», с которой мой Пашков... В общем, с которой мой Пашков познакомился чрезвычайно близко. И немедленно в памяти всплывали все отвратительные подробности того дня, когда он в очередной раз вернулся из своей журналистской командировки в столицу, почему-то совпавшей с «бизнес-вояжем» Сударева, сел передо мной на табуретку, взял мои руки в свои ладони, выдержал паузу и сказал:

- Я тебе изменил.

- Как? - спросила я с глупой, дрожащей улыбкой и зачем-то схватила из вазочки овсяную печенюшку.

- Так получилось. Прости... Черт, до чего глупо все вышло! Если бы ты только знала, как мне жаль... Понимаешь, я не мог, не хотел, чтобы между нами оставалась хоть капля недосказанности... Это просто глупое, нелепое стечение обстоятельств. Та девушка... В общем, мы с Сударевым зашли в «Звезду». Ну в казино... И там...

И на этот раз Пашкову не изменило умение говорить вроде бы красиво, но в то же время ужасно путано. Тонкая, металлическая оправа его очков тускло поблескивала, лоб страдальчески морщился. Никому не нужный чай стыл на столе, по печеню резво бегала нахальная муха.

- Понимаешь, она совершенно обычная.

- Мне это абсолютно неинтересно! - рявкнула я, приходя в себя и швыряя о пол ни в чем не повинную печенюшку. - Мне абсолютно неинтересно - где, когда и с кем. Ты понял?

- Но ты же сама спросила... - как-то растерянно пролепетал он.

- Я спросила - как. Отнеси это на счет моей сексуальной извращенности...А теперь - до свидания!

Пашков ушел, аккуратно притворив за собой кухонную дверь. Я прорыдала пару дней, а потом сама сказала «до свидания» родному дому, родному театру и родному городу.

Почему-то в минуты душевных кризисов меня неудержимо тянет путешествовать. Кажется, что там, куда уносятся пахнущие сладкой тревогой поезда, поджидают тысячи вариантов счастливой жизни. Стоит только сесть в купе, запихнуть чемодан в рундук и...

Не повезло мне с самого начала. Билеты оставались только в плацкартные вагоны, всю дорогу в поезде отвратительно воняло нестираными мужскими носками, а сунувшись в первое же московское квартирное агентство, я с ужасом поняла, что снимать даже плохонькую однокомнатную квартиру в столице мне просто не по карману. Кроме того, главрежи солидных столичных театров почему-то упорно не желали узнавать во мне свою будущую приму. Режиссеры экспериментальных студий были более прозорливыми, но они предлагали такой смехотворный оклад! Нет, вообще-то я не одержима манией накопительства, но мне надо было как-то оплачивать мою малосемейку в Люберцах и хоть что-нибудь есть...

А еще мне нужны были деньги на фишки в казино. Да-да, ту самую «Звезду» я обнаружила в районе «Коломенской» на третий день моего пребывания в столице.

Я питалась исключительно вермишелью с болгарским кетчупом, зато не могла отказать себе в удовольствии раз в три дня заглядывать туда в своем единственном вечернем платье. Фишек я брала самый минимум, при этом с катастрофическим постоянством проигрывала. Но игра, честно говоря, занимала меня очень мало. Шурша лиловым матовым шелком, я прогуливалась между столами, изничтожая тяжелым насмешливым взглядом девушек-крупье. У одной была слишком плоская грудь, у другой явно гнутые ножки, жалко торчащие из-под короткой юбки, у третьей - жидкие и бесцветные волосы. «В общем, все вы, красавицы столичные, мне и в подметки не годитесь!» - мстительно думала я, культивируя в себе манию величия. Огорчало одно: девушки почему-то не торопились ежиться и обугливаться под моими взглядами. К тому же я не знала, на какую именно позарился мой Пашков, а ненавидеть всех оптом было обременительно.

Я не знала, кто моя соперница, но мечтала отмотать время назад и волшебным образом устроить так, чтобы Пашков сделал свою охотничью стойку на кого-нибудь из постоянных клиенток казино, женщину сильную, независимую, богатую. При одном условии - клиентка эта непременно должна была оказаться моей хорошей знакомой. Заметив кобелиный интерес Сергея Геннадьевича, я тихонько подхожу к ней и шепчу на ушко: «Отомсти за меня, пожалуйста!» Женщина кивает, бриллиантовая серьга в ее ухе загадочно мерцает. Я снова скрываюсь за какой-нибудь бархатной портьерой, а моя знакомая благосклонно улыбается Пашкову, уже пускающему сладкие слюнки. Они беседуют, пьют вино, вместе ставят на какую-нибудь цифру. При чем ладонь его как бы случайно накрывает ее руку.

Потом они едут к ней домой. Черный «мерс» въезжает в ворота особняка, Сергей Геннадьевич помогает даме выйти, она роется в кошельке и протягивает ему пару зеленых бумажек. Охранники ехидно усмеваются.

«Что это?» - растерянно вопрошает изумленный Пашков. «Ваш гонорар, - невозмутимо отвечает дама. - Или, если хотите, спонсорская помощь. Вы ведь, как я понимаю, альфонс?

Пользоваться вашими услугами у меня нет необходимости, но мне всегда жалко таких как вы, вынужденных зарабатывать столь унижительным способом... Берите, не стесняйтесь!»

Охрана откровенно гогочет. Моя знакомая изящным движением поправляет прическу и, повернувшись к особняку, приветливо машет рукой. На пороге стоит ее супруг - красивый, сильный, мужественный. Пашков по сравнению с ним - Микки Маус на фоне Роберта де Ниро...

В общем, что-то примерно в этом духе я представляла себе и в тот день, когда отправилась на Люберецкий рынок за водкой. Мне хотелось напиться, чокаясь с зеркалом, порыдать над фотографией драгоценного Сереженьки и обессиленно уснуть прямо в одежде и несмытой косметике. В желудке было тяжело от прискучившей вермишели, на сердце - от сознания того, что все мечты о мести - лишь мечты. Продирающиеся мимо тетки с авоськами норовили проехаться по моему светлому плащику окровавленными бедрами индейки и кусками говяжьей печени. И вдруг я увидела тот самый лозунг!

Рядом на прилавке стояли «домики» для тараканов, напичканные рыжими трупиками, аэрозольные баллоны, даже в закрытом виде источающие отвратительный запах. А я смотрела только на неровные буквы, выведенные синим фломастером: «Мы поможем отравить тех, кто мешает вам жить!»

Какая-то женщина в цветастом вязаном кардигане остановилась у лотка и принялась по очереди рассматривать все коробочки со средствами для смертоубийства братьев наших меньших. Продавщица мгновенно очнулась от полудремы:

- Вам от чего надо? От тараканов? От мышей? От комаров?

- Комары - не самое страшное. Да и к августу они уже все повымерзли. - Женщина взяла в руки флакон с «Импрессией» и принялась, сощурившись, выискивать что-то на этикетке. - От людей вреда больше.

- Да уж! - со скорбным пониманием закивала продавщица, подперев подбородок рукой. - От мужиков в особенности... Кстати, есть антиалкогольный чай «Петрович». Не хотите? Говорят, очень хорошо помогает...

Согласилась ли дама в кардигане приобрести чудо-чай «Петрович», я уже не слышала. Сердце мое бешено колотилось, как перед первым выходом на сцену. Ну конечно же! «Мы поможем отравить тех, кто вам мешает жить!» «Мы поможем отравить жизнь!» Должна быть специальная служба! Ситуации, подобные той, что рисовало мое озлобленное, воспаленное воображение, очень даже просто можно моделировать! А сколько таких же несчастных баб, как я, маются оттого, что за них попросту некому отомстить?! Не нашлось пока Робин Гуда в юбке, а ведь идея, что называется, лежит на поверхности!

Дальше - больше! В моих мозгах закопошился червячок корыстолюбия.

Сволочи мужики пакостят всем - и бедным, и богатым, подумала я. А богатые леди наверняка готовы хорошо заплатить, лишь бы за их унижение отомстили. Кому же взяться за это дело, как не профессиональной актрисе, четыре года усиленно изучавшей систему Станиславского?!

Минут пять я торчала возле прилавка, по-идиотски открыв рот и выпучив глаза. Между мной и соседним рядом лотков протискивались старушки с помидорами, мамы с колясками, грузчики с коробками. А я все стояла, толкаемая и пинаемая всеми подряд, как памятник самой себе, поставленный в неудачном месте. В моей голове роились цифры и портреты президентов, нарисованные на бумажках приятного зеленоватого оттенка. Даже по самым скромным прикидкам будущий ежемесячный доход должен был превысить оклад артистки театра-студии раз в десять!

Очнулась я, когда молдаванка из соседнего ряда, торгующая детской обувью и ползунками, угрожающе спросила:

- Красавица, ты так и собираешься весь день своим задом товар загораживать? Двигай, двигай!

И я «подвигала», тихо радуясь своей потрясающей идее и неожиданному комплименту: чтобы загораживать товар, простите, задом, нужно было иметь ноги длиной, как минимум, метр двадцать.

Водку я в тот день так и не купила. Зато приобрела в киоске «Союзпечать» рекламную газетку «Из рук в руки». Дома развернула ее на странице «Требуется» и с горькой усмешкой

просмотрела список вакансий. Из женских специальностей требовались нянечки, буфетчицы, повара и продавцы на лоток. А я умудрилась придумать для себя работу! Причем работу творческую, не оскорбляющую приземленностью диплом театрального училища.

Прежде чем вырезать заветный купон, я достала из ящика стола фотографию Пашкова, вздохнула, всхлипнула, подперла щеку рукой и вслух сказала:

- Ну и ладно! Не всем же играть Джульетт? Кому-то надо быть «бичом Божиим». Пусть я буду бич! И пусть мужики славного города Москвы умоются горькими слезами. Так им и надо!.. А все, между прочим, Сергей Геннадьевич, из-за вас! Представляю, с каким удовольствием мои будущие жертвы, когда-нибудь начистят вам рожу!

Пашков смотрел с фотографии чуть насмешливо и спокойно. Видимо, пока не боялся.

Я сладко шмыгнула носом и размашисто написала: «Только для женщин! Легко, изящно и с юмором проучу вашего обидчика. Цены разумные».

Как ни странно, мое объявление напечатали в следующем же выпуске, правда, в одном столбце со страстными призывами «потомственных ясновидящих». Я приготовилась долго и терпеливо ждать. Но первый звонок раздался тем же вечером. Молодая, судя по голосу, женщина плакала и уверяла, что, кроме меня, ей помочь никто не сможет. Я выдержала паузу, пытаюсь справиться с волнением, и неожиданно писклявым голосом предложила подъехать ко мне «для обсуждения ситуации».

Уборка такой интенсивности на моей памяти было всего две: одна накануне приезда бабушки, маминой свекрови, а вторая - в сказке «Федорино горе». В результате пыли в моей квартире осталось немногим больше, чем в операционной, стекла допотопного, огромного, как бегемот, буфета засверкали божьим хрусталем. Я даже зачем-то вымыла вантус, мирно стоящий под раковиной, словно моя гостья собиралась проводить в квартире сантехнические работы или по крайней мере проверку необходимого оборудования.

На столе в комнате ее ждали конфеты, печенье и фрукты, приготовленные для обстоятельной, неспешной беседы, а она зарыдала чуть ли не с порога после моего единственного психоаналитического вопроса:

- Итак, он вас обидел?

Я подумала-подумала и тоже жалобно заскулила из-за нервного перенапряжения и еще из-за того, что понимала: она, как и я, плачет над своей поруганной любовью.

Клиентка на секунду перестала плакать и взглянула на меня с нескрываемым удивлением.

- Не обращайтесь внимания, пожалуйста, - хлюпая, попросила я. - Ради Бога, продолжайте!

И она продолжила, выйдя на новый виток заунывного воя.

Поплакав минут десять, мы почти синхронно успокоились, улыбнулись друг другу смущенно и виновато и даже обнялись. В тот момент я уже не сомневалась, что помогу Наташе (так звали мою клиентку), чего бы это ни стоило. Помогу даже бесплатно, морально растопчу и умою грязью ее обидчика. Но надо было как-то перейти к конкретному плану.

- Итак, - я опять начала с этого слова, потому что ничего другого в голову не приходило, - мне бы желательно посмотреть фотографию вашего обидчика и вникнуть в ситуацию. Сколько ему лет, какие у него привычки, видите ли вы с ним до сих пор...

- О Господи! - Она всплеснула руками. - Конечно, вижусь. Сами знаете, в наше трудное время такими вариантами не разбрасываются...

«Милая Наташенька! - захотела сказать я, переполняемая светлым чувством женской солидарности. - С «вариантами» действительно бывает сложно. Но надо же иметь гордость! Лучше быть одной, чем встречаться с тем, кто тебя унижает. Вот я, например...» Впрочем, дальше уже было неинтересно.

- Его имя и возраст?

- Анатолий Петрович. Лет, наверное, пятьдесят. Или, может, чуть больше...

«Уже интереснее! Возраста она его не знает, называет старого хрыча по имени-отчеству!»

- Простите за нескромность, но это необходимо. Вы как-то зависимы от него? Морально? Материально?

- Ну, естественно! - вздохнула девушка. - Что я, за «спасибо» все это терплю?.. Да, в общем, почти за «спасибо». Каждый раз из-за вшивых пятисот долларов...

«Содержанка! Проститутка! Падшая женщина!» - мысленно возопила моя хорошая половина. «Пятьсот долларов за раз?! Ничего себе расценочки!.. Гонорар-то с нее можно запросить приличный», - зашевелилась половина меркантильная.

После того как Наташа чистосердечно поведала, что встречается с Анатолием Петровичем каждый день, темная часть моей души живенько произвела нехитрые математические расчеты и выдала «среднемесячный оклад» пятнадцать тысяч долларов! Под ложечкой у меня засосало, в дешевом лифчике как-то сразу стало физически неудобно.

- Итак, - с постоянством дрессированного попугая повторила я, - что мы имеем? Мы имеем немолодого любовника, снабжающего вас деньгами, но унижающего как женщину...

И тут глаза Наташи полезли на лоб.

- Какого любовника?! - Она испуганно захлопала ресницами с остатками туши. - Он просто мой начальник. Разве я вам по телефону не сказала?.. Не непосредственный, конечно. Надо мной только главный бухгалтер. А тот, о ком я говорю, заведует отделом маркетинга. Поэтому-то и обидно! Ну кто его, паразита, скажите, просит лезть? Так ведь каждый день на вахте стоит и ждет, когда я появлюсь, а потом на планерке: «Колотилина опять опоздала! Колотилина долго спит! Колотилина не отрабатывает свой оклад в пятьсот долларов!» Как маленькую девочку, перед всем отделом! Представляете?

Я, конечно, представляла, но что на это сказать, понятия не имела. Надо же было вляпаться так по-идиотски! Я-то, наивная, думала, что ко мне косяками потянутся брошенные жены и любовницы, и совсем упустила из виду простую истину; обидеть женщину может каждый - даже слесарь из РЭУ, злокозненно обещающий, что воды не будет до воскресенья, как раз в тот день, когда она собралась постирать. В общем, пришлось бормотать что-то про обилие более срочных заказов, неимоверную загруженность и неумение работать с контингентом старше сорока пяти.

Следующей пришла дама бальзаковского возраста. Критически оглядела меня с ног до головы и огорошила вопросом:

- Сколько у вас было мужчин? Я должна знать, что покупаю! Невинная девочка, имевшая двух-трех любовников, для такого дела не подойдет!

Потом стильная брюнетка в модных брючках и сюртучке просила покарать сослуживца, намеренно не желающего обращать на нее внимания.

- Понимаете! - истерически повизгивала она. - Понимаете, он делает это нарочно, чтобы я выглядела низкопробной шлюхой! Зову его пойти пообедать вместе, а он отвечает: «Извини, Том, я на диете!» Предлагаю туфли, которые будто бы купила для мужа... На самом-то деле не для мужа, конечно, - специально для него. Отличные туфли, между прочим... Короче, я говорю: «Возьми, мол, Андрей, примерь. Моему большие. Сорок четвертый размер». А он, гаденыш: «Не стоило беспокоиться. У меня сорок пятый, к сожалению!» Во-первых, у него сорок четвертый, я это точно знаю. А во-вторых, даже если и сорок пятый? Что, так сложно горячей воды в туфли налить и походить по квартире? Не то что на размер - на полтора растянуть можно!

Нанесла мне визит даже та самая молдаванка с Люберецкого рынка и с полчаса убеждала меня «наказать на деньги» ее работодателя...

В общем, я коллекционировала цензурные обзывательства - «паразит», «гаденыш», «подсвинок», «кобеляриус» - и, как бюрократ в сказке про Чебурашку, сортировала «дела» на две большие кучки: «отказать» и «покарать».

Карала я не особенно часто и подолгу думала, прежде чем принять решение и стать «бичом Божьим». Но уж если становилась... Была пара-тройка дел, где я сработала прямо-таки ювелирно.

Он был президентом крупного концерна. А его жена - печальной женщиной лет сорока, с тихим, глухим голосом. Стройная, одетая как с картинки, она казалась воплощением благородного горя.

- Мой муж разлюбил меня. Он мне изменяет, - просто сказала она, осторожно усаживаясь на стул в моей убогой гостиной.

На фоне облезлых зеленых обоев ее глаза светились просто-таки изумрудным светом. И кожа у нее была еще очень даже ничего, и волосы... Впрочем, меня несколько не удивило то, что она сообщила дальше:

- Когда-то была любовь, потом все испарилось... Вы, конечно, молодая девушка, но представляете, как это бывает, верно? Любовь ушла, но ведь уважение могло бы и остаться, согласитесь?

Дама смотрела на меня так пристально, словно это мне взбрело в голову лишить ее законного уважения. Я неловко заерзала на своей табуретке:

- Д-да... Я думаю, да... То есть, конечно, могло...

- Вот видите! А мой муж так не считает... Молодые девушки, эти его подружки... Я бы терпела! Я бы покорно и стойко все терпела, если бы это не делалось у меня на глазах. Он несколько меня не стесняется, приводит своих... - Она замялась и закусила губу. - Своих... знакомых чуть ли не в наш дом и нашу постель! Он оскорбляет меня в присутствии друзей и коллег. И это тогда... тогда, когда я жду нашего первого ребенка!

Я, мягко говоря, опешила. Дама меньше всего походила на будущую маму, ожидающую первенца. Однако именно этот факт заставил меня проникнуться к ней настоящим сочувствием. До этого я просто слушала с вежливым видом, мысленно прикидывая, сколько времени займет работа и какой гонорар можно запросить, не нарушая границ среднестатистической наглости. Но ребенок...

- Поздравляю вас! - не к месту сорвалось у меня с языка.

Она печально улыбнулась.

- Вы хотели бы какого-нибудь конкретного наказания для вашего мужа? Может быть, у вас есть приблизительный план?

- Ах нет. - Дама покачала головой. - Я даже не уверена в том, что поступаю правильно, рассказывая все это вам. Просто, понимаете, никак не могу забыть последний случай... У моего супруга, знаете ли, через три дня день рождения, и на прошлой неделе я зашла к нему в офис, чтобы обсудить предстоящий банкет. В его кабинете был вице-президент, директор нашей турфирмы, еще люди. Кажется, секретарь в приемной... Будь это какое-то служебное совещание, я конечно же себе не позволила бы, но они просто разговаривали, смеялись... А впрочем, даже если бы это было заседание государственной важности?! Разве позволительно реагировать вот так?! Я обняла его за плечи, пылинку, кажется, с рукава смахнула и спросила: «Олег, уместно сейчас будет поговорить по поводу банкета?» А он... - Клиентка прикрыла лицо дрожащей ладонью и прерывисто всхлинула. - А он спокойно и четко так сказал:

«Дорогая, ты ведешь себя как невоспитанная свинья. Выйди из кабинета и закрой за собой дверь. Видеть твою потасканную физиономию на своем празднике я не испытываю ни малейшего желания...» Конечно, я сейчас выгляжу не лучшим образом...

Праведный гнев клокотал внутри меня, как борщ в эмалированной кастрюле.

Почему-то вспоминалась та злосчастная овсяная печенюшка, которую я тискала тогда в холодеющей ладони. Мерцающая оправа пашковских очков. Его страдальчески наморщенный лоб. «Я не хотел, чтобы между нами оставалась хоть капля недосказанности... Я не испытываю ни малейшего желания...» Почему же у вас, дорогие вы наши, все желание и хотение обычно исчерпывается стандартным набором тупых фраз: «Хочу супа. Хочу спать. Хочу тебя»? Причем «тебя» хочу только до определенного момента, пока на горизонте не появится другая, более сексуальная, молодая, красивая...

- Он так и сказал: «Как свинья»? - Мои глаза сузились, как у татарского воина. - В таком случае у меня есть один план. Возможно, он излишне жестокий. Если не нравится - вы сразу скажите... В любом случае план еще очень сырой, над ним надо много думать...

- Говорите! - Моя клиентка подобралась, словно пантера перед прыжком.

Потом она долго и легко смеялась, слегка сжимая виски аристократическими длинными пальцами. Спокойно отсчитывала зеленые бумажки - мой аванс, - уточняла детали. А я впервые с особенным, азартным рвением думала не о том, как потрачу заработанные денежки, а о том, как воплоти свой коварный план в жизнь...

Утром следующего дня я тщательно умылась, протерла лицо лосьоном, смазала питательным кремом и в раздумье уселась перед стареньким трюмо.

Вообще-то к урокам грима в театральном училище я относилась с похвальным прилежанием, поэтому мучилась сейчас не от неумения что-то изобразить на своей девственно чистой физиономии, а от необходимости выбирать.

Итак, Олег Иванович Бородин, сорок восемь лет. Внушительная лысина и авторитетный животик. Любитель классической музыки, русской живописи и породистых лошадей. Несмотря на любовь к кобылкам, вряд ли ему нравятся длиннолицые, кривоногие тетки с шумно раздувающимися ноздрями. Да и дешевые шлюшки - тоже вряд ли. Скорее всего, он уже подустал от тощих девочек-моделечек и находит их слишком банальными для своего изысканного вкуса. Что тогда?

Тургеневские девушки? Да! Но при этом утонченные не настолько, чтобы их нельзя было затащить в постель!

Я принялась за дело. Слегка припудрила лицо, положила на скулы и у висков немного персиковых румян. Тоненькой серой кисточкой подводки удлинила глаза, расчесала брови. С тенями я упражнялась, наверное, целый час. Еще столько же времени - с пятью тюбиками светлой губной помады. То нижняя губа выходила слишком капризной, то верхняя - глуповато-вздернутой. Если бы я красилась перед обычным выходом из дому, то давно бы уже наплевала на все эти нюансы. Но сейчас ошибиться было никак нельзя.

В одиннадцать часов утра, трепеща от сознания собственной неземной красоты и бережно подбирая полы светлого итальянского плаща, я взгромодилась в маршрутку. А в двенадцать уже стояла перед главным офисом компании «Мега-Росс».

Но видимо, с легкой наивностью на лице все-таки переборщила, потому что охранник принял ее за откровенную дремучесть.

- Эй, Маруся, - он даже заулыбался, отчего щеки его сделались складчатыми, как у бульдога, - чего встала? Заблудилась, что ли? Тебе куда надо? В метро?

- К Олегу Ивановичу, - отозвалась я скромно, но церемонно.

- А он назначал?

- Нет. Но думаю, он меня примет.

Охранник недоуменно выпятил нижнюю губу, однако по сотовому все же позвонил. Не отнимая трубки от уха, попросил назвать себя и цель визита.

- Вологодина Алена, - прошептала я, втайне надеясь, что мой псевдоним вызовет в искусствовлюбивой душе Олега Ивановича ассоциации с Васнецовской «Аленушкой», и ужасно досадуя на то, что нельзя представиться совершенно конкретной «Царевной-лебедью», например. - Киноконцерн «Луч надежды». Хотела бы побеседовать о возможном совместном проекте.

Меня, к моему великому удивлению, пропустили, но проводили не к Бородину, а к одному из его многочисленных заместителей.

- Н-ну... - затянул заместитель, - понимаете ли, девушка, к нам очень многие обращаются за спонсорской помощью, очень многие просят, а всем помочь мы, естественно, не в силах. К тому же российское кино - это не та отрасль, в которую выгодно вкладывать деньги. На данном этапе мы не можем позволить себе...

- Мне к Олегу Ивановичу, - с нудностью имбецила повторила я. - Это очень выгодный проект, и вы лично будете иметь большие неприятности, если не сообщите обо мне господину Бородину.

Он почему-то сдался. То ли моя чрезвычайная наглость подействовала, то ли женские чары. Приятнее было, конечно, верить в последнее. Но скорее всего, Бородина в данный момент просто не одолевали сверхсрочные дела.

«Объект» сидел за массивным столом и поигрывал ручкой с золотым пером.

Физиономия у него была препротивная, как, впрочем, и улыбочка.

- А что это за «Луч надежды»? - подозрительно осведомился он, когда я уселась в мягкое кресло, поставив ноги под выигрышным углом. - Что-то я про такое объединение не слышал.

- А это новое, молодое объединение в составе киноконцерна «Мосфильм». Мы не так давно организовались, и от успеха этого фильма во многом зависит наш статус.

На слове «статус» я скромно подалась вперед, чтобы Бородин смог заинтересоваться грудью, показавшейся в декольте платья.

- Статус, говорите? - Олег Иванович действительно с некоторым интересом повел кустистой бровью. - Ну а ваша роль в этом проекте какова? Вы лично - кто?

- Вообще-то я - актриса, а теперь, по совместительству, еще и сопродюсер. Жить как-то надо.

- Да-а. Надо... - Он задумчиво закивал, погружаясь в собственные мысли.

Этого я ни в коем случае допустить не могла, поэтому немедленно принялась поправлять волосы, демонстрируя нежный изгиб шеи. На большинство мужчин этот примитивный жест почему-то действует так же безотказно, как на бездомного Бобика кусочек сахара. Бородин, не оказавшийся исключением, оживился:

- А что, артистам сейчас тяжело живется? Сниматься-то, наверное, негде?

- Абсолютно негде, - вздохнула я, не прекращая целомудренно и стеснительно наматывать на палец лакированный локон.

- Вот козлячья страна! - Олег Иванович гневно долбанул кулаком по столу. - Прекраснейший типаж красивой русской девушки - и не востребован! Чем живем? Что смотрим? Чем завтра собираемся жить?

Гневный пафос волновал меня не особо. Гораздо важнее было то, что мой типаж оказался «прекраснейшим».

Еще пару минут под разными углами поддемонстрировав свои ноги, я приступила к изложению сути проекта. Это было вольное переложение «Царевны-лягушки» с несколько передернутыми акцентами. Вместо Ивана-царевича появлялся некий поэт - непризнанный гений, вместо лягушонки - девушка, прекрасная во всех отношениях. А вот вместо Кощея Бессмертного - сильный, умный и немолодой бизнесмен. Бабой Ягой была его бывшая жена, подло подсаживающая Ивану, как добраться до бизнесмена. Иван, естественно, добирался, возвращал себе девицу, которая к тому времени уже любила Кощея. А Кощей, как человек благородный, отпускал девушку, думая, что с молодым человеком она будет более счастлива. Кощей даже инсценировал собственную смерть от руки поэта, давая любимой шанс увидеть в Иване мужчину сильного и отважного...

История вышла такой душещипательной, что я сама чуть не прослезилась. А Олег Иванович погрузился в тяжкое раздумье.

- Ну что ж, - молвил он, когда я уже готова была проклясть свой дар рассказчика, - я дам вам денег. Но с одним условием: главную роль сыграете вы!

Именно такой мне представляется наша будущая героиня.

- То есть как - дадите? - слабо вякнула я.

- А вот так - дам. Столько, сколько нужно. На искусстве нельзя экономить!

Ситуация вырисовывалась странная. С деньгами и не самой в общем-то дурацкой идеей я легко могла найти режиссера, жаждущего снимать. Главная роль автоматически доставалась мне. А там - приличный гонорар, знакомства, связи...

Зачем тогда, спрашивается, нужен мой маленький бизнес, кормящийся женской мстительностью и коварством? Почти невероятным усилием воли заставив себя вспомнить о будущем ребенке этого мецената, я снова сконцентрировалась на воплощении в жизнь нашего плана и примерно через час, не позволив прикоснуться к себе и пальцем, уже заручилась обещанием Олега Ивановича отпраздновать день его рождения вдвоем. На моей загородной даче.

Дача, правда, была не моя. Аренду помещения оплачивала супруга Бородина.

Она же обязалась обеспечить дальнейшее безбедное существование Даши и ее неприкосновенность по окончании операции. О безопасности во время операции предстояло позаботиться мне. Ах, Даша! Милое, безобидное существо! Она и не знала, какому риску подвергалась!

В назначенный день мы с ней приехали на дачу заранее, чтобы успеть подготовиться к романтическому свиданию. Правда, готовилась я одна. Даша мирно спала в кладовке. Но это было и к лучшему. В 17.00 начался отсчет времени. С последним ударом часов на пороге возник Бородин. В 17.15 мы выпили по бокалу шампанского, в 17.20 он попытался стянуть с меня юбку. Я томно отстранилась и, загадочно сверкнув глазами, пообещала ему такой секс, какого он еще

в жизни не видывал. При условии, что он сейчас немедленно отправится в душ и выйдет оттуда чистенький и свеженький, как младенец.

Дальше важно было не ошибиться, но мы с его женой просчитали все точно.

- В любом случае он будет плескаться не меньше пятнадцати минут! Уж это я гарантирую, - говорила она, барабанила пальцами по подлокотнику кресла.

- Ох, смотрите не подведите! - просила я. И она не подвела. Заявилась в офис Олега Ивановича ровно в 16.00 и доверительно сообщила вице-президенту и компании, что у шефа ужасная депрессия: даже в свой собственный день рождения он в одиночестве заперся на какой-то даче, адрес которой она случайно обнаружила у него в записной книжке. Далее заботливая жена попросила друзей и коллег прямо сейчас вместе с ней поехать на эту дачу, чтобы развеселить Олега Ивановича и поздравить его с днем рождения. Представляю, как смущенно покашливали солидные дяди в дорогих костюмах, как прятали они двусмысленные улыбочки, как придумывали уважительные причины для того, чтобы не ехать! Но супруга шефа была ужас как настойчива. К тому же намеками, угрозами и перспективой близкой истерики она не оставила им другого выхода. И они поехали.

Излишне говорить, что перед воротами «моей» дачи кортеж из трех автомобилей остановился примерно в семнадцать сорок. Моя клиентка попросила нажать на сигнал, как бы для мужа, но на самом деле конечно же для меня. Услышав автомобильный гудок, я вытащила Дашеньку из сумки, устроила ее в кровати, а сама выскользнула из комнаты. Через несколько секунд из душа появился мокрый толстый Бородин. Не представляю, что он почувствовал, вместо обнаженной женщины увидев в постели розовую хрюшку. Причем хрюшку, наряженную в два ажурных лифчика и кружевные трусы.

У него оказалась достаточно хорошая реакция для того чтобы понять: свинка сама по себе - не такой криминал, как свинка в женском белье, но недостаточно хорошая для того, чтобы успеть это белье снять. Коллектив друзей, партнеров и подчиненных под предводительством любящей супруги вошел в дверь как раз в тот момент, когда Олег Иванович, изловив Дашу за задние ножки, пытался стащить с нее трусы. Моя бедная Дашенька пронзительно визжала.

- Это не то, что вы думаете! - успел яростно прокричать Бородин. А дальше повисла тяжелая, неловкая тишина, нарушаемая только сердитым похрюкиванием освободившейся поросюшки...

Вторая ситуация была простой и изящной, как все истинно классическое.

Жена еще одного преуспевающего бизнесмена Марина жаловалась на постоянные домогательства со стороны приятеля мужа. Домогательства были обидными, пошлыми и утомительными. Но, самое ужасное, муж упорно не желал ничего замечать.

- Да перестань ты, ради Бога! - говорил он, прячась за газетой и досадливо отмахиваясь. - Придумываешь всякие страсти-мордасти. Сериалов, что ли, насмотрелась? У Карпенко своих баб - выше крыши. Станет он из-за этого со мной отношения портить...

Выход казался таким очевидным, что мне даже как-то неловко было брать деньги за консультацию.

- «Тартюфа» читали? - скучно поинтересовалась я, досадуя на то, что заказ сорвался. - Если не читали - почитайте. Все велосипеды в мире уже изобретены. Прячете мужа в шкаф или под кровать, позволяете вашему ухажеру пару вольностей - и все! Муж в бешенстве, друг в дерьме, а вы - на белом коне.

- Это все понятно. - Марина стеснительно и мило улыбнулась. - Но хочется сделать ему настоящую, конкретную гадость. Чтобы он, козел, надолго запомнил!

Я немного покумекала, прикинула так и сяк...

На торжественное «обмывание» какого-то там нового российско-германского проекта мы пришли вместе. Закрылись в маленькой комнатухе с двумя креслами и столом и занялись моим макияжем. Марина время от времени подхихикивала - вероятно, на нервной почве, а я творила в обстановке строгой секретности. О моем существовании до поры до времени не должен был знать никто - даже Маринин муж, которого она посвятила в некоторые пункты нашего плана.

Господи, как он упирался, бедный! Как отчаянно не хотел прятаться в каморке уборщицы рядом с холлом! Как кричал, что все это глупо и непорядочно!

А вот пресловутый Карпенко не вопил и не кричал, а, наоборот, с большим энтузиазмом отреагировал на предложение Марины пойти побеседовать наедине. Она скорее недоиграла, чем переиграла. И томности в голосе можно было добавить, и прозрачной легкости намеков. Хотя ее мучителю вполне хватило одного согласия выпить шампанского. После этого он немедленно притиснул жертву к подоконнику, принялся рыться в ее декольте, приговаривая:

- Мариночка! Ну, Мариночка, дорогая! Ну никто же не видит! Чего ты упираешься? Мужа, что ли, своего гребаного боишься? Я же тебе говорю: он идиот!

Ему и в голову не придет...

И тут раздался ужасный грохот падающих швабр и ведер. Разъяренный Маринин супруг рвался из своей каморки. Мне пришлось поторопиться, но я все же успела и мирным, прогуливающимся ангелом возникла в холле как раз в тот момент, когда обманутый муж наконец справился с нагромождениями хозяйственного инвентаря.

- Ах ты, гад! Ах ты, сволота позорная! - Грозный, как Кинг-Конг, он возник из-за колонны. - Значит, это правда? Значит, ты с моей женой?..

Марина предусмотрительно отошла в сторону, Карпенко побледнел. А «ангел-спаситель», как бы вдруг сориентировавшись в ситуации, приступил к исполнению своих обязанностей.

- Мужчина! - проверещала я на редкость противным голосом. - Оставьте его в покое! При чем тут ваша жена? Мы с молодым человеком выясняли свои отношения. Сначала девушка эта появилась и помешала, потом вы выскакиваете...

На всем протяжении своей гневной тирады я многозначительно и неуклюже подмигивала несчастному Карпенко. Подмигивание должно было означать:

«Я все понимаю. Я вам помогу. Только подыграйте мне».

Марина в сторонке давилась от смеха. А Карпенко кривился, бледнел, зеленел, но все же пытался Улыбнуться.

- Да, - выдавил он наконец с непринужденностью Сизифа, закатывающего камень в гору, - чего ты, собственно, раскричался? Твоя жена только что вошла, а эта... эта женщина - моя знакомая. Мы разговаривали...

Все, конечно, было шито белыми нитками. Причем крупными, нарочитыми стежками. Но у Карпенко просто не оставалось другого выхода, а у мужа Марины, к счастью, было здоровое чувство юмора. Поэтому когда Марина предложила:

- Саш, правда, успокойся! Пойдем лучше обратно в зал. И этот пусть идет... со своей подружкой, - он только плотоядно усмехнулся:

- Конечно, пойдем! Давай, Макс, представь свою Дульсинею гостям!

- Да-да, представьте меня гостям! - встряла я. Карпенко попытался выкрутиться, пробормотав, что все это ни к чему и совершенно излишне. Но улизнуть ему не позволили. В результате в банкетный зал, где сидели немецкие гости и их русские партнеры по бизнесу, мы вернулись чинными парами: Марина с мужем и я с Карпенко.

Бедный, бедный Макс! Как жалобно и просяще смотрел он на Маринино мужа - человека, на деньги которого он работал, как пристыженно на немцев, с которыми собирался заключать миллионный контракт. А фрицы по-рыбы ловили ртами воздух, пытаясь продышаться сквозь плотное облако моего дешевого одеколона, и в крайнем недоумении разглядывали спутницу своего будущего партнера - неуклюжую, толстозадую бабенку в китайском «адидасовском» костюме, с обрюзгшими щеками, пористым носом и здоровенным фингалом под глазом. Причем пока они еще не знали, что я стану жеманно улыбаться, кушать форель руками и, лихо дирижуя, призывать всех присутствующих хором спеть:

«Вчера в Берлине под мостом поймали Гитлера с хвостом».

Через четверть часа бледно-зеленый Карпенко вывел меня в коридор, нервно сунул сто долларов и попросил немедленно сгинуть. Пришлось гордо удалиться. Но я почему-то была уверена, что пятнадцати минут моего «звездного» присутствия оказалось более чем достаточно. Ох, не зря все-таки и по актерскому мастерству, и по гриму мне в свое время выставили твердые, без всяких натяжек, пятерки!..

В общем, все это было, конечно, довольно весело. Я неплохо зарабатывала, параллельно проигрывая интересные с актерской точки зрения ситуации. Но счастливее от этого почему-то не становилась. Работа для денег оставалась работой для денег, театр - театром, Пашков - Пашковым, а я - несчастной влюбленной душой. Душой, умудрившейся сегодняшним разговором с Витькой Сударевым отрезать себе все пути к отступлению.

Я ехала домой и думала о том, что будущее мое - уныло и беспросветно, как осеннее небо, о том, что встреча с очередной клиенткой нужна мне сегодня как рыбке зонтик, и о том, что работать все-таки необходимо. Поэтому когда в 19.00 черноволосая женщина вошла в кафе «Лилия», села за столик напротив меня и сказала, что надо как следует наказать одного театрального режиссера, я только привычно кивнула и ответила::

- Раз надо - накажем.

Возможно, тогда мне следовало просто прислушаться, чтобы услышать за спиной близкое и загнанное дыхание Смерти...

Он выглядел именно так, как я себе его представляла, и чуть похуже, чем на фотографии, которую показала мне новая заказчица Ольга. Широкое лицо, небольшие темные глазки и небрежно обмотанный вокруг шеи синий шарф - шарф пожилого мальчика-хулигана с соседнего двора. На столе перед Вадимом Петровичем Бирюковым стояла кастрюля с вареной картошкой и пустая водочная стопка.

Впрочем, водочные стопки были пустыми у половины присутствующих, поэтому народ пребывал в состоянии радостного возбуждения. На единственном свободном кресле валялся всеми позабытый букетик гвоздик и оранжевый воздушный шарик, густо исписанный фломастером.

«Ну, елки-палки!» - досадливо подумала я, поняв, что вместо нормальной репетиции меня угораздило попасть на чей-то день рождения. Видимо, что-то в этом духе с редким единодушием подумали и актеры, сидящие в комнате: взгляды, устремленные на меня, были лишены даже тени энтузиазма. Посторонних на таких сборищах не жаловали - мне-то это было отлично известно. Но отступать не имело смысла. Я улыбнулась осторожно и заискивающе, как интеллигент, по ошибке попавший в женскую баню, деликатно прокашлялась и пискнула:

- Вадим Петрович, мне бы с вами побеседовать...

Женская часть труппы немедленно принялась переглядываться иронично и многозначительно.

- Побесе-е-довать! - тихо, но насмешливо протянул кто-то в углу. И я поняла, что Ольга ничего не сочинила...

- Бирюков - стопроцентный, неисправимый кобель, - говорила она, докуривая одну сигарету и тут же доставая из пачки следующую. - Ни одной, вы понимаете, ни одной в труппе нет симпатичной женщины, с которой бы он в свое время не переспал! И главное, как говорится, - ни кожи, ни рожи, а ведь умудряется же! Приходит новенькая девочка - и уже через месяц, рыдая, вылавливает его по коридорам и туалетам, руки ему целовать готова!

- Ну, в общем, известный типаж! - усмехалась я. Типаж действительно был известным. По моему, в каждом уважающем себя театре имелся такой вот Казанова местного разлива, сильно осложняющий жизнь женскому полу.

- Да нет, наоборот, феномен какой-то. - Сигарета в Ольгиных пальцах сухо хрустела. В чашечке остывал кофе. - Все попадают! Вы понимаете, все! И я вот тоже... Верите, и представить не могла, что будет так плохо...

Это было не столько плохо, сколько обидно. Даже я, при моем скудном девичьем умишке и посредственной внешности, умудрилась избежать сей банальной участи, проигнорировав в свое время знаки внимания со стороны нашего «премьера». А она - типичная «героиня», с низким, красивым голосом, сочными губами и великолепной дикцией - и надо же!.. В сапогах на высоких, тонких каблуках Ольга была выше меня почти на голову. Наш старенький главреж от женщин такого типа сходил с ума. «Вот они созданы для сцены, они! - вопил он, воздевая руки к потолку. - А не вы, мыши писклявые. И посмотреть зрителю есть на что, и слуховой аппарат брать с собой в зал не надо». Радовало то, что Ольга была не только красивой, но и умной -

пришла со своим готовым планом. А еще она была мстительной. Честное слово, в последнее время мне нравились женщины, склонные к вендетте!..

- Так о чем же вы хотели со мной побеседовать? - игриво спросил Вадим Петрович Бирюков, и я поняла, что наживка проглочена.

После сказочки про безработную актрису, жаждущую играть именно в этом театре, мне немедленно выдали маленький граненый стакан из тех, которыми бабушки обычно отмеряют семечки. Вместо семечек в стакане плескалась водка. Я выпила спокойно и с достоинством. Но женщины отчего-то не стали смотреть на меня более дружелюбно. Я даже пожалела, что среди них сегодня нет Ольги. (Она сказала, что слишком волнуется и боится «проколоться», поэтому присутствовать будет только на финальной части представления). Мужские же взгляды несколько потеплели. И хотя я в своем выпендренном розовом костюме от Тома Клайма смотрелась на общем фоне как вражеский лазутчик, мне тем не менее выделили четвертинку яблока и соленый огурец - закуску, по театральным меркам, просто царскую.

Выпили по второй. Особых флюидов мужской неотразимости, источаемых Бирюковым, я пока не замечала. Да и он сам, как ни странно, никакой активности пока не проявлял: как будто бы перед ним сидела не актриса, недвусмысленно заявившая о своем бурном желании творить под его руководством, а бомжиха, забредшая на рюмочку водки. Впрочем, хитрым карим глазом все-таки косил.

«Дозреешь!» - равнодушно подумала я и согласилась выпить по третьей.

Народ потихоньку расслаблялся, растекался со своими стаканами по комнате, начинал кучковаться небольшими группками. Где-то активно обсуждали вчерашний «кошмарный зрительный зал», где-то - провальную премьеру у соседей.

Естественно, не обходилось без традиционных на актерских пьянках горестных выкриков: «Я - актер (актриса)! Настоящий актер (актриса)! А играть не дают! А я могу так, как никто не может!» Тощая белесая девица неопределенных лет, похожая на хворую лабораторную крысу, пыталась сфокусировать взгляд на альбоме репродукций старинных икон и донимала соседа нудным вопросом: «Почему на картинке 'Сошествие во ад' столько святых с нимбами? И почему, вообще, они (святые) идут в ад?» Успокоилась она только тогда, когда сосед, значительно более трезвый, чем она сама, авторитетно пояснил, что у святых, вероятно, экскурсия. Я подавила смехок. И вот тут-то Бирюков, улучив момент, коварно поинтересовался:

- Женя, а вот можете вы прямо сейчас спеть? Только что-нибудь очень-очень печальное.

Я немедленно поднялась и дурнинушкой завывала: «Зачем вы, девушки, красивых любите?». При этом, выразительно косясь на Вадима Петровича, я вкладывала в песню философский подтекст: «И в самом деле, зачем красивых? С такими-то вот страхолюдинами, наверное, проблем поменьше». Бирюков, однако, приятно краснел, и во взгляде его постепенно проявлялся интерес коллекционера, обнаружившего прелюбопытный экземпляр.

Не давая ему остыть, я оборвала куплет на самом жалостном месте и радостно сообщила:

- А я еще и почитать могу!

Расшвыряла ногами соседние стулья и принялась с громкими завываниями исполнять хрестоматийный монолог истерзанной Лауренсии из «Овечьего источника».

На сакраментальных строчках «каких злодей ни измышлял угроз, насилий, слов жестоких, пытаюсь чистотой моей насытить изменную похоть!» лицо мое приняло несколько мечтательное выражение. А в кульминационном моменте, где наш старенький главреж обычно предлагал немного приподнять подол, я и вовсе проявила такое рвение, что Вадим Петрович, потрясенно выдохнув: «Какой интересный образ! С вами обязательно надо поработать!» - подхватил меня под руку и вытащил из «банкетного зала». Кто-то из женщин выразительно хохотнул.

Без особой, впрочем, радости. Мы же удалились в соседний кабинет, где стоял телевизор, видеошник и электрический чайник.

- Ну, так что же, Женечка, - значительно потеплевшим голосом пропел Бирюков, усаживаясь рядом со мной на диван, - действительно хочешь работать со мной?

- Очень, - не моргнув глазом соврала я.

- Что ж, мне нужна экстрапластичная суперактриса, которая не ставит себе сверхзадач, когда режиссер просто-напросто требует раздеться на сцене.

«Чего-чего?» - захотелось переспросить мне. Однако Вадим Петрович, не делая пауз, продолжал:

- Мне кажется, мы с тобой подружимся. И знаешь, у меня к тебе просьба: называй меня просто Вадик!

Мумия Тутанхамона вызывала бы примерно столь же горячее желание называть ее просто Тутиком, но я собрала с силами и выдавила:

- Хорошо... Вадик.

- Вот и отлично! - Он окончательно повеселел. - А ты знаешь, у меня ведь есть сын восемнадцати лет, и, когда мы с ним идем по улице, нас все принимают за ровесников. Так что возраст - понятие относительное,.

Немного помолчал и тревожно поинтересовался:

- А почему ты не спрашиваешь, женат ли я? Впрочем, я и так скажу, что разведен!

На самом деле больше всего мне хотелось выяснить, чем таким ужасным болел его сын, если к восемнадцати годам стал выглядеть на все пятьдесят, но, вместо этого, пришлось срочно обрадоваться тому, что Вадик не состоит в законном браке.

Далее Бирюков привычным жестом потянулся к видеомagneтoфону и поставил кассету с древним советским фильмом. Фильм назывался «Эхо пожара». Ольга предупреждала, что, не изменяя традиционному ритуалу соблазнения, Вадим Петрович демонстрирует его абсолютно всем «жертвам». В картине он снимался вместе с одной театрально-киношной знаменитостью. Правда, знаменитость исполняла главную роль, а В.Бирюков подразумевался в титрах «и другие», но, по его мнению, это все равно должно было произвести сильное впечатление.

За «избранными кадрами», которые он сам просмотрел с плохо скрываемым восхищением, по словам Ольги, обычно следовал многозначительный поцелуй руки. И я уже морально приготовилась. Но тут в дверь постучали.

- Вадим Петрович! - прокричала одна из артисток, по-моему, та, которая иронизировала над моим желанием побеседовать. - За именинницу пить будете? А то поздно уже, скоро расходиться пора. Да и водки на один, от силы на два тоста осталось.

Последняя фраза возымела просто-таки волшебное действие. Бирюков живенько вскочил и бросился к двери с тревожным воплем: «Конечно буду! За именинницу выпить - святое дело!» Я уже было собралась впасть в глухое отчаяние от того, что мои чары свела на нет какая-то банальная «Гжелка», но Вадик на пороге взмолился:

- Женечка, ты ведь не уйдешь? Подожди совсем немного, я всю эту компанию по домам отправлю, и мы с тобой сможем спокойно поговорить! Договорились?

В ответ он получил утвердительный кивок и блаженно-идиотскую улыбку.

Минут через пятнадцать с водкой, видимо, было покончено. Народ зашевелился, зашуршал и затопал. На прощанье пьяно и весело запели ностальгические куплеты про несчастную гимназистку, которая «шила гладью», а потом «пошла в артистки и стала...» в общем, без отрыва от производства, приобрела еще одну, новую профессию.

- Идите, идите, сам все закрою! - торопливо убеждал кого-то Бирюков. - Да, конечно. Завтра сбор, как всегда, в десять. Все занятые в спектакле. И еще Трошин с Каюмовой.

Пока все шло по плану. Что будет дальше, я знала опять же от Ольги.

Вадик запрет на ключ все гримерки и оба выхода на сцену, предложит мне спуститься в зал, может быть, нальет коньяку. Для остроты восприятия. Сам нажмет на кнопку, часть сцены станет медленно вращаться. И вот тогда начнется...

Уже спускаясь в партер, я лениво удивлялась тому, насколько неоригинальны и неизобретательны мужики. Взять того же Бирюкова! Идея, может, и сомнительная, но по крайней мере интересная. Так нет же - надо все испортить, повторяя один и тот же номер бесконечное число раз! Вот сейчас он, пытая и нервно закидывая конец синего шарфа на плечо, выволочет из-за кулис стену из бутафорских булыжников, по диаметру перегородит вращающийся круг, водрузит рядом искусственное деревце - уродливый гибрид березки и пальмы...

- Потом, - говорила Ольга, - потребуются только ваша хорошая реакция. Он взгромоздится на круг, спрячется за стеной, выедет к зрительному залу и пламенно прочтет монолог Гамлета. Скинет в зал шарф и вместе со сценой поедет дальше. Потом Ромео. На Ромео он обычно

снимает куртку. А дальше такая порнушка - даже не знаю, где он ее вычитал! В конце концов мой драгоценный Бирюков предстанет перед вами в первозданном виде и страстно призовет взойти к нему. Вот такой стриптиз... Кстати, как ни странно, впечатляет... В общем, вы дожидаетесь, пока он останется в чем мама родила, хватаете его вещи (они все будут в зале валяться) и бежите к выходу. Ключи в кармане куртки, дверь снаружи закрывается легко... Ну а я уж утром вместе со всеми подойду к залу, полюбуюсь, так сказать... Оставшиеся деньги передам вам здесь же, в кафе...

Деньги, кстати, она должна была мне немалые и аванс заплатила хороший.

Меня несказанно радовало, что пока все идет так, как надо. Я уселась в первый ряд. Вадик закончил возиться со своей стеной, снова убежал за кулисы, погасил софиты.

- Женя, - проговорил он проникновенно и страстно, возвращаясь к своей бутафорской березке, - Женя, я верю, что мы с тобой ощутим друг друга. Мужчина и женщина - они ведь Богом созданы для того, чтобы ощущать. Ты согласна?

Пришлось снова кивнуть. Из головы моей не шла мысль о том, как он будет себя чувствовать, бедненький, когда останется в пустом запертом зале. Разве что в занавес замотается, когда вахтерша откроет дверь запасным ключом и добрая половина трупы ввалится на утреннюю репетицию?

Бирюков тем временем начал входить в творческий транс: прикрыл глаза, смахнул челку со лба, потеревил шарф и... уехал от меня вместе со сценой. Я даже вздрогнула, когда он вдруг снова явился пред моими очами и грозно поинтересовался:

- Быть или не быть?

К сожалению, мне нечего было ему подсказать, но он тут же печально констатировал:

- Вот в чем вопрос.

Далее по тексту Уильяма Шекспира. Правда, монолог Гамлета был изрядно подсокращен, поэтому помянуть его в своих молитвах гражданин Бирюков попросил, как раз перед тем, как начать второй круг. И прощально швырнул в зал синий шарф.

На втором заходе он потребовал, чтобы я стала у окна и убила луну соседством. При этом Вадик был на редкость агрессивен, и я не сразу догадалась, что это - монолог Ромео.

- Плат девственницы жалок и невзрачен! - убеждал меня Бирюков. - Он не к лицу тебе. Сними его!

Я краснела и смущалась.

Когда бутафорская стена повернулась ко мне торцом, в партер полетела заветная куртка с ключами. И тут меня посетила весьма здравая мысль: ключики-то надо вытащить из кармана заранее! Дождавшись, пока Бирюков скроется из поля моего зрения, я метнулась вдоль ряда, согнувшись в три погибели, залезла под кресло (куртка улетела именно туда), а когда выпрямилась...

Сцена по-прежнему медленно вращалась вместе с декорациями. А он лежал между нагромождением картонных булыжников и чахлым деревцем с марлевой потрепанной листвой. Лежал с невыразимой актерской естественностью, как будто только что закончил читать финальный монолог какой-то трагедии и умер согласно роли. Его голова была неудобно запрокинута, рука с серебряным перстнем на пальце судорожно сжимала ствол бутафорской березки. Мизансцена получалась отличная. И он сам наверняка похлопал бы ее автору, если б мог. Но он уже не мог ничего: ни завидовать, ни радоваться чужому успеху, ни тискать по углам молоденьких артисток. Из его груди торчала длинная, матово поблескивающая рукоять ножа, по рубашке расплывалось неровное бурое пятно. А воздух постепенно пропитывался липким и тошнотворным запахом свежей крови.

Было около полуночи - время теней и призраков. Он лежал и улыбался мертвой улыбкой балаганного Петрушки. Как будто там, на потолке, среди стропил и балясин, видел что-то такое, чего не дано увидеть тем, кто пока еще жив.

Пару минут я, стоя с этой дурацкой курткой в руках, просто пыталась продышаться сквозь охвативший меня ужас, а потом завизжала страшно, пронзительно и отчаянно...

Наверное, даже тяжелый бархатный занавес трепетал от моего визга, как парус на ветру. Но я не видела занавеса. Я видела только белую руку, вцепившуюся в несчастную березку,

серебряную печатку, поблескивающую на толстом пальце, и кровь - настоящую, не бутафорскую, густую, словно вишневый сок.

Мертвый Бирюков проехал совсем рядом со мной и неспешно покатился дальше. Механизм под сценой гаденько скрипнул. Я наконец опомнилась, судорожно сглотнула и, по-прежнему прижимая к груди куртку, начала пятиться. Мимо кресел, наполовину зачехленных, будто наспех одетых в белые саваны, мимо обшарпанных и серых стеновых панелей.

Шаг, еще шаг, еще... Господи, как страшно и зловеще скрипит пол под ногами! Как далеко еще до выхода из зала! Шаг, еще шаг, еще два шага... И тут раздался стук. Нстойчивый, сердитый, почти требовательный, он доносился откуда-то из глубины сцены. Мне было отлично известно, что, кроме трех рядов кулис, кирпичной задней стены и двух запертых дверей, ведущих в подсобные коридорчики, там ничего нет - убийце негде спрятаться. Я не верила в невидимок в любом их агрегатном состоянии - хоть в виде шапок, хоть в виде готовых людей.

Не верила в бестелесных зловещих призраков. Но еще меньше я верила в самостоятельно летающие убийственные клинки. Поэтому немедленно завизжала снова. Еще громче, еще отчаяннее, еще пронзительнее.

- Эй, вы что там, все с ума посходили? - злобно осведомился вполне земной женский голос.

И я заткнулась.

Голос доносился оттуда же, откуда несколько секунд назад стук - а именно из-за закрытой правой двери. Кстати, стук немедленно возобновился. Слегка накренившись влево, я увидела, что дверь, которую последний раз подкрашивали лет двести назад, даже мелко сотрясается под чьими-то ударами.

- Ай, мамочки! - против воли вырвалось из моего горла.

- Какие «мамочки» в двенадцать ночи? - недружелюбно отозвались из подсобного коридорчика. - Выпустите меня отсюда! Вы что, совсем обалдели, что ли? Мамочки... Папочки!

Я молчала не в силах произнести ни слова.

- Вадим Петрович! - теперь уже заканючила неизвестная. - Откройте! Ну, пожалуйста! Вадим Петрович, вы здесь?

Вадим Петрович был здесь. Он в очередной раз медленно выплывал к зрительному залу, но открыть, по понятным причинам, не мог. У меня же было два выхода: либо рвануть из зала в холл - пустой, темный и жуткий, либо, воспользовавшись ключами из режиссерской куртки, все-таки отпереть дверь, за которой сидел кто-то живой. Попытавшись пошевелить своими окоченевшими от ужаса мозгами, я все-таки выбрала второе, сообразив, что этот «кто-то» вряд ли мог оказаться убийцей. Не запер же он сам себя снаружи.

- А там кто? - жалобно спросила я, взбираясь на сцену и вжимаясь спиной в кулисы, чтобы, не дай Бог, не наступить на злосчастный круг.

- Дед Пихто! - незамедлительно ответили из-за двери. - Это ты, что ли, крыса плоская? Открывай давай, Лауренсия гребаная!

Отсыл к Лауренсии, так живо изображенной мной всего несколько часов назад, не оставлял сомнений в том, что «плоская крыса» - это тоже про меня. В другое время я бы поспорила на тему того, что грудь пятого размера - единственный признак сексуальности, но не сейчас. Тем более, что неизвестная за дверью уже кричала:

- Бирюков где? Скажи ему, что меня здесь заперли.

- Кого - вас? - Моя бдительность не знала границ, что было вполне объяснимо.

- Каюмову Наталью Викторовну. Паспорт серии IV-ЕТ, номер 686598... Тебе это о чем-нибудь говорит?

Паспортные данные мне ни о чем не говорили, а вот фамилию Каюмова я, кажется, слышала от покойного Вадика. К тому же разъяренный, но вполне человеческий голос Натальи Викторовны, как ни странно, успокаивал. На сердце стало легко настолько, насколько вообще может быть, когда перед носом с интервалом в пять минут проплывает труп с ножом в груди.

- А как вы там оказались?

- Заперли меня. Уснула под пальто. Устала и уснула... Еще что-нибудь волнует?

- Вадим Петрович - мертвый, - дрожащим голосом призналась я, поскольку этот факт на данный момент волновал меня больше всего. - Что делать - не знаю...

За дверью с минуту посопели - то ли задумчиво, то ли потрясенно, потом все-таки потрясенно отозвались:

- Да-а-а! Всяких я баб видела, но чтобы до такой степени простых! Ну как три рубля! А ничего ты с ним уже не сделаешь из того, что собиралась. Он же алкаш, не знала, что ли? Натуральный, обычный алкаш. Пьет, пьет - вроде бы нормально, а потом раз - и с копыт! Это он из-за «Северного сияния», наверное.

Пустая бутылка из-под «Советского полусладкого» действительно стояла на столе в «банкетном зале», и, возможно, Вадим Петрович на самом деле пил последний в своей жизни сногшибательный коктейль. Но клинок, торчащий из груди, не оставлял сомнений в том, что основная причина все-таки не в водке, смешанной с шампанским.

- Да нет, он в прямом смысле мертвый, - всхлипнула я, просовывая ключ в замочную скважину. Проводить и дальше переговоры через дверь казалось мне бессмысленным и глупым. - Убили его. Ножом. Совсем недавно...

Дверь, древняя, как динозавр, к моему великому удивлению, открылась легко и бесшумно, и из темноты коридора на сцену выползла та самая белобрысая девица, которая интересовалась экскурсией святых в ад. Учитывая ее тогдашнее состояние, совсем неудивительно было то, что Наталья Викторовна в конце концов устала и безмятежно уснула под пальто. Косметика окончательно смазалась с ее лица, и вид она теперь имела самый что ни на есть непрезентабельный. Конечно, я, умытая, тоже не Нефертити. Но ее положение осложнялось тем, что она была натуральной блондинкой и, соответственно, с белыми бровями и ресницами.

Увидев мертвого Вадика, как раз проплывающего мимо нас, Каюмова испуганно распахнула свои опухшие глаза и сдавленно ахнула. Тяжелый запах крови тянулся за Бирюковым, как шлейф мертвого короля.

- Вы что тут, все с ума посходили? - снова проговорила она, но уже значительно более растерянно, и привалилась спиной к двери. - Кошмар какой-то!

Минут за десять мне удалось убедить ее в том, что не я - автор кошмара.

Еще минут за пятнадцать - вкратце объяснить, кто я и что на самом деле здесь делаю.

- Значит, ты хорошая девка, - печально резюмировала Наталья, как-то сразу проникаясь благородством моей миссии. - Жалко, что, кроме меня, тебе никто не поверит...

Смертный одр в виде роскошного дивана, заваленного хризантемами, всего на секунду возник перед моим мысленным взором, чтобы тут же уступить место тюремной койке с голой панцирной сеткой.

- Да я сама себе не верю! - Мои дрожащие губы потихоньку отказывались слушаться. - Ну как? Как, скажи? Двери все закрыты. На ключ! Эти полторы кулисины жалкие, занавес, стена. Тут ведь даже спрятаться негде... Слушай, а может, он сам - того?

Каюмова посмотрела на меня с глубокой жалостью, как на неизлечимо больную, отодвинула рукой занавес и выглянула в зрительный зал.

- Вот все понимаю, - выдала она через пару минуту, - кроме одного: почему ты не услышала, как дверь заскрипела? У нас же тут все скрипит, точно несмазанная телега. Хотя ты так визжала, что маневровый паровоз запросто могла заглушить.

- Какая дверь? - Я зябко поежилась.

- Входная, естественно. Дверь из зала в холл... Должен же был он как-то выйти отсюда?

При всем моем отупении я почему-то сразу поняла, что речь идет об убийце, а не о несчастном Вадике, который никуда уходить не собирался и продолжал мирно кататься на своей чудовищной карусельке.

Наталья между тем продолжала:

- До зала он доехал, скорее всего, вместе с Вадим Петровичем. Потом прыгнул... Ты как раз очень вовремя влево метнулась за курткой этой дурацкой. Спрыгнул, значит, и побежал. Если в какой-нибудь мягкой обуви, то вполне могло быть не слышно. Бежал явно вдоль стены, по правой стороне. Стена серая, света в зале нет. Какую-нибудь хламидку темную на себя накинуть - и все! До двери-то тут, Господи, метров двадцать от силы!

- Подожди, но где...

- Объясняю. - Каюмова многозначительно воздела к потолку указательный палец и аккуратненько, по периметру, обошла зловещий круг. - Помещение у нас, конечно, убогое, - она

остановилась у задней кирпичной стены и с неожиданной легкостью сдвинула ее в сторону, - но не настолько, насколько ты думаешь. Коробок глубиной в четыре метра, по-моему, даже в самых дерьмовых Домах культуры не бывает... Задник это, а не стена! Обычный, только классный задник. С каким-то там «рельефным кирпичным напылением». Театр за него, кстати, бешеные бабки отвалил. Для «Овода» делали... А позади еще метров шесть свободных. Там стадо слонов спрятаться влегкую может - не то что убийца!

Страх, немного ослабевший с появлением Натальи, снова ледяным холодом пронзил мое тело. Мне вдруг мгновенно и ярко представилось, как убийца в серой хламиде с капюшоном бесшумно прыгает на вращающийся круг сцены, зажимает ладонью раскрывшийся в беззвучном крике рот Бирюкова и всаживает ему в грудь клинок. Потом хладнокровно доезжает вместе с трупом до зрительного зала, неслышно спрыгивает (о, мои небесные ангелы-хранители, к счастью чрезвычайно вовремя запихавшие меня под кресло!), бежит вдоль темной стены, черной длинной тенью проскальзывает в дверь...

- Ужас! - слабо выдохнула я.

- Ужас, - согласилась Каюмова. - Но Петровича, честно говоря, не очень-то жалко. О покойниках, конечно, плохо не говорят, но, между нами - девочками, говно он был, а не мужик...

Некоторое время мы тупо и отрешенно молчали, глядя каждая прямо перед собой. А потом Наталья предложила:

- Водки хочешь?

Я кивнула. Она все так же молча скрылась за дверью, через пару минут вернулась с запечатанной бутылкой «Московской» и двумя стаканами, коротко объяснила: «НЗ» - и принялась откручивать крышку. Разлили. Выпили.

- Почему ты не сбегашь? - спросила я, осторожно косясь на Вадима Петровича и почему-то вспоминая знаменитые часы в театре Образцова: куклы в окошках часов появлялись с тем же нудным и неотвратимым постоянством.

- А мне тебя жалко. - Каюмова промокнула рот тыльной стороной ладони. - Жалко - и все. Потому как, повторюсь, нормальная ты баба. И делом праведным занимаешься.

- Праведным! Я же за это деньги беру. Вот Боженька меня и наказал.

- Это вон его Боженька наказал. - Она как-то лениво махнула рукой в сторону усопшего режиссера. - А тебе надо думать, как выпутываться. Так что кончай строить из себя благородного частного детектива и колись по-быстренькому, кто из наших девок тебе его заказал. Ионина? Старцева? Аладенская? Лобанова?..

- Не знаю я ее фамилию. Зовут Ольга... Высокая такая, красивая. Голос очень четко поставленный. В общем, «героиня». Что еще? Волосы черные, густые. Пальто светло-кофейное легкое. Лохматенькое...

- Лохматенькое! - хмыкнула Наталья. Снова повторила: - Лохматенькое, - но уже не так весело. А потом улыбнулась мне доброй улыбкой стоматолога, включающего бормашину. - Все, Женька, вешайся! Нет у нас такой девки в трупке и никогда не было. Одна у нас «героиня» - Аладенская. Только она рыжая и ростом метр шестьдесят. Так что или я идиотка, или тебя очень конкретно подставили.

Господи, с каким энтузиазмом я выбрала бы первый вариант! Но белобрысая Каюмова, к сожалению, не была похожа на идиотку. Печальная логика прослеживалась во всем, что она говорила: да, убийца вполне мог спрятаться за задником, хладнокровно спрыгнуть в зрительный зал и выбежать в холл, да, меня могли нанять специально за тем, чтобы на месте преступления рядом с холодным трупом оказалась растерянная и глупая коза отпущения. И я, кажется, сделала все для того, чтобы увязнуть совсем уж по уши: познакомилась с Бирюковым на глазах у всей трупы, недвусмысленно дала понять, что собираюсь провести с ним всю ночь, еще и клоунские репризы тут показывала - как нарочно, чтобы меня получше запомнили!

- Поешь ты, кстати, классно, - неожиданно выдала Каюмова, словно подслушав мои мысли. - А вот читаешь паршиво.

Я никак не отреагировала. Спорить о том, что читаю я на самом деле хорошо, равно как и на тему того, что мой первый номер бюстгалтера ничем не хуже ее третьего, было бессмысленно. Да и, честно говоря, не особенно хотелось.

До утра оставалось все меньше времени. Мне уже мерещились батальоны омонцев с собаками, оцепляющие театр, и грозный майор, кричащий в мегафон: «Мартынова Евгения, здание окружено, сопротивление бессмысленно! Выходите с поднятыми руками. Шаг влево, шаг вправо - расстрел на месте!»

Наталья тем временем встала, нырнула в просвет между первой кулисой и занавесом и щелкнула каким-то выключателем. Механизм под сценой обиженно рывкнул и затих, круг наконец перестал вращаться.

- Ну что, - спросила она, возвращаясь и глядя на меня со смесью интереса и сочувствия, - спасти тебя, что ли? Спасу, пожалуй. Но при одном условии: есть у меня кадр, которому тоже не мешало бы мозги вправить. Возьмемся потом за это дело?

Вообще-то в данный момент я как раз давала себе страшную клятву никогда больше не заниматься ничем подобным, и если все обойдется, то до конца дней своих играть только Лису Патрикеевну на утренниках в детском саду. Но предложение Каюмовой было слишком уж привлекательным. Мне ужасно хотелось, чтобы меня спасли. Поэтому голова моя немедленно затряслась, как в нервном тике (что должно было означать серию сдержанных кивков), из горла вырвалось что-то вроде «а-а-а... да-а-а... у-у-у».

- Значит, согласна! - констатировала Наталья. - Тогда слушай сюда...

К моему великому огорчению, скоро выяснилось, что «спасатель» она весьма посредственный. Таких планов и я могла бы придумать штук пятьсот, если бы, конечно, сейчас была способна соображать. Оптимистичная Каюмова предлагала всего лишь отсрочку. Но это все же было лучше, чем ничего.

- Тебе надо найти эту бабу! - втолковывала она мне медленно, как полному и законченному олигофрену. - Это твой единственный шанс. Понятно, что ни в театр, ни в кафе она завтра не заявится. Но все равно, постарайся вспомнить еще хоть что-нибудь: может, она какие фамилии называла, или ты случайно документы ее видела...

Я так и представляла себе мою недавнюю гостью, непринужденно сыплющую фамилиями и навязчиво демонстрирующую свой паспорт. Впрочем, представляй не представляй, ситуация от этого не менялась. А Каюмова убеждала меня, что несчастного Вадима Петровича, как минимум, неделю никто не хватится. Если его спрятать, конечно.

- Запойный он, понимаешь? - объясняла она с почти веселым энтузиазмом.

Похоже, что игра в убийство ее несказанно забавляла.

- Как начинает бухать, так все - с концами! Девки наши рассказывали: просыпается утром, чувствует, что не человек, стучит к соседям и просит позвонить в театр, сказать, что Бирюков, дескать, на похороны уехал. В Ярославль там, в Гжель или в Коломну. Иногда такое ощущение возникает, что он у нас не режиссер, а агент ритуальной службы.

Раз в две недели - обязательно погребение. Ну, все, естественно, понимают, что к чему...

- А сын? - спохватилась я. - Он говорил, что у него сын восемнадцатилетний.

- Да нет никакого сына! Врет он все. Легенда такая же, как про похороны.

Он у нас дяденька умный и совершенно правильно считает, что разведенный это несколько романтичнее, чем старый драный кобель. Вот и придумал себе несчастный брак и орла-сына. Он тебе, кстати, не рассказывал еще, как его бывшая жена под балконом ночью стояла и на весь двор орала: «Вадик, вернись, я тебя люблю!»?

- Нет, не рассказывал.

- И не расскажет, - глубокомысленно подвела итог Наталья, покосившись на бутафорскую стену, загородившую от нас Бирюкова.

- Так, может, его тогда насовсем спрятать? В смысле... чтобы не нашли. Похоронить там, закопать?

- Видали мы таких копальщиков! - Она хмыкнула. - Легко сказать «чтобы не нашли», ты попробуй так сделать!.. Да и потом, охота тебе до самой смерти с таким камнем на шее жить? Ладно бы еще за собой следы заметала, а то за чужим дядей! Выследи ты эту бабу и сдай ее в ментовку. Ну что, будем грузиться?

От слова «грузиться» меня передернуло, как от звука, издаваемого пенопластом, ерзающим по стеклу. Каюмова же достаточно спокойно встала, минут на десять исчезла в лабиринте

гримерок и вернулась с каким-то лысым, побитым жизнью и молью пледом. Брезгливо стряхнула с него крошки, расправила жалкое подобие бахромы.

- Я его трогать не буду! - сдавленно проверещала я, указывая дрожащей рукой в сторону, где лежал покойник, и испытывая неодолимое желание рухнуть в обморок. - Ни за что не буду! Пусть лучше меня милиция поймает.

- Ну, значит, пусть поймает! - Наталья досадливо хлопнула себя ладонями по бедрам. - Мне это надо, ты скажи? Мне?! Я вот нанялась тут чужие трупы выносить! Да я могу сейчас хлопнуть дверью и уйти. И оставайся тут со своим любимым Вадим Петровичем!

- Он мне не любимый!

- А мне плевать!.. Нашли тоже труповозку!

Я хотела храбро ответить, что и без нее прекрасно обойдусь, но, вместо, этого, постыдно захлюпала носом и, решив рыдать с удобствами, уселась прямо на пыльный дощатый пол в своей розовой том-клаймовской юбке. Такого варварского отношения к хорошей одежде чувствительное сердце Каюмовой перенести не могло.

Со словами «Господи, сейчас вся задница в грязи будет. И в затычках!» она досадливо махнула рукой и деловито направилась на ту сторону круга. Минут через десять Вадим Петрович был аккуратно упакован, обвязан каким-то бумажным шпагатом и даже выкачен к рампе. В качестве тюка он выглядел куда как менее жутко. Кроме того, я почувствовала угрызения совести. Поэтому, размазав слезы по щекам, встала, подошла к краю сцены и пристыженно спросила, за какую сторону братья.

Мне достались ноги с прекрасно прощупывающимися через плед рельефными подошвами ботинок, несчастной Наталье - голова.

- Зачем же при жизни ты так много жрал-то, Господи? - горько поинтересовалась она, с кряхтением поднимая свой край. Вопрос, адресованный Бирюкову, прозвучал, конечно, несколько богохульственно. Но с Небес, как, впрочем, и из тюка, ответа почему-то не последовало.

На то, чтобы вытащить Вадима Петровича из здания театра, ушло не меньше пятнадцати минут. Еще столько же времени мы заталкивали его на заднее сиденье каюмовского красного «Москвича», стоящего у парадного подъезда. Зато когда тюк наконец занял желаемое положение, Наталья вздохнула почти умильно:

- Боже ты мой! Как будто всю жизнь тут и лежал!

Мы сели и поехали. По полутемным дворам с ямами в асфальте и торчащими там и сям «ракушками», по переулкам, коварно заканчивающимся помойными баками, по газонам, хлюпающим осенней грязью. Когда впереди засиял желтоватым светом фонарей и неоновыми отблесками рекламы широкий проспект, я задала наконец мучающий меня вопрос:

- А куда мы, собственно, едем?

- За Кольцевую, естественно! - изумилась Каюмова. - Куда еще? Остановимся, где побезлюднее, и скинем Вадим Петровича в овраг или в речку. С речкой вариант попроще, конечно. Но и овраг тоже неплохо. А еще лучше - какая-нибудь нора! Медвежья там или барсучья...

В глазах Натальи горел такой азарт, словно она всю жизнь занималась ликвидацией режиссерских трупов и испытывала при этом несказанное удовольствие.

Я же по-прежнему ощущала только противную беготню мурашек по всей поверхности моего несчастного тела. Кстати, на последней каюмовской реплике мурашки резко ускорили темп и перешли с трусцы на лихую рысь.

- Ты что?! - Мои глаза округлились и расширились до ненормальных размеров. - Какая нора?! Какой овраг?! Он ведь живой человек... То есть был живым человеком! Как же можно с ним так не по-людски? Неужели бросить, как собаку, в какую-то вонючую речку, и все?!

- А ты предлагаешь еще похоронный оркестр заказать?

- Вот только утрировать не надо!

- Ну слава Богу! Значит, обойдемся одними венками и траурными букетами.

Натальины легкомыслие и жестокосердие просто шокировали. Конечно, вполне возможно, что Бирюков был не самым лучшим из людей, однако участи быть погребенным в мерзкой барсучьей норе явно не заслуживал. Предположив вслух, что гуманистические идеалы

человечества и основные понятия морали гражданке Каюмовой Наталье, видимо, неведомы, я угрюмо насупилась и отвернулась к окну.

До Кольцевой оставалось совсем немного, темные силуэты многоэтажек с черными, спящими окнами сливались впереди с лесополосой.

- Подъезжаем, - предупредила моя соучастница, резко забирая вправо. И тут прямо перед нами, как из-под земли, возник милицейский «уазик» с беззвучно и страшно крутящейся синей мигалкой. Возле машины стояли двое крепких парней в серой форме. Заметив нас, один из них повелительно взмахнул полосатым жезлом.

Более ужасно при торможении чувствовал себя, вероятно, только тот котенок из анекдота, едущий попой по наждачной бумаге. От страха я мгновенно вспотела и начала тихо икать. Каюмова сделалась похожей на лабораторную мышь, приготовленную к усыплению и знающую об этом. И только Вадим Петрович в своем тюке остался недвижим и величаво спокоен.

- Добрый вечер, девушки! Точнее, ночь. - Сержант с жезлом неспешно подошел к нашему «москвичонку» и склонился к окну. - Куда это мы едем в такую пору?

Я икнула с неизбывной печалью и, преданно глядя в его светлые глаза, начала лихорадочно прокручивать в мозгу возможные варианты ответа. Вероятно, тем же занялась и Наталья, только она при этом еще и по-рыбьи разевала рот.

Парочкой, что и говорить, мы были весьма колоритной. Милицционер же терпеливо ждал.

Мысленно отринув варианты «за грибами», «на дачу» и «к бабушке», я уже готовилась сказать что-нибудь умное про «бизнес-вож», когда, к моему ужасу, из горла Каюмовой вырвалось сначала тихое сипение, а потом бесподобное в своей оригинальности «На свиноферму!».

- Куда? - не понял страж закона.

- На свиноферму! - заторопилась Наталья. - Тут же свиноферма совсем рядом, в Колядкино. А смена там очень рано начинается, в пять утра. Свинок надо кормить, поросятки всяких, чушек, хрюшек...

К концу фразы вместе с синонимами иссяк и энтузиазм в ее голосе. Я же, наоборот, попыталась вспомнить какие-нибудь яркие моменты из моего общения с хрюшкой Дашей и придать лицу заправско свинарское выражение.

- Да, кормить, знаете ли, надо, - небрежно улыбаясь, я продолжила тихо икать и параллельно подстукивать зубами, - а еще поддоны мыть и щетину вычесывать.

- Нужное дело, - согласился сержант, с некоторым недоумением разглядывая мой вызывающе розовый декольтированный костюм и остатки вечернего макияжа. - Значит, в Колядкино, говорите?

Мы радостно кивнули.

- Ну что ж, - он поправил фуражку, - сейчас машину осмотрим, и езжайте...

- То есть как? Как - машину? В связи с чем осмотрим? - одновременно взвились наши истеричные голоса.

- В связи с чрезвычайными обстоятельствами. Да что вы волнуетесь-то так? Всех досматривают - не только вас. Выезды из города кругом перекрыты.

Мы еще не успели как следует переварить полученную информацию, а сержант уже весело поинтересовался:

- В мешочке-то что везем?

В мешочке мы везли труп. Но признаваться в этом почему-то совсем не хотелось. А еще мне не хотелось, чтобы милиционер заподозрил неладное и приступил к своему досмотру.

- Кабанчика везем! - непринужденно клацая зубами, ляпнула я, прикинув, что для мешка с картошкой Вадим Петрович недостаточно бугрист. И испуганно добавила:

- Кабанчика вот забили...

Сержант наморщил лоб, посмотрел на тюк, потом на нас, потом снова на тюк. И наконец удивленно спросил:

- А зачем же с кабанчиком на свиноферму-то? Там своих, что ли, мало?

В голове у меня как-то сразу опустело. Сердце, колотившееся в районе ключицы, ухнуло в пятки. Выручил напарник сержанта, видимо всерьез заскучавший у своей машины с мигалкой.

- Так девчонки, наверное, похвастаться решили, - весело объяснил он, подходя к нашему «москвичонку». - Смотрите, мол, какого мы хряка на балконе вырастили! Не то что вы на своих хваленых комбикормах. Эх, девчонки-девчонки, отрезали бы нам окорочок, мы бы с вами такой пикник устроили! Ну, куда, скажите, вам целый хряк?

В принципе целостность Вадима Петровича теперь уже не имела значения. Но с отрезанным окорочком он должен был выглядеть как-то, совсем уж жутко. Пытаясь отогнать кошмарное видение, я яростно замотала головой.

- Жадничаете, значит? - огорчился напарник. - Стыдно это и не по-товарищески... Ну да ладно! Съешьте тогда вашего борова за наше здоровье. А теперь давайте все-таки выйдем из машины на пару минуток. Мы салон осмотрим, и поедете к своим пороссятам.

И тут Каюмова, до этого сидевшая молча и демонстрировавшая крайнюю степень отупения, наконец очнулась.

- Обойдутся пороссята! - выкрикнула она, резко включая задний ход. - Не облезут!

Мы крутанулись на дороге, как испорченная юла, и с завидной скоростью помчались в обратном направлении, успев заметить, как удивленно вытянулись лица ментов. Похоже, они так ничего и не поняли.

Минут через десять темная полоса спальных районов за окном сменилась неоновыми вывесками ресторанов, круглосуточных супермаркетов и казино.

- Номер, наверное, запомнили, - тяжело вздохнула я, разглаживая несуществующие складки на юбке.

- Связалась с тобой на свою голову! - мрачно отозвалась Наталья.

- Теперь машину найдут...

- Таких, как ты, от общества изолировать надо...

- А таких, как ты, не надо?! - возмутилась я, подустав от нашего оперного дуэта, в котором каждый поет про свое. - С чего ты вдруг про свиноферму ляпнула? Ничего глупее придумать не могла?

- Ну раз ты такая умная, то сама и думай, куда теперь Бирюкова девать. Слышала - выезды из города перекрыты?

Новость, что и говорить, была не из приятных. Временно пристроить Вадима Петровича оказалось делом неожиданно сложным. Примерно те же проблемы возникали у меня дома, в Новосибирске, когда я пыталась кому-нибудь подсунуть на лето своего кота. Но тогда мне в худшем случае грозило поехать в отпуск вместе с вопящим, царапающимся и гадящим существом, что, конечно же, было пустячком по сравнению со сроком за умышленное убийство.

Ненавистный тюк мягко покачивался на заднем сиденье. Из-под бахромы выглядывали коричневые ботинки сорок четвертого размера.

- Слушай, а может, его в канализацию скинуть? - с надеждой предложила я, разглядывая рифленую подошву.

- Кто-то тут, кажется, говорил про гуманистические идеалы человечества и нормы морали? - изумилась Наталья. Потом торжествующе улыбнулась и заявила:

- Кстати, можешь не трястись. Я уже все придумала. Мы спрячем его в такое место, куда никто в ближайшие дней десять не сунется!

Последнюю фразу она произнесла с торжествующей, плохо скрываемой гордостью, как какой-нибудь Пуаро, готовящийся изобличить преступника. И я, видимо, отреагировала донельзя удачно, наивно спросив:

- Это куда же?

- Туда! - Ее светлые глазки заблестели от удовольствия. - У тебя на коленях его шарф и куртка.

- Ну и что? .

- А в куртке есть карман.

- Ну и что?

- А в кармане кое-что лежит!

Пришлось залезть в карман и извлечь оттуда смятый рекламный листочек.

Листочек сообщал, что тушенка со склада в Москве продается по потрясающе низким ценам. Каким образом Каюмова собирается спрятать Вадима Петровича среди банок тушенки и почему

в ближайшие десять дней тушенка впадет у покупателей в такую немилость, оставалось непонятным.

- Ну и что? - в третий раз спросила я.

- Ничего, - досадливо и обиженно отмахнулась Каюмова. - Как можно быть такой тупой? В куртке два кармана, а во втором, если ты помнишь, лежат ключи. И Бирюкова мы отвезем в квартиру. В его собственную квартиру! Там и положим.

Пусть пока лежит. А потом, если и найдут, пусть сначала докажут, что он не поехал из театра домой и его не дома прирезали.

«Москвиченок» продолжал с унылым скрипом катиться по проспекту, а я с таким же скрипом думать. Что-то не складывалось, что-то не клеивалось, что-то казалось мне странным и подозрительным.

- Слушай, - пробормотала я, нервно теребя пуговицу на жакете, - а у тебя что, тоже с ним что-то было?

- С кем? С Бирюковым?! - Наталья брезгливо оттопырила нижнюю губу. - Вот еще! Пожилые толстые гении, строящие из себя казанов, совсем не в моем вкусе... А с чего ты вдруг спросила-то?

- Да ни с чего... Просто... Просто откуда ты его адрес знаешь?

- Ах вот оно что! - Она легко рассмеялась. - Так это все знают. А еще все знают, что у Вадим Петровича на кухне самодельная облепиховая бражка стоит. Говорят, вкусная!.. И зеркало у него в спальне во всю дверь. Слухами земля полнится! Ты же сама сколько лет в театре проработала, неужели тебе такие вещи объяснять надо?

Я пристыженно улыбнулась. Однако ощущение тревоги не исчезло вовсе, оно лишь слегка поблекло.

Тем временем мы обогнули двухэтажный мебельный магазин и свернули во двор.

- Все, приехали! - сообщила Наталья, припарковываясь возле бордюра. - Выносить будем.

К счастью, абсолютно все окна в доме были темными. Жильцы мирно спали.

Мы выволокли тюк на асфальт, осторожно закрыли дверцы «москвичонка» и, сгибаясь под тяжестью Вадима Петровича, потащились к подъезду. Естественно, дом оказался пятиэтажным и не обремененным удобствами типа лифта. Конечно же на лестничных клетках не было света. Единственным плюсом можно было считать то, что дверь в квартиру открылась сразу - без тщетных дерганий за ручку и ударов бедром.

И снова в прихожей меня охватило странное и знакомое уже чувство неясной тревоги, причин которой я решительно не понимала. В квартире было темно и тихо.

На тумбочке под зеркалом лежала свернутая в трубочку газета. И зеркало, и хрустальные капельки нелепого бра поблескивали тускло и холодно.

- Куда теперь? - спросила я у Натальи, озирающейся по сторонам.

- Не знаю. В ванную, наверное, - отозвалась она, пожав плечами. - На диван или на ковер - опасно. Начнут следы крови сличать на обивке да на одежде, сообразят, что не того... Нет, в ванную надежнее!

Познания Каюмовой в области криминалистики впечатляли. Пришлось снова покорно вздохнуть и взяться за ботинки с толстой рифленой подошвой...

Ванная в квартире Бирюкова была типичной ванной вольнолюбивого холостяка. Круглое, без затей зеркало. На пластмассовой полочке - крем для бритья, стаканчик с зубной щеткой и флакон шампуня. На змеевике - сохнувшие плавки и две пары черных носков. Под раковиной - точно такие же, только грязные, носки свалены внушительной кучей.

- Тапочки принеси! - скомандовала Наталья, присев на корточки перед Вадимом Петровичем, все еще замотанным в плед. - Что он у нас в ванной в ботинках-то делать будет?.. В прихожей посмотри или в спальне...

Конечно, шастать по квартире покойного Бирюкова мне не особенно хотелось. Но еще меньше я жаждала разматывать остывшее тело с уже подсохшим кровавым пятном на груди. Поэтому послушно вышла из ванной и побрела в прихожую.

Линолеум в коридоре был совсем холодным - откуда-то сквозило. Видимо, в одной из комнат Вадим Петрович позабыл перед уходом закрыть форточку. Но меня и без того пробирала противная дрожь. Так глупо вляпаться могла только кромешная, безнадежная идиотка. А все из-

за чего?! Точнее, из-за кого? Из-за того же драгоценного Пашкова! Все несчастья в моей жизни случаются исключительно по его милости. Кто бы мне сказал еще год назад, что скоро я буду пугливой тенью пробираться по квартире свежего покойника, стремясь найти и натянуть на его мертвые, костенеющие ноги домашние тапочки!

Дурацкие висюльки на бра по-прежнему тускло мерцали. Хотелось звездануть по ним со всей силы и расплакаться от страха и усталости. Но вместо этого, я встала на четвереньки, пошарила рукой под тумбочкой, надеясь сразу обнаружить что-нибудь приемлемое из обуви. Наткнулась на тюбик губной помады, досадливо чертыхнулась, открыла тумбочку. Тапочки действительно стояли здесь - милые, уютные, с розовыми плейбоевскими зайчиками на черном вельвете. И у меня вдруг противно защипало в носу. Кошмарного, хвастливого и похотливого Вадима Петровича все-таки было жалко...

Когда я вернулась в ванную, он, уже распеленатый и разутый, лежал на полу лицом к стене. Каюмова курила, сидя на краю ванны. Взглянула на тапочки, одобрительно кивнула и снова, зажав сигарету во рту, опустила на корточки.

Двумя пальцами поправила загнутый край носка, надела тапку на левую ногу.

- Ты знаешь, - я отвела взгляд от мертвого тела и принялась с повышенным интересом изучать носки на змеевике, - мне кажется, мою голову посетила интересная мысль. Что, если в этот раз вместо соседей я сообщу в театре о том, что Бирюков «на похоронах»? Ну, приду утром к началу репетиции и скажу: так, мол, и так, мы вчера вечером поговорили, Вадим Петрович решил ввести меня во второй состав, а потом я поехала домой, и он попросил передать, что завтра уезжает на похороны... Сразу двух зайцев убиваем: и о запое в театре узнают, и я как будто ни сном ни духом - никакого греха за собой не чувствую, ни от кого не скрываюсь... Нормально ведь, да?

- Хреново! - Каюмова резко выпрямилась и стряхнула со своих острых коленей сигаретный пепел. - Бесполезно все. Ничего у нас с тобой не получится, и времени у тебя ни черта нет. Так что можешь вешаться!

- Почему?

- Потому. Потому что мы «Гамлета» сейчас репетируем. А через три дня к нам по этому поводу целая делегация от Комитета культуры приходит. Вместе с телевидением. Снимать будут, до чего наш замечательный Вадим Петрович доэкспериментировался в своей «творческой лаборатории». Так что, если режиссера не окажется на месте, его и с «похорон», и с луны выдернут. А не найдя ни там, ни там, уж точно позвонят в ментовку... Вот, блин, невезуха! Раз в жизни он кому-то понадобился, и сразу в такой неподходящий момент.

- И что же теперь делать? - растерянно спросила я. Времени на поиски Ольги оставалось в этом случае действительно катастрофически мало, хотя идея, как ее искать, у меня уже была...

- А я знаю? - Каюмова снова вытащила из кармана своей обвислой кофты пачку «Честерфилда». - Почему, вообще, я должна все знать за тебя? Ты же у нас умная, крутая, мужиков вокруг пальца обводишь на «раз-два»! Ты же приехала Москву покорять! Вот и придумай что-нибудь, пошевели мозгами!.. Из-за тебя я еще со своей машиной вляпалась - черт дернул помочь...

И тут обида, внезапная и острая, как зубная боль, пронзила меня от затылка до самых пяток. Я не понимала толком, на кого злюсь: на Наталью ли, которая сначала сама предложила помочь, а потом заныла, на Пашкова ли, из-за которого все и случилось, а вероятно, и на саму себя, растерянную и перепуганную, как глупая курица? Зато мне было совершенно ясно, что дальше так продолжаться не может. И не может дальше какая-то «хворая лабораторная мышь» тыкать меня носом в мою собственную беспомощность.

- Все! Не плачь! - Мои губы сами собой сложились в кривую усмешку. - Выкрутимся. А с «Гамлетом» поступим так... Я скажу, что заканчивала режиссерские курсы, и Вадим Петрович на время своего отсутствия попросил меня провести несколько рабочих репетиций.

На каюмовском лице прорисовались одновременно и одобрение и удивление.

- А хорошо, кстати! - Она покачала головой. - Очень даже недурственно!.. Вот видишь! Соображаешь же, когда хочешь!..

Несчастливого мертвого Вадима Петровича, заботливо обутого в тапки с зайцами, мы оставили в ванной. На лестничную площадку вышли на цыпочках и на первый этаж спустились, стараясь

даже не дышать. А уже на улице, глядя на небо, слегка розовеющее на востоке, я задумчиво проговорила:

- Вот так. Был человек - и нет человека. Хороший он там или плохой - все равно жалко...

- А мне не жалко! - Наталья стянула со своих светлых волос резинку и потрянула головой. - Вот кем хочешь меня считай, но не жалко!.. Помню, когда мы два года назад «Валюшу» вампиловскую ставили, я ему сказала: «Дайте мне, Вадим Петрович, Валюшу попробовать! Ну, чувствую я ее, и как играть - знаю!» А он мне знаешь, что ответил? «С твоей, - говорит, - фактурой только пожилых новогодних зайчиков изображать. Или шлюх дистрофичных. А это - Валюша! Это - свет и чистота!» Аладенская наша у него «свет и чистоту» играла!

Не будучи знакомой с Аладенской, всю ироничность последней фразы я оценить не могла. Но догадывалась, что Аладенская, вероятно, местное знамя сексуальной революции.

- Вот так... - Каюмова коротко вздохнула и, сев за руль «москвичонка», распахнула дверцу со стороны пассажирского сиденья. - И даже чтобы кафель в ванной был ему пухом - не пожелаю. Женщины таких вещей не прощают...

Пластмассовый зеленый будильник в виде домика с трубой заверещал, как обычно, громко и гнусно. Я с трудом разлепила глаза, взглянула на циферблат и с тоской поняла, что в китайском часовом механизме ничего не нарушилось: действительно уже восемь утра, два часа, отведенные на сон, благополучно истекли, и мне пора собираться в театр. С тихим стоном встала, включила телевизор и первым делом услышала, что на сегодня в небесной канцелярии намечены грандиозные магнитные бури. Меня уже ничто не могло ни удивить, ни огорчить. Я твердо знала: все в моей жизни теперь пойдет наперекосяк. Поэтому безропотно приняла тот факт, что в кране нет воды, вместо кофе выпила стакан подкисшего молока, лицо протерла «Огуречным» лосьоном и, благоухающая, как огородная грядка в летний полдень, вышла на автобусную остановку.

Надо заметить, что недосыпание катастрофически сказывается как на моих умственных способностях, так и на характере. Я вполне могу три дня не есть, наверное, сутки - не пить и сколь угодно долго не курить, но вот не спать - не могу! От недосыпания я делаюсь угрюмой, точно горилла в клетке, ворчливой, как старая бабка, могу ни с того ни с сего заорать, заплакать и даже начать ругаться бранными словами. Это от одного-то недосыпания!

А сегодня ко всем «прелестям жизни» добавились еще и воспоминания о том, как вчера я грузила и обувала в тапочки покойника с ножом в груди. Перед моим мысленным взором одновременно и по очереди проплывали бутафорская березка, сведенные посмертной судорогой пальцы и эти дурацкие плейбоевские зайцы с двусмысленными ухмылочками на мордах. Кроме того, ощущение, будто я пропустила, не обратила внимание на нечто очень важное, так и не проходило. Меня тошнило, морозило и клонило в сон одновременно. Ежась и мелко дрожа в своей фиолетовой куртке из микрофибры, я стояла на остановке и выискивала на горизонте либо автобус, либо родную автолайновскую маршрутку.

В конце концов маршрутка-таки подъехала. Я влезла в нее вместе с длинным и здоровым парнем, устроилась у окна и решила подремать. Но не тут-то было!

Перед Кольцевой мы попали в кошмарную пробку, водитель, обреченно махнув рукой, заглушил двигатель, а женщины на заднем сиденье тут же громко и темпераментно принялись обсуждать вопрос несвоевременного ремонта дорог в Московской области.

С дорог плавно перешли на цены и отопление, потом на воду - холодную и горячую.

Точнее, на ее отсутствие. Сначала я просто слушала и тоскливо думала: «Мне бы ваши проблемы!» Потом начала тревожиться. А когда баскетбольного вида парень сообщил мне, что уже двадцать минут десятого, то и вовсе впала в тихую панику.

Не хватало только опоздать к началу репетиции!

Впрочем, от меня уже ничего не зависело. Маршрутка вслед за грузовиком по-черепаши тронулась с места через восемь минут. Еще полчаса спустя, я угорелой кошкой выскочила из метро и ринулась в направлении театра. И вот наконец, стараясь не наступить на развязавшийся шнурок, спокойно и с достоинством вошла в полутемный зал с зачехленными креслами.

Нельзя сказать, чтобы моему появлению особенно обрадовались. Одна только Каюмова облегченно вздохнула и сделала мне знак глазами. Остальные посмотрели скорее недоуменно.

В первом ряду и на стульях, в беспорядке расставленных по сцене, сидели, кроме Натальи, еще две женщины и восемь мужчин.

- Девушка, если вы вновь «побеседовать» с Вадимом Петровичем, - скучно и явно на публику молвила шатенка в алом свитере-«лапше» и черных лосинах, - то его, к сожалению, нет. А если бы и был....

- Дело в том, что я здесь именно по поручению Вадима Петровича, - важно изрекла я, стараясь не обращать внимания на тот факт, что шатенка сидит как раз на том месте, где несколько часов назад лежал мертвый Бирюков. - Мы с ним вчера побеседовали, он объяснил мне свою концепцию «Гамлета» и... В общем, у меня уже имелся некоторый режиссерский опыт и...

- Так что же «и»? - с улыбкой поинтересовался плешивый молодой человек с легкой степенью косоглазия. Я не поняла, куда он смотрит - на меня или на дверь, из которой вчера рвалась Наталья. Испугалась, не намекает ли он, часом, на что-то, растерялась и в ужасе закусил нижнюю губу. К счастью, Каюмова, заметив признаки паники на моем лице, тут же прыгнула в зал.

- Да, девушка, - проговорила она, проходя мимо меня и как бы включаясь в общую игру, а на самом деле пребольно тыча меня своим костлявым кулаком в бок, - что-то вы очень туманно выражаетесь..

- В общем, Вадим Петрович попросил меня провести с вами несколько рабочих репетиций! - выдала я.

- Вас?... Несколько?... Несколько - это сколько? - одновременно послышалось со всех сторон.

- Я буду репетировать с вами столько, сколько будет отсутствовать Вадим Петрович.

- То есть вечно! - гнусным загробным голосом прошептала Наталья за моей спиной.

- А где, собственно, Вадим Петрович? - поинтересовался импозантный брюнет лет пятидесяти, в модной молодежной толстовке.

- Он на похоронах.

Только теперь до меня дошел весь мрачный подтекст фразы. Естественно, Каюмова и тут не смогла смолчать, ехидным шепотом переиначив знаменитую цитату из «Гамлета» про Полония и червячий ужин:

- Не там, где он хоронит, а где его хоронят.

На меня повеяло ледяным кладбищенским холодом, зато народ облегченно и как-то понимающе вздохнул.

- Ну, значит, репетиции три-четыре! - подвела итог шатенка в красном свитере. - Тогда давайте работать!..

И мы стали работать. Я, решив не пользоваться псевдонимом, представилась Мартыновой Евгенией Игоревной. Шатенка оказалась той самой распутной Аладенской. Плешивого молодого человека звали Костей Черепановым, а импозантного брюнета - Ярославом. Народ с характерной театральной ленцой, но дисциплинированно расставил стулья в нужном порядке, вытащил на сцену длинный стол и зачем-то бутафорскую дверь с огромным черным засовом.

Все уселись за стол. Ярослав, занимающий место «во главе», дежурно обнял Аладенскую. Косоглазый Костя Черепанов сиротливо притулился на углу, как девица, не планирующая в ближайшие семь лет выходить замуж.

Мои ладони второй раз в жизни вспотели от волнения, а пальцы судорожно затеребили текст.

- С чего начинать, Евгения Игоревна? - прокричала со сцены Каюмова, подпирающая дверь. - Стого, на чем Вадим Петрович закончил?

- Да-да, конечно, - суетливо согласилась я. И тут же Костя, уставившись на Аладенскую, истошно завопил: Мне кажется? Нет, есть. Я не хочу Того, что кажется. Ни плащ мой темный, Ни эти мрачные одежды, мать... За воротник своих «одежд» он подергал с какой-то уркаганской яростью. Излишне говорить, что и «мать» прозвучало отнюдь не как обращение к почтенной матушке.

...Ни бурный стон стесненного дыхания,
И все обличья, виды, знаки скорби...

При этом Черепанов интенсивно строил рожи, вероятно, намереваясь затмить Джима Керри.

...Не выразят меня: в них только то,
Что кажется и может быть игрою.
То, что во мне, правдивей, чем игра...

Тут Костя многозначительно оттопырил полу пиджака, и даже я, не искушенная в детективах и экшнах, поняла, что он как бы демонстрирует спрятанный под мышкой пистолет.

...А это все наряд и мишура!

- Вы играете Гамлета? - с тихим ужасом спросила я, стараясь поймать направление его взгляда.

- Только во втором составе, - скромно потупив косенькие глазки, ответил Костя. - Вообще-то основной Гамлет - сам Вадим Петрович.

Мне тут же стало ясно, что Черепанов - не худший вариант, и я благосклонно кивнула, разрешая продолжить репетицию.

Скоро выяснилось, что самое интересное - еще впереди. Король-Ярослав на секунду оттолкнул Гертруду-Аладенскую, лениво махнул рукой двум дюжим мальчикам, которые тут же обыскали и разоружили Гамлета, и только потом ехидно заметил:

Как трогательно и похвально, Гамлет,
Что скорбный долг отцу вы воздаете...

Затем как бы налил себе водки и лихо хряпнул, после чего выпили и остальные. Гертруда, ведущая себя как девушка по вызову при исполнении служебных обязанностей, не переставала наглаживать его коленку и нацеловывать ушко. «Пахан» вещал, все остальные внимали. Один из пирующих, похоже, чистил воображаемый автомат.

Бандитские мотивы, обнаруженные Бирюковым в шекспировской трагедии, мягко говоря, потрясали. И я с тихой профессиональной завистью думала о том, что моя осовремененная «Царевна-лягушка», рассказанная когда-то Бородину, это просто тьфу по сравнению с сим масштабным полотном.

Король тем временем закончил и ткнул локтем слишком увлекшуюся Гертруду, которая немедленно спохватилась:

Пусть мать тебя не тщетно просит, Гамлет,
Останься здесь, не ездь в Виттенберг!

Обезоруженный Черепанов, естественно, согласился не уезжать. И тут Каюмова отлепилась от двери и гаденькой походочкой прошла вдоль пирующих, собирая со стола гипотетические бутылки.

- А вы кто?! - изумилась я.

- Мальчик-пэтэушник, шестерка! - ответила она.

- А почему так странно ходите?

- Я «голубой» мальчик, - с достоинством объяснила Наталья и развела руками, как бы показывая мне: «Вот видишь, каким Бирюков был идиотом? Видишь, в каких ролях он меня видел? А ты еще хочешь, чтобы я его жалела!»

Все это было, конечно, весело. Но меня почему-то очень радовал тот факт, что даже за десять репетиций мы не дойдем до кладбищенской сцены с черепом Йорика. С другой стороны, было даже жутко представить, каким образом посланные королем Корнелий и Вольтимант станут разбираться со старым Норвежцем. В лучшем случае забудут стрелку, а в худшем... Вероятно, классические раскаленные утюги, поставленные на голый живот, покажутся просто детскими шалостями!

К концу репетиции на меня почему-то навалилась такая же неимоверная усталость, как после занятий фехтованием. Народ же был бодр и весел. Спрыгнув со сцены, Каюмова, теперь уже абсолютно легально, подошла ко мне и села в соседнее кресло:

- Трудно с нами, Евгения Игоревна?

- Да уж, - злобно процедила я, все еще не в силах простить ей шуточек про похороны и вечные репетиции, - особенно с вами. Вы совершенно не правильно представляете себе «голубых». Вам бы надо с кем-нибудь из них пообщаться.

- Ах, что вы! - отмахнулась она. - У меня в последнее время и так совсем не элитное окружение. Вот вчера вечером познакомилась с одной женщиной - мало того, что на свиноферме работает и трупы норовит по канализации рассовать, так еще и брюзга! Бывает же такое?

Пришлось согласиться, что бывает.

- А куда вы сейчас?

- Сейчас в кафе. - Я зябко поежилась. - Хочется выпить горячего кофе и съесть пару бутербродов. Есть тут неподалеку одно заведение. «Лилия» называется.

Наталья понимающе кивнула и, покосившись на проходящего мимо Костю Черепанова, едва слышно прошептала:

- Ни пуха ни пера!..

Я шла в то самое кафе, где мы с заказчицей Ольгой обсуждали детали предстоящей карательной операции. Я прекрасно помнила, как выглядел обслуживавший нас в тот день бармен. И еще я помнила слова, которые он произнес, принимая от Ольги деньги:

- Вам кофе, как обычно?..

Вот это «как обычно» и внушало мне некоторый оптимизм и отчаянную надежду на то, что даму, подставившую меня так жестоко и подло, можно будет разыскать...

Всю дорогу до «Лилии», трясясь на задней площадке троллейбуса, я тоскливо размышляла о том, как много потеряла, оставив театр. То, что «представляли» сегодня ребята на сцене, конечно, было не искусством, а шизофреническими бреднями Бирюкова. (Он, как и многие другие, вероятно, считал, что неизвращенный Шекспир - это скучно). Но, тем не менее, это был театр.

Хороший, плохой, модный, немодный - но театр! Театр «с пыльным запахом портьер» и «золотым светом рампы», со сценой, залитой светом софитов, и закулисными интригами. Мне, кстати, всегда было интересно, почему про театр в основном пишут так скучно, банально и однообразно? Как-то, еще в Новосибирске, к нам на репетицию приходила одна журналистка, жаждущая записать актерские байки. Ей рассказали и про калошу пожарника, рухнувшую с потолка во время чеховской «Чайки», и про исполнителя роли Дзержинского, явившегося на спектакль пьяным и в ответ на замечание ехидно сообщившего: «Вы еще Ленина не видели!»

Журналисточка добросовестно конспектировала, а в результате написала про все тот же «пыльный запах портьер» и «закулисные интриги». Правда, она же и стала автором самой смешной байки, выдав в статье «шедевр»: «Выйдя на сцену, он ногой зацепился за софиты». К сведению непосвященных: софиты - это осветительные приборы, расположенные под самым потолком, а журналисточка, вероятно, имела в виду рампу.

В общем, театр, несмотря ни на что, оставался театром. Только в нем не было меня. Однажды я уже думала о том, что мне придется оставить сцену, как в ту пору, когда на моем горизонте появился Пашков. Красивый, умный, обаятельный!

Казалось, что это главный приз, уготованный мне судьбой. И приз, конечно же, не захочет, не позволит, не потерпит, чтобы я продолжала играть. Кстати, мои коллеги всячески укрепляли меня в этом убеждении, авторитетно заявляя:

- Конечно, в одну руку сунет кастрюлю, в другую - ребенка, а на шею еще свои грязные носки повесит! Вот тогда и поиграешь, и порепетируешь...

Я плакала чуть ли не на каждой репетиции, мысленно прощаясь со сценой, с друзьями, с несыгранными ролями и даже с «пыльным запахом портьер». (Он ведь действительно пыльный и какой-то особенный!) А когда рассказала обо всем Пашкову совершенно в духе сказки: «Вот поженимся мы, родится у нас сынок, пойдет в погреб, поскользнется на этой гнилой ступеньке и

убьется», тот только рассмеялся и на следующий же спектакль появился с огромным букетом роз.

- Играй, моя хорошая, играй! - сказал он, целуя мои пальцы. - Видно, зла ко мне судьба - не могла послать бухгалтершу или повариху!..

И меня, идиотку, только через несколько лет осенило: он имел в виду совсем не то, что не станет чинить препоны моей тяге к искусству, а просто «не поженимся мы, не родится у нас сынок, не поскользнется на гнилой ступеньке», ну и так далее... А тогда я не могла даже и представить, что через несколько лет все-таки брошу театр из-за Пашкова, но отнюдь не затем, чтобы варить ему борщи и воспитывать его детей...

Троллейбус тем временем остановился напротив хозяйственного магазина.

Чуть левее, в торце соседнего здания, белела дверь с затейливой вывеской «Лилия». Я сошла на тротуар, поправила на плече сумочку и с преувеличенной бодростью зашагала к кафе. Нельзя сказать, чтобы я чего-то боялась. Скорее опасалась, как бы встреча с барменом не оказалась безрезультатной.

Началось с того, что за стойкой вместо него обнаружилась неестественно рыжая девица с отвратительной фиолетовой помадой на губах.

- Простите, вы не подскажете, как мне найти одного молодого человека. Он здесь у вас работает, - проговорила я, усаживаясь на вертящийся табурет перед стойкой.

- А заказывать что-нибудь будете? - в ответ осведомилась девица, с нескрываемым презрением разглядывая мою простенькую курточку и школьный хвостик, стянутый резинкой.

А цены в «Лилии», между прочим, были внушительные. В прошлый раз мы с Ольгой смогли позволить себе только по чашечке кофе и паре бутербродов.

- Заказывать буду. Но позже... Скажите, вот здесь же за стойкой стоял такой высокий молодой человек. Волосы еще у него курчавые, глаза светлые... Где он сейчас?

- Ну, знаете, курчавых и высоких у нас много!

- Он блондин. Лицо немножко полноватое...

- А глаза? Серые или голубые?

Пришлось ответить про глаза. Потом про фигуру. Потом про походку. Причем было абсолютно ясно, что мерзкая барменша прекрасно понимает, о ком я говорю, и просто издевается. Поэтому я ничуть не удивилась, когда она в конце концов злорадно и торжествующе выдала:

- Славик Болдырев его зовут, если вы, конечно, не знаете... А сейчас он взял «без содержания». Причем надолго. И как ни странно, не велел раздавать его адрес налево и направо!.. Особенно посторонним женщинам!

Я подозревала, что про посторонних женщин рыжая, снедаемая ревностью и безответной страстью к господину Болдыреву, добавила от себя. Ну не тянул Славик на Казанову, и скрываться от навязчивых девушек ему не было абсолютно никакого резону! Однако ситуация от этого не менялась: за стойкой вместо кудрявого сердцееда стояла эта крыса, и я почти физически чувствовала, как тает отведенное мне время. Еще две попытки все-таки выпросить адрес, привели только к тому, что барменша окончательно озлилась. Я озлилась тоже и назло ей заказала трехслойный бутерброд, весь напичканный бело-красной рыбой и черно-красной икрой. А плюс к бутерброду - потрясающе дорогое и столь же гнусное пирожное с бокалом коктейля. Коктейль был сладкий, бутерброд - соленый, я ела и давилась.

Но зато все это стоило ровно столько, сколько с утра имелось в моем кошельке.

Теперь там оставались только два пластмассовых жетона на метро.

Минут через десять из подсобки появился какой-то мужик с черными усами и в дорогом костюме. Рыжая тут же напустила на себя вид легкомысленный и невинный. Я же, не сводя с нее угрюмого взгляда, в очередной раз впилась зубами в толстый бутерброд. Мужик повертелся немного за стойкой, о чем-то негромко переговорил с барменшей и собрался уже нырнуть обратно в подсобку, но не тут-то было!

- Эй, милейший! - небрежно и царственно бросила я, отставив бокал с коктейлем. - Не могли бы вы на секунду подойти сюда?

Усатый явно опешил от такой наглости, но, тем не менее, подошел.

- Игорь Николаевич, с вашего позволения, - насмешливо представился он.

- Лейтенант налоговой полиции Мартынова, - не моргнув глазом соврала я.

И тут же, пока он не успел опомниться и попросить документы, затараторила:

- Я несколько удивлена поведением ваших служащих. Похоже, они не в курсе, что граждане Российской Федерации обязаны оказывать офицерам налоговой полиции всяческое содействие. Десять минут назад я пыталась узнать у девушки в баре координаты вашего сотрудника Вячеслава Болдырева, однако...

- А что случилось? - встревожился Игорь Николаевич. - У нас какие-нибудь проблемы? Или у Болдырева проблемы? Если что-нибудь, касающееся кафе...

Мне ужасно хотелось сказать нечто вроде «вопросы здесь задаю я», но пришлось сдержаться и ограничиться туманным и пугающим:

- Я не могу делиться служебной информацией.

Усатый засуетился и, пролепетав «сейчас, секундочку», кинулся в подсобку. По пути зыркнул на рыжую, как сокол на диетического мышонка. Через пару минут вернулся, держа в заметно подрагивающей руке небольшой белый листочек.

- Вот адрес и телефон, - выдохнул он, положив листок на стол. - Если нужно, я могу срочно вызвать Болдырева на работу, а вы пока пообедайте. За счет заведения, естественно. Могу порекомендовать фрикасе из барашка, салат «Золотой октябрь», а из закусок...

- Нет, спасибо, - давась слюной и из последних сил звеня сталью в голосе, сказала я. - Мне удобнее побеседовать с Вячеславом в домашней обстановке...

Уже уходя и мысленно оплакивая так и не съеденное мной фрикасе из барашка, я услышала, как Игорь Николаевич настойчиво рекомендует рыжей засунуть свою идиотскую ревность вкупе с дурью куда-нибудь в укромное место...

К счастью, Болдырев жил всего в двух кварталах от кафе, поэтому мне, счастливой обладательнице пустого кошелька, удалось сэкономить силы перед вечерним пешим марш-броском от Кузьминок до Люберец. Свернув во двор, я оглядела старый пятиэтажный дом с затейливыми балкончиками, потом села на лавочку и задумалась. Недавние опасения овладели мной с новой силой. Мне представлялось, как Славик, кудрявый, белобрысый и недоумевающий, взглянет на меня сочувственно и спросит: «А с чего вы взяли, будто я что-то о ней знаю?.. Нет, есть, конечно, постоянные клиенты, которых помнишь в лицо, но вообще-то бар - не исповедальня, и домашних телефонов нам тоже не оставляют... Ничего, к сожалению, про вашу Ольгу сказать не могу. Я ведь, как ее зовут, только от вас узнал».

Картинка подкупала реализмом, но тем не менее я встала и вошла в подъезд. Здесь было как-то сыро и пахло мокрой известкой. Шаги гулким эхом отдавались от зеленых, свежевыкрашенных стен. Тридцать первая квартира должна была, по моим подсчетам, находиться на четвертом этаже. Я миновала второй этаж, потом третий, и вдруг...

Грохот бьющейся посуды был таким неожиданным в сонной тишине подъезда, что я даже вздрогнула. Затем что-то с тяжелым стуком упало. Наверное, стол или табурет. Снова загремела посуда.

Шум доносился из-за двери с заветным номером 31. Видимо, сегодняшнее недосыпание все еще сказывалось, и реакции мои были до крайности замедленны, потому что испугалась я лишь после того, как прижалась ухом к холодному дерматину и услышала глухой мужской мат, снова какой-то грохот и яростное: «Я убью тебя, сволочь! Ты у меня дерьмо будешь жрать!» А потом (что самое жуткое!) звук стремительно приближающихся к двери шагов! Скорости, с которой я метнулась на лестничную площадку пятого этажа, наверное, позавидовал бы хороший спринтер.

Бегство было весьма своевременным, потому что спустя несколько секунд дверь тридцать первой квартиры распахнулась, и оттуда выскочил мужчина в ветровке и капюшоне, надвинутом на самые глаза. На спине у него отпечатался след от побелки. Это было единственным, что я смогла рассмотреть, вжавшись в решетку перил и едва дыша от ужаса. Скорее всего, в одной руке он что-то нес - слишком уж кренился набок. Или же просто был от рождения кособоким.

Как только незнакомец в ветровке протопал вниз по лестнице, все стихло.

Я еще немного посидела, поскуливая от страха, как побитая кошка, а потом на цыпочках спустилась вниз. Приоткрытая дверь внушала мне ужас, а шестое чувство подсказывало: в квартире второй в моей практике труп. Следуя нормальной житейской логике, надо было бежать отсюда сломя голову, но на меня, как всегда не вовремя, напали угрызения совести и

чувство гражданского долга. Возможно, несчастный белокурый Славик был еще жив и нуждался в помощи.

Мысленно проклиная свою дурость и заранее обдумывая макет памятника из чистого золота, который должна будет установить мне рыжая барменша, я толкнула дверь и вошла в квартиру. Под ногами валялись какие-то бумаги, яичная скорлупа, пустые кармашки из-под дискет, разорванная газета. Здесь, похоже, что-то в спешке искали. Но самое страшное, что в квартире стояла абсолютная, жуткая тишина - ни стопа, ни хриплого дыхания - вообще ничего!

Все так же на цыпочках я прошла в комнату. Незаправленная кровать, книги на полу, в углу - рассыпанные кассеты, выдвинутый ящик письменного стола. И тут...

Если бы я уже была памятником, то немедленно рассыпалась бы на тысячу маленьких золотых слитков, а мои алмазные глазки выпали бы из глазниц. Впрочем, мои естественные серые, дымчатые едва не вылезли от ужаса, когда я услышала чьи-то тяжелые шаги в прихожей, потом знакомый уже голос, произнесший:

- Ты еще жив, гад? Ну-ну!..

Дверь хлопнула, в замке повернулся ключ. Я, как хамелеон меняя цвет от серого до зеленого, медленно сползла по стене. Теперь мне хотелось только одного: всю оставшуюся жизнь провести в милой и уютной камере одиночного заключения и не лезть никогда, ни при каких условиях в расследования убийств и бандитские разборки. Однако, как ни странно, снова повисла тишина. Я еще немного выждала и выглянула в коридор.

Посреди прихожей стояло красное пластмассовое помойное ведро, грязное до неприличия. Впрочем, на фоне обрывков, огрызков и яичной скорлупы оно смотрелось весьма органично. Проклиная все на свете и ужасаясь своей догадке, я метнулась на кухню, выглянула в окно и успела увидеть парня в ветровке, бодренько заворачивающего за угол дома. Бодренько, но отнюдь не поспешно!

«Дура! Идиотка! Истеричка!» - азбукой Морзе отстучало у меня в голове. И тихим эхом откуда-то снизу донеслось: «Мяу!»

Я опустила глаза. Толстый серый кот с плотно прижатыми к голове ушами смотрел на меня испуганно и любопытно. Он попытался спрятаться за холодильником, но при его внушительной массе эта затея была обречена на провал.

Похоже, кота недавно лупили.

И было за что! На полу, рядом с газовой плитой, валялись осколки трехлитровой банки, на линолеуме матово поблескивали остатки густой сгущенки.

Вся сгущенная лужица пестрела кошачьими следами.

- Пообедал, говоришь? - печально спросила я у кота.

- Мяу, - жалобно ответил он.

- Ну что же, давай тогда знакомиться: я - Женя. А ты, похоже, тот самый гад и сволочь?

Животное снова грустно мяукнуло.

Нужно ли говорить, что, кроме «гада», никаких других живых, полуживых и мертвых существ в квартире не обнаружилось? А входная дверь оказалась закрытой на самый что ни на есть примитивный замок, который с обеих сторон отпирается только ключами. На сердце отчего-то снова стало тревожно. Я сжала виски ладонями и тихо закулила. Белокурый Славик Болдырев вышел из дому всего на какие-то несчастные пять минут, чтобы вынести мусорное ведро, и меня, одержимую дурацким героизмом, угораздило именно в это время ворваться в его квартиру!

Теперь я заперта здесь на неопределенный срок... Похоже, мой персональный ангел-хранитель слыл на Небесах большим пакостником и юмористом!

Мне казалось, что я и не спала вовсе - так, дремала, чутко вздрагивая от каждого шороха. Однако мужской голос возник из вязкой тишины абсолютно неожиданно и подействовал на меня подобно внезапному реву пожарной сирены. Я вскочила, точно ошпаренная, села на Славиковой кровати и принялась отчаянно таращить узкие спросонья глаза, пытаюсь сориентироваться в окружающей реальности.

Рядом со мной сидел здоровенный, коротко стриженный парень. Глаза у него были карие и абсолютно круглые. На меня он смотрел со светлым любопытством малыша, впервые в жизни увидевшего в зоопарке обезьяну.

- Ты кто? - спросил парень, вероятно, уже во второй или в третий раз.

В моей тяжелой и гулкой, как чугунок, голове промелькнули варианты ответов, которые мне приходилось давать на этот вопрос в последнее время. Ни «инспектор налоговой полиции», ни «продюсер с 'Мосфильма'», ни «безработная актриса» для данного случая не подходили...

- А что? - с вызовом брякнула я только для того, чтобы не молчать. И тут в дверном проеме нарисовался Славик Болдырев собственной персоной.

- Да, действительно, кто вы такая и что здесь делаете?

На меня он взирал, мягко говоря, недружелюбно, желваки под кожей его ангельски-розовых щек тяжело перекачивались.

- Ну во-первых, не воровка и не мошенница. - Голос мой подрагивал жалко и гаденько, вызывая, вероятно, сомнения в правдивости слов. - А во-вторых, давайте поговорим спокойно... Я, собственно, и пришла сюда для того, чтобы с вами поговорить.

- И для этого вскрыли замок? - поддельно изумился Болдырев.

- Ничего я не вскрывала. Вы меня сами заперли, когда с мусорным ведром вернулись... Я просто увидела, что дверь открыта, заглянула на секундочку...

- Леха, ты прикинь, как она круто заглянула! - Славик соорудил брезгливую физиономию и упер руки в бока. - Не в прихожую, не на кухню, а сразу в дальнюю комнату! По шкафам рыться, что ли? Бабки искать?

Я немедленно обиделась:

- Да что тут найти-то можно? Стадо мамонтов влекую потеряется!.. Грохот я за дверью услышала и мат, вот и зашла. Подумала, тут какие-то разборки и вас спасать надо... Идиотка!

- Точно! - охотно согласился Болдырев. - Или слепешарая. Ты «Криминал» по телевизору хоть раз смотрела? Видала, что с квартирами после разборок бывает? Видала или нет? Ты что, зашла - кровь увидела? Стулья переломанные? Дырки от пуль в стене? Чего ты в дальнюю комнату поперлась?

Мои глаза к тому времени уже расширились до нормального состояния, сонная припухлость спала.

В общем, выглядеть я стала более или менее прилично, что лучше всякого зеркала отразил заинтересованный взгляд Лехи. Вдохновленная этим обстоятельством, я несколько обнаглела и заявила:

- Ну, крови, возможно, и не было. А яичная скорлупа по всему полу валялась. И помидоры тухлые. А еще картофельные очистки и шмотки стогом навалены. Нормальный человек при нормальных обстоятельствах такой бардак развести не может!

Леха жизнерадостно ухнул, Славик же обиделся:

- У себя дома командуй, ладно?

На несколько секунд повисла тишина, нарушаемая лишь монотонным шуршанием. Похоже, кот на кухне рылся в остатках мусора. Я не знала, что сказать в свое оправдание, Славик не знал, на чем дальше строить систему обвинения. Молчание прервал Леха, хлопнув себя по коленям и предложив:

- Ну что, ребята! По пивку в таком случае дернем, что ли? Барышня, похоже, безвинно пострадала, ей за это бутылочка «Балтики» полагается.

Болдырев неопределенно пожал плечами и молча вышел из комнаты. Или «Балтикой» не хотел делиться, или просто общество ему мое не нравилось.

Впрочем, я не только не страдала по этому поводу, но даже все время, пока он отсутствовал, усиленно аккумулировала положительные эмоции. Кареглазый Леха не сводил с меня глаз. При этом он совершенно не походил на профессионального донжуана. Физиономия простецкая, но по-мужски привлекательная, глаза круглые, как пуговицы, подбородок - в меру квадратный, из тех, какие мне нравятся. И вел он себя весьма располагающе. Вместо того чтобы выспрашивать паспортные данные, телефончик и интересоваться моим свободным временем после полуночи, просто спросил:

- А что тут у Славки громыхало-то? На кого он матюгался?

- На кота, наверное, - предположила я. - Кот, похоже, сгущенку разлил, еще и съел половину.

- Бедный Мессер! - усмехнулся Леха. - Теперь опять неделю одни картофельные очистки жрать будет.

- Бедный кто?

- Мессер. Мессершмитт его полное имя. Видела, какой он здоровый? Как бомбардировщик!..

Так непринужденно, без излишних реверансов, мы перешли на «ты». Когда вернулся Славик, между нами уже установилось что-то вроде психологической близости. Физически это выразилось в том, что Леха, пару минут поерзав на месте, все-таки придвинулся ко мне поближе. Наши плечи теперь почти соприкасались. Гнусный Болдырев, естественно, не мог не разрушить сию чудную ауру, скучно заметив, что древняя кровать тяжести двух человек не выдерживает, к попросив друга пересесть на пол. Тот попытался его урезонить, добродушно загудев:

«Да ладно тебе! Двух человек она не выдерживает! Кому-нибудь рассказывай, только не мне. Я-то, слава Богу, про твои уик-энды знаю!» - однако даже эти эротические намеки не произвели желаемого эффекта. Славик не повеселел, и Леха в конце концов покорно пересел на пол, предварительно расшвыряв ногами кассеты.

Носки он носил точно такие же, как Вадим Петрович, - черные, с едва заметным рельефным узором. Я была далека от мысли, что мой новый знакомый снял их с мертвого тела, и прекрасно понимала, что таких носков - на каждом рынке пруд пруди. Но, тем не менее, факт этот меня отрезвил и направил мысли в нужное русло. А тут еще и Болдырев, отхлебнув из горлышка своей бутылки, поинтересовался:

- Ну что? Так и будем молча сидеть или все-таки скажешь, зачем пришла?.. Быть может, не придумала еще просто?

- Понимаете, Слава, - я с легким, но убийственным кокетством провела указательным пальцем по нижней губе, - я - всего лишь одна из посетительниц вашего бара...

Болдырев страдальчески возвел глаза к потолку и стал похож на молящегося ангелочка.

- ...И хотела бы с вами поговорить по поводу еще одной посетительницы, в отличие от меня - постоянной.

Леха неловко заерзал в своем углу. Видимо, последняя словесная конструкция показалась ему слишком затейливой.

- Она, видимо, бывает у вас часто, потому что вы знаете, какой кофе она обычно заказывает...

- Ну? - нетерпеливо перебил Славик и еще раз хлебнул «Балтики».

Я же повертела в руках свою так и не тронутую бутылку с уже осевшей пеной и выдала:

- Ее зовут Ольга. Когда мы несколько дней назад забегали в «Лилию», на ней был белый кашемировый свингер, большой пестрый платок и высокие сапоги. У нее очень красивый, поставленный голос и просто шикарные волосы - темные, слегка волнистые...

Я готова была к любой реакции, но только не к такой: Славик мгновенно побледнел, поставил «Балтику» на пол и скрестил руки на груди, Леха посмотрел на меня как-то странно и, вероятно пытаясь скрыть неловкость, принялся насвистывать «Позови меня с собой».

Не до конца оценив всю щекотливость ситуации, я продолжила:

- Мне очень важно ее разыскать. Вы даже себе не представляете, как важно! Если вы мне поможете, я заплачу любые деньги... В пределах разумного, конечно! И если...

- Пошла вон! - коротко и емко уронил Болдырев. - И не вздумай больше попадаться мне на глаза, добром предупреждаю! Не знаю я никакой Ольги, и знать не хочу.

- Но подождите...

- Никаких «подождите»! Вали давай отсюда, пока я не вызвал милицию - и не сказал, что ты в квартиру забралась, пока меня дома не было!

Леха во время нашего светского диалога явно чувствовал себя неловко, но почему-то не вмешивался. Мне казалось, что он чего-то побаивается: в круглых его глазах застыл страх кролика, торопливо пожирающего морковку на хозяйской грядке. Как мужчина он сильно померк в моих глазах, однако в качестве объекта для наблюдения стал представлять несомненный интерес. Чувствовалось, что дело тут нечисто. Но в то же время было абсолютно ясно: сегодня ловить здесь больше нечего. Славик про Ольгу ничего не скажет!

Коротко и демонстративно усмехнувшись, я встала, смахнула с рукава невидимые пылинки и прошествовала в прихожую. Естественно, никто из джентльменов провожать меня не стал. Я сама отперла дверь, сама же и прикрыла ее за собой.

«Ольга, Ольга, кто же ты такая, если при одном упоминании твоего имени здоровенные бугаи начинают дрожать, как овечьи хвосты? - билось у меня в висках, пока я спускалась по лестнице. - Крестная мать местной мафии, что ли?

Ладно, пусть так..., Но почему тогда для выполнения своего плана ты просто не наняла опытного киллера? Зачем было втягивать еще и меня, понимая, что в милиции я опишу твою внешность подробно и охотно? Или ты постоянно следишь за мной и знаешь, что до милиции мне дойти не суждено?»

Последняя мысль была совсем уж безрадостной, и я даже вздрогнула, услышав за спиной торопливые шаги. Леха выскочил вслед за мной из подъезда, как-то неловко откашлялся и поправил воротник своего длинного черного плаща.

- Я тут это... - Закончив с плащом, он принялся теревить белое кашне. - Подумал, в общем, что поздно, темно уже... Может, тебя до метро проводить?

- Ну проводи, - согласилась я. - Не откажусь, если дашь мне пятерку, или десятку взаймы, а то мне от метро ехать не на что...

Минут через пять Леха уже знал, что я живу в Люберцах, мне двадцать восемь лет и зовут меня Женя. Я же выжидала момент, когда он наконец успокоится, перестанет с повышенным интересом разглядывать небо и фонари и можно будет задать ему главный вопрос. Впрочем, он избавил меня от необходимости выдумывать завуалированную прелюдию и начал сам:

- Ты только на Славку не обижайся, Жень. Вообще, он мужик хороший!

- Ничего себе хороший! Хам, каких свет не видывал! Ну что я ему сделала? Просто про Ольгу спросила! Не хотел, мог бы не отвечать, а то раскричался: «Пошла вон! Увижу - убью!»

- А она тебе кто - эта Ольга? - Лехин активный интерес к небу и фонарям сменился интересом к шнуркам собственных ботинок.

- Никто. Просто знакомая. Мне ее надо найти по одному конфиденциальному делу.

- Не надо ее искать.

- Это почему?

- Потому. - Слова выдавливались из Лехи тяжело, как остатки зубной пасты из практически пустого тюбика. - Просто мой тебе совет: оставь ее в покое... Может, я как-нибудь помогу твою проблему решить?

- Леша, - я резко остановилась и с расчетливой нежностью коснулась холодными пальцами его руки, - объясни мне, в чем дело? Я запуталась, ничего не понимаю... На назначенную встречу Ольга не явилась, пропала куда-то. Вы тут еще меня пугаете! Что мне делать-то, Леша?!

На театральном языке такое поведение называется «пристройка снизу» - пристройка слабого к сильному, зависимого к защитнику. Мужчинам такое женское поведение, как правило, льстит.

- Ну, Жень! - Он страдальчески поморщился. - Не могу я тебе всего сказать... Просто поверь мне на слово - и все!

- «Не могу всего сказать», «не могу всего сказать»! Так или в кино говорят, или в милиции...

Очаровательно капризничать и дуться я научилась, когда в Новосибирске играла купеческую дочку Липочку из Островского. Леха помялся на месте, еще раз с неизбывной тоской взглянул на мой отнюдь не классический профиль.

- В общем, этой Ольгой интересуешься не ты одна, а еще некоторые темные личности. А Славка вспомнил, что это ты с ней за столиком сидела, когда... Ну, короче, ты меня поняла?

В данном случае симулировать патологическую тупость не пришлось.

- Не поняла! - честно ответила я и еще жалостливее взглянула в Лехины «пуговичные» глаза.

- А-а! - Он махнул рукой, словно собираясь среди зимы прыгать в прорубь.

- Слушай, короче! Только никому не рассказывай... Заходит иногда в «Лилию» клоун один. Так-то он, может, и ничего, нормальный мужик, но алкаш. Причем алкаш прикольный: кого хочешь может тебе изобразить - хоть президента, хоть дворника, хоть лягушку-квакушку! То ли он пародист бывший, то ли артист... И я так понял, что наняла его одна контора, чтобы он по

барам и ресторанам шлялся и кое-какую информацию распространял типа «заройте ваши денежки на Поле чудес».

Вот... Ну а эта контора она не только «полями чудес» занимается и не только «пирамидки» строит, там и посерьезнее дела делаются...

- Опять непонятно!

- Да подожди ты! - Леха досадливо мотнул крупной головой и тяжело вздохнул. - Не должен я, конечно, тебе это все рассказывать... Так вот клоун этот пару раз встречался в «Лилии» с еще одним мужиком. Вот тот на самом деле странный типчик. Весь в сером, плащ до самых пяток, половина лица перевязана, как у человека-невидимки, шапка какая-то на голове - не то кепка, не то тубетейка. И говорит так, будто ему вчера голосовые связки прооперировали...

Один раз они посидели, кофе попили, мы со Славкой сразу на этого кента внимание обратили. А потом клоун как-то раз нажрался и давай болтать. Рассказал нам, что мужик серый к конторе этой имеет самое прямое отношение. Вот... Потом они еще раз в кафе встречались. Серый за сигаретами к стойке подошел и давай спрашивать про девушку, которая сегодня с подружкой в «Лилию» заходила - про Ольгу эту твою, значит. Описал ее очень точно и сто баксов Славке по стойке двигает. А клоун в это время сидит, улыбается, шарфом своим синим болтает...

Это было уже не смутное ощущение тревоги. Страх холодным, шершавым комком застрял у меня в горле.

- Синим? - Я мгновенно утратила способность кокетничать. - Ты говоришь, у него был синий шарф? А волосы? У него прямые русые волосы, ведь правда? И выглядит он на сорок с хвостиком, если не на все пятьдесят?... Вадим Петрович его зовут, да?

- Да, Вадик! - опешил Леха. - А ты откуда его знаешь?

Мне вдруг стало совершенно ясно, что означают слова «могильный холод» и что такое этот самый холод, рождающийся где-то в сердце и вместе с душой ухающий в пятки.

- Да так... Была возможность познакомиться... А что конкретно Серый про Ольгу спрашивал?

- Во сколько ушла? Во сколько обычно появляется? С кем приходит? Кто еще ею интересуется?... Да ты мне, может, объяснишь, в чем дело-то?

Я помотала головой угрюмо и растерянно. Игра в мисс Марпл уже не доставляла мне абсолютно никакого удовольствия, зато все более реальным становился расклад, при котором концов в этой истории найти не удастся.

- Не объясню. Ты до конца расскажи!

- А что рассказывать? Контора эта, из которой Серый, - организация серьезная, с ней лучше никому не связываться, а нам со Славиком - особенно. У нас в этом деле свой интерес... А клоун после того раза вдруг пропал, хотя назавтра должен был прийти, халявную бутылку текилы забрать. Славка ему текилу проспорил, не верил, что тот под Хазанова болтать сможет. Странно просто: он про что угодно мог забыть, только не про выпивку! И еще подозрительнее, если вспомнить, что он до этого натрепал много лишнего... И Ольга, кстати, твоя тоже пропала. А прежде, Славка говорит, чуть ли не каждый вечер кофе пила.

- Славка говорит? А ты сам, что ли, не в баре работаешь?

- Не-а! Я - в автосервисе! - Леха улыбнулся с плохо скрываемой гордостью.

- Просто у Славки на работе часто бываю. Мы же с ним чуть ли не с яслей дружим, он мне как брат!

- Понятно, - неопределенно отозвалась я. Честно говоря, история дружбы Славика и Лехи занимала меня сейчас очень мало. Я не могла разобраться в ситуации и от этого чувствовала себя слепым котенком, бессмысленно тыкающимся мордой в стены и стулья. Кроме того, мне было, мягко говоря, не по себе.

Какая-то мафия, деньги, «серьезные дела». Неизвестно откуда возникший Бирюков.

Странный Человек в сером...

До самого метро мы брели молча. Леха сопел, как обиженный ежик, но возобновлять разговор не решался. Видимо, чувствовал мое напряжение. Так же молча доехали до «Кузьминок». На остановке автолайновских маршруток он неуверенно и неуклюже обнял меня за плечи.

- Жень, - его взгляд опять был направлен куда-то в сторону, - ты не бойся. Просто забудь про эту Ольгу, а если что... Короче, обращайся!

А вот это было весьма кстати. Перед самыми «Кузьминками» мне все-таки удалось немного собраться с мыслями и прийти к простому выводу: с появлением новых персонажей история, конечно, делается страшнее и запутаннее, но цель остается прежней! Надо во что бы то ни стало найти Ольгу! Иначе - как! Если ее не удастся разыскать с помощью бармена, то нужно расспросить других постоянных посетителей «Лилии». А о них, в свою очередь, гораздо проще разузнать у милого Лехи, чем у агрессивного, угрюмого Славика. Главное, действовать достаточно тактично и осторожно!

- Так куда обращаться-то? - Я светло и печально улыбнулась. - Ни адреса у меня твоего, ни телефона...

- Так запиши!.. И это... если можно, мне свой телефон тоже дай.

Знак вопроса маячил в конце фразы так явно и жалостно, что мне даже захотелось улыбнуться по-настоящему.

- Дам. Дам, конечно.

Он с радостной поспешностью вытащил из кармана записную книжку в кожаном переплете и ручку:

- Диктуй!

Я продиктовала, сунула в карман куртки листочек с его координатами, а потом осторожно забросила пробный шар:

- Так, может, завтра и встретимся? Посидим где-нибудь, поговорим?

- Где и когда тебе удобно, - с торопливой готовностью ответил Леха.

Все-таки в нем были все задатки истинного джентльмена.

- Тогда в вашей же «Лилии» в семь. При условии, что твой замечательно приветливый друг завтра не работает.

Лехино лицо сейчас напоминало морду кота, внезапно получившего ведро «Вискаса», но все еще боящегося в это поверить. Я благосклонно улыбнулась на прощанье и заскочила в маршрутку. Там как раз оставалось одно свободное место.

Дверца громко хлопнула, и мы тут же начали выруливать на Волгоградский проспект. А за Лехой, улыбающимся счастливо и по-детски, потихоньку начала пристраиваться новая очередь.

Ни раскаяния, ни досады я не чувствовала: игра в любовь была всего лишь военной хитростью. Даже в мыслях мне пока не хотелось изменять мерзкому Пашкову. Мне просто хотелось выпутаться из этой истории...

Как ни странно, на следующий день на репетицию я заявила не просто вовремя, а даже раньше всех. Сама открыла зал, включила малый свет на сцене, с чисто режиссерским глубокомыслием потирая подбородок, несколько раз прошлась туда-сюда по проходу между креслами. Правда, думалось мне не о «Гамлете» в высоком смысле шекспировской трагедии и не о скором визите телевизионщиков.

События последних дней упорно не желали выстраиваться в моей голове в хоть сколько-нибудь стройную систему. А если еще точнее - никак не организовывалась мизансцена. По девственно-чистому листу моих мыслей неприкаянно бродили Бирюков, Леха со Славиком, Человек в сером и Ольга. Особнячком стояла я сама.

Где-то с краю притулилась Каюмова. Каким образом все мы были связаны друг с другом? Что заставляло одних интересоваться другими, а других убивать третьих?

Пока все это оставалось под покровом тайны. Больше всего и чисто теоретически и практически меня конечно же занимал вопрос: какое отношение к этому имею лично я? Я - всего пару месяцев назад приехавшая в этот чужой, незнакомый город, я - самая обычная актриса, я - личность мирная и абсолютно безвредная? Вопросов была целая куча, а ответов - ни одного. Я слонялась, вздыхала и печалилась до тех самых пор, пока не начали появляться актеры. Пришлось срочно заулыбаться и нечеловеческим усилием воли впихнуть себя в деловое состояние.

Мне в ответ тоже улыбались, справлялись о моем самочувствии и настроении. Интерес к моему здоровью, правда, несколько огорчал: мне-то самой верилось, что, несмотря на все переживания, выгляжу я как майская роза. Но зато радовало то, что меня, похоже, перестали считать залетной птичкой, норовящей если и не склевать все зерно в чужом амбаре, то хотя бы нагадить. Выглядела я теперь гораздо демократичнее, чем в тот злосчастный вечер (вместо

выпендрёжного том-клаймовского костюма - черные джинсы и вишневый джемпер), вела себя смиренно - всеми доступными мне способами вызывала симпатию. Даже женщины уже почти не смотрели на меня косо. И это несказанно радовало! Не хватало еще плюс ко всем прочим неприятностям навлечь на себя изобретательные актерские козни.

Когда все собрались и расселись в трех первых рядах, я достала из пластикового пакета свой экземпляр пьесы. Возвращаться к бандитской сцене с Клавдием, Гертрудой и компанией ужасно не хотелось, но идти дальше не хотелось еще больше.

- Итак, - я равнодушно пролистнула несколько страниц, - попробуем сегодня все с начала?

- Как, Евгения Игоревна? - неожиданно изумился Костя Черепанов, сидящий у самой стены. - Разве Вадим Петрович вам не объяснил? У него же какая-то там метода особая относительно «Гамлета», основанная на... «свежести первого восприятия»! Нам он говорил, что все сцены мы будем повторять всего по одному разу, чтобы не заиграть. Сегодня Гамлет с Горацио, Марцелл и Бернардо...

- Ах да, конечно! - С невыразимо фальшивой улыбкой я хлопнула себя по лбу и из-под ладони злобно зыркнула на ни о чем не предупредившую Каюмову. - Как-то совершенно вылетело из головы... Кто там? Гамлет, Горацио, Бернардо? Прошу на сцену.

Костя и с ним еще трое относительно молодых людей покорно потрусили к боковым ступенькам. Следом поднялась и Наталья.

- А вы куда, мальчик? - спросила я с нарочито веселым удивлением. - Вас вроде бы по пьесе там не стояло?

- А по мысли Вадим Петровича - стояло, - отозвалась Наталья невозмутимо.

- Я не просто гей, я - сквозной символ тухлости и порочности Датского королевства!

С этими словами «символ тухлости», пакостно изогнувшись, занял привычное уже место у бутафорской двери, относительно молодые люди сгрудились за кулисами, а косоглазый Костя вышел на авансцену.

- О, женщины, о, ужас, о, позор! Ничтожество вам имя! - начал он с фирменным пафосом.

Я опустила глаза в текст. Данное переложение Шекспира было весьма вольным. Мало того, что оно, как лоскутное одеяло, оказалось собранным из разных переводов, так еще и примерно половину пьесы Вадим Петрович с очаровательной легкостью отправил в ближайшее помойное ведро. Ничего хорошего я в этом не видела. Черепанов, угрюмо констатировавший со сцены: «Добра здесь нет и здесь не быть добру!» - вероятно, тоже.

Дальше он должен был сказать про «смолкнувшее сердце», но, вместо этого, прокричал только:

- Молчи, язык!

«Мальчик-гей» отреагировал с хорошей профессиональной быстротой, тут же раззявив рот и затрепетав своим языком, как душевнобольная змея. Потом подчеркнутым жестом опустил руку в карман обвислой кофты, повозился там с минуту (причем на лице его все яснее проступала тревога), достал воображаемую помаду, эффектно провел ею по губам. Метафоры я не понимала, но, тем не менее, продолжала смотреть на сцену с умным видом.

Далее появился бодрый, как школьный физрук, Горацио с пьяненькими Марцеллом и Бернардо. «Мальчик» побегал вокруг них, многозначительно вихляя бедрами, вошел и вышел из двери. До тех самых пор, пока Наталья снова не спустилась в зал, мне не оставалось ничего другого, как изнемогать от сложности режиссерского решения. Однако только позже я смогла оценить, как безмятежны и счастливы были эти мои последние, относительно спокойные минуты!

Горацио как раз сообщал, что явление призрака - это истинная правда (с таким видом, с каким говорят обычно: «Век свободы не видать!»), когда Каюмова пробежала по проходу и рухнула в соседнее с моим кресло.

- Женя, - прошелестела она тихо и бесцветно. - Женя, мне кое-что надо тебе сказать!

- И мне надо многое тебе сказать, - процедила я сквозь зубы. - Только не сейчас, а когда посторонних вокруг будет поменьше!

Прежде мне казалось, что моя новость про «мафиозные» связи Бирюкова - самая важная. Однако Каюмова выглядела как лабораторная мышь, только что вытащенная из отбеливателя, и дышала так, словно вот-вот собиралась отдать концы.

- Ну, что еще случилось?
- Я, кажется, помаду потеряла!

Даже моему долготерпению мог прийти конец! Мне, позавчера сидевшей наедине со свежим трупом, а вчера - запертой в чужой квартире, мне, по уши увязшей в совершенно дерьмовой истории, предлагалось ужаснуться пропаже помады!

- Ты что, совсем того, что ли? - живо поинтересовалась я, уже не обращая внимания на черепановские утробные завывания, несущиеся со сцены. - У тебя что, помада из чистого золота была? Или в платиновом тюбике?!

- Нет, в обычном, дзинтарсовском...

- Так какого же...

- Никакого! - Плечи Каюмовой как-то судорожно передернулись. - Я ее, по-моему, там потеряла. У Вадим Петровича в квартире... А на крышке Лилькин номер телефона выцарапан. И теперь меня по нему на раз-два вычислят!

Вот это был номер! В животе у меня уже привычно похолодело, сердце гулко заколотилось. Сцена качнулась перед глазами туда-сюда и остановилась вместе с Костей, чего-то ради опустившимся на четвереньки.

- А почему ты решила, что именно там ее посеяла?

Наталья сморгнула белесыми ресницами:

- Не знаю... Но когда мы в машине ехали, она еще была. Точно была! Я ее всегда в этом кармане таскаю. Она же у меня почти бутафорская, там и помады-то осталось - только спичкой выколупывать! А сейчас я за ней полезла - а ее нет!.. Вот не зря же мне там показалось, будто о тумбочку что-то стукнулось!

- Наверное, не зря, - глухо пробормотала я, вспоминая округлый гладкий тюбик под тумбой для обуви.

В этот самый момент Костик Черепанов закончил читать монолог и с надеждой спросил:

- Ну, как, Евгения Игоревна?

Мне не оставалось ничего иного, как с чувством ответить:

- Отлич-чно!..

Вообще, слово «отлично» очень точно выражало мое нынешнее состояние.

Мало того, что поиски Ольги грозили затянуться, так еще и Каюмова нехотела решиться заняться осенним посевом косметики. Раньше времени контактировать с правоохранительными органами мне решительно не хотелось. Вполне возможно, что я просто стала жертвой предрассудков, но народный тезис «Милиции какая разница - виноватый, не виноватый? Им лишь бы посадить кого-нибудь и дело закрыть» прочно сидел в моем подсознании.

Сразу после репетиции мы с Натальей резвой рысью выскочили из театра и сели в ее красный «москвиченок». Окна задраили так, будто готовились пережить газовую атаку.

- Ты мне объясни, какой дурак выцарапывает телефоны на футлярах от помады? - наконец задала я терзающий меня вопрос. - Что, в радиусе километра ни бумаги, ни ручки не нашлось?

- Не нашлось, - огрызнулась Наталья, нервно покусывая нижнюю губу. - Да и поздно теперь разговоры разговаривать! Ехать туда надо и помаду искать.

Мне все еще не хотелось верить в то, что придется опять подниматься по той страшной лестнице, по которой мы тащили тюк с трупом, заходить в квартиру, вздрагивать от каждого шороха и втягивать ноздрями сладковатый запах разлагающегося Вадима Петровича. Проводив взглядом выходящую из театра Аладенскую, я предприняла последнюю попытку:

- А может, не стоит дергаться? На помаде ведь только телефон выцарапан, а не дата, когда ее потеряли? Ну, найдут твою косметику в доме у Бирюкова! Да хоть трусы с твоей личной монограммой! Что это доказывает? Только то, что ты когда-то была у него дома! Как, кстати, и многие другие женщины из вашей трупы. Можно предположить, что ты была его тайной любовницей, в конце концов...

- Нельзя предположить! - яростно вскинулась Наталья, сверкнув серо-голубыми глазами. - В том-то и дело, что нельзя этого предположить! Все знали, какие у меня были отношения с Вадим Петровичем, я и в театре-то на честном слове держалась. Скорее бы на березах авокадо расти начали, чем я пошла в его поганую квартиру!

Каюмова резко замолчала, достала из кармана куртки пачку сигарет, закурила. Дым сизым туманом заполнил салон. Противно защипало глаза, захотелось чихать.

- Ладно, поехали, - проговорила я, щурясь и стараясь вдыхать не слишком глубоко. - Если ты решила меня отсюда выкурить, то не надейся: пешком я туда идти не собираюсь.

Наталья как-то сразу поняла, что «туда» - это в дом Бирюкова, повеселела, радостно наморщила нос. Пришлось подпортить ей настроение, рассказав про Человека в сером и пропавшую Ольгу. К моему удивлению, Наталья совсем не уstraшилась.

- А-а! Специально он тебя пугает, - небрежно махнула она рукой. - Мальчик этот твой. Как его там? Леха?.. Глаз на тебя положил, вот и ждет, пока ты окончательно перетрусишь и с визгом на шею к нему кинешься... Ольга пропала - в это я, да, верю! И это - проблема. А дядя с замотанным лицом - так, страшилки для пионеров. Помнишь, как в пионерлагерях про Черного кенгуру и гроб на колесиках рассказывали? Вот и это из той же серии!.. Ты еще по улицам начни мужиков в сером выглядывать. Их, знаешь, через одного: кто не в черном, тот обязательно в сером! Сейчас, слава Богу, не август - в цветных шортиках щеголять.

Так, поддерживая милую, а главное, оптимистичную беседу, мы и доехали до дома Вадима Петровича. Нельзя сказать, чтобы двор был до отказа заполнен людьми, но пять или шесть бабушек, повыползших, как ящерики, на последнее осеннее солнышко и теперь зорко несущих свою вахту у подъездов, изрядно портили настроение. Если не на допрос с пристрастием прямо сейчас, то на точный фоторобот для милиции потом можно было рассчитывать твердо.

- Ты не знаешь, сериал никакой в ближайшие полчаса не начинается? - тоскливо поинтересовалась Каюмова, откидываясь на спинку сиденья.

- Не смотрю я сериалы! Что я, с ума сошла, что ли?

- А жаль. - Она вздохнула. - По крайней мере, мы бы точно знали, когда все эти барышни расплзутся наконец по своим квартирам смотреть про страстную мексиканскую любовь.

- Зря на бабушек злишься, - с укоризной заметила я. - Они, между прочим, тут абсолютно ни при чем. Не из-за них мы здесь сейчас торчим...

Дальше должна была следовать серия легких словесных уколов в адрес растеряхи Натальи, но она неожиданно охотно согласилась:

- Точно! Не из-за них!

Потом, демонстрируя полное отсутствие благородства и великодушия, уже в сотый раз напомнила мне о том, что из-за меня вся каша заварилась, и, если бы не мой дурацкий бизнес, она, Каюмова, сейчас спокойно репетировала бы «голубого» мальчика под чутким руководством Вадима Петровича. Дальше - хуже!

Наталья от сознания своей правоты обнаглела настолько, что предложила мне одной подняться в квартиру, мотивируя это тем, что, во-первых, мне хорошо известно, где помада лежит, а во-вторых, я, мол, такая серая и незаметная, что меня ни одна бабулька не запомнит, будь она даже суперагентом ЦРУ. Я обиделась и ответила в духе «сама дура». Так мы препирались минут десять, до тех пор, пока старушки действительно не зашевелились и одна за другой не принялись скрываться в своих подъездах. Правда, и погода подпортилась: небо затянуло серыми, рваными тучами, деревья тревожно зашелестели остатками листвы, лужи подернулись рябью.

В небесной канцелярии явно были за нас. Однако Каюмова решила вознести хвалу еще и телевидению, авторитетно и твердо заявив: «Сериал!»

Мы вышли из машины и живенько дотрусили до подъезда. Энергичной рысью, стараясь, однако, не топать, взлетели по лестнице. Вошли в квартиру, прикрыли за собой дверь, и тут Наталья, приняхавшись, удивленно округлила глаза:

- Тебе не кажется странным, что трупом до сих пор не пахнет? Или, может, у него в квартире какая-нибудь вентиляция особая?

Я, не склонная в подробностях обсуждать архитектурные изыски жилища покойного и тем более ароматы, которые он, по идее, должен источать, только нетерпеливо пожала плечами:

- Может-может... Ты давай лезь под тумбочку и пошли быстрее отсюда.

Наталья опустила на корточки, пошарила рукой по полу, а потом, все так же не поднимая головы, глухо пробормотала:

- Жень, а тебе не кажется, что мы дверь в ванную закрыли?

Еще ни разу в жизни шея моя не поворачивалась так медленно. Я, кажется, физически чувствовала, как скрипят позвонки и напрягаются сухожилия. Дверь в ванную действительно была приоткрыта, из-под нее, едва заметная на золотистом паркете, выбивалась полоска электрического света. Свет в ванной мы не оставляли абсолютно точно!

Ход наших с Каюмовой мыслью полностью совпал, как, впрочем, и направление движения. Я ударилась о входную дверь правым плечом, а о Наталью - левым. Она же воткнулась в меня лбом, а о дверь, кажется, стукнулась коленкой.

Хрустальное бра жалобно задребезжало, одежная вешалка, которую Наталья зацепила в своем стремительном рывке, противно и громко заскрипела. В общем, шума мы произвели столько же, сколько небольшое стадо мамонтов, несущееся на водопой.

Однако гнаться за нами никто не спешил. Кроме нашего шумного дыхания да нервного дребезжания хрустальных висюлек, в квартире не слышалось ни звука. Эта вязкая, тревожная тишина, серым туманом оседающая по углам, в последнее время меня просто преследовала.

- Вот и у Болдырева дома так же тихо было, - прошептала я, потирая ушибленное плечо. - Ну, когда он мусорное ведро пошел выносить...

Наталья почему-то усмотрела в моих словах кощунственную иронию.

- Очень смешно! Ха-ха-ха! - с каменным лицом проронила она. - Жванецкий ты наш в юбке!.. Ах, Вадим Петрович тоже решил спуститься до мусоропровода! Свет в ванной включил, тапочки надел...

- Мы надели на него тапочки.

- Чего?

- Мы, говорю, надели на него тапочки.

Каюмова сначала заглянула мне в лицо, стремясь понять, издеваюсь ли я или просто от природы идиотка. Потом вслед за мной опустила глаза и увидела то же, что и я пару секунд назад, - черная вельветовая тапка с розовым плейбоевским зайчиком. Тапка была одна и лежала посреди прихожей, как забытая детская игрушка. Наталья икнула и рассмеялась тихим шизофреническим смехом.

- Зайку бросила хозяйка! - продекламировала она, прочитав мои мысли и чудовищно развив детскую тему. - Под дождем остался зайка...

Потом, как зомби, подчиняющийся чужой воле и абсолютно не соображающий, что творит, сделала шаг вперед. Еще шаг, и еще, и еще... Я опомнилась и сдавленно ахнула уже в тот момент, когда она рывком дернула на себя дверь ванной. Но ничего не произошло: не метнулся в коридор убийца в серой хламиде, не стукнулась о пол окостеневшая рука со скрюченными пальцами.

- Его там нет, - как-то спокойно и равнодушно констатировала Каюмова. - Нет, его там нет, Женя...

Я тоже подошла, мелко дрожа и чувствуя, что мое бедное сердце вот-вот выскочит из грудной клетки. Заглянула внутрь. Все тот же шампунь на полочке, все те же носки на батарее, девственно чистый кафель и никакого намека на разлагающийся труп. Сердце мое еще раз екнуло и куда-то провалилось...

На этот раз мы почему-то не стали дергаться и до двери доковыляли, как две тупые марионетки с вытаращенными глазами и ножками на шарнирах. Вышли из квартиры, переглянулись. С улицы доносился шум дождя.

- Погода испортилась, - светски заметила Наталья и лягнула зубами.

- Да, - согласилась я, машинально придерживая безымянным пальцем правый глаз, дергающийся в тике.

Спустились еще на один лестничный марш, как-то не сговариваясь, пошли быстрее. Опять, едва не столкнувшись в дверях, выбежали из подъезда и тут же поняли, что бежать нам, собственно, некуда.

Каюмовского «Москвича» не было. Нет, где-то в природе он, наверное, еще существовал, но только не здесь - не перед подъездом покойного Вадима Петровича. Дождь шел сплошной серой стеной, лужи вспучивались пузырями, а на том месте, где полчаса назад припарковалась наша красная машинка, стояла неподвижная фигура в сером. Ветер трепал полы длинного плаща, вода стекала по капюшону. Под капюшоном белели бинты.

Это был Он. Настоящий, реальный, нисколько не похожий ни на человека-невидимку, ни тем более на Черного кенгуру. Либо его лицо безобразили язвы и шрамы, либо он просто имел веские причины для того, чтобы его скрывать.

Человек в сером не двигался. Не двигались и мы, вжавшиеся спинами в дверь подъезда. Он смотрел на нас, мы - на него. Идти вперед, похоже, было равносильно самоубийству, бежать назад - тоже. Да и ни за какие сокровища мира я бы не согласилась хоть на секунду повернуться к нему спиной!

Каюмова едва слышно протяжно и жалобно материлась у меня под боком, я же как-то заторможенно думала о том, что так и не открыла купленную еще неделю назад баночку персикового компота, о том, что откуда-то сверху доносится пение «На-На» и это, скорее всего, последнее, услышанное мною в жизни.

К тому моменту, когда Человек в сером шевельнулся и, не вынимая рук из карманов, сделал шаг вперед, мои нервы уже окончательно атрофировались. Я не отреагировала даже на тихий скулеж Натальи, вдруг забывшейся, как эпилептичка. Даже достань он вдруг окровавленный тесак, мне бы уже, наверное, не удалось испугаться.

Серый тем временем действительно вынул что-то из кармана, присел на корточки перед лужей, опустил это что-то в воду. Снова поднял голову, посмотрел на нас. На секунду мне показалось, что взгляды наши встретились и блеснули из-под капюшона холодные, странные, вполне человеческие глаза. Но это могло только показаться, зато абсолютно точно не показалось другое.

Я знала его манеру двигаться! Совершенно точно знала! То, как он наклоняет голову, как поводит плечами, как сгибает колени. Когда-то на первом курсе театрального нас заставляли ходить в зоопарк и часами просиживать возле клеток со всякими там медведями, волками и павианами. Нас учили запоминать!

Кто-то из моих однокурсников умел анализировать и, не путаясь в словах и ощущениях, объяснял: «Движение пантеры начинается с мышц .спины, сначала идет лопатка, потом сама лапа мягко отрывается от земли...» Я же ничего объяснять не умела, просто в моей памяти откладывалась «картинка» - иногда чуть более ясная, иногда - совсем смутная.

Серый человек двигался знакомо! Даже под страхом смерти мне бы сейчас не удалось вспомнить, где, когда и при каких обстоятельствах я засекала эту манеру - так уж непрактично были устроены мои мозги. Но одно я знала точно: я его уже видела!..

Наверху, видимо, выключили магнитофон. «Нанайцы» замолчали так же внезапно, как и запели. Из-за угла соседнего дома выбежала молодая мама с коляской. Дождь лупил по крыше коляски не хуже Ниагарского водопада. Человек в сером мельком глянул на женщину, все так же не спеша поднялся и... пошел в сторону детской площадки! Он уходил спокойно и неторопливо, будто и не стоял здесь всего минуту назад живым воплощением призрака Смерти.

Каюмова билась в беззвучной истерике где-то на уровне моих коленей, ко мне тоже потихоньку возвращалась способность чувствовать.

- Вставай! - прохрипела я, едва не теряя сознание от всего этого кошмара. - Вставай и побежали отсюда! Да очнись же ты, Господи!

Удаляющаяся фигура Серого уже почти сливалась со стеной дождя.

- Что мне, на себе тебя тащить, что ли?!

Всеми фибрами души я ненавидела в этот момент хамоватых и нагловатых баб, чуть что расплывающихся «слезной лужею». Наталья продолжала судорожно дергаться, но при этом потихоньку пыталась придать своему телу вертикальное положение.

- Бежим, бежим быстрее! Ну что ты распласталась, как каракатица?!

- Не ори на меня! - Это означало, что она понемногу возвращается к своему обычному состоянию. - Из-за тебя, дуры, все, так ты еще на меня и орешь!

В данной ситуации что-нибудь более неуместное, чем препирательства, трудно было вообразить. Я резко выдохнула, подхватила Каюмову под локоть и, поражаясь тому, что все еще могу двигаться, поволокла ее за собой. За какие-то несколько секунд мне удалось узнать, что я сама каракатица, зараза и недоделанная Сара Бернар, что меня надо убить, изолировать от общества, взыскать с меня за стоимость «москвичонка» и моральный ущерб. Заткнулась Наталья, только наступив в ту самую лужу, перед которой опускался на корточки Серый.

Я уже не смотрела себе под ноги, видя впереди одну цель - людный проспект в просвете между домами, а она еще не утеряла остатки наблюдательности, что в общем-то только повредило ее нервной системе.

- Мама! - коротко сказала Каюмова.

- Что? - спросила я, поражаясь единственному человеческому слову, промелькнувшему в потоке ругательств, и на секунду замедляя бег.

- Мама, - повторила она уже абсолютно безнадежно.

Посреди лужи лежала вторая тапка с плейбоевским зайчиком, ровнехонько в центре стельки паровой трубой торчал обшарпанный тюбик губной помады. Вокруг тапки, смешиваясь с дождевой водой, расплывалось неровное кровавое пятно...

В тот момент, как мне показалось, в голове у Наташи что-то серьезно испортилось.. Нет чтобы лететь отсюда со сверхзвуковой скоростью, так она чуть ли не всеми четырьмя костями плюхнулась в лужу, выудила оттуда тапок вместе с помадой, сунула за пазуху, оставляя на куртке бурые следы. Глаза у нее при этом были абсолютно безумные, светлые волосы нелепо торчали.

- А вот теперь бежим! - проговорила она, поднимаясь с колен. И мы рванули вперед, оглябывая гаражи-«ракушки», какие-то столбы и мокрые пенки.

Народу на проспекте было немного: все нормальные люди в такой дождь сидели по домам. По проезжей части вихрем неслись мокрые машины.

- Что будем делать? - вымолвила Каюмова, бессильно прислоняясь к выкрашенным серебряной краской перилам. Холодные капли стекали по ее щекам вместе с остатками туши.

- Не знаю. - Я провела ладонью по лицу. - По-моему, надо удирать как можно быстрее и дальше. Я уже ничего не хочу, только бы жить... Пусть от меня все отстанут! С камнями на сердце буду жить, с кирпичами, с булыжниками! Тем более трупа теперь нет, милиция ничего не докажет...

- А может, ничего и не узнает?

- Тем лучше, если не узнает! Все! Я ничего не видела, ничего не слышала, ни о каких трупах понятия не имею! Я хочу домой!.. Все, Наташ, я в Новосибирск уезжаю. Нагостились в вашей столице, спасибо! Впечатлений на всю оставшуюся жизнь хватит.

Смысл фразы дошел до меня только тогда, когда я ее договорила. А ведь действительно, нет трупа - нет и преступления! Не нужно ни от кого скрываться и судорожно метаться в поисках Ольги. Надо просто взять билет на самолет, приехать во Внуково или Шереметьево и через четыре часа оказаться в родном Новосибирском аэропорту Толмачево. Я не Бог весть какая персона, чтобы за мной через всю страну посылать киллера. Глупо это и нерентабельно. Да и к тому же сам факт моего бегства будет означать, что я испугалась и никому ничего не расскажу. Плевать на Пашкова, плевать на то, что скажут в театре, - пусть пошепчутся за спиной: мол, приползла, покорительница столицы! Зато я останусь живой, здоровой и, возможно, даже психически нормальной.

- А я? - спросила Каюмова, возвращая меня с радужных облаков на землю. - Ты уедешь, а что буду делать я? Мне тут умирать, да?

На самом деле получалось абсолютно по-свински. Она по доброй воле пришла мне на помощь, хотя запросто могла бросить в полутемном зале театра или, того хуже, вызвать милицию, а я собиралась оставить ее одну именно сейчас, когда стало совсем страшно.

- Полетели со мной, - брякнула я просто так, особо не рассчитывая на ее согласие. Нужно же было что-то сказать, скрывая смущение.

Однако Наталья неожиданно оживилась:

- А где я там жить буду? У вас в Сибири квартиры-то сдают?

- Исключительно землянки и деревянные избы. И еще юрты переносные.

- Шуткуешь? - Она посмотрела на меня сурово и осуждающе. - Больно быстро ожила... Ну да ладно. А работать там есть где?

Врать про изобилие вакантных мест в труппах новосибирских театров не хотелось, да к тому же как-то не верилось, что Каюмова говорит всерьез.

- С работой сложно... Но если ты и правда хочешь со мной лететь, то могу поговорить о тебе с нашим главрежем. И поживешь пока у меня... Нет, ты на самом деле собралась, что ли?..

- А что? Вот возьму и полечу! Что я теряю? Театр не сегодня-завтра развалится, машину угнали. Вот так-то... Да ты не напрягайся, не напрягайся! Мне только пару дней у тебя перекантоваться, а так у меня знакомые в вашем городишке есть. Хорошие знакомые, практически родственники!

Теперь она снова была похожа на прежнюю Наталью - жесткую, насмешливую, энергичную. Дождь потихоньку стихал, и даже ее бесцветные мокрые волосы уже не выглядели так жалко и гаденько.

- Я ведь прямо как Вадим Петрович. - Она усмехнулась. - Никто меня не хватится, и искать никто не будет. Так во сколько, говоришь, у нас самолет на Новосибирск?

Я пролепетала что-то про вечерний рейс и про то, что завтра с утра еще нужно будет рассчитаться с квартирной хозяйкой. Неужели все проблемы последних дней можно решить вот так просто - одним махом? Почему-то до сих пор не верилось. Да, это означало полную и безоговорочную капитуляцию, позорное трусливое бегство - что угодно! Но и я была не героиней, а всего лишь обычной перепуганной женщиной. Да и ради чего геройствовать?..

Каюмова тем временем отлепилась от перил, отыскала глазами урну, резво подбежала к ней и выкинула мокрую тапку вместе с помадой.

- Домой ко мне заскочим вещи кое-какие взять? Потом я еще пару прощальных звонков сделаю и поедем к тебе в Люберцы ночевать. Да, кстати, пожарь у тебя что-нибудь найдется?

- По-моему...

- «По-моему», «по-моему»!.. - нетерпеливо передразнила Наталья. - Пельмени тоже из моего холодильника возьмем. Не соседке же их в наследство оставлять? И ни майонеза, ни сметаны у тебя тоже, конечно, нет?

Я помотала головой и по-идиотски заулыбалась. Всего полчаса назад мне казалось, что жизнь кончена, полчаса назад я собиралась умирать на мокром асфальте под жизнерадостное пение «нанайцев», а Наталья билась в беззвучной истерике. И вот теперь она прямо на моих глазах возрождалась из пепла, как птица феникс. А это укрепляло надежду на то, что мы все-таки выкрутимся...

Без четверти восемь на новенькой синей маршрутке мы добрались до Сто пятнадцатого квартала Люберец. Я выпрыгнула первой, приняла у Каюмовой пакеты с вещами и продуктами и почти с восторгом огляделась. После коммуналки на «Красных воротах», где мы проторчали не меньше двух часов, здесь царил почти райский покой. Соседок у Натальи было, правда, всего две: развеселая алкоголичка и неопределенных лет ворчливая карга, - но шуму они производили столько, что с успехом могли заглушить военный оркестр. Одна беспрестанно роняла в ванной что-то тяжелое и железное, другая слушала у себя в комнате «Кармен-сюиту», установив регулятор громкости на отметку «для очень слабо слышащих». Каюмова тоже не отставала, прыгая от серванта до шифоньера и смахивая нужное в пакет, а ненужное - прямо на пол. К ненужному относились, в частности, литая фигурка балерины весом килограмма в полтора и сломанный обогреватель с открытой спиралью. В первый раз я вздохнула с облегчением, когда Наталья ускакала в коридор доставать из холодильника пельмени и звонить приятелям, а во второй - когда она вернулась и заявила, что мы можем ехать...

Кстати, на Каюмову Люберцы произвели самое что ни на есть благоприятное впечатление.

- О-ох, - она даже прицокнула языком, разглядывая тускло освещенную вывеску «Магазин - Сберкасса - Почта», - хорошо-то как! Кажется, что ни трупов никаких нет, ни бандитов... Двадцать минут от Москвы, а уже чувствуешь себя в глубокой провинции. Тишина, покой! У вас здесь даже воздух как в деревне!

Я, за последние несколько месяцев успевшая стать местной патриоткой, немедленно оскорбилась и уточнила, что от Москвы не двадцать минут, а пятнадцать, и воздух не как в деревне, а как на курорте.

- Пусть как на курорте! - легко согласилась Наталья, подхватывая с земли полосатый пакет. - Главное, никто нас здесь сегодня не тронет, потому что просто-напросто не найдет. Ты, надеюсь, в этой своей квартире не прописана? Данных о тебе в паспортном столе нет?

Мне не хотелось ее огорчать, и поэтому я умолчала о том, что Ольга и иже с ней, если им приспичит, легко смогут вычислить адрес по телефонному номеру в газете. Наталья же, огибая в темноте лужи и особо крупные собачьи кучки, продолжала праздно разглагольствовать:

- А давай здесь и останемся? Не полетим ни в какой Новосибирск. Станем жить на всем люберецком. Театр здесь откроем или кружок какой-нибудь при ДOME пионеров. Тут есть Дом пионеров?..

Есть ли в Люберцах Дом пионеров, я, честно говоря, не знала. И вообще, на данный момент меня гораздо больше занимал вопрос, какой будет наша встреча с предателем Пашковым. Люберецкая благостная атмосфера успела ввести меня в состояние полнейшей эйфории. Сейчас я чувствовала себя примерно так же, как после визита к стоматологу: самое страшное уже позади, остается только перетерпеть утихающую зубную боль и всю оставшуюся жизнь сверкать новенькими пломбами...

Дома мы первым делом позажигали во всей квартире свет, включили НТВ и отправились на кухню производить инспекцию имеющихся запасов. К запасам относились Натальины пельмени, два пакетика майонеза, мои крабовые палочки и забытые на верхней полке холодильника кампомосовские сосиски с сыром. Пельмени, честно говоря, выглядели непрезентабельно: видимо, их уже пару раз размораживали и замораживали снова. А вот все остальное было очень даже ничего.

Правда, Каюмову заметно огорчил тот факт, что за словами «пить ничего покупать не надо, у меня что-нибудь найдется» скрывалась всего лишь распечатанная пачка яблочного сока.

- Слушай, а может, водки выпьем? - предложила она, немного помявшись. - Скажи честно: тебе расслабиться не хочется?

Расслабиться мне хотелось, но не было ни малейшего желания выходить на темную улицу, о чем я честно и сообщила.

- Да ну, ерунда! - Наталья пренебрежительно сморщилась. - Кого у вас тут бояться? Бобиков бродячих или мужиков с дубьем?

По идее, надо было снова обидеться за Люберцы и вступить в дискуссию.

Контраргументы у меня имелись сильные - недавняя бандитская перестрелка на соседней улице, взорванный месяц назад у почты шестисотый «мерседес». Однако я вовремя осознала, что спор на тему «где больше и современнее убивают» не прибавит нам хорошего настроения, и решила промолчать.

Каюмова собралась быстро, как по тревоге, неслышной тенью выскользнула из подъезда и уже через десять минут вернулась с бутылкой «Московской».

- Мужики какие-то хотели на хвост упасть! - сообщила она, подворовывая крабовые палочки, которые я нарезала для салата. - Девушка, говорят, у нас и закуска есть...

- Что за мужики? - Я мгновенно насторожилась и отложила в сторону нож.

Как-то не очень хотелось нарываться на неприятности перед самым побегом.

- Да брось ты! Обычные мужики. Алкаши местные. И закуска у них, поди, три маринованных помидора на всех... Ох, Женька, Женька! Когда все это закончится, мы с тобой, наверное, будем самыми счастливыми женщинами на свете!

- Только бы уж закончилось!

Умыкнув целую россыпь нарезанных крабовых палочек, Наталья уселась на табуретку и лихо закинула ногу на ногу.

- Я вот все над этой историей думаю. И так, и эдак выходит, что нас хотели просто напугать. Ну, не просто, конечно, а так, чтобы мы ноги отсюда сделали и еще желательно языки себе от страха откусили. Но мы ведь и убегаем! Так какие после этого могут быть проблемы? Вадим Петровича - да, грохнули за то, что много болтал. А нас-то какой резон убивать? Тихие, мирные девушки, мечтающие всю оставшуюся жизнь служить Мельпомене...

- Твои бы слова да Богу в уши! - глубокомысленно протянула я, отбирая у прожорливой Каюмовой вареное яйцо.

- При чем тут Бог-то? Мои бы слова да в уши бандитам! Эх, знать бы с самого начала, что Бирюков с бандитами связан, так не надо было его и из театра выносить: пусть бы там лежал, милицию дожидался! На мафию все спишется. Нам сейчас, главное, сидеть и носа не высовывать. А там время пройдет - все утрясется!

Майонез оказался жидким и при первом же нажатии на пакетик брызнул прямо на стену, выложенную розовым кафелем. Пришлось схватить с раковины губку и начать в хорошем темпе подбирать жирные капли с заварного чайника и сахарницы.

- Одного вот не понимаю... - Я прополоскала губку под краном и капнула на нее немного моющего средства. - Какое отношение ко всему этому имею я? Зачем надо было меня нанимать? Нет чтоб его где-нибудь в темном лесочке грохнуть! Или, еще того лучше, пьянку на двоих организовать с каким-нибудь алкашом. Нож тому алкашу потом подсунуть, он и не вспомнит, что вчера было, и кто с кем поссорился. По-моему, так идеальный козел отпущения.

- Ну, бандитской логики тебе все равно не понять. - Каюмова потянулась и через голову сняла серый, крупной вязки пуловер. - У тебя свои преступные методы, у них свои. Просто радоваться надо, что нас в речку не скинули, да из автоматов не прошили. А то бы пара очередей - и все довольны!

Насчет «всех» Наталья конечно же загнула: не думаю, что известие о моей смерти так уж обрадовало бы моих бывших коллег, родственников, а также драгоценного Пашкова. Впрочем, Пашков, вполне возможно, уже утешился в объятиях очередной подружки, а то даже импортировал в Новосибирск ту свою пассию из «Звезды»; скорее всего, меня уже и не ждал. Во всяком случае, думать о нем сейчас не хотелось. Я поправила на столе клеенку, поставила в самый центр бутылку и с преувеличенной бодростью провозгласила:

- Кушать подано! Прошу, пожалуйста, отужинать...

Минут через десять мы ощутили первые, еще приятные симптомы опьянения: едва заметное головокружение, удивительное чувство свободы и легкую неповоротливость языка. Натальины бледные щеки покраснелись, глазки заблестели. Жестикულიровала она теперь так активно, словно за сурдоперевод получала дополнительную плату.

- Понимаешь! - Ее рука металась над столом, едва не вписываясь в мой нос. - Если бы не вся эта фигня, мы бы ведь никогда не познакомились! Ты понимаешь - ни-ког-да! И не было бы у меня такой подружки! Верной, надежной, на которую можно положиться!

- Не было бы! - соглашалась я, обмакивая в майонез последний кусок сосиски.

- По-моему, можно пожертвовать энным количеством нервных клеток ради того, чтобы найти настоящего друга? Ты согласна?

- Согласна.

- Так почему же ты тогда не радуешься?! Почему сидишь такая мрачная? Все у нас будет хорошо, Женька! Ты мне веришь?

Я верила и параллельно наполняла наши стопки. Мне на самом деле нравилась Каюмова. Просто я, видимо из-за душевной черствости, не могла выражать свои чувства столь энергично.

Когда мы, исчерпав тосты за безопасность полетов и за скорейшее окончание наших мытарств, выпили за то, чтобы нам попадались только чуткие режиссеры, умеющие ценить наш талант и актерскую индивидуальность, раздался телефонный звонок.

Слегка пошатываясь, я встала и, скользя ладонью по стене, вышла в прихожую.

- Жень, это ты? - проухал в трубке знакомый Лехин голос. - Ты дома, что ли? А я тут тебя ждал-ждал, думал уже: может, что случилось?

Стыд запоздало колыхнулся в моей душе, как сонная рыбка в банке.

Действительно, бедный Леха ждал меня сегодня с семи часов в этой трижды проклятой «Лилии». Однако вчера, назначая свидание, я была твердо уверена, что приду. Просто обстоятельства изменились, причем не в лучшую сторону. Угрызения совести пару раз вяло куснули меня, скорее для порядка, и утихли.

- Слушай, ты извини меня, - я старалась говорить трезво и проникновенно, - но так уж получилось... В общем, я улетаю на родину, мы, наверное, больше не увидимся. Спасибо тебе за все: за то, что ты готов был прийти мне на помощь, за то, что ты просто есть... Ты на самом деле очень привлекательный мужчина, но... Прощай, Алеша, я буду тебя помнить!

Годовой запас красноречия и пафоса был исчерпан. В страстный прощальный монолог я вложила столько энергии, что, кажется, даже вспотела. По идее, влюбленный сотрудник автосервиса сейчас должен был бледнеть, рыдать и в яростном бессилии кусать трубку. Однако вместо этого, он огородил меня неуверенным и несколько заторможенным:

- Да?.. Понятно... А я вот хотел узнать, чем ты сейчас занимаешься?

В моей памяти почему-то немедленно всплыли плановые рейды школьного родительского комитета по квартирам учеников. Обычно тети в меховых шапках и редкие несчастные дяди, жалкие оттого, что им хочется смотреть футбол, а не проверять оболтусов, заходили в комнату

именно с такой фразой: «Ну и чем ты занимаешься?» Леха не был похож на члена родительского комитета. Однако ответила я ему с той же степенью искренности и гораздо большей степенью досады:

- Книжку читаю. Интересную!
- Интересную? - Он опрометчиво решил поддержать светскую беседу. - А что за книжка?
- «Фуэнте Овихуна».

С творчеством Лопе де Веги Леха, видимо, знаком не был, поэтому название произвело на него просто-таки ошеломляющее впечатление. Когда первый шок прошел, он засопел обиженно и недоуменно, с большим опозданием попытался протянуть что-то вроде небрежного: «А-а-а! Понятно!» В общем, я устыдилась второй раз за вечер и решила прийти ему на помощь, пояснив:

- Да скучная на самом деле книжка... А ты что-то предложить хотел?
- Жень, я это... Может, тогда завтра встретимся?

Назавтра у меня отменялось даже утреннее надругательство над Шекспиром.

Я бросала актеров на произвол судьбы и предоставляла им возможность послезавтра самостоятельно объясняться с проверяющими и телевидением. Встречи же с посторонними мужчинами тем более не вписывались в план спасения наших с Каюмовой жизнью.

- Леш, к сожалению, я улетаю завтра с утра...

Он в очередной раз тяжело вздохнул, переваривая информацию, помолчал и печально отозвался:

- Ну ладно. Тогда счастливо тебе долететь. Будешь в Москве - звони! Да и так, если захочешь, звони. Я буду рад.

Я собиралась уже повесить трубку, когда Леха вдруг спросил:

- А это... Ну, что я привлекательный мужчина, ты честно сказала или так, чтобы отвязаться?
- Пришлось заверить его в своей истинной и глубокой симпатии...

Каюмова на кухне доедала салат и печально взирала на остатки водки в бутылке. Я, чувствуя себя неприятно протрезвевшей, опустила на табурет напротив.

- Знакомец твой новый? - осведомилась она, коротко усмехнувшись и сдвиг со лба жидкую белесую прядь.

- Да, - ответила я без придыхания и нежной дрожи в голосе.

- В кабак, поди, приглашает или в клуб какой-нибудь?

- Приглашает. Но что уже толку?

- А так пошла бы?

- Ради дела бы пошла, а так... Ну зачем, по большому счету, он нужен?

- «По большому счету», «по большому счету»! - Наталья вдруг грохнула ладонью о стол так, что стопки с жалобным дребезжанием подпрыгнули. - Ну почему мы, бабы, такие дуры? Почему не ценим тех, кто нас любит, и вечно выбираем себе каких-то идиотов? Вот взять твоего Леху! Говоришь, и не страшный, и не очень глупый, и вроде не бедный, так какого же, спрашивается, рожна тебе еще надо?

«Ради дела бы пошла, а так...»

Я подозревала, что Каюмовой хочется выговориться, поэтому в активный диалог не вступала, ограничиваясь кивками и задумчивым мычанием. Она же продолжала ораторствовать:

- Все принца на белом коне ждешь? Ну жди, жди!.. Я вон тоже ждала. Дождалась! Только оказалось, что ему любой пенек с глазами - принцесса, лишь бы женского пола был. На одну ночь, конечно!.. Зато уж такой красавец, такой интеллигент!

Тема гнусного донжуанства красавцев интеллигентов была для меня все еще болезненной и актуальной, поэтому я не удержалась и заметила:

- А чем образованнее, тем, кстати, сволочнее! У них же такой «непростой» взгляд на мир, такая «тонкая душевная организация»!.. Технари еще туда-сюда, а уж гуманитарии!..

- О-о-о! - взвыла мне в тон Наталья. - Сейчас тебе анекдот расскажу про одного моего знакомого юриста...

За анекдотом последовали сетования общего плана на нашу нелегкую женскую долю, затем опять какая-то жизненная история, потом снова сетования. В особую конкретику мы, как ни странно, не вдавались и на личности не переходили - видимо, водки было выпито маловато. Но

в целом разговор получился очень душевный. Придя к единодушному выводу, что замуж выходить надо только за дворников, в крайнем случае, за сантехников, мы принялись готовиться ко сну.

Подготовка ко сну заключалась в том, что мы свалили всю грязную посуду в раковину, пустую бутылку выкинули в мусорное ведро и лениво-разморенно прошлепали в комнату. Там я вытащила из шифоньера две ночные сорочки: розовую для себя, салатную для Натальи. Каюмова, облачившись в ночнушку, стала еще больше похожа на пьяную моль. Причем на моль, ведущую себя абсолютно непристойно. Пока я заводила будильник, она усердно щипала меня за грудь и бедра и весело разглагольствовала на тему лесбиянства.

К счастью, ее пьяное остроумие и буйная энергия иссякли минуты за три.

Наталья сладко зевнула и плюхнулась на тахту.

- Подожди, плед уберу, - проворчала я, ставя будильник на журнальный столик. - Сразу и ляжешь нормально. Только давай договоримся: у стенки сплю я!

Каюмова нехотя приподняла свои тощие бедра, встала, шатаясь, как камыш в ветреную погоду. Я, придерживая за высовывающийся уголок подушку, сдернула с тахты красный китайский плед и... завизжала невыносимым, нечеловеческим ультразвуком.

Прямо на моей подушке, заботливо наряженной в цветастую ситцевую наволочку, лежала отрубленная человеческая кисть. Обескровленная и синюшная, с бледными ногтями и полупрозрачными волосками, она злобеще грозила мне оттопыренным указательным пальцем. А на безымянном тускло мерцала серебряная печатка с затейливой монограммой. Я знала это кольцо и знала эту руку. Это была рука Вадима Петровича Бирюкова...

Я визжала, царапая ногтями лицо, до тех пор, пока по батарее не застучали соседи с первого этажа. Мало вероятно, что их обеспокоил шум: обычно таким незатейливым способом они сообщали приятелям с третьего этажа, что тех просят к телефону. Тем не менее грохот подействовал на меня отрезвляюще.

Каюмова же пронзительно икнула и села на пол, прижавшись щекой к шифоньеру.

- Жень, да что же это такое делается? - простонала она, не сводя глаз с осколка кости и серых лохмотьев разможенных мышц. - Что же это такое делается, в конце концов?

Язык меня не слушался. Да если б даже и слушался, я все равно не знала, что сказать. Старая люстра с тремя пластмассовыми плафонами и одной-единственной неперегоревшей лампочкой наполняла комнату мутным желтоватым светом, и в этом свете казалось, что волосы на руке едва заметно шевелятся.

Соседи с новой энергией принялись долбить по батарее - видимо, еще не добудились своих друзей с третьего этажа. Я, судорожно тиская ворот ночнушки, начала пятиться к двери.

- Куда ты? - слабо вякнула Наталья.

Вместо ответа, моя голова неопределенно мотнулась туда-сюда.

- Жень, удирать отсюда надо!

Мне и самой это было ясно. Логика подсказывала, что после моего рассказа с распростертыми объятиями нас примут даже не в одной, а в двух организациях - милиции и дурдоме. Уже всерьез обдумывая оба варианта, я принялась прямо поверх сорочки натягивать джемпер, и тут голос Каюмовой снова возник из тишины:

- Сейчас, сию секунду, в аэропорт надо рвать! К черту квартирную хозяйку! В конце концов, вышлешь деньги переводом. Иначе ей еще тебя хоронить за свой счет придется. Поехали отсюда скорее, Жень. Я боюсь!

«Я боюсь!» Господи! Как часто раньше я сама повторяла эти слова без видимой причины. Боюсь врачей, боюсь вампиров из «жутиков», боюсь тараканов, боюсь покойников... Что за дело мне было теперь до чужих чистеньких покойников, лежащих в аккуратных гробах? Своего мы прекрасно оттранспортировали в пыльном пледе, обули в тапки и закрыли в холодной ванной! В какой там трепет могли повергнуть меня блестящие инструменты дантиста, когда в моей постели лежала рука, отделенная если и не топором, то уж точно кухонным ножом? Прямо-таки смехотворными казались абстрактные вампиры со вставными клыками, если где-то в тумане маячил Человек в сером с толстым слоем бинтов на лице. Тоже маскарад?

Да, но маскарад, имеющий совершенно определенную цель - спрятать настоящее лицо! От этого делалось только страшнее...

- Поехали, - хрипло проговорила я, цепляясь за косяк. - В Шереметьево, во Внуково. Куда угодно, только подальше отсюда!

И мы поехали. Наталья вскочила, рывком сняв через голову ночнушку.

Заметалась по комнате в поисках своих брюк и колготок. Я же передвигалась от полки с бельем до кронштейна с верхней одеждой, как гигантский рак - спиной вперед, и все смотрела на синюшную руку, словно опасаясь, что она вот-вот взовьется в воздух и вцепится мне в волосы.

Окна в доме напротив гасли с неумолимой быстротой, на улице становилось все темнее.

- Значит, так, - бормотала Каюмова, застегивая «молнию» на брюках, - тачку ловим не возле дома, а где-нибудь подальше, на шоссе. Ни в первую, ни во вторую не садимся... Хозяйке черкни записку в пару строк. Замок английский, захлопывается?

- Нет, обычный...

- Жалко. Значит, ключи потом вместе с деньгами вышлешь.

- Так деньги я ей сейчас оставлю, на столе, - клацала зубами я, лихорадочно комкая вещи и засовывая их в сумку. - На билет у меня есть, а в Новосибирске на первое время займем у кого-нибудь...

- Ладно... Помойка у вас тут далеко?

- В каком смысле?

- В прямом. Руку-то куда-то выкинуть надо, а мусоропровода у вас в Люберцах, я так понимаю, днем с огнем не сыщешь?

Мое давнее предложение выбросить Вадима Петровича в канализацию, похоже, прочно запало Каюмовой в душу. У меня же сейчас абсолютно не было желания ни сопротивляться, ни тем более устраивать диспут на морально-нравственные темы.

- Контейнеры за соседним домом. Только ведь найдут ее в два счета. У нас тоже бомжики по помойкам роются.

- Ерунда! Главное, упаковать попрочнее и поотвратительнее... У тебя прокладки есть?

- Есть, - я кивнула еще недоуменнее. - «Олвейз».

- Отлично! Пакет из-под них тащи. Ну и тряпок там каких-нибудь, бумаги туалетной... Замотаем, ни один бомж не полезет, если не слепой, конечно!

Под ванной нашлась еще и пара желтых резиновых перчаток, поэтому нам не пришлось хвататься за мертвую кисть голыми руками. Но все равно, после того как дело было сделано, меня долго и мучительно тошнило в туалете. В прихожую я вывалилась бледная, пошатывающаяся и какая-то заторможенная. Перед глазами плавали разноцветные яркие круги.

- Все, бежим! - выдохнула Наталья, двумя пальцами держа пакет со страшным грузом. Мы выскочили из квартиры, заперли дверь и, перемахивая через две ступеньки, полетели по лестнице.

Как стремительно неслись мы по темным Люберецким закоулкам, как больно и тяжело билась о мое бедро спортивная сумка с вещами! Наконец у ржавых помойных баков Каюмова остановилась и, содрогнувшись от приступа отвращения, зашвырнула отрубленную руку в гору мусора.

- Вот так! - с философским видом заметила она, когда мы, перебежав улицу, уже поднимались по насыпи к шоссе. - Так и растащим нашего разлюбезного Вадима Петровича по всем помойкам города Москвы: тапки в центре, руки в пригороде...

- Заткнись, а! - с чувством попросила я. - Я просто сейчас тебя убью, если ты не замолчишь!

Вряд ли Наталья обиделась или испугалась, но замолчала надолго. Первую фразу она произнесла, только поймав темную «девятку»:

- До Курского вокзала подбросите?

- Садитесь. - Отнюдь не людоедского вида парень открыл заднюю дверцу.

- Нет! - немедленно возразила Каюмова. - Мы передумали!

Тот перевел озадаченный взгляд с нее на меня и резко снялся с тормозов.

Второй автомобилевладелец оказался менее сдержанным и выразительно покрутил пальцем у виска. Зато третий удостоился чести везти нас в Шереметьево - естественно, за соответствующий гонорар.

Запихав сумки в багажник и удобно устроившись на заднем сиденье «тойоты», мы наконец немного расслабились. Правда, это было уже совсем не то расслабление, что пару часов назад в моей люберецкой квартире. Тогда будущее казалось безоблачным и, самое главное, до него было, что называется, рукой подать. Теперь же воспоминание о мертвой руке - отрубленной и обезображенной, сжимало наши сердца холодной, ноющей тревогой.

Справа и слева проносились рекламные щиты и фонарные столбы с россыпью разноцветных электрических лампочек, а я ждала чего угодно: от мгновенной автоматной очереди до медленно материализующегося из воздуха призрака Человека в сером. Кстати, появление призрака было более вероятным и логичным. Если бы нас (или меня?) хотели убить, то вместо синюшной руки наверняка подложили бы в постель взрывное устройство среднего радиуса действия.

Дядечка за рулем пытался нас веселить, то и дело крутя ручку приемника и пытаясь найти на радиоволнах что-нибудь интересное. Пассажиры, несмотря на все его старания, являли собой образец угрюмости и сумрачности. Пела «Академия», жизнерадостный Фоменко шутил с переменным успехом. Мы же сидели, вжавшись в спинку сиденья, и, вероятно, обе мечтали о том моменте, когда сможем вздохнуть полной грудью. Я даже шепнула об этом на ухо Каюмовой, после чего она немедленно бросила на меня критический взгляд и заверила, что лично я сделать этого не смогу никогда. Шутка прозвучала вяловато и кислотовато. Опять надолго повисло молчание.

Перед въездом на платную стоянку Шереметьева водитель «тойоты» сердечно поблагодарил нас за приятную компанию и недвусмысленно протянул раскрытую ладонь. Наталья расплатилась, вполголоса пообещав, что в Новосибирске обьет меня ровно на эту сумму. Мы вышли из машины и снова оказались на сыром осеннем ветру. Аэропорт сиял желто-красными огнями, у стеклянных дверей слонялись хищные таксисты.

- Зал прилета, зал улета, - проговорила Каюмова, перекладывая пакет из одной руки в другую. - Звучит как-то несерьезно. Особенно зал улета... Хотя у нас вообще странные вывески делают. В поликлинике никогда не обращала внимания, что на дверях лаборатории пишут? «Забор крови»! Весело, да? Сразу представляешь себе такую окровавленную изгородь а-ля «Байки из склепа».

Лучше бы она привела какой-нибудь комедийный пример! Впрочем, мне сейчас было вообще не до примеров. Подхватив свою сумку и поминутно озираясь по сторонам, я начала целеустремленно продвигаться к зданию аэропорта.

Как ни странно, по дороге на нас никто не напал и не попытался остановить. Вполне благополучно мы вошли в огромный, заполненный народом павильон и остановились возле ближайшего коммерческого киоска. Все сидячие места были заняты. Почтеннейшая публика читала, дремала, ужинала, устроившись в жестких аэропортовских креслах. Какой-то малыш бродил между рядами с пушистой игрушечной пандой и церемонно знакомил с ней всех пассажиров подряд.

Я никогда не представляла, что до такой степени люблю людей! Особенно собранных в хорошо освещенном помещении и волей-неволей становящихся свидетелями всего, что со мной происходит. Вряд ли при таком столпотворении кто-нибудь рискнул бы отвернуть нам с Каюмовой головы.

Все так же, без приключений, мы подошли к кассе, отдали в окошечко паспорта и деньги, взяли билеты.

- Ты знаешь, мне кажется, это на самом деле все! - немного удивленно проговорила Наталья, рассматривая синюю книжицу с белым силуэтом самолета на первой странице. - Через час регистрация, через два с половиной - мы уже в небе, а утром - в Сибири!

- Дожить еще надо до Сибири-то, - с некоторой долей мудрого пессимизма заметила я.

- Теперь уж доживем. Билеты на руках! - Она беззаботно махнула рукой и тут же плавно перешла на сугубо жизненные проблемы. - Пойдем, кстати, в туалет сходим, а то потом поздно будет...

Фраза прозвучала достаточно двусмысленно, однако охоты шутить у меня все еще не было. Как, впрочем, и желания хоть на пять минут оставаться одной, пусть даже в людном, шумном зале аэропорта.

- Пойдем сходим, - согласилась я. И мы бодренько пошагали к двери с заветной буквой «Ж», находящейся сразу за стойкой упаковки багажа.

Туалет, естественно, оказался платным. Толстая дежурная при входе, внимательно изучающая «СПИД-инфо», равнодушно приняла наши гроши и снова погрузилась в чтение. Каюмова на ходу пробурчала что-то о «ненавязчивом сервисе» и юркнула в первую же свободную кабинку. Я последовала ее примеру.

Минут через пять мы встретились у зеркала, вымыли руки и подбадривающе улыбнулись отражениям друг друга. Выглядели - что я, что Наталья - не так чтобы очень, но утешала мысль, что от возможности спокойно отоспаться и, ни о чем не беспокоясь, полежать на диване с косметической маской на лице нас отделяли всего-то несколько часов лету!

- Ой, Женька, - проговорила Каюмова, выходя из туалета и на ходу заправляя выбившуюся прядь волос за ухо, - какая мне сейчас грандиозная идея в голову пришла! Что, если вашему главрежу предложить одну гениальную пьесу на двух актрис - ну, разумеется, на нас с тобой? Суть там в следующем...

Перейти к изложению сюжета она не успела.

- Женщина в фиолетовой куртке! - раздался за спиной требовательный и строгий голос дежурной. - Вас Женя зовут?

- Да. - Я тревожно обернулась. - А в чем дело?

- Ваш приятель просил передать вам сверток, сказал, что вы забыли, когда вещи собирали. И еще сказал, что будет ждать вас у стойки регистрации.

- Какой приятель? Вы, наверное, что-то путаете?

- Вас зовут Женя? - дежурная начинала заметно нервничать.

Пришлось повторно сознаться, что да. Женя - это я.

- Ну, значит, забирайте ваши вещи. Иначе я все это вон в туалет выкину!

«Иначе» она произносила с ударением на первом слове и в гневе выглядела очень убедительной. Я еще немного помялась на месте и сделала шаг к столику с тарелочкой для мелочи и рулоном туалетной бумаги.

- Эй, может, не надо? - обеспокоенно пробормотала сзади Наталья.

Но плотный сверток, замотанный в полиэтилен, уже перекачивал из полных рук дежурной в мои почему-то вмиг вспотевшие от волнения ладони. Весу в нем было граммов триста не больше, судя по форме - внутри какая-то книжка или коробка.

Отойдя к стене и поставив сумку на пол, я надорвала зубами голубую бумажную ленточку, торопливо развернула упаковочную бумагу и часто-часто заморгала от неожиданности.

С красочной двойной открытки из тех, что в великом множестве продаются в переходах метро, на меня умильно смотрел грустный песик с поникшими ушами.

Бантик на шее у песика был розовый, а порода - неопределенная. Фабричная тисненая надпись внизу открытки гласила: «Не уезжай! Я буду без тебя скучать!»

- Не поняла... - протянула Каюмова, заглядывающая мне через плечо. - Леха твой, что ли, тебя нашел? Он у тебя кто? Экстрасенс? Телепат?

- Вообще-то механик автосервиса. - Я отдала ей открытку и поддела ногтем крышку коробки из-под зефира в шоколаде. - Все-таки мне кажется, с этой посылкой что-то напутали. Женя на свете много и...

Жуткий спазм сдавил мне одновременно горло, желудок и мозг, отняв способность думать и говорить. В данный момент мне хотелось только одного: вернуться в кабинку и как можно ниже склониться над унитазом.

В коробочке с мирными реквизитами кондитерской фабрики любовно обернутая в вату, как какая-нибудь новогодняя игрушка, лежала синяя с восковым отливом мертвая рука. Рука с серебряной печаткой на пальце.

- А как выглядел этот... приятель? - Собственный голос, с трудом пробивающийся сквозь приступы тошноты, показался мне каким-то деревянным.

- Как, как? - Дежурная с явной неохотой оторвалась от газеты. - Приятелей своих, что ли, не знаете? Плащ длинный, лицо перевязано... Вещи-то ваши?

Я заторможенно кивнула.

- Могли бы тогда хоть спасибо сказать. Я вообще-то тут не курьером работаю!

У меня вдруг невыносимо заболел затылок, в глазах начало темнеть, ноги сделались ватными.

- Спасибо! - горестно и зло выкрикнула вместо меня Каюмова, выхватывая из моих слабеющих рук коробку.

Прислонила меня к стене, пару раз легонько шлепнула по щекам.

- Не надо, - едва слышно попросила я, стараясь дышать ртом. Почему-то мне казалось, что воздух вокруг мгновенно пропитался тяжелым трупным смрадом.

- Раскисать не надо! - яростно прошептала она в ответ. - Нельзя сейчас раскисать! Слышала: он ждет у стойки регистрации? Это значит, что из Москвы нас не выпустят. По крайней мере, живыми... Так что драпать надо из аэропорта. И как можно быстрее!

Из тех трех с лишним часов, что я проворочалась с боку на бок в каюмовской постели, по-настоящему заснуть мне удалось едва ли на полчаса. И в эти полчаса, естественно, снились кошмары: какие-то чудовищные грибы с закручивающимися длинными ножками, хлопающие решетчатые двери и отрубленная рука в подарочной коробочке, отправляющаяся в плавание по Москве-реке. На самом деле руку мы выкинули в мусорный контейнер в квартале от Натальино дома, но суть дела от этого не менялась. В восемь утра я села в кровати, подергиваясь, как неврастеник. Сердце мое колотилось со скоростью не меньше двухсот ударов в минуту, а в мозгу пульсировал извечный русский вопрос:

«Что делать?» На размышления о том, «кто виноват», уже просто не было времени.

Каюмова тоже поднялась со своего импровизированного ложа на полу, машинально поправила волосы, что, впрочем, несколько не изменило силуэт «вороньего гнезда» на ее голове, и озвучила-таки мои мысли, бесцветно поинтересовавшись:

- Ну и?..

Я спустила ноги на холодный пол и попыталась отбросить в сторону чугунную балеринку. Балеринка только вяло качнулась, зато большой палец неприятно засадило.

- Не знаю, что «ну и»!.. Вешаться надо. Или стреляться. Кому какой способ больше нравится.

Наталья вздохнула, натянула какое-то серое спортивное трико и отправилась на кухню ставить чайник. Буквально через минуту оттуда послышалась ленивая перебранка. Соседка меломанка возмущалась поведением падших женщин, которые где-то таскаются по ночам, а в пять утра заявляются и будят весь дом.

Каюмова огрызалась, замечая, что некоторым, вероятно, завидно: они и рады бы «пасть», да вот не судьба! Вторая соседка, явно симпатизирующая Наталье, бубнила: «Где кто чихнет она слышит, а как музыку свою потише сделать - сразу глухая!»

За время их перебранки я успела одеться, наспех причесаться и даже прикурить сигарету из каюмовской пачки.

- Ты уже готова, что ли? - спросила она, заходя в комнату с двумя чашками и остатками батона в полиэтиленовом пакете.

- Наташ, я на репетицию сегодня не пойду.

- То есть как не пойдешь? Мне тогда тоже дома прикажешь сидеть? В театре, между прочим, завтра зарплата, а денег у нас с тобой - сама знаешь...

Я знала и про деньги, которых у нас осталось кот наплакал, и про то, что выходить на улицу по одному в наших обстоятельствах глупо и опасно, но вариантов не было.

- Я Леху хочу вызвонить и как можно раньше с ним сегодня встретиться.

Похоже, это наш единственный шанс разобраться во всей этой истории. А ты... В общем, я, на твоём месте, в театр бы сегодня не ходила. Позвони, наври там что-нибудь...

- Ладно. - Каюмова задумчиво прикусила нижнюю губу. - Позвоню и навру. Скажу, что мы с тобой на похоронах.

- А поверят? - засомневалась я, после знакомства с Бирюковым слово «похороны» воспринимающая несколько по-иному.

- Поверят! Все же видят, что мы с тобой закорифанились. А у меня в театре репутация еще та - не хуже, чем у Вадим Петровича.

На том и порешили. Я выскользнула в коридор, набрала номер, записанный на листочке из записной книжки и, к своей великой радости, услышала недовольный Лехин голос:

- Да! Я слушаю... Ну, кто еще там?

- Леша, это Женя! - затараторила я, косясь на соседку меломанку, с видом оскорбленного достоинства застывшую у двери своей комнаты. - Я не улетила, так получилось... Не могли бы мы с тобой встретиться? Прямо сейчас!

- Не улетила? - удивился он. И с некоторым опозданием спохватился. - Прямо сейчас? Ну конечно... Да, я постараюсь... Черт, а с работой-то как же быть?

- Алешенька! Ну пожалуйста!

Леха, потрясенный и умиленный моим просительным тоном, счастливо засопел, подумал с полминутки и выдал:

- Ладно. Работа не убежит... Давай тогда там, где вчера договаривались. Я подъеду где-то через полчаса.

Когда я повесила трубку, соседка, все еще стоящая у двери, демонстративно покачала головой.

- Женщина, - процедила она скучным голосом, каким обычно говорят врачи в женских консультациях, - если вы собираетесь приводить в эту квартиру своих любовников, то не думайте, что это вам вот так просто сойдет с рук!

- У нее пунтик на мужиках, - вслух заметила Наталья, проходя мимо меня в туалет, - так что не обращай внимания. Ты как, кстати, договорилась? ;

- Договорилась, - ответила я и специально для суровой соседки пояснила:

- Вы не волнуйтесь, сюда никто приходить не собирается. Клянусь!

- Значит, телефон не занимайте! - нашла она. - А то платим все поровну, а болтают некоторые по полдня!.. И у кого пунтик, это еще разобраться надо!..

В полдесятого мы с Каюмовой вышли из дому. Она выполняла при мне роль секьюрити. Или я при ней? В общем, Наталье страшно было одной оставаться дома, и она пообещала, что будет сидеть в «Лилии» за самым дальним столиком, тихая, как мышка, и своим присутствием ни в коем случае не помешает нашему романтическому свиданию. Романтического - для меня по крайней мере - в свидании планировалось мало, и я согласилась.

Леха уже ждал за столиком, в волнении ощипывая хризантемы, лежащие перед ним на столе. Цветочки неуклонно лысели, на скатерти образовывалась кучка бело-желтых лепестков. На мышеподобную Каюмову, стремительно юркнувшую в угол, он и в самом деле не обратил внимания, зато мне навстречу кинулся, едва не опрокинув стул. Вообще-то при его общей массе развивать такую скорость было опасно.

- Женька! - Внушительных размеров лапищи стиснули мои плечи. - Женька! А я так до конца и не верил, что ты придешь. Думал, опять улетишь куда-нибудь или «Фуэнтой Овихуной» зачитаешься... Это ведь «Овечий источник» переводится, правильно?

Измучаясь Лехиной тяге к знаниям и придерживая полы выходного светлого плаща, я села за столик. Тут же подошла официантка принять заказ.

Кроме нас с Каюмовой и парочки бизнес-девиц в деловых костюмах, посетителей в кафе не было. Но мой кавалер, похоже, собирался помочь «Лилии» сделать план суточной выручки. После осетрины и «медальонов» из телятины я уже перестала удивляться и теперь только косилась на Наталью, зеленеющую от зависти над своей микрочашечкой с кофе.

Когда официантка удалилась, Леха не очень уверенно накрыл мою руку своей ладонью, с осторожной нежностью погладил пальцы и спросил:

- Так что у тебя случилось? Ты ведь иначе не пришла бы.

- Ну почему сразу «случилось»? - Я до омерзения фальшиво улыбнулась.

- Потому что вижу... Из-за Ольги этой своей, что ли?

- Из-за Ольги - не из-за Ольги...

- Из-за Ольги. - Он невесело, но уверенно кивнул. - Но я все равно рад... Давай тогда, спрашивай, чего ты там хотела?

- Леша, - я прерывисто вздохнула и с какой-то досадой подумала о том, что не надо было так нарочито краситься и так тщательно (как на свидание!) укладывать волосы, - я хотела, чтобы ты мне показал кого-нибудь из постоянных посетителей «Лилии». Если вы со Славой ничего про Ольгу не знаете, то, может быть, кто-нибудь из них?..

Леха наморщил нос и отрицательно помотал головой, не переставая при этом охотиться за фаршированной маслиной:

- Никто тебе ничего не скажет. Думаешь, тут хоть кто-нибудь кем-нибудь интересуется?
- Да, но она - красивая женщина...
- А вот мужики ее почему-то не клеили! Славка говорит: ну абсолютно! Она всегда одна была: посидит, кофе выпьет и уйдет. Только вот раз с тобой появилась...

В это время принесли телячьи «медальоны» с овощным гарниром. Пахли они умопомрачительно. Каюмова за своим столом нервно передернулась и, из последних сил стараясь не принохиваться, принялась с остервенением допивать третью чашечку кофе. Я задумчиво подцепила на вилку листик салата. Есть почему-то расхотелось.

- Ты расстроилась, да? - Леха плеснул еще вина в наши бокалы. - Расстроилась, вижу. Мои все разговоры, наверное, не к месту будут?

- Почему же, говори. - Мне было все равно. План дальнейших действий пока еще не созрел в голове. А сидеть в кафе под защитой было куда лучше, чем в страхе пробираться по пустынным переулочкам или, стоя на платформе метро, напряженно ждать толчка в спину.

- Жень, выходи за меня замуж!

На мгновение мне показалось, что вместо салата я по ошибке положила в рот кактус, и именно он застрял сейчас у меня поперек горла. Леха же продолжал говорить, низко опустив голову и нервно постукивая костяшками пальцев о край стола, говорить быстро, словно опасаясь, что его остановят:

- Глупо, конечно, любовь с первого взгляда и все такое... Но я почему-то уверен, что мне нужна именно такая жена, как ты. Скажешь, я ничего про тебя не знаю? А что мне надо знать? Ты красивая, умная, хорошая. А мужики твои бывшие - Бог с ними...

- Подожди, подожди секундочку! - Я наконец отдышалась и от переживаний залпом выпила вино. - Я что-то не очень понимаю...

- А что тут понимать? Согласна - говори «да», не согласна - «нет». Я не обижусь... И не бойся, главное: я все твои проблемы разом решу, никто не посмеет мою жену тронуть! Да и потом, мы ведь уехать сможем. Я даже собирался уехать...

Мне вдруг сделалось горько и смешно одновременно. Кругом творятся какие-то странные, жуткие вещи, по городу бродит полумистический Человек в сером, рука эта отрубленная всплывает то там, то тут. А я сижу в уютном кафе, кушаю икорку с осетриной и слушаю признания доброго, хорошего мальчика из автосервиса. Слушаю и в глубине души радуюсь тому, что меня любят и готовы защитить. Как будто и не бежала от поруганной любви, как будто и не клялась мстить всем мужикам подряд...

Леха же истолковал мою усмешку превратно.

- А что ты улыбаешься? - пробурчал обиженно. - Думаешь, я тебя в деревню увезу, свиней пасти? Или в Урюпинск какой-нибудь? Я за границу в виду имел: Германию там, или Испанию... Вот куда ты захочешь, туда и поедem! Деньги у меня будут. Почти уже есть!

- Лешенька. - Я мягко коснулась его запястья. Каюмова за своим столиком чуть не вывернула шею от любопытства, боясь пропустить самое интересное. - Это все хорошо, конечно...

- Но ты мне не веришь, да? Ну естественно, автосервис! На тачку там деньги есть, на квартиру, а больше-то откуда? Так вот что я тебе скажу, Женечка, - он рванул ворот рубахи и чуть не прожег на моем лице дырочку взглядом, - такие деньги, какие у меня скоро будут, тебе и не снились. Со Славкой, правда, поделиться придется, но это - святое! Славка мне - названный брат!

И опять смутное ощущение - не то тревога, не то предчувствие - болезненно сжало мое сердце.

- Со Славкой? А это... эти деньги, они никак не связаны с Человеком в сером?

Я-то уже привыкла его так называть, а Леха удивленно повел бровями, усмехнулся, но не удивился! Не удивился ни капельки!!!

- Человек в сером! Прямо название для детектива. - Он отодвинул от себя тарелку и откинулся на спинку стула. - Связаны, Женечка! Связаны! Говорил же я: умная ты баба... Только болтать об этом нигде не вздумай, а то голову тебе оторвут, и не заметишь! У нас-то в этом деле свой интерес...

- Что за интерес? - Я с неожиданной для моей меланхоличной натуры порывистостью подалась вперед, залезла локтем в тарелку с соусом, нервно и наспех протерла салфеткой рукав из дорогой исландской шерсти. - Леша, ты должен мне объяснить, что происходит!

- Ничего я тебе не должен, ради тебя же самой! Прости, но не бабское это занятие - в мужские дела лезть... Одно тебе могу гарантировать точно: со мной не пропадешь... Вкратце, для особо любопытных, обрисовываю ситуацию. Мужика того помнишь, который много болтал? Ну, Вадика?..

Я кивнула и, внутренне содрогнувшись, подумала, что Вадика в целом и по частям буду помнить всю мою оставшуюся жизнь.

- То, что я тебе говорил про одну интересную контору, - тоже? Ну так вот: Вадик натрепался на очень крупную сумму. И сумму эту, мы так со Славкой прикинули, нам будут рады выплатить и компетентные органы, и те, от кого информация «утекла». Сейчас мы просто обмозговываем, кому все-таки грамотнее ее продать...

- Леша, ну намекни хотя бы, что за информация!

- Так ты все равно не поймешь. - Он совершенно искренне округлил и без того круглые глаза. - Говорю же тебе: не бабское это дело!

- Значит, не скажешь?

- Нет. - Леха произнес это так просто и решительно, что я без всяких дополнительных объяснений поняла - все!

Из собственной ли дурости и упрямства, из соображений ли моей безопасности, но он действительно ничего не скажет. Пытаться и дальше копать самой? Бессмысленно... Слава мисс Марпл мне не грозила никогда, читая детективы и пытаюсь вычислить книжного убийцу, я в девяноста девяти случаях из ста попадала пальцем в небо. Что касается детективов с экономической или политической интригой, то их я откладывала на дальнюю полку после первых же трех страниц! Не отличая дебета от кредита и сенатора от карбюратора, нечего было и пытаться оценить изящество сюжета...

Если и здесь дело каким-то образом было связано с большими деньгами, оружием или наркотиками, то оставалось только надеть саван, взять в руки; церковную свечку и, лежа в гробу, дожидаться убийцу. Свои шансы разобраться в происходящем и найти выход я в данном случае оценивала как нулевые. Леха заметил, что я окончательно помрачнела, поздравил официантку и попросил принести еще вина. Следом Каюмова, позеленевшая то ли от злости, то ли от переизбытка, кофеина в организме, заказала себе еще чашечку «черного, со сливками и сахаром».

- Я так понимаю, что мое предложение тебя не устроило? - Леха отщипнул от грозди прозрачную зеленую виноградинку и принялся указательным пальцем катать ее по скатерти. - Не стесняйся, говори!

- Ты только не обижайся, Алеша, - я печально взглянула на испорченный рукав дорогого серого жакета, - но ни о каком замужестве речи быть не может. Я испытываю к тебе скорее сестринские чувства. Был у меня человек, которого я, наверное, любила...

- Все, все! Хватит, хватит! - Он поспешно заслонился от меня обеими руками. - Только рассказов про твоего любимого не надо. Нет так нет!

- В любом случае спасибо за хорошее отношение и за то, что пытался помочь...

- Да ладно, брось...

Повисло неловкое молчание. Виноградинка под смуглым Лехиным пальцем сплющилась и лопнула. Я поняла, что мне пора уходить.

- Еще раз спасибо...

- Я тебя провожу. - Он поднялся следом. - Уж, по крайней мере, друзьями-то мы можем расстаться?

Наталья торопливо захлопала остатками кофе: перспектива добираться домой в одиночестве ей вовсе не улыбалась.

Леха еще раз поздравил девушку в белом фартучке, коротко бросил: «Спасибо, Лариса, все было отлично», положил на столик деньги. «Это все, это конец», - почти равнодушно подумала я, отстраненно наблюдая за тем, как официантка прячет купюры в кармашек. Последняя ниточка, способная привести к разгадке, обрывалась. Теперь нам с Каюмовой оставалось только барахтаться из последних сил, как двум котяткам, которых топят в огромной черной бочке, и надеяться на чудесное избавление.

Когда мы вышли из «Лилии», на улице накрапывал дождь. Леха щелкнул кнопкой черного автоматического зонта и раскрыл его над моей головой.

- Ничего не хочешь мне сказать на прощанье? - спросил он, с каким-то грустным интересом изучая мое лицо круглыми карими глазами. Избитые фразы типа «будь счастлив» и «мне жаль» вихрем промелькнули у меня в голове, потом тягучей болью сдавило виски и возникло такое ощущение, какое бывает перед прыжком с лыжного трамплина (ни с парашюта, ни с вышки в бассейне, ни тем более с тарзанки я никогда не прыгала по причине естественной трусости).

Леха, хороший, добрый, милый, стоял передо мной и покорно ждал прощальной банальности, в глубине души надеясь, что сейчас, в этот последний миг, все чудесным образом переменится. Он не заслуживал того, чтобы просто быть использованным.

- Хочу сказать, - я криво усмехнулась, - хочу... И ты послушай меня, пожалуйста, очень внимательно. Я не могу требовать, чтобы ты хранил тайну: кто знает, как там сложатся обстоятельства. Просто знай: «клоуна» Вадика убили, практически на моих глазах. В его убийстве некого обвинить, кроме меня. Но на самом деле это, скорее всего, из-за этих ваших дел. Так что будь, пожалуйста, осторожен...

Показалось ли мне или он действительно взглянул на меня как-то странно?

Желваки на его щеках тяжело перекатились. Возможно, он хотел мне что-то сказать, но в этот самый момент двери кафе распахнулись, и на крыльцо вывалилась Наталья, выждавшая положенные пять минут после нашего ухода. Ей бы, дура, пройти мимо, сделав вид, что она меня не знает, но она то ли растерялась, то ли, перепив кофе, окончательно утратила способность соображать. В общем, с невыносимой театральностью округлив серые глаза, моя Каюмова ляпнула:

- Ой, Женя! Это ты? А я все сижу за столиком и смотрю: вроде лицо знакомое...

- Да! Какая встреча! - лицемерно обрадовалась я, краснея от осознания надуманности ситуации.

- Ой, вы извините! Если я мешаю, то сейчас уйду... Просто нам с Женей, наверное, потом по пути?

- Ладно, девчонки, - проговорил Леха и опустил голову, пряча невеселую улыбку, - вам, наверное, есть о чем поболтать? Пока, Женька! Долго и нудно прощаться не будем?

С шутовским поклоном он переложил свой зонт в мою руку, а в ответ на мои неловкие возражения только помотал головой. И тогда я, привстав на цыпочки, поцеловала его в щеку. Губы легко укололись о щетину, ноздри зашевелились едва уловимый запах туалетной воды.

- Пока, Женька. Хорошая ты девка, - еще раз произнес мой несостоявшийся жених и быстро пошел прочь, так быстро, словно боялся остановиться и сказать что-нибудь лишнее...

Всю ночь и все утро следующего дня мы с Каюмовой пребывали в весьма странном состоянии. Так, наверное, должен чувствовать себя студент, перед самым экзаменом узнавший, что зубрил не тот предмет, или грешник, оповещенный о конце света заблаговременно и просто утомившийся молиться. Коротко это ощущение можно было охарактеризовать так: «А на кой ляд уже дергаться?»

Нет, сначала мы потосковали, пометались, повспоминали детективы про мафию и те методы, которыми с этой самой мафией боролся главный герой. Судя по нашему новому кино, много мозгов для этого дела было иметь вовсе не обязательно - желательно побольше мускулов и всяких там черно-коричневых поясов. Но ни поясов, ни мускулов у нас с Натальей не было. Да и мозгов не так чтобы уж в избытке.

Я даже поплакала, на полчаса закрывшись в туалете и тем самым злостно нарушив основной принцип общежития коммунальной квартиры. Каюмова выкурила за сутки три пачки сигарет. В театре в тот день играли «Семейный портрет с посторонним». Спектакль был уже пятнадцатым или шестнадцатым по счету, и там прекрасно обходились без нас. Впрочем, везде прекрасно обходились без нас! Мы никому не были нужны, кроме разве что Человека в сером.

Часов около десяти вечера я предложила раскинуть на картах. Наталья сходила к соседке и вернулась с замусоленной колодой. Я раскинула - вышла сплошная чернота, раскинула еще раз - опять тот же результат. Пиковые дамы, восьмерки и девятки лезли одна за другой, ради разнообразия перебиваясь только бубями - денежным интересом.

Кто из нас первой захихикал? По-моему, все-таки Каюмова. Да, точно Каюмова! Она наблюдала за тем, как я достаю из колоды «болезнь», «слезы» и «несчастье» в качестве ответа на вопрос: «Что будет, если мы выйдем из квартиры за хлебом?» - и вдруг начала мелко сотрясаться от смеха.

- Ты чего? - недоуменно спросила я.

- А гроба там, случайно, нет? - нервно прохихикала она. - Ну, гроба на колесиках? А то как-то несерьезно получается: все есть, а гроба нет! Поищи, поищи получше, Кассандра ты наша!

Вместо того чтобы обидеться или окончательно впасть с тяжелую меланхолию, я тоже приснула. Посмотрела на Наталью и захохотала в голос - правда, с некоторой долей истеричности.

В общем, произошло то, что и должно было произойти: количество ужасов, свалившихся на нас за последние несколько дней, ударило по способности адекватно на них реагировать. Не в наших силах было что-либо изменить в нынешней ситуации, но, согласно известному афоризму, мы могли изменить свое к ней отношение. По крайней мере, в тот момент нам так казалось...

Все еще даваясь от смеха, Каюмова выудила из-под кровати толстую книгу, обернутую в газету, и, прикрыв глаза, проговорила:

- Страница двадцать третья, последняя строка снизу. Что там?

- «...А не в гробах, где гример постарался скрыть самые страшные телесные повреждения», - добросовестно процитировала я. Похлопала глазами и возмущенно поинтересовалась:

- Это что такое?!

- Стивен Кинг. «Зеленая миля»! - празднично сообщила она.

К сожалению, в комнате не нашлось ни справочника патологоанатома, ни учебника по судебной медицине, зато мы погадали на монетках и на листочке в клеточку, разграфленном на четыре части: «ж», «с», «л», «р». Это означало соответственно: «жизнь», «смерть», «любовь», «разлука», и на моей памяти последний раз так ворожили классе в четвертом или даже третьем.

Потом попили чаю с остатками сухариков, покурили, сидя на подоконнике.

Никто так и не пришел нас убивать. Послушали радио, сыграли в «морской бой», снова попили чаю - правда, сухариков уже не было.

Наталья откопала на книжной полке старый сборник кроссвордов, снабдила меня ручкой и сказала, что я буду вписывать ответы, потому что у нее почерк крупный и корявый. Мы улеглись валетом на кровати и стали отгадывать. Уже минут через пять поняли, что переживания катастрофическим образом сказались не только на наших нервных системах, но и на интеллектах, однако спортивного азарта это никак не уменьшило.

- Гидротехническое сооружение из пяти букв? - спрашивала я.

- Ванна! - гордо отвечала Каюмова.

- Тогда «бомба» не подходит. В боеприпасе из пяти букв должна быть предпоследняя «н»!

- Пиши «мина», - советовала она. - По-моему, она с двумя «н» пишется...

После двадцатого вопроса по горизонтали мы начали тихо засыпать. Свет в комнате по-прежнему горел, будильник на книжной полке тикал как-то вяло и заторможенно. Однако никто не спешил вставать и щелкать выключателем: во-первых, было лень, а во-вторых, страшно, что вместе со светом растворится в глухой темноте странная эйфория последних часов.

- Подставка для карт при игре в блэк-джек? - спросила я, усилием воли разлепив тяжелые веки.

- Каблук, - так же сонно отозвалась Наталья.

- Странно, но подходит.

- Я же, в отличие от тебя, знаю, что говорю, а то: «дрожащая закуска - колбаса»!

- Я думала, что «дорожная»...

И вдруг словно что-то резко и сильно толкнуло меня изнутри. Я села в кровати, силясь поймать, не упустить промелькнувшую мысль.

- О чем мы с тобой только что говорили?

- О колбасе.

- Нет, не то... Закуска... Блэк-джек... Каблук...

Сердце мое заколотилось часто-часто, как овечий хвост, от недавней теплой сонливости не осталось и следа.

- Наташка, я сейчас скажу тебе одну вещь. Только не считай меня идиоткой, ладно? - проговорила я, судорожно стискивая руки.

- Ну, это смотря что ты скажешь...

- Не надо, не смейся! Помнишь, я говорила тебе, что где-то уже видела Серого? Говорила, что знаю, как он двигается, но не помню откуда? Такое ощущение обычно бывает, если человека видел или очень давно, или мельком, или что-то мешало...

- Ну и?.. - все так же беззаботно произнесла Наталья, однако мне показалось, что она, как и я, напряглась.

- Так вот. Теперь представь, что у человека коренным образом изменилась походка, а все остальное осталось прежним! То есть ходит он по-другому, приседает по-другому, нагибается по-другому, а вот голову наклоняет по-старому, руками разводит по-старому. Может это запутать, ведь правда?

- Что-то я не очень понимаю, к чему ты ведешь?

- Каблуки! - выдала я со смесью ужаса и торжества. - Каблуки! Что еще так сильно меняет походку женщины?!

- С дуба рухнула? - в ответ заботливо поинтересовалась Каюмова. - Какие женщины?! У тебя совсем, что ли, в голове клинит?

- Подожди, послушай!.. Ольга! Я видела ее один только раз, и она была на очень высоких шпильках. Серый был в ботинках на тонкой подошве. Он или молчит, или говорит шепотом, неопределенным голосом! Он прячет под бинтами лицо! Зачем ему прятать лицо, если мы его и так не знаем?! Достаточно надеть темные очки!

Ты, вообще, можешь понять роль Ольги во всей этой истории? Появилась, наняла меня, пропала. А потом вдруг появляется Серый...

- Но погоди, твой хахаль же рассказывал, что Серый расспрашивал про Ольгу? Что-то у тебя концы с концами не сходятся.

- Все у меня сходится! Не все, конечно, но вот это-то как раз можно объяснить! Он, то есть она расспрашивала про Ольгу, когда сидела в «Лилии» с Бирюковым! И потом, что она спрашивала? Кто еще интересуется Ольгой? Все остальные вопросы могли быть просто для отвода глаз, а это ей по какой-то причине действительно было нужно!

Наверное, мое лицо сейчас имело несколько помидорный оттенок: от волнения я всегда ужасно краснею. Каюмова же казалась озадаченной, но какой-то странно спокойной.

- Пусть так, - проговорила она в конце концов, наматывая край одеяла на указательный палец, - но что это нам дает? Что меняется оттого, что Серый - это Ольга? Что меняется для нас, даже если весь этот твой бред окажется правдой?

- Почему ты так уверена, что это бред?

- Ни в чем я не уверена. - Наталья вздохнула. - А главное, ничего не понимаю. Пусть все так, но при чем тут ты? Почему Ольга потом переоделась мужиком? Я не понимаю! Зачем во все это втянули тебя?

- Ни за чем! - огрызнулась я и зашвырнула кроссворды в дальний угол. - Действительно, для нас ничего не меняется... Знаешь, я уже начинаю жалеть, что сбежала тогда из аэропорта, а не подошла к стойке регистрации и прямо не спросила у этого серо-буро-малинового, чего он от нас хочет.

- Сдается мне, возможность побеседовать с ним нам еще представится, - пробурчала Каюмова. Вот на этой оптимистической ноте мы и закончили наш разговор.

Уснули мы на удивление быстро, а утром, как-то не сговариваясь, решили идти в театр. Утро было хорошим, комнату щедро заливало солнце.

- Можно сидеть здесь всю жизнь и ждать смерти, - проговорила Наталья, просто-таки читая мои мысли. - Нет ничего хуже неопределенности. Так и свихнуться недолго... Тебе не кажется, что у нас с тобой уже крыша начинает потихоньку съезжать?

- Кажется, - кивнула я, доставая со стула колготки. И добавила с немыслимым пафосом:

- Кстати, помнишь, как в театральном учили: «Актер может не явиться на спектакль только в одном случае - если он умер!»

- Вшивый про баню, больной про здоровье, - заметила она вскользь.

Однако взглянула на меня с оттенком уважения и тоже полезла в шифоньер за своей вислой кофтой.

В метро мы нарочито беззаботно смеялись, картинно откидывали со лба волосы, шумно радовались всему, начиная с несчастного кота в чьей-то сумке и заканчивая рекламными плакатами на стенах вагона. Так непосредственно ведут себя либо иностранки, либо законченные кретинки, стремящиеся казаться раскованными. Мы были кретинками, но хотели всего лишь напоследок вдоволь нарадоваться жизни. Народ смотрел на нас с подозрением и осуждением. Однако все это были мелочи по сравнению с тем, как взглянула на меня режиссер съемочной группы, уже, оказывается, полчаса дожидаящаяся в кабинете Бирюкова.

- Он же знал о съемках. Дата была оговорена давным-давно! - возмущалась она, нервно стряхивая пепел с сигареты. - Как можно быть таким безответственным? Неужели нельзя было перенести поездку?

- Но это же похороны! - в третий раз жалобно объясняла я. - От него ничего не зависело.

- А-а, от таких, как ваш Вадим Петрович, вечно ничего не зависит! - Режиссерша досадливо отмахнулась и уже спокойнее добавила:

- Ну, значит, вы, как его ассистент, скажете перед камерой несколько слов о режиссерской концепции спектакля.

Планировалось, как выяснилось, отснять всего десять или пятнадцать минут репетиции. В зале установили осветительную аппаратуру и камеры, актеры по моей просьбе поднялись на сцену. Пока оператор, перепрыгивая через провода, что-то поправлял, устанавливал и матерно ругался, все терпеливо ждали. Потом ждали ведущую - крашеную блондинку, неуклюже балансирующую, на грани между плохо сохранившейся пионеркой и молодежкой пенсионеркой. В конце концов она встала перед камерой, профессионально поиграла мышцами лица, дождалась сигнала и начала:

- Сегодня мы в гостях у театра-студии «Эдельвейс». Здесь ставят «Гамлета». Вы скажете, что нового можно открыть в классических шекспировских образах? Что необычного и нового отыскать в философской задумчивости принца Датского, нежной трепетности Офелии и коварстве Клавдия?..

Я злорадно улыбнулась. «Нежная трепетность Офелии»! «Философская задумчивость принца»! Сейчас мы вам и «откроем» и «отыщем»!..

Начали, естественно, со столь полюбившейся мне сцены с Клавдием и Гамлетом. Уже одна только мизансцена произвела на съемочную группу неизгладимое впечатление. Что же было говорить о исполнителях главных ролей? Гамлет орал дурным голосом и грозил папеньке пистолетом. Тот не отставал, периодически нюхая марафет. А по сцене расхаживали Вольтиманд с Корнелием, которым в беседе со старым Норвежцем давалось «не больше власти», чем «отведено статьями». Судя по внешнему виду дворян, статьи у них в прошлом были весьма серьезные.

Разбирающийся в Уголовном кодексе оператор даже предположил шепотом что-то насчет «умышленного убийства» и «бандитизма».

В общем, мы произвели фурор и не подвели покойного Вадима Петровича.

Домой мы с Каюмовой возвращались едва ли не в приподнятом настроении.

- Весело живем последние дни! - рассуждала она, нахально и весело нажевывая «Орбит». - Я, например, чувствую себя смертником, которому за сутки до казни выдали миллион долларов и разрешили творить что угодно... Господи, в этом даже есть какой-то кайф! Теперь-то я понимаю все эти фильмы про раковых больных и спидоносцев.

- Да, - вторила я тихим эхом и со светлой тоской думала о том, что так и не сходила ни во МХАТ, ни в Большой.

В конце концов довольно абстрактные «предсмертные» мечты и фантазии Каюмовой вылились во вполне конкретную бутылку «Финляндии» и батон колбасы с оливками.

Со всем этим богатством мы заявили домой и опрометчиво направились к холодильнику. И тут нас заметила соседка - не та, что слушала «Кармен-сюиту» и нудила насчет морального облика, а та, что заступалась за Наталью.

- О! - обрадовалась она, с вождением глядя на нашу «Финляндию». - У вас праздник, девочки? Вас поздравить можно?

- Сейчас на хвост упадет, - жлобски прошептала я.

Но Наташка неожиданно решила проявить великодушие. Видимо, состояние смертника перед казнью оказывало на ее душу облагораживающее воздействие.

- А, тетя Паша, пойдемте с нами. - Она махнула рукой. - Гулять так гулять! Только у нас бардак, вы уж не обращайтесь внимания.

- Да что вы, что вы! - засуетилась тетя Паша. - Можно подумать, у меня порядок. Я все понимаю, дело молодое... А если хотите, можно, кстати, пойти и ко мне? У меня и огурчики есть, и капуста...

Мы, понятное дело, согласились. Переоделись в домашнее, охладили-таки водочку, захватили каюмовские сигареты и отправились в гости в соседнюю комнату.

Тетя Паша уже собирала на стол. На белой скатерти стояли тарелки с маринованными помидорками, солеными огурчиками в мелких аппетитных пупырышках и аккуратно нарезанным хлебом. Для тихой алкоголички каюмовская соседка с удивительным тщанием вела домашнее хозяйство. Даже телевизор у нее был - старенький, черно-белый, накрытый льняной салфеткой.

Первую стопку мы выпили под выпуск новостей, вторую - под передачу «Позвоните Кузе», а третью - под «Коммерческий калейдоскоп». Перед тем как положить в свою тарелку новую порцию капусты, Наталья в очередной раз щелкнула переключателем программ. На экране возник спортивный комментатор, вещающий об успехах нашей баскетбольной сборной.

- Теть Паш, чего вы программу себе не купите? - Каюмова с досадой принялась щелкать переключателем. - Я-то понятно, у меня телевизора нет...

- А у меня лишних денег нет! - отозвалась та.

- Так давайте у Крысы украдем, у нее вон каждый день какая-нибудь газетка в ящике торчит! А сегодня пятница как раз. Поди, есть там программа?

Меня в особенности местного диалекта не посвящали, но почему-то и так было ясно, что Крыса - вероятно, соседка, любительница классической музыки.

Ярая противница воровства, на этот раз я тоже сочла разумным растрясти Крысу.

На дело мы пошли вдвоем. Поковырялись в ящике шпилькой, подцепили газету сквозь одну из трех круглых дырочек. Медленно и неумолимо она поползла к верхней прорези.

- Оп-пля! - крикнула Наталья, хватая ее за угол. Прислушалась к шагам на лестнице и завопила совсем уж жизнерадостно:

- Ну что, подлые убийцы! Идите, убейте нас! Мы вас больше не боимся!

В комнату мы вернулись маршевым шагом, с победным видом положили добытую прессу на стол перед тетей Пашей.

- А ведь есть программа! - Она радостно всплеснула руками, аккуратно отодвинула тарелочки, разложила газету во всю ширь. Наталья в это время сдвигала стопки, чтобы не тянуться с бутылкой через весь стол.

- Та-ак... «Улица Сезам»... «Ключи от форта Байяр»;.. - бормотала тетя Паша, водя подрагивающим пальцем по строчкам. - Здесь тоже ничего интересного... Ой, девки, вы только почитайте, что творится! И совсем ведь рядом с нами!

- Чего? - лениво поинтересовалась Каюмова, уже успевшая наполнить две из трех емкостей. Я же просто привстала со стула, наклонилась вперед - и окаменела...

Рядом с программой, под рубрикой «Срочно в номер» была напечатана фотография двух молодых мужчин. Двух МЕРТВЫХ молодых мужчин с практически отделенными от тела головами. Перекошенные судорогой лица, распахнутые непонимающие глаза. И короткая заметка, набранная жирным шрифтом:

«Вчера вечером в подъезде дома по улице Николо-ямская были обнаружены сразу два трупа. Убитые - бармен кафе «Лилия» Болдырев Вячеслав Олегович, 1973 года рождения, и служащий автосервиса Митрошкин Алексей Валерьевич, 1970 года рождения...»

Ноги у меня подкосились, в глазах потемнело. Последнее, о чем я успела подумать, была смешная Лехина фамилия - Митрошкин.

Потом испуганно ахнула тетя Паша. Моя судорожно сжимающаяся рука потащила за собой скатерть, и, стремительно переворачиваясь, надо мной мелькнуло абсолютно белое лицо Каюмовой. Похоже, ей больше не хотелось кричать: «Идите, убейте нас! Мы вас не боимся!»

Голова тяжелая, как эмалированное ведро с водой. Глаза ломит. Руки и ноги мелко подрагивают, как оторванные лапки паучка-«косиножки». Правую щеку больно колет. Разлепляю веки, слегка поворачиваю голову - осколок тети Пашиной тарелки... Сейчас, конечно, не до стыда, но все равно как-то неловко. Всю жизнь считала, что в обморок падают либо истерички, либо симулянты. Причем именно последние норовят сделать это как можно эффектнее: рухнуть прямо на руки к мужчине, красиво разметать в падении волосы или на худой конец перебить гору чужой посуды.

- Девочка, тебе лучше? - заботливо спрашивает тетя Паша. Лицо у нее встревоженное, изо рта весьма ощутимо тянет водкой.

Где-то позади тихой чайкой стонет Каюмова.

- Лучше. Спасибо.

Я поднимаюсь, тяжело опираясь о стул. Наталья всхлипывает на кровати, кругом валяются осколки стекла, ошметки квашеной капусты и алые бусинки моченой брусники - следы моего разрушительного падения. Кроме водки, в комнате тревожно пахнет валерьянкой.

- Наташа мне объяснила все...

Тетя Паша, вздыхая и горестно покачивая головой, опускается на колени и начинает собирать то, что осталось от посуды.

- Разве ж я знала, что это твой парень? Горе-то какое, а? И молодой ведь совсем! Что творится! Что делается!..

В глаза мне она старается не смотреть. Зловещая газета, смятая, валяется в углу. Полная и немолодая тетя Паша, стоящая посреди комнаты на коленях, похожа на циркового слона, понукаемого кнутом дрессировщика.

- Да... - говорю я тупо и отрешенно. К чему это «да» относится, не понятно никому даже мне самой.

Каюмова, подбирая полы халата, поднимается с кровати.

- Идем, - произносит она. Лицо у нее зареванное, губы дрожат...

Более или менее опомнилась я уже в каюмовской комнате. За окном было совсем темно. Лампочка под потолком светила тускло и безжизненно. Жалкая девятиметровая каморка отчего-то неуловимо напоминала мертвецкую. А на незастланной постели сидели мы - пока еще живые. Пока...

От недавней разудалой лихости не осталось и следа. Ужас цепкими, острыми коготками впивался в мой мозг. Подташнивало и знобило. Наверное, так должен ощущать себя онкологический больной, воочию увидев смерть соседа по палате - соседа с точно таким же, как у него самого, диагнозом.

- Что делать будем? - спросила Наталья бессмысленно и тихо, перебирая ситцевые рюши и глядя в пустоту.

- Не знаю, - отозвалась я.

- Валерьянки еще выпьешь? У меня есть.

И, не дожидаясь ответа:

- А я выпью. Мне надо.

Валерианки мы выпили обе, добавили по таблеточке реланиума и забрались в постель, тесно прижавшись друг к другу. Как назло, за окном начался дождь. И частый стук капель походил на звук неумолимо приближающихся торопливых шагов.

Раз пятнадцать вставала Каюмова - проверить замок, шпингалет на окне, пододвинуть к двери стул с горой тяжелых книжек. Еще раз десять - я. В туалет ходили вместе: одна делала свои дела, а вторая стояла часовым у двери. Заснули, наверное, часа через два - не раньше...

То ли реланиум помог, то ли мои бедные нервы не могли больше переносить постоянный шок и провисли, как оборванные гитарные струны, - во всяком случае, спала я крепко и без сновидений. Как нырнула в холодную черную дыру, так и вынырнула из нее только в десять утра. Точнее, в 10.05. Минутная стрелка моих наручных часиков уже переползала за первое деление. Каюмовой рядом не было. Не было ее и в комнате.

«Осмелела девка», - подумала я с оттенком невольного уважения.

Впрочем, утром выходить из комнаты было не так страшно. С кухни доносился грохот посуды и тянуло подгоревшей гречневой кашей. То ли тетя Паша там хозяйничала, то ли Крыса-

меломанка. А возможно, там же отиралась и Каюмова, решившая на скорую руку приготовить нам завтрак.

Стараясь сразу попасть в тапки, я спустила ноги с кровати, сняла со спинки стула лифчик и джинсы. Мельком глянула в овальное зеркало, ужаснулась увиденному. Наталья все не возвращалась.

Я покурила, сидя на подоконнике, прошлась по волосам редкой пластмассовой расческой, от самой макушки заплела «колосок». Каюмовой не было.

Тяжело прошлепала по коридору тетя Паша. На кухне сразу стало тихо. У меломанки в комнате снова бравурно заиграла «Хабанера».

Превозмогая страх и какую-то липкую слабость, я сползла с подоконника, на цыпочках подошла к двери. Кроме рева симфонического оркестра - ни звука.

Вообще-то «Кармен-сюита» мне нравилась, но я чувствовала, что скоро начну испытывать к ней непреодолимое отвращение - такое же сильное, как к овсяным печенюшкам. Еще минут пять попыталась послушать возле косяка - все без толку.

Выдохнув, как перед прыжком в воду, толкнулась в дверь, - видимо, слишком слабо. Толкнулась еще раз и еще... Реланиум, конечно, подарил сон без кошмарных сновидений, но сильно замедлил мои реакции. Только с тупой, ноющей болью в плече пришло осознание: я заперта? Заперта снаружи! И каким-то очень сомнительным показался сразу тот факт, что Наталья заперла меня, решив выскочить в туалет или на кухню.

И все же я не упала в обморок повторно и не забилась в истерику.

Стараясь сохранять жалкие остатки спокойствия, отошла от двери, обежала взглядом комнату - в пределах видимости ключа не было. Не оказалось его ни в тумбочке, ни на полках, ни под кроватью - его не оказалось нигде!

- Тетя Паша! - жалобно позвала я через дверь, потом постучала в стену.

В соседней комнате завозились, что-то зашуршало возле розетки.

- Чего? - Голос долетал невнятно и глухо, как через многометровый слой ваты.

- Наташа у вас?

- С чего бы это? А что, она не с тобой разве?

- Да нет ее здесь... И главное, комната снаружи заперта.

Тетя Паша помолчала. Потом все так же на фоне «Кармен» что-то тяжело упало на пол.

- Жень, может, она в магазин вышла? - Тети Пашин голос послышался уже из-за двери. - Вернется и отопрет... Тебе что, куда выйти надо? Как себя чувствуешь-то вообще?

- Теть Паш, а в квартире ее точно нет?

Снова тяжелые, шаркающие шаги. Скрип дверных петель, дребезжание оторванного шпингалета. Все это слышно благодаря тому, что Крыса приглушила проигрыватель, - наверное, подслушивает.

- Нет. В туалете нет. И в ванной тоже... А она что же, засранка, ключей тебе не оставила?

На фоне вчерашних событий слово «засранка» прозвучало с неуместной игривостью. Тетя Паша это быстро прочувствовала и неловко засопела:

- Я даже не знаю, что и делать. Ну жди ее... Булочная-то у нас рядом. И «Кулинария». Поди, минут через пять прибежит?

Я уже почти готова была поверить в то, что Каюмова, проявляя неуместный героизм, рванула в магазин за свежими плюшками. В принципе от нее всего можно было ожидать. Но тут раздался противный, тусклый голос - из своей комнаты выползла соседка.

- Нет вашей приятельницы, - заметила она вскользь, видимо проходя мимо двери моей каморки на кухню. - Я благодаря вашему вчерашнему шуму полночи не могла заснуть и сегодня встала в шесть утра. Так вот с шести никто в квартиру не входил и никто отсюда не выходил... Я так понимаю, она еще ночью ушла? Вы-то разве не слышали?

В животе у меня противно похолодело. Рот заполнился кислой, вязкой слюной. Я судорожно вцепилась пальцами в косяк и еще плотнее прижалась ухом к двери, царапая щеку об облупившуюся масляную краску:

- Как - ночью? Куда ночью? Откуда вы знаете?

- Куда ночью - это вам виднее. - Крыса гадостно хмыкнула. - И вообще, вы знаете, наша беседа кажется мне смешной!

Мне она смешной отнюдь не казалась, но по всему выходило, что добровольно продолжать разговор меломанка не намерена.

До этого я вышибала дверь лишь однажды - когда сама себя захлопнула в гримерке, еще в Новосибирске. Там было жалкое фанерное изделие, гордо именуемое дверью совершенно не по праву. А эта толстая, добротная доска поддалась с пятого удара массивным стулом. Косяк треснул, замок перекосялся, в щели показался стальной язычок.

- Я на вас в РЭУ пожалуюсь! Милицию вызову! - испуганно заверещала Крыса. - Это что такое творится?! Бандитка! Проститутка!

- Да помолчи ты, у нее жениха убили! - горестно заметила тетя Паша, со своей стороны просовывая в щель то ли напильник, то ли стамеску.

Когда я вырвалась на свободу, меломанка испуганно вжималась в стену, из последних сил пытаясь придать себе вид гордый и независимый. Путь к отступлению ей отрезала тетя Паша, выступающая в совершенно другой весовой категории.

Рыжеватые волосы соседки слиплись жирными прядями. И вообще, вид у нее был какой-то непромытый и омерзительный. Впрочем, мне сейчас не хотелось ни ехидничать, ни разворачивать боевые действия.

- Извините, не знаю вашего имени-отчества... - Я провела ладонью по лбу и почувствовала, как ноет подвывихнутое запястье. - Не могли бы вы поподробнее рассказать, что слышали ночью... Вы ведь что-то слышали? Я правильно поняла?

- Вера Николаевна.

- Что?... Ах да! - спохватилась я, осознав, что Крыса называет свое имя.

- Так вы действительно что-то слышали?

- Ну, если после вашей вчерашней веселой гулянки можно было вообще сохранить слух...

Тетя Паша неодобрительно покачала головой. Видимо, хотела напомнить про убитого жениха и неуместность брюзжания, но при мне не решалась. Меломанка скрестила сухонькие, маленькие ручки на груди и, чувствуя себя хозяйкой положения, спокойно опустила на высокий деревянный ларь:

- Вообще-то слышала. Удивительно только, что не слышали вы!.. Часа в два это, наверное, было. Или в три?... Точно не скажу - на часы не смотрела.

Я от нетерпения заскрежетала зубами. Если б мне сейчас измерили пульс, то наверняка обнаружили бы кошмарную тахикардию. Все поджилки у меня тряслись, в горле было сухо и горячо. Меломанка продолжала основательно и неспешно вещать:

- Ну вот... В общем, в дверь позвонили. Я почему-то сразу подумала, что это могут быть только к вам. К нам с Павлиной Андреевной за полночь гости не ходят... Раз позвонили, другой... Потом слышу, у вас дверь открылась, кто-то протопал. Потом - Натальин голос. А потом все - дверь хлопнула!

- И больше ничего?

- Ничего... А вам еще .хотелось, чтобы я вышла и посмотрела, кто там пришел и чего хочет? И так, наверное, уже все косточки мне перемыли: мол, дура старая подслушивает, поглядывает еще и мораль читает... Матерей на вас нет и отцов с розгами, вот что я вам скажу! Да в прежние бы времена...

- Еще раз извините, Вера Николаевна... - Я, поморщившись, прервала поток ее гневных излияний. - Вы сказали, что Наташин голос услышали? Она с кем-то разговаривала? С мужчиной или с женщиной?

- Какая вы, честное слово, странная! - Меломанка возмущенно вскинула брови. - Я же вам русским языком говорю: не выходила, не смотрела, не прислушивалась!

Тетя Паша, устав стоять, нащупала позади себя перевернутое жестяное ведро и опустила на него с осторожностью борца сумо, сажающегося на детский стульчик.

- Ты, главное, успокойся, Жень, - начала она с материнской заботой в голосе, и из-за нее я чуть не пропустила самое главное.

- «Это ты?» - она спросила, - пробормотала меломанка, как бы между прочим. - И все, по моему... Ну как, могла я по одному этому понять - с мужчиной она там разговаривала, с женщиной, с Полканом подзаборным?..

- «Это ты»? - Я вскинулась. - А как она это спросила? Испуганно? Удивленно? Обрадованно? Вера Николаевна, милая, ну вспомните, пожалуйста! «Это ты» - и все?

- Все.

Она поднялась с ларя и заботливо поправила вытянутую трикотажную юбку цвета неопределенного и гнусного.

- «Это ты» - и все... А всякие там интонации разбирать - я вам не актриса!..

Тетя Паша пыталась зазвать меня попить чаю или чего покрепче, если мне требуется. Но я отказалась. Упала ничком на кровать и, зажмурившись, закусила подушку.

Вероятно, почувствовав опасность, Наташка заперла дверь в комнату, прежде чем открыть дверь. Другую, за которой стоял неведомый человек. Испуганно или удивленно спросила: «Это ты?» - увидев знакомое лицо. Увидела и поняла что-то такое, чего не могла понять до сих пор. А человек по ту сторону порога не произнес ни звука. В жуткой тишине зажал Наталья рот. Или ударил ножом, как Бирюкова. Или просто схватил за горло...

Ольга? Человек в сером? Пугающе знакомое лицо, показавшееся из бинтов? Я знала манеру Серого двигаться. Она узнала человека, пришедшего по ее душу, и, еще боясь поверить, успела переспросить:

«Это ты?!»

Зачем она вообще пошла открывать? Почему не разбудила меня и одна вышла из комнаты? Пожалела? Просто устала бояться и изнывать в постели, обливаясь холодным потом? Не выдержали нервы? Или что-то еще?

А не слишком ли надолго она задумывалась, когда я во второй или в третий раз описывала, как выглядит Ольга? Не слишком ли неуверенно отвечала:

«Н-нет... Не знаю... Никогда ее не видела»? Может быть, это описание, за исключением некоторых деталей, все-таки подходило к кому-то из ее знакомых? А что такое для женщины - детали? Другой цвет волос, новая прическа, цветные контактные линзы, иной макияж - и все, другое лицо... Да что там говорить? С помощью профессионального грима можно изменить внешность до неузнаваемости.

Время шло, а я по-прежнему недвижно лежала на кровати, глядя в угол комнаты на облупившийся плинтус и серую полоску пыли на стыке его с обоями. Не хотелось шевелиться, не хотелось дышать, не хотелось жить. Жить было слишком страшно, дышать - слишком больно. Казалось, мои органы тихо отмирают один за другим.

Сначала легкие, потом сердце... На месте желудка - сплошной комок горячей боли. Если бы мне предстояло прожить еще хотя бы лет десять, то я непременно затревожилась бы, подозревая язву. А сейчас какой смысл трястись?.. Слух тоже притупился. Торжественные финальные колокола «Кармен-сюиты» слились в один непрекращающийся гул...

За что убили Наталью? (В том, что ее убили, я уже почти не сомневалась). Ну ладно Бирюков - он слишком много знал и слишком много болтал. Ладно Славик с Лехой. (Господи, как же можно! Леха, такой хороший, такой родной, - и убит!) Но как бы там ни было, они тоже знали немало, кроме того, собирались по-своему распорядиться информацией. Следующей, по логике, должна была стать я. Могла что-то услышать от Бирюкова, еще вероятнее - что-то узнать от того же Лехи!

Скорее всего, я слышала или видела что-то такое, чему не придавала значения. Было же, было смутное, неясное ощущение тревоги! Но Наташка!.. При чем здесь Наташка?! Если они, он или она следили за каждым нашим шагом, если подкараулили у подъезда Вадима Петровича и передали в аэропорту отрубленную руку, то они не могли не понимать, что Каюмова вошла в эту историю абсолютно случайно, что она выполняет роль преданного, надежного друга - и не более того?! Но как понимать тогда странное «Это ты?»...

Дверь, или то, что от нее осталось, скрипнула за спиной неожиданно. Я даже не успела испугаться и автоматически села на кровать, опершись рукой о край железной сетки. А на пороге стояла она. И сердце мое, жалобно екнув в последний раз, стремительно провалилось куда-то в живот.

На ней был все тот же свингер. Правда, вместо пестрого платка, мягкий, широкий голубой шарф.

Все те же сапоги, на тонких и острых шпильках. Темные волосы лежали на плечах тяжелыми волнами. Глаза блестели странно и нехорошо.

- Не-ет! - просипела я, сползая на пол и больно обдирая спину. В голове промелькнула шальная, глупая мысль: «Никогда не думала, что смерть придет за мной именно в таком облике!» Отчаянное, последнее: «Кто ее пустил? Почему ей открыли дверь? Где тетя Паша? Где меломанка, в конце концов? Мама! Мамочка!!!»

- Прекратите ломать комедию, вам это не идет, - сухо сказала Ольга, стягивая с руки узкую замшевую перчатку. - Мне хотелось бы узнать, почему вы не выполнили мое поручение, и, естественно, получить обратно неотработанный аванс...

Часть вторая

«Блаженный дух иль окаянный демон...»

В гриль-баре было жарко и темно. На улице просыпалась первая снежная крупа, серый асфальт затянуло рваной белой вуалью. Воздух сделался каким-то прозрачным и звенящим. А здесь медленно крутились на вертеле истекающие соком куриные окорочка, пенилось пиво и в высоких узких бокалах мерцало вино.

Мы с Ольгой сидели за угловым столиком друг напротив друга. Я старалась левым глазом смотреть на нее, а правым осторожно косить в сторону выхода, чтобы при первом же подозрительном движении рвануть вперед, сметая на своем пути стулья и громко взывая о помощи... Господи, да ни за что на свете я бы не вышла из Наташкиной комнаты! Ни за какие коврижки не согласилась бы отцепиться от железной ножки кровати, если бы Ольга еще там, в душной коммуналке, где любопытными тенями бродили тетя Паша с меломанкой, не начала с таким великолепным презрением требовать у меня свои кровные доллары...

- Мошенница, воровка, аферистка, - хлестко и холодно говорила она, похлопывая о ладонь перчатками. - С кем-нибудь другим ваши незатейливые штучки, может быть, и прошли бы. Но только не со мной! Наша прошлая беседа записана на диктофон - я всегда подстраховываюсь в подобных случаях, - и с пленкой я прямо отсюда пойду в милицию. Вас выставят из Москвы в два счета. Но отправят не домой, а в ближайшую колонию... Думаете, сложно будет доказать факт мошенничества?!

В дверях уже маячила любопытная Крыса, делая вид, что совершает невинный моцион по коридору. Тетя Паша, видимо, подслушивала, приставив к стене банку, - в районе розетки что-то время от времени скреблось и постукивало.

Кем только меня не обзывали за всю мою недолгую жизнь, но вот воровкой - еще никогда! Да и в Ольгиной решимости выцарапать обратно свои капиталы чувствовалась какая-то несвойственная кошмарному убийце мелочность. Скорее всего, в этой игре она была только пешкой, В общем, я несколько осмелела и, отодвинувшись как можно дальше, спросила:

- Кто вы, вообще, такая? Почему втравили меня в эту историю? А если мне в милицию пойти, вам это понравится?

Она поморщилась, нервно поправила свой роскошный голубой шарф и сухо заметила:

- Надо уметь проигрывать с достоинством. Я вас вычислила, я вас, как говорится, приперла к стенке, вам остается только вернуть деньги - и разойдемся по-хорошему!

- Но вы ведь не актриса. Вы ведь никогда не играли в «Эдельвейсе», верно?

От собственной наглости мне стало даже нехорошо: за моей обличающей фразой вполне мог последовать удар или выстрел. Но Ольга только прищурила длинные зеленые глаза:

- Да, я не актриса. Это, по-вашему, что-то меняет? Или освобождает вас от обязательств по отношению ко мне? Был заказ, было согласие его выполнить, вы взяли аванс...

Меломанка в обнимку со своей ужасной зеленой кастрюлей пошла на пятнадцатый или шестнадцатый круг. Возникло ощущение, что в кастрюле у нее - зловредный младенец,

которого надо непрерывно укачивать. Ольгу, похоже, тоже изрядно раздражало непрерывное движение за спиной.

- Может быть, вы все-таки пригласите меня в комнату? Поговорим, как цивили...

- Нет, оставайтесь, пожалуйста, там! - поспешно перебила я, демонстрируя чудеса гостеприимства. - Я вообще ни о чем с вами разговаривать не буду, пока вы не объясните, как меня нашли. Я ведь здесь не живу - только гощу...

- О Господи! - Она страдальчески подняла глаза к потолку. - Да все в том же «Эдельвейсе» про вас узнала. Вы сдружились с Наташей Каюмовой - просто не разлей вода, занимаетесь непонятно чем - репетируете, для телевидения снимаетесь... Адрес Каюмовой - это ведь не государственная тайна, правда? Уж извините, что не сообщила заранее о своем визите! И вообще, я пришла сюда не затем, чтобы исповедоваться...

Брезгливо покосившись на деревянный ларь, находящийся в опасном соседстве с ее светлым свингером, Ольга сделала еще одну попытку войти в комнату.

- Нет! - снова взревела я, выставляя вперед руку.

Ольга вздохнула, посмотрела на меня почти с состраданием и поинтересовалась:

- Интересно, почему это вы меня так боитесь?..

Ей еще было интересно! Ха-ха...

После непродолжительных переговоров о месте нашей дальнейшей беседы мы наконец пришли к консенсусу. Разговаривать в присутствии соседей не улыбалось обеим. Но Ольга настаивала на каком-нибудь маленьком, уютном кафе типа «Лилии», а я требовала кафе большого, многолюдного, хорошо освещенного и, желательно, находящегося в непосредственной близости от отделения милиции. При упоминании же о «Лилии» мне вообще делалось дурно. Гостья взидала на меня со все большим подозрением, с моими требованиями соглашалась осторожно, как психолог, ведущий переговоры с умственно неполноценным маньяком, в общем, играла достаточно убедительно. В конце концов сошлись на гриль-баре в двух шагах от метро...

И вот теперь я сидела перед ней, бледная, нервно трясущаяся, да еще и странно косящая, а Ольга уже в третий или четвертый раз устало повторяла:

- Да, я не актриса и никогда ею не была. Я - экономист. Но это еще не повод для того, чтобы меня бояться.

Сок в наших бокалах потихоньку грелся, в округлой фирменной пепельнице тлела сигарета.

- Но зачем же вы тогда сказали, что актриса?

- А для вас это имеет какое-то значение? Я могла бы назваться хоть космонавтом, это мое личное дело... Если угодно, считайте это моим маленьким капризом!

Умиляться при слове «каприз» мне почему-то не хотелось, а хотелось только одного: разобраться наконец, что же все-таки происходит?! Я, конечно, не считала уже, что Ольга и Человек в сером - одно и то же лицо (двигалась она совсем по-другому!), но то, что моя заказчица каким-то образом была замешана в случившемся, сомневаться не приходилось.

- Д-да, маленький каприз... - повторила она задумчиво и, поднеся близко к лицу зажигалку, высекла кремнем язычок пламени. - Впрочем, я могу и объяснить, если это вас успокоит... Мне хотелось быть актрисой, хотелось видеть Вадима каждый день, быть, как это у вас говорится, «послушной глиной в режиссерских руках». Я ведь знала по его рассказам всю труппу, знала, над чем он работает, с кем ругается, на кого возлагает надежды. Господи, кем я только себя не представляла раньше: и леди Монтекки, и Гертрудой, и Анфисой! Мне кажется, я понимала его, как никто! Ни одна профессиональная актриса не смогла бы сыграть лучше, чем я, не смогла бы сделать именно так, как он просит!..

«Тоже мне, Комиссаржевская! - думала я с ненавистью. - Сидишь тут, губки кривишь и ресничками томно трепещешь! А я по твоей милости в полном дерьме!»

- Хотя это все ненужная лирика! - Ольга неожиданно усмехнулась и подняла на меня спокойные зеленые глаза. - Можно объяснить и проще: я не знала, насколько легко вы находите компромисс с моралью, и сомневалась, согласитесь ли вы мне помочь, если будете в курсе истинного положения вещей. Ведь мерзкий режиссеришка, соблазняющий ежесекундно молоденьких глупых актрисок, гораздо больше заслуживает кары, чем тот же режиссер, бросивший скучную даму-экономиста. Кстати, я не слишком преувеличила: Вадим на самом

деле жуткий кобель. Просто из уст актрисы все это звучало как-то более убедительно. Но вернемся к нашим баранам: где мои деньги?

- Если дело обстоит именно так, как вы говорите, то почему вы не пришли в театр на следующее утро? - вопросом на вопрос ответила я.

- Почему же не пришла? Я пришла. Немного послонялась по фойе, особого оживления после того, как актеры зашли в зал, не заметила и поняла, что вы просто-напросто не выполнили свою работу!

Для кого она это говорила? Для себя? Для меня? Или опять для диктофона, лежащего на дне сумки? Если бы кому-нибудь пришло в голову составлять милицкий протокол по ее словам, то ситуация нарисовалась бы, мягко говоря, неприятная - для меня, естественно, не для нее! Несчастливая женщина, покинутая любовником, решает этому самому любовнику отомстить. Единственный ее грешок состоит в том, что она, движимая трезвым расчетом и одновременно подстегиваемая романтическими фантазиями, представляется театральной актрисой. Однако орудие мести, то есть я, начинает действовать совсем не так, как предполагалось: режиссер, которого поручено всего лишь осмеять, умирает, а девушка, бывшая с ним в момент его смерти (то есть опять же я!), начинает плести какую-то чушь про бесшумного убийцу, Человека в сером и отрубленную руку в пакете из-под женских гигиенических прокладок!.. Тюрьма, пожизненное заключение или расстрел.

И это в том случае, если Серый в своем плаще и бинтах не доберется до меня раньше милиции!..

- Ольга, - проговорила я, в упор разглядывая ее красивое лицо с точеными чертами, - прошу вас только об одном... Вы - женщина, и я - женщина. Я, насколько понимаю, не сделала лично вам ничего плохого. Так помогите же мне! Просто наметьте, что делать? Чего от меня хотят?.. Или хотя бы кто? Кто попросил вас позвонить мне и разыграть весь этот спектакль?

- Я не понимаю...

Уголок ее губ брезгливо вздрогнул.

И тут я сорвалась:

- Ах, вы не понимаете?! А неплохо бы понять, что в один прекрасный день я просто чокнусь от всего этого, потому что я не железная. Да, не железная!

Пойду и спрыгну с крыши, и вся ваша замечательная игра пойдет насмарку. Или, еще того лучше, заявлюсь в милицию. Меня, конечно, потом посадят, но сначала вас приведут к следователю и спросят: «А не скажете ли, уважаемая Ольга, куда вы и ваши приятели дели труп Вадима Петровича Бирюкова с ножичком в груди?»

Думаете, вы сейчас отсюда убежите и ищи вас потом свищи? Даже не надейтесь! Я зубами в вас вцеплюсь, как бультерьер! Хоть режьте, как Бирюкова, хоть голову, как Алеше, отрывайте!..

- Что вы мелете?! Успокойтесь, в конце концов! Какой еще Алеша? Какие трупы?!

- Холодные, - злобно отреагировала я. - Два в морге, а один - неизвестно где... Хотя вам-то, наверное, известно. А если не вам, то вашим работодателям... Не знаю уж, из-за каких таких миллионов его убили, но одно вам хочу сказать...

- Кого убили-то? Что с вами, Женя?

Второй вопрос я проигнорировала, потому что со мной на самом деле творилось что-то ужасное: губы дрожали, сердце колотилось, едва не выскакивая из грудной клетки, в голове стоял горячий туман, - а вот на первый, из последних сил пытаюсь не зарыдать от ярости и бессилия, ответила:

- Митрошкина Алексея, Болдырева Вячеслава и, конечно, Бирюкова Вадима Петровича. Или будем делать вид, что он в запое?

Ольга как-то странно побледнела, глаза ее широко распахнулись, а кулаки так судорожно сжались, что даже побелели костяшки пальцев. С минуту она сидела молча, недоверчиво и испуганно (да, именно испуганно!) разглядывая мое лицо и словно стремясь прочитать по глазам мысли. Потом шумно сглотнула и спросила:

- Вы не шутите, Женя?.. Если шутите, то это слишком жестоко! Скажите только мне, что все это - не правда. Бог с ними, с деньгами, оставьте их себе... Нет, честное слово, оставьте! Это ведь не правда, да? Вы придумали это сейчас, чтобы не возвращать аванс?

И тогда мне стало страшно. Почти так же страшно, как в тот момент, когда она бесшумной тенью возникла на пороге Натальиной комнаты. Я вдруг поняла, что Ольга действительно ничего не знает...

Сок мы, естественно, так и не выпили. На столе остались два нетронутых бокала и несколько окурков в пепельнице, а мы спешно вышли из гриль-бара, перебежали через дорогу и упали на первую же лавочку на пустующей детской площадке. Ольга, слушала молча. Один только раз горько уронила:

- Господи, а я-то все думала, почему телефон не отвечает?! Я ведь звонила ему иногда, чтобы просто голос послушать.

Весь мой рассказ уложился минут в пятнадцать. А когда я закончила, она просто встала и пошла мимо горок и скрипучих качелей, прямая и чужая, с пугающе спокойным, невидящим взглядом.

- Подождите! Куда вы? - заторопилась я, вскакивая со скамейки. - Надо же что-то делать! Вам ведь тоже опасность угрожает... Серый, он и вас искал!

- А?.. - отозвалась она, оборачиваясь. - Потом об этом поговорим. Завтра, ладно?.. Простите, Женя, но мне сегодня надо побыть одной.

- Как - завтра? Где я вас найду?

- Здесь же... В двенадцать, или в час, или в два... Когда вам угодно.

И Ольга пошла дальше, как-то механически переставляя ноги в сапогах на безумных шпильках. Я же, сев на лавочку, обхватила голову руками. Не о том надо было спрашивать. Не о том! Не «где» мы встретимся, а как мне дожить до этого самого «завтра»? И, кстати, где дожить: в квартире Каюмовой, куда приходил убийца, или в моих люберецких апартаментах, куда он же подложил отрубленную руку? Оба варианта прельщали меня одинаково мало.

Никогда в жизни я не чувствовала себя более одинокой, несчастной и беспомощной. Рядом не было ни одного родного (да что там родного, просто сочувствующего!) человека. Единственная зацепочка, единственная ниточка могла элементарно оборваться - никто не гарантировал, что Ольга завтра придет на встречу. Я сидела одна на запорошенной детской площадке в самом центре огромного чужого города и тихо подвывала от ужаса и бессилия. Ситуация не только не прояснялась - с каждой минутой она делалась все более запутанной...

В конце концов я встала, отряхнула куртку от снега и побрела к метро. В кармане звенела какая-то мелочь, оставалось надеяться, что ее хватит на то, чтобы добраться до Люберец. Ночевать в комнате тети Паши было бы, наверное, более безопасно, но я, по большому счету, не имела права подвергать риску ни в чем не повинную каюмовскую соседку. Человек в сером мог явиться по мою душу в любую минуту, и по моей милости в этой самой квартире уже погибла Наталья.

Люди вокруг смеялись, покупали газеты, жевали трубочки с повидлом и хачапури. А я тупо шагала вперед, как смертник, которого ведут на расстрел.

Шагала и почти хотела, чтобы мне на голову свалился какой-нибудь шальной кирпич. По крайней мере, на этом все бы закончилось...

Излишне говорить, что ночь была бессонной. Едва войдя в квартиру и не успев даже разуться, я бросилась на кухню и вооружилась длинным и острым ножом для разделывания рыбы. Потом, ежесекундно озираясь и вздрагивая от каждого шороха, обследовала все укромные уголки - благо в моей крохотной квартирке таковых было немного! Посмотрела даже в тумбочке для обуви и под ванной.

Отрубленных рук, равно как и других частей тела покойного Вадима Петровича, не обнаружилось. Но я, понятное дело, не успокоилась и, все так же сжимая в руке нож, уселась возле самой двери, надеясь, в случае чего, успеть выскочить.

На улице постепенно темнело. Солнечные блики на полу сделались закатно-розовыми, а потом и вовсе исчезли. Сидеть у порога стало страшновато.

Какие-то шаги в подъезде, зловещие скрипы и чье-то дыхание по ту сторону двери, мерещившиеся так явственно... В довершение всего пронзительно и страшно зазвенел телефон. Я, едва не получив мгновенный инфаркт, на подгибающихся ногах добрела до аппарата и сняла трубку. На то, чтобы сколько-нибудь внятно сказать «алло», моих сил уже не хватило. Зато женщина на том конце провода затараторила быстро и жизнерадостно:

- Алло! Мне бы Евгению... Это вы? Ох, как хорошо! Я тут раскопала одну старую газетку с объявлениями, и там написано, что вы оказываете... хм-м-м, как бы это выразиться?.. Ну, определенные услуги, что ли? В общем, мой муж...

- Никаких услуг и никаких мужей. Не звоните сюда больше, - деревянным голосом проговорила я и шарахнула трубкой о рычаг.

В общем, с восьми часов вечера моим пристанищем стала тахта в комнате.

Отсюда почти не слышны были шаги в подъезде, но зато на потолке неровными сполохами мешался свет фар подъезжающих машин. Вдобавок ко всему обои, не выдержавшие первого морозца, начали потрескивать сухо и тревожно, а ближе к ночи ни с того ни с сего заворчал холодильник.

Слух мой болезненно обострился. Я различала теперь и слабый шелест тюля на окне, и шуршание суетливых тараканьих лапок. С точностью могла сказать, через сколько ступенек перешагивает человек, поднимающийся по лестнице. Каждые пять минут сердце мое заходило от страха. Холодный пот, обильно смочивший виски, медленными струйками стекал вниз, к шее.

Когда окна в доме напротив погасли, мне сделалось и вовсе нехорошо. Да еще ладно бы погасли все! Но нет! На черной, спящей громаде холодной девятиэтажки белым светилось одно-единственное окно! Напрасно я пыталась убедить себя, что это засиделся над учебниками какой-нибудь студент или полуночник, мающийся бессонницей, пролистывает старые газеты. Окно смотрело на меня безумным желтым глазом, в темном углу что-то шуршало и возилось. А я задыхалась от ужаса и, казалось, все яснее различала синюшную мертвую руку со скрюченными пальцами, материализующуюся из воздуха прямо на фоне черной стены...

Но, как ни странно, утро все-таки наступило. У соседей задребезжали будильники, на улице дворничиха зашоркала метлой. Из темноты проступили черные ветви облетевших деревьев. Я осмелела настолько, что прошла на кухню, включила чайник, прямо в стакан насыпала заварки и в несколько глотков выпила обжигающий горло напиток. Несмотря на страх, разъедающий мои бедные нервы, спать хотелось ужасно. Некстати вспоминались кровавые байки про Фредди Крюгера, но глаза все равно закрывались, голова болела, и все тело покрывалось противной гусиной кожей.

До десяти утра я просидела в квартире, а в половине двенадцатого уже подходила к той самой детской площадке, где вчера мы разговаривали с Ольгой.

Она была здесь. Сидела на железных перильцах и отрешенно наблюдала за белым пуделем, весело прыгающим рядом с мальчиком, одетым в синий пуховик. Лицо ее было бледным, губы бескровными, а глаза - какими-то погасшими. Вместо белого нарядного свингера - темно-вишневое, почти черное, полупальто с узким черным шарфиком.

- Извините, что вчера мы так расстались, - вместо приветствия сказала она. - Я сегодня пришла пораньше: побоялась, что мы с вами разминемся...

Я молчала, все еще не веря в то, что она действительно пришла.

- Может быть, пойдем ко мне? Я здесь живу совсем недалеко... Если вы, конечно, меня больше не боитесь...

Пудель в очередной раз радостно загавкал, чуть ли не переворачиваясь в воздухе от переполняющего его счастья. Я молча кивнула.

- Значит, идем, - констатировала Ольга и поднялась с перил.

Жила она и в самом деле недалеко - всего в каких-нибудь двух кварталах и, наверное, минутах в пяти ходьбы от Наташкиного дома. Подъезд был чистым и светлым, дверь в квартиру - стальной. В прихожей Ольга предложила мне вешалку для куртки, а сама, мягко скользя по линолеуму белыми шерстяными носками, прошла на кухню. Надо сказать, что, несмотря на все, выглядела она достаточно собранной.

Появившись в дверях комнаты с подносом, на котором стояли две чашки, сахарница и тарелка с блинчиками, она первым делом «обрадовала» меня фразой:

- Я много думала над тем, что произошло, и поняла, что все это, вероятно, не имеет ко мне прямого отношения. Дело в том, что сколько-нибудь логичной связи между мной и вашим Человеком в сером вообще быть не может.

На мельхиоровый поднос в ее руках я посмотрела почти с ненавистью, с такой же ненавистью окинула взглядом чуть побледневшее и заострившееся, но все же до неприличия красивое ее лицо. «Вашим Человеком в сером!» Как будто это мной, а не ею интересовался в «Лилии» страшный незнакомец с замотанным лицом!

Как будто не с ее, пусть нечаянной, подачи начала раскручиваться чудовищная смертоносная карусель!!!

Ольга тем временем поставила поднос на журнальный столик и подвинула ко мне тарелку с блинчиками. «Как на репетиции поминок по рабе Божьей Мартыновой Евгении! Кутьи только не хватает», - подумалось мне.

- А почему вы так уверены, - спросила я Ольгу, - что не может быть связи?! Человек в сером ведь может оказаться кем угодно: вашей соседкой по лестничной клетке, внучатым племянником или сантехником из РЭУ. Я вот, например, не отрицаю, что знаю этого человека, знаю его манеру двигаться. А среди моих знакомых тоже не много маньяков, разгуливающих по городу в бинтах и с кровавыми тапочками!

- Нервничаете, - заметила Ольга ровно, чем немедленно заставила меня занервничать еще больше. - А зря... Я ведь немного не то имела в виду.

- А что же, если не секрет?

- Понимаете, - она, поморщившись, потерла кончиками пальцев висок и опустилась в кресло напротив, - все станет понятным, если попробовать проанализировать ситуацию...

Видимо, на моем лице явственно читалась неспособность не только анализировать ситуацию, но и думать в принципе, потому что Ольга тут же участливо добавила:

- Все на самом деле очень просто. Отбросим версию о том, что я и есть убийца. Остается только один вариант: кто-то использовал наш с вами план, чтобы свести счеты с Вадимом и заодно сделать вас, как вы выражаетесь, «козлом отпущения». Ведь так?

- Так, - согласилась я, еще не понимая, к чему она клонит.

- Теперь рассуждаем дальше... Об этом плане нужно было знать. А о нем, кроме меня и вас, не знал никто! У вас просто нет знакомых в нашем городе, я не болтлива.

- Но ведь вы могли кому-нибудь обмолвиться случайно?

- Случайно? - Она усмехнулась. - Вы полагаете, что о таком можно обмолвиться случайно?

- А почему нет? Сидите, например, вы в гостях у какой-нибудь подруги и плачете: «Я ему, гаду, никогда этого не прощу! Вот пересплю с ним в последний раз, схвачу вещи и убегу, а он пусть в чем мать родила помечется». Подруга, естественно: «Да-да! Так ему и надо!» И обе вы прекрасно понимаете, что все это несерьезно и ничего такого не будет, потому что не станет ваш возлюбленный устраивать эротический спектакль «дубль два»... - Звучало, конечно, жестоко, но, как ни странно, вполне логично. Я, вдохновленная собственной, неожиданно прорезавшейся способностью к аналитическим рассуждениям, даже приосанилась: - Вы поплакали и забыли бы, если б не мое объявление в газете. Подружка ваша, по идее, тоже должна была запомнить. А она не запомнила или могла, прежде чем забыть, рассказать кому-нибудь еще... Возможен и другой вариант: вы уже начали обмозговывать мое объявление и в порядке бреда заикнулись об этом кому-нибудь из знакомых - просто чтобы посмотреть на реакцию... Понимаете, тот, кто хотел свалить вину на меня, а сначала, понятно, на вас...

- А вам не кажется, что гораздо логичнее было подставить нынешнюю пассию Вадима? - спокойно перебила Ольга, изучая мое лицо внимательными зелеными глазами. - Нынешнюю или предыдущую. В общем, кого-то из недавних. Мы ведь с ним расстались довольно давно. Причем без криков и скандалов. Никому бы и в голову не пришло заподозрить в склонности к вендетте мирного скучного экономиста.

Другое дело эти его актрисы, которые уже в силу одной только профессии люди эмоциональные и темпераментные!.. Эх, Женя, Женя! Вы никак не можете понять: я была всего лишь одной из его женщин - не самым сильным увлечением, не самым долгим. Глупо было делать на меня ставку в какой-то серьезной игре: о нашем романе, по большому счету, никто и не знал...

- Ну «по большому счету» - это еще не гарантия, что не знал никто абсолютно, - пробурчала я, чувствуя некоторую шаткость своих доводов.

И тут Ольга просто-таки с убийственным спокойствием выдала:

- Да, кстати, о тех, кто знал... Вы как-то сбили меня с мысли... Действительно, я беседовала с одной своей бывшей однокурсницей о том, что хотела бы отомстить Вадиму, но на этом - все! Я клянусь вам, что ни в бреду, ни в похмелье ни с кем больше на эту тему не разговаривала. Так что остается только поверить в чудовищную случайность, в нелепое совпадение. Ну, в том смысле, что его убили именно в тот вечер.

- Совпадение?! Случайность?! - Мой голос в этот момент звучал, наверное, как рев раненого бегемота. - А вы говорили «не знал никто»? А теперь вдруг всплывает какая-то однокурсница... Что за однокурсница? Кто она такая?

- Она тут ни при чем. Точно ни при чем. Я вас уверяю...

- Ага! А Лисичка Колобка не жрала!

- Успокойтесь! - Ольга поморщилась. - Не надо всех этих попыток хохмить... Она действительно ни при чем... Дело в том, что у нее, кроме меня, никого нет: ни друзей, ни подруг, ни любовников. Я - практически единственная ее связь с внешним миром, еще с института. Ну не считая родителей, конечно...

- То есть?

- То есть она заканчивала институт заочно. У нее еще с детства были большие проблемы... или комплексы?... Да что ходить вокруг да около? Она очень некрасива. Не в том смысле, что не нравится мужчинам и вызывает сочувствие у женщин. Это, конечно, тоже... Ну, в общем, просто уродлива. Общение с нормальными людьми - для нее целая проблема, и не без оснований. А как теоретик-экономист она прекрасно работает дома. Ее имя достаточно известно в финансовых кругах...

- Господи, да какое мне дело до ее имени в финансовых кругах! -

Я резко отодвинула от себя чашку с остывшим чаем. Чай плеснулся на полированный столик.

- Она знала, и этого достаточно!

- Достаточно того, что она очно общается всего лишь с тремя-четырьмя людьми на этом свете! - Ольга не менее раздраженно смяла салфетку и промокнула матовую лужицу. - Ей просто некому было это рассказать! В ее плечо можно плакаться так же спокойно, как в подушку, - никто все равно не узнает!

Использованная салфетка полетела прямо на палас.

- Но ведь Серый откуда-то узнал?! Ведь это про вас он спрашивал у бармена в «Лилии»!

- Также вполне может быть обычным совпадением... Выгляните в окно: из десяти девушек три в белых, кремовых или бежевых свингерах, что для мужчин в принципе одно и то же! Разве он не мог спрашивать про кого-нибудь другого? Про женщину, одетую как я и чем-то на меня похожую?!

Это уже было слишком даже для моего воспаленного воображения. Я задумчиво покачала головой, потом оторвала краешек блина и меланхолично скатала из него шарик.

- Ответьте мне на один вопрос, - подняла я глаза на Ольгу; слова падали с моих губ медленно, как первые капли с подтаявшей весенней крыши. - Вы сами-то хоть понимаете, какую городите чушь?

Собеседница моя, как ни странно, не запсиховала, не отвернулась.

Выдержала мой взгляд. И даже улыбнулась горько и странно. А потом так же спокойно попросила:

- Тогда уж и вы ответьте на один вопрос. Всего на один! К чему было городить весь этот огород? Кого-то подставлять, организовывать какие-то комбинации? Вам не кажется, что все слишком сложно?! Если не ошибаюсь, тех ребят из бара убили просто, без всяких затей, не затрудняясь тем, чтобы свалить на кого-то вину. Не так что-то во всем этом, вам, Женя, не кажется?

Пауза, повисшая в воздухе, была невыносимо долгой и тяжелой. Мы просто сидели и молча смотрели друг на друга. За окном шумели машины и каркали вороны, предчувствующие близкую суровую зиму. За стенкой у соседей играло фортепиано. Я смотрела в глаза Ольге и в зеленых с золотистыми прожилками радужках видела два своих крошечных отражения, как в саван, обернутые в непонимание, отчаяние и ужас...

К счастью или к несчастью, в подъезде в этот момент громко хлопнула дверь. Я едва не отдала концы от испуга: на меня вообще в последнее время губительно действовали резкие

звуки и телодвижения. Ольга же, словно очнувшись от тяжелой дремы, провела дрожащими пальцами по лбу.

- Простите... - Она поморщилась и откинулась на спинку кресла. - Простите мою истерику... Вам-то досталось гораздо больше, чем мне... Просто... Просто я никогда не думала, что смерть Вадима станет для меня отправной точкой в тренировке дедуктивного мышления. Я ведь даже и не задумывалась никогда о том, что он может умереть! Гнусности какие-то измышляла, мстить хотела... Господи, каким теперь все это кажется мелким! Мерзкая, отвратительная суета... А его нет и уже никогда не будет. И такого, как он, в моей жизни тоже уже не будет никогда...

Я вежливо и скорбно промолчала. При жизни Бирюков не успел обаять меня как мужчина и произвести потрясающее впечатление, зато после смерти доставил кучу неприятных минут. Как-то особенно сожалеть о том, что его уже никогда не будет, у меня не было оснований. Но горе Ольги я уважала...

Она тем временем поднялась, подошла к окну и отдернула салатные с чуть более темным рисунком гардины. В комнате сразу стало светлее, но отнюдь не радостнее. Тихая тоска сквозила в каждом жесте, в каждом движении хозяйки.

Горестными и поникшими были ее плечи, вялыми и слабыми - длинные пальцы, мнущие плотную ткань гардин. Я в который уже раз за сегодняшний день поразила ее умению держать себя в руках: ни публичных истерик, ни показной скорби - ничего!

И это при том, что покойный Бирюков явно был очень ей дорог! Отчего-то вспомнилось шекспировское, все из того же «Гамлета»: «...То, что внутри, изобразишь едва ли. А это - лишь узор моей печали...» Костик Черепанов на той незабываемой репетиции почему-то не произносил этого текста. Хотя да! Вадим Петрович в своей версии трагедии ведь налегал в основном на перевод Лозинского...

Наверное, пора было прощаться и уходить. Наш с Ольгой разговор окончился ничем. Этого в глубине души я и боялась. Ее явно тяготило мое присутствие. Да и в комнате этой, пропитанной горем, как осенний воздух сыростью, дышалось больно и тяжело... Правда, распрощаться я пока не спешила: в моих порочных мозгах минут пять назад начала формироваться одна преступная идея, а для воплощения ее в жизнь нужно было снова попасть в прихожую - причем в одиночестве, без сопровождения хозяйки...

- Ольга, если позволите, выйду в туалет?

Я встала с кресла и одернула вишневый джемпер, с горечью отметив, что в последнее время он стал болтаться на мне как на вешалке.

- Что? - Она вздрогнула от звука голоса - видимо, уже забыла о моем существовании, - но тут же спохватилась:

- Да-да, конечно... По коридору налево, выключатель на стене.

Стараясь казаться естественной и при этом ощущая себя последней сволочью, я выскользнула из комнаты. Из огромного зеркала на меня глянуло затравленное существо женского пола с вороватыми глазами. «Ты не делаешь ничего плохого, - не очень уверенно пробормотал внутренний голос. - Ты просто спасаешь себя, это же естественно для каждого живого существа, инстинкт самосохранения называется! А может быть, кстати, не только себя, но и ее.

Люди со сдвигами по фазе - непредсказуемы. Относительно утешившись этой мыслью, я цапнула с телефонной тумбочки в прихожей записную книжку, задрал джемпер, засунула ее за ремень джинсов и с совестью, отягощенной еще и мелкой кражей, зашла в комфортабельный теплый туалет.

Когда я вернулась, Ольга сидела на диване, держа на коленях толстый фотоальбом в добротном синем переплете. На звук моих шагов она слегка повернула голову, и меня вновь переполнила унылая профессиональная зависть к отточенному благородству ее движений. И чего ради, спрашивается, такую яркую женщину понесло в экономисты? Не знаю, как уж там обстоит дело с талантом, но то, что фактура для сцены потрясающая, - это без вопросов!

- Женя, - она чуть виновато улыбнулась и забарабанила длинными пальцами по альбому, - я вот тут хотела... В общем, вам ведь наверняка не понравился Вадим Петрович? Не понравился, я знаю... Вы взгляните, пожалуйста, на одну фотографию: он тут другой, хороший, такой, как на

самом деле. И если после этого сможете искренне выпить за упокой его души, я буду вам очень благодарна... Вы ведь были последним в этой жизни человеком, с которым он разговаривал.

Я с вежливой готовностью кивнула, хотя и не совсем понимала смысл просьбы. Альбом переключал с ее коленей на мои, а сама Ольга подошла к мебельной стенке и повернула ключик в дверце небольшого бара.

Сначала шли фотографии школьного и институтского периода: Ольга на выпускном вечере, Ольга с подругами в какой-то, явно общежитской, комнате, она же в стройотрядовской куртке на вокзальном перроне. Серия снимков с веселой гулянки: молодые мужчины в расстегнутых пиджаках и ослабленных галстуках, ярко одетые и тщательно покрашенные женщины, танцы вокруг стола, ломящегося от салатов и закусок. Чья-то свадьба: непривлекательная невеста в широкополой шляпе, больше похожей на шляпку гигантской-бледной поганки. Еще свадьба. Опять девичьи посиделки. И везде Ольга самая красивая, самая яркая и почему-то насмешливо-грустная...

До фотографии Бирюкова я добралась, только пролистав восемь или десять страниц, и сразу поняла, что Ольга имела в виду именно этот снимок. Вадим Петрович, а тогда, наверное, просто Вадим (ему не больше тридцати), стоял, опершись спиной о бетонную ограду моста. Ветер гнал по реке мелкие торопливые волны, а молодой русоволосый мужчина жизнерадостно и открыто улыбался. И не было в то время в его глазах пьяной, суетливой хитрости, а в улыбке - расчетливой, но поистершейся, как старый реквизит, бравады...

- Давайте выпьем за него, - тихо сказала я, поднимая глаза на Ольгу. - Я ведь его не знала совсем, а он, наверное, был несчастный человек...

Вино оказалось приятным и чуть терпким. А пахло цветами и почему-то свежим прозрачным медом.

- Правда ведь, он здесь совсем другой? - спросила Ольга, кивая на снимок и ставя свой опустевший бокал на край журнального столика. - Вот таким он мне сейчас и снится.

- Но это ведь очень старая фотография? Вы разве?..

- Нет, конечно, тогда я его еще не знала. А фотография? Вообще-то я ее самым банальным образом украла!..

Ворованная записная книжка предательски зажгла мне кожу на животе.

- ...Просто перебирала книги на его полках, увидела этот снимок и тайком спрятала в сумочку. Знаете, Женя, я вчера, после разговора с вами, все смотрела в альбом и думала: не вздумай я мстить, был бы он жив сейчас или нет?

- Мне кажется, его все равно убили бы. - Ольгу было жаль, и я намеренно говорила мягко, но уверенно. - От вас, по сути дела, ничего не зависело. Судьба! Мы только тешим себя мыслью, будто что-то решаем, а на самом деле там, - я многозначительно возвела глаза к потолку, - все решается за нас!

- Вы действительно так думаете? - На секунду мне показалось, что в ее зеленых глазах промелькнула горькая усмешка. - Странно, что при такой мудрой покорности и смирении перед судьбой, вы выбрали столь экзотический вид бизнеса!

- Ну, во-первых, я актриса, а во-вторых - обстоятельства...

- И в-третьих, вы были всего лишь проводником высшей воли. - Ольга кивнула согласно, но иронично. - Ладно, оставим эту тему... Хотите еще вина?

Вина я не хотела и о чем говорить дальше - не знала. Альбом по-прежнему лежал на моих коленях. Почти машинально я перелистнула страницу и увидела еще несколько фотографий покойного Вадима Петровича. На некоторых он был запечатлен вместе с Ольгой и почти везде обнимал ее за талию и по-щенячьи терся щекой о плечо. Один из снимков был сделан на базе отдыха - самой что ни на есть типичнейшей - с теннисным кортом, танцплощадкой и одноэтажными корпусами, теряющимися в тени деревьев. Когда-то, а точнее два года назад, мы с Пашковым отдыхали в таком же санатории. Только это было далеко на Алтае, среди местных достопримечательностей числилось соленое озеро, а посреди убожества стандартных полудомиков-полубытовок возвышался еще один корпус - белоснежный красавец с номерами люкс. Там мы, кстати, и жили...

Но сейчас меня тревожили отнюдь не ностальгические воспоминания об ушедшей любви. Знакомое, смутное ощущение опасности ледяным холодком разливалось от затылка к плечам и шее. В комнате сразу стало как-то сумрачно и слишком тихо.

Я еще раз взглядела в снимок - ничего подозрительного! Столовая, корпуса, волейбольная площадка. Бирюков, обнимающий Ольгу. Ее слегка растрепанные волосы, его тенниска с «крокодильчиком» на правом кармане... И все-таки тревога продолжала безжалостными тисками сжимать мое бедное сердце, острой, пульсирующей болью отдаваясь в желудке.

Взгляд мой переполз на следующую фотографию, и тут... И тут мне пришлось послать подальше свой реализм вместе со скептицизмом! Попроси меня минуту назад подробно описать изображенное на этом снимке, я, вне всякого сомнения, не смогла бы этого сделать, а вот мое подсознание уже запомнило все и вычленило самое главное. Иначе откуда взялось бы это раздирающее нервы предчувствие беды?

Фотография была сделана в холле какого-то кафе или ресторана. Бирюков, как и на пляжных снимках, обнимал Ольгу, улыбался чуть развязно и немного пьяно. Позади них искрил мелкими брызгами искусственный фонтанчик, у стены, выложенной мозаикой, болтала компания из двух мужчин и трех женщин, а чуть левее, в самом углу фотографии...

Там было это... Видит Бог, я бы гораздо меньше испугалась, увидев на снимке летающую тарелку со злобными зелеными человечками, пожаловавшими на ней.

На заднем плане в левом углу фотографии стоял Человек в сером. Точнее, в кадр попала его половина. Половина длинного плаща, рука, опущенная в карман, и половина лица, замотанного бинтами. И все это в мерцающем тусклом сиянии!

- Что это?! - хрипло спросила я у Ольги, нервно тыча пальцем в снимок.

- День рождения еще одной моей одноклассницы, - ответила она, глядя на меня тревожно и непонимающе.

- Я спрашиваю: вот это что?!

Она, сощурившись и слегка оттянув уголок глаза к виску, как это обычно делают близорукие люди, взглядела в фотографию.

Зеленые ее глаза испуганно распахнулись.

- Но ведь туда было приглашено всего пятнадцать человек! - прошептали ее помертвевшие губы. - Вадим еще идти не хотел, потому что все свои, все друг друга с первого курса знают... Там не должно было быть посторонних, честное слово, Женя!

- И маскарада программа конечно же не предусматривала? И никто из приглашенных не страдал навязчивой идеей переодевания? И эта ваша подруга, ну, та, которая страшная, не удостаивала своим присутствием честную компанию?

У меня за последнее время начал вырабатываться странный иммунитет к стрессам, и способность хоть сколько-нибудь соображать восстанавливалась достаточно оперативно. Но Ольга, как оказалось, тоже не совсем впала в прострацию, поэтому смысл моих гнусных инсинуаций уловила.

- Оставьте ее в покое. - Она решительно и как-то брезгливо мотнула головой. - Не было ее там! Не было! Говорю же, она никуда не выходит! Не в том направлении вы ищете, поверьте... Это же бред какой-то... Но почему я его не заметила, когда фотографировалась? Почему никто не заметил? Не могли же не обратить внимания на такую колоритную фигуру? Откуда он там взялся?.. И силуэт какой-то странный. И сияние это...

Фраза осталась незаконченной, но вывод напрашивался сам собой: то, что происходит, выходит за рамки человеческого понимания и не человеческая рука срежиссировала весь этот чудовищный спектакль.

Однако я склонялась к материалистическим объяснениям, и вполне материальная записная книжка впивалась острым углом мне под ребра. «Я. подумаю об этом завтра!» - сказала бы в этом случае моя любимая героиня Скарлетт О'Хара. Я тоже собиралась подумать завтра обо всем, чему не нахожу объяснения в этой истории. Сегодня же надо было под каким-то вежливым предлогом распрощаться с хозяйкой. Разговор вроде бы еще не закончился, но продолжать его не имело смысла, а пусть слабенькая и натянутая, но все-таки версия у меня была.

Пока в моей голове шел процесс отбраковывания ситуаций, при которых внезапное бегство выглядело бы неестественным, Ольга успела убрать альбом и проглотить, не запивая, пару таблеток из маленькой белой пачки.

- Знаете, Женя, - проговорила она, возвращаясь на диван, - по-моему, мы с вами зашли в тупик. Все это, конечно, и страшно и странно, но должно же быть какое-то логическое объяснение!

«Вот именно! - мысленно съязвила я. - Слава тебе Господи, додумалась!» А вслух произнесла:

- Да, но я пока его не вижу. Может быть, нам стоит разойтись и подумать? Хотя бы до завтра?

- Я вам то же самое хотела предложить... Мне, наверное, следует поговорить с кем-нибудь из тех, кто был на том дне рождения. Может быть, только я ничего не видела, а на самом деле...

- Да-да, конечно же! - подхватила я поспешно и поднялась с дивана, раздосадованная тем, что записная книжка норовит выскользнуть из-под ремня джинсов, и если не грохнуться на пол, то уж точно остро выпятиться через тонкий трикотаж джемпера. - Давайте созвонимся завтра ближе к вечеру. Мой телефон вы знаете...

- А свой номер я вам сейчас запишу! - Ольга, аккуратно обогнув меня, вышла в прихожую. Мне немедленно стало дурно при мысли о том, что сейчас она обнаружит пропажу записной книжки и начнет поиски, а после потребует от меня сдать награбленное. Но к счастью, обошлось. В комнату она вернулась с маленьким листочком бумаги для записей, на котором черным маркером был выведен номер телефона.

Я приняла его с благодарностью и, поддерживая диафрагму (а на самом деле, чертову записную книжку), как оперный певец перед выступлением, начала продвигаться в сторону выхода.

- Будьте осторожны, - на прощанье сказала Ольга и подала мне куртку.

- Это вы будьте осторожны. - Мне даже удалось сочувственно улыбнуться. - Вы-то идете что-то выяснять, в чем-то разбираться, а я собираюсь тихо-мирно отсиживаться дома.

Естественно, я врала...

В люберецкой квартире за время моего отсутствия, похоже, никто не побывал. Рыбий нож по-прежнему валялся у самого порога, телефонный аппарат все так же криво висел на стене. Я сняла куртку, расстегнула сапоги и, стараясь ступать бесшумно, а к посторонним звукам прислушиваться чутко, прошла в комнату. И здесь никаких следов чужого присутствия.

Ощущая неимоверное облегчение (как все-таки в последнее время мне мало требовалось для счастья!), я плюхнулась на тахту и прикрыла глаза. По идее, надо было поесть, чтобы не умереть с голоду, а потом спокойно и не спеша, может быть, даже вооружившись бумагой и ручкой, подумать обо всем, что я узнала за сегодняшний день. Но почему-то не думалось. А вот есть действительно хотелось. В холодильнике обнаружился засохший и скрюченный кусочек сыру, остатки фабричного абрикосового джема на дне банки, полпачки маргарина и два зубчика чеснока. В навесном шкафчике - немного сахара и вполне приличное количество заварки. Перспектива мазать абрикосовым джемом сыр и закусывать все это великолепие маргарином мне, конечно, не улыбалась. Но все-таки это было лучше, чем ничего. Ностальгически вспоминая об Ольгиных блинчиках, я принялась готовить импровизированный ужин. В самом деле, нечего было ломаться, и хотя бы поесть в гостях как следует! Впрочем, легко было рассуждать сейчас, когда кое-что начало потихоньку проясняться, и с событий последних дней сползла серая вуаль абсолютного непонимания и со ответственно ужаса!.. Многое, очень многое еще оставалось загадкой. Однако теперь я могла представить под слоем бинтов не жуткую пустоту, а вполне реальное человеческое лицо. И от этого почему-то делалось легче...

Сыр почти не раскрылся, а вполне пристойно нарезался относительно тонкими ломтиками. Джем удалось извлечь из банки и выложить на блюдечко маленькой оранжевой кучкой. Я налила себе крепкого чая и села на табурет, задумчиво помешивая ложечкой в фарфоровой чашке.

Эти фотографии в альбоме у Ольги... База отдыха, почти такая же, как та - на Алтае. Сосны, корпуса, асфальтированные дорожки, беспечные лица отдыхающих... Мне почему-то все равно казалось, что я упустила что-то важное, чего-то не заметила, не обратила внимания... Нет, не

только в фосфоресцирующем силуэте Серого было дело! В чем-то еще. Определенно в чем-то еще! Ощущение близости ответа казалось таким мучительным, что я даже нервно заерзала на табурете...

Алтай. «Сосновый бор». Наша первая совместная далекая поездка с Пашковым. Огромные светлые окна. Из которых, кстати, сквозило нещадно.

Роскошная кровать, бар, огромный телевизор, даже музыкальный центр. И никудышная звукоизоляция! А за стенкой - номер Витеньки Сударева, который на базу поехал, само собой разумеется, без жены, но к тому же и без спутницы, придерживаясь принципа, что в Тулу со своим самоваром тащиться глупо. Принцип себя оправдал, и к обеду первого же дня Вита познакомился с пучеглазой блондинкой, втиснутой в голубые джинсы на три размера меньше, чем нужно.

Наш романтический вечер был расцвечен игрой вина в высоких бокалах, согрет теплым сиянием свечей и щедро сдобрен истеричным подхихикиванием блондинки за стеной, а также сударевским проникновенным баритоном.

- Ты такая ж простая, как все, - вещал Витенька медленно и печально, словно на похоронах. - Как сто тысяч других в России...

- Руки убери! - убедительно и строго просила девица.

- ...Знаешь ты одинокий рассвет, знаешь холод осени синей...

- Ты че, глухой, что ли?!

- ...По-смешному я сердцем влип, - не унимался Сударев. - И по-глупому мысли занял...

- За кого ты меня, вообще, принимаешь?

- ...Твой иконный и строгий лик по часовням висел в Рязани...

- Ладно, давай сама расстегну!

На последней блондинкиной фразе мы с Пашковым не выдержали и громко захохотали, чуть не уронив свой столик и уж точно разрушив поэтическую ауру Витькиного свидания. А потом Сережа опустил меня на широкую люксовскую кровать и спросил:

- А хочешь, я тебе стихи почитаю?

Это была одна из самых прекрасных ночей в моей жизни, несмотря на то, что гнусный Пашков ограничился полутора лирическими стихотворениями, а потом, отрываясь от моей шеи и приныкая губами к груди, лишь коротко выдавал сакраментальные строчки из цикла «Игрушки» Агнии Барто. Несмотря на то, что за окном шел снег с дождем и в открытую форточку летели холодные капли, пикирующие прямо на мои голые плечи. Несмотря на то, что внезапно оживший за стеной Сударев в самый неподходящий момент принялся возиться шумно и монотонно, словно барсук, благоустраивающий нору...

Я гладила Сережину спину и остро выступающие лопатки, которые непрорезавшимися крыльями двигались под кожей. Судорожно обнимала ногами его талию и, забываясь тихим стоном, прикусывала теплую мочку уха. Мучительное, тягучее нетерпение, рождавшееся внутри меня, звенело готовой вот-вот лопнуть струной, выгибая мою спину и запрокидывая голову. И я любила тогда моего Пашкова так, что казалось, сильнее уже просто невозможно...

Н-да... Размышления о фотографии из Ольгиного альбома явно завели меня не в ту сторону. Я сердито брякнула ложку на стол и насупилась, злясь непонятно на кого. Не то чтобы меня повергала в отчаяние и мизантропию невозможность воплотить эротические галлюцинации в жизнь: вообще-то с самого начала этой истории последние сексуальные позывы моего организма зачали на корню, как морковка, политая скипидаром. Просто было обидно. Обидно, что все это случилось именно со мной. Пашков не только меня не спас, а еще и стал косвенной причиной этого кошмара. И где-то в «Сосновом бору» и моем родном Новосибирске и сейчас целуются счастливые пары. Сереженька, наверное, развлекается со своей московской мадамой из «Звезды», Сударев декламирует очередному «самовару», которых в Туле пруд пруди, Есенина. (Я, кстати, потом узнала, что это стихотворение было единственным в его скудном репертуаре и читал он его всем своим женщинам подряд, пока одна из них после первых же строк «Ты такая ж простая, как все...» не фыркнула и, заявив «Сложный выискался!», не отправилась искать кого-нибудь попроще).

Мне было горько и обидно до слез, но я точно знала, что не придет добрый дядя волшебник и не вытащит меня из этого кошмара, - спастись надо самой.

Поэтому со вздохом встала из-за стола, уселась на полу в отнорке, гордо именуемом «прихожая», и раскрыла Ольгину записную книжку.

Мне предстояло найти телефон и желательно адрес той самой уродливой подружки, годами не выползающей из собственной квартиры. Женщины, которая имела достаточные основания для того, чтобы прятать лицо под бинтами, и мотив для того, чтобы убить Вадима Петровича. В таком случае сколько-нибудь логичного объяснения гибели Славика, Лехи и Натальи и того, каким образом Человек в сером узнавал о всех моих перемещениях и, самое главное, откуда я знала его манеру двигаться, у меня пока не было. Но зато была зацепка. Уродливая, всеми покинутая и несчастная экономистка могла просто-напросто мстить Бирюкову за поруганную любовь единственной подружки. Она вполне могла оказаться малость сдвинутой, что при такой ее жизни выглядело бы весьма логично. Она могла быть непредсказуемой и страшной. И мне до зарезу надо было ее разыскать, чтобы взглянуть на ее походку и убедиться - да, это она! Наверное, нельзя было дать стопроцентную гарантию того, что я не ошиблась, решив, что уже видела раньше Человека в сером, но, узрев этот наклон головы и этот разворот плеч еще раз, я бы не обманулась абсолютно точно!..

К моей великой досаде, телефонов в Ольгиной записной книжке оказалось значительно больше сотни. Под одной только буквой «К» значилось двенадцать человек. Примерно половина фамилий были женскими. И я с ужасом прикидывала, сколько времени понадобится для того, чтобы дозвониться до них всех. Утешало одно: телефонный диалог намечался незамысловатым и не должен был занимать больше минуты. Моя реплика: «Алло! Иванову Лену (Петрову Ларису, Сидорову Машу) просят срочно подъехать на работу. Здесь ЧП!» Ответная реплика абонента - и в соответствии с ней вывод.

Звонков двадцать попало, что называется, «в молоко». Меня уже начинали потихоньку мучить угрызения совести: шутка ли, в восемь часов вечера отправить на работу больше десятка встревоженных женщин! С досадой убедившись, что под буквой «И» фамилий тоже немерено, я набрала очередной номер и вздрогнула... На том конце провода трубку сняли буквально сразу, не успело раздаться и пары гудков! Словно невидимый человек ждал моего звонка и буквально держал руку на телефонном аппарате.

- Алло! - проговорил спокойный и, как мне показалось, странно холодный женский голос.

Противные мурашки пробежали по моему телу от затылка до самых пяток.

- Игонину Валерию просят срочно подъехать на работу, - жалко пролепетала я. - Там ЧП случилось.

- В каком смысле, «на работу»? - подозрительно осведомились на том конце провода. - Кто это? Что вам надо? Будьте добры, объяснитесь!

И я поняла, что на этот раз попала правильно... Видимо, психическое истощение моего организма достигло критической точки, потому что часа через два сон все-таки свалил меня. Имей я хоть малейшую возможность контролировать фокусы нервной системы, не уснула бы ни за что: вообще-то сегодня ночью с большой вероятностью следовало ожидать ответного хода Человека в сером. Но, как ни странно, ничего не произошло, и утром я проснулась в полном смятении чувств: в ужасе оттого, что задремала и могла никогда уже больше не проснуться, и в великой радости оттого, что все, слава Богу, обошлось! Поправила смятое покрывало на тахте, содрогнувшись при воспоминании о мертвой синюшной руке, осторожно потянулась, хрустнув суставами, и отправилась в ванную заниматься привычным, но изрядно подзабытым за последние дни делом - я пошла гримироваться!

А через каких-нибудь полтора часа из подъезда моего дома вышла женщина, похожая на меня, обычную, меньше, чем гиппопотам на кролика. Бесформенная фигура указывала на невоздержанность в еде и нелюбовь к утренней гимнастике, отекавшее лицо - на вероятное нездоровье. Устало поджатые тонкие губы говорили о хронической замотанности и тайном желании послать все к чертовой матери. Лет ей можно было дать тридцать пять, а можно и сорок. Во всяком случае, шагала женщина размашисто и тяжело. (А что делать? Я заблаговременно вживалась в образ!) Коричневый болоньевый плащ на синтепоновой подстежке, открытый на антресолях в прихожей, наводил на мысли об уборке картофеля и погрузке мусора.

Из-под плаща выглядывал подол серой юбки и синее спортивное трико. Женщина шла на работу, надоевшую ей до смерти, и выглядела как типичная дворничиха или, например, малярша. По крайней мере, я очень на это надеялась...

Согласно схеме Москвы и адресу, записанному в Ольгином блокноте рядом с телефоном, ехать мне нужно было до «Петровско-Разумовской», а потом от метро еще некоторое время идти вверх по Дмитровскому шоссе. К сожалению, искомый Линейный проезд изображался на карте в виде хилой и совершенно неопределенной закорючки, поэтому оставалось только гадать, что представляет собой дом номер 8: многоэтажный небоскреб или жалкую хибару барачного типа, предназначенную под снос? Я шла мимо шумного вещевого рынка и коммерческих магазинчиков со сверкающими витринами и усиленно молилась о том, чтобы это оказалась все-таки хибара. Но, честно говоря, не особенно огорчилась, увидев перед собой типовую пятиэтажку, Главное, в ней было не тридцать, не шестнадцать и даже не девять этажей! А еще на дверях подъезда отсутствовал кодовый замок! Определенно, сегодня госпожа Удача на моей стороне!

Впрочем, говорить об удаче пока не имело смысла. Операция под кодовым сельскохозяйственным названием «Посев паники» могла закончиться весьма и весьма прискорбно. Естественно, я не собиралась дерзко и отважно вламываться в квартиру женщины, являвшейся в образе Человека в сером, и сталкиваться с ней лоб в лоб. Глупо было надеяться также, что она не узнает меня в этом гриме и маскарадном костюме. В идеале я вообще не планировала попадаться ей на глаза.

Но тут уж, как говорится, оставалось уповать на Небеса.

Медленно обойдя дом, я с какой-то нервной радостью убедилась в том, что за углом имеется отличный пункт наблюдения. Достала из кармана пачку сигарет и закурила. Желудок немедленно ответил пакостной унылой болью. Курить, конечно, не следовало, но слишком уж явственно дрожали мои руки и непозволительно сильно колотилось под ребрами сердце. В этом доме, возможно, жила убийца - сумасшедшая, уже не раз являвшаяся по мою душу, несчастная, в вину которой так отчаянно не хотела поверить Ольга. И мне сейчас предстояло встретиться с ней лицом к лицу. Лицом к ее настоящему лицу, пусть чудовищно уродливому, но не спрятанному под жутким коконом бинтов...

Докурив сигарету до самого фильтра, я выбросила окурочек на асфальт и раздавила его носком сапога. Тянуть время и дальше было бессмысленно. Лишние десять минут не давали ничего, кроме дополнительной нервозности и риска рухнуть в обморок все на той же нервной почве - прецедент уже имел место. В последнее время я вовсе перестала доверять своему организму и постоянно ждала от него всяческих пакостей, поэтому рисковать не стала, мысленно досчитала до десяти, затем еще до пятнадцати, а потом еще до ста и решительным шагом направилась к первому подъезду. В спортивной сумке, висевшей у меня на плече, шуршали старые газеты и тихонько постукивал о дно пластмассового ковшика запасной коробок спичек.

«Ключи от подвала в шестой квартире», - гласила меловая надпись на деревянной двери с амбарным замком. Я на секунду прикрыла глаза и мысленно сказала себе: «Отлично!» Пока события развивались в точном соответствии с моим планом, и как-то даже не верилось, что его будет исполнить так просто.

Что-нибудь непременно должно было случиться: жильцов из шестой квартиры вполне могло не оказаться дома, как, впрочем, и Валерии Игониной, которая, несмотря на репутацию исключительной домоседки, в последнее время что-то приуныла к прогулкам по Москве в сером мужском плаще. Однако серьезно обдумывать свои действия в случае провала не хотелось. Оптимистический принцип «Нечего напрягаться, не корову же проигрываешь!» к данной ситуации явно не подходил. Я вполне могла проиграть не какую-то там несчастную корову, а свою собственную, единственную и драгоценную жизнь. По дороге на третий этаж мои ноги ежесекундно подгибались, палец, которым я нажала на кнопку звонка, вдруг принялся извиваться и гнуться дождевым червяком, а о том, что случилось с голосом, вообще лучше умолчать. Когда после второго или третьего звонка дверь открыла немолодая женщина в шелковом халате, из моего горла вырвалось то ли карканье, то ли сипение, слившееся в длинное и непонятное слово: «яззрэу».

- Чего? - не поняла женщина.

- Я из РЭУ, - проговорила я уже более членораздельно, но все равно как-то подозрительно жалобно. - Ключи от подвала у вас?

- Да, - кивнула она и уже повернулась, чтобы снять со стены или достать с какой-нибудь полочки ключ, но вдруг передумала. Скрестила полные руки на груди и внимательно всмотрелась в мое лицо.

Мне сделалось сразу и жарко и холодно, а сердце запрыгало где-то у самого горла. Видимо, мои актерские навыки и способности имели свойство цвести буйным цветом исключительно в тепличных условиях, а в критической ситуации отказывали, как ноги у паралитика.

- А вы, собственно, кто? - Женщина беззастенчиво рассматривала мое лицо и скептически пожевывала нижнюю губу. - Что-то я вас не помню... Может быть, мне сначала узнать в РЭУ, посылали они кого или нет, а потом уже давать вам ключи? А то вы извините, конечно, но народу-то много разного ходит! И всем надо в теплый подвал...

Так вот, оказывается, в чем было дело! По всей видимости, я переборщила со следами усталости и издерганности на лице и в результате получила картинку, большинством людей трактуемую как «несчастливая алкоголичка». А еще этот ужасный болоньевый плащ! И трико, выглядывающее из-под серой юбки! Ни дать ни взять пьянчужка, решившая распить бутылочку, а заодно и вздремнуть возле теплых стояков. Хороша гримерша, нечего сказать! Однако времени на самобичевание не было.

- Если хотите, звоните, - проговорила я, от всей души надеясь, что в голосе моем звучит сталь. - Вообще-то я - новый мастер и, между прочим, пришла проверить сигнал о возгорании в подвале... Мне-то что? Я уйду! Только вы потом не ходите и не жалуйтесь, когда все ваши шкафы да телевизоры погорят и вынести ничего не успеете!

Женщина как-то сразу стушеввалась, снова занырнула за дверь и высунулась уже с ключом на проволоочном кольце.

- Вот, возьмите!.. И уж извините, что так глупо получилось. Сами понимаете, ходят всякие, мальчишки вон в подвале балуются, да и от взрослых спасу нет... А что там загореться-то могло, если дверь заперта?

- Гудрон, - ответила я многозначительно и, не дожидаясь, пока она спросит о чем-нибудь еще, резво потрусила вниз.

Теперь надо было действовать оперативно и четко. К счастью, замок, казавшийся неприступным, как крепость Измаил, открылся без особых усилий. Из подвала пахло затхлостью, сыростью и почему-то подгнившей картошкой. Я чиркнула спичкой и начала осторожно спускаться по крутым ступенькам. Дверь за моей спиной, естественно, захлопнулась. На какие-то несколько секунд мне стало так жутко, как никогда в жизни: представилось вдруг, что фигура в сером плаще сейчас возникнет из темноты и сомкнет ледяные пальцы на моем горле. Но я заставила себя сделать еще несколько шагов вперед и, к великому облегчению, нащупала впереди влажное «колено» водопроводной трубы. Внизу обнаружилось небольшое укромное пространство, что мне, собственно, и было нужно.

Я села на корточки, растянула сумку и достала оттуда железную кастрюлю. В кастрюлю сложила мятые сухие газеты, а под них подсунула изломанный пластмассовый ковшик. Еще раз чиркнула спичкой и поднесла язычок пламени к краешку бумаги. Она тут же весело занялась. В сыром воздухе едко запахло дымом.

«То ли еще будет, когда пластмасса завоняет!» - удовлетворенно подумала я и ринулась к выходу из подвала.

Дальнейшее было делом актерской техники и случая. Причем случай в который уже раз за сегодняшний день оказался на моей стороне. В первой же квартире, в которую я начала суматошно долбиться, дверь открыл энергичный мужчина среднего возраста в драповых брюках и клетчатой рубашке.

- В подвале возгорание! - завопила я, багровея от волнения. - Возможно испарение ядовитых веществ. Звоните в «пожарку» и помогайте мне выводить людей из подъезда. В квартирах никому не оставаться! Все поотравится к чертовой матери!

- Ага! - коротко и понятно отреагировал мужчина и, накинув какую-то куртку, рванул вслед за мной по лестнице. Вдвоем мы лихо подняли на ноги с шестерых жильцов. А дальше уже

пошла цепная реакция, не требующая моего непосредственного участия. Люди стучались и звонили в двери соседей, крича:

«Тамара Семеновна! Выходи! Горим!.. Валечка, документы возьми на всякий случай!.. Антон, открывай, это не из военкомата, правда, пожар!» Я же в числе первых паникеров коварной тенью выскользнула из подъезда и притаилась на своем наблюдательном пункте. Теперь надо было смотреть во все глаза!

Честно говоря, мне и в голову никогда не приходило, что такая уйма людей днем сидит дома. Среди мирных жильцов, варварски выкуренных мною из помещения, было, конечно, довольно много пенсионеров, но примерно половину составляли относительно молодые мужчины и женщины. Несмотря на то, что мой первый добровольный помощник надсадно кричал: «Спокойно! Куда ж вы вещи-то тащите! Сказано, пожара не будет - просто отравление!» - народ почему-то никак не желал успокаиваться. На улицу с собой волокли какие-то сумки, баулы, шубы, обернутые в полиэтилен, даже кухонные комбайны. Из-за двери подвала вился сизый дымок, пахло на редкость отвратительно.

«Ничего! Сейчас «пожарка» приедет и мой вонючий ковшик затушит!» - успокаивала себя я и, боясь лишний раз моргнуть, всматривалась в силуэты выбегающих из подъезда женщин. Бетонная пристройка в торце дома почти полностью скрывала меня от глаз жильцов, но что толку?! Казалось, уже все, абсолютно все покинули свои квартиры, однако никого, хотя бы отдаленно похожего по манере двигаться на Человека в сером, я пока не обнаружила. Как не обнаружила, кстати, и ни одной несомненно уродливой женщины! И вот когда уже поражение казалось явным и неотвратимым, раздался голос какой-то старушки:

- А Лерочку-то Игонину забыли?!

По толпе прокатился встревоженный ропот.

Потом сразу трое мужчин кинулись в подъезд. Еще ничего толком не понимая, но уже томясь нехорошим предчувствием, я высунулась из своего убежища и обмерла...

Все затеянное и осуществленное мной в этот день оказалось абсолютно бессмысленным. Зря мерзли бабушки-пенсионерки на улице. Зря догорал в подвале полезный в хозяйстве пластмассовый ковшик. Зря я сегодня стояла целый час перед зеркалом, а вчера, с риском быть пойманной, крала у Ольги записную книжку.

Ольга была права: Лера Игонина никак не могла изображать Человека в сером! Трое мужчин выносили из подъезда инвалидное кресло. А в кресле сидела она. Широкий темный капюшон почти полностью скрывал ее лицо. Да и не в лице было дело! Я смотрела на ее ноги. На ее кошмарно тонкие, недоразвитые ноги, недвижно стоящие на специальной высокой ступенечке! Такие ножки едва смогли бы выдержать вес четырехлетнего ребенка. Болезнь ли, врожденный ли порок сделали их абсолютно бесполезными, но Лера Игонина не могла ходить!

Неподалеку завывала пожарная сирена. Я подняла с земли сумку и закинула ее на плечо, уже ничуть не боясь заляпать свой болоньевый плащ осенней грязью, смешанной с мокрым снегом. Версий больше не было, не было надежды, и как-то очень слабо верилось в то, что Ольга что-нибудь узнает о том дне рождения с фотографии... Ауры какие-то, отрубленные руки и эта нудная манера Человека в сером совершенно нереальным образом возникать на моем пути. А если и не возникать, то оставлять напоминанием о себе трупы или пошлые открытки с кошмарными собачками. Конечно, вполне возможно, что разгадка крылась где-то рядом, и вся эта мистика элементарно объяснялась моей категорической неспособностью составлять простейшие логические цепочки. Но мне уже почему-то почти верилось в то, что он - не человек. И только это маленькое и хрупкое «почти» отделяло меня от неприятного слова «шизофрения».

Однако, пока я еще жила и даже худо-бедно соображала. Еще видела солнце в просвете серых облаков и слышала шум машин на Дмитровском шоссе. Бросив последний взгляд на людей, все еще толпящихся у подъезда, я вышла из-за угла и... увидела его, «Вот это уже называется навязчивостью даже у призраков! - промелькнула в голове веселенькая, как похоронный марш, мысль. - Не привидение, а какая-то кукушка из часов, честное слово!» А он стоял в каких-нибудь пяти метрах от меня - и прикрывал поднятым воротником плаща нижнюю часть лица. Человек в сером ждал меня и, похоже, знал мои планы на три хода вперед! На руках его были темные кожаные перчатки.

В первую секунду я подумала о том, что от него как-то подозрительно дешево для посланца Сатаны пахнет туалетной водой «Доллар», во вторую - о том, что я все-таки потеряю сознание. А в следующий миг мне помогли это сделать, плотно прижав к лицу тряпку, пропитанную эфиром...

Второе за последние три дня воскрешение было еще менее приятным, чем первое. Все-таки естественный обморок подразумевает нормальное во становление жизненных функций. А сейчас голова моя просто раскалывалась на тысячу мелких кусочков, во рту было сухо и отчего-то сладко, все мышцы и кости невыносимо ломило. Примерно что-то в этом духе я уже ощущала однажды, когда отходила от наркоза после лечения зубов. Но тогда неповоротливый язык нащупывал во рту новенькие, гладкие пломбы, и душеньку мою, вернувшуюся с заоблачных высот, переполняло тихое мещанское счастье. Теперь же особых причин для радости не наблюдалось.

Надо мной был обычный низкий потолок салона автомобиля, подо мной - обитое зеленой кожей сиденье, а на мне - ничего, кроме трусов и старого черного бюстгальтера. И это при том, что печка в машине не работала, а погода стояла далеко не летняя! Мои ноги, густо покрытые гусиной кожей, подергивались конвульсивно, как лапки умирающего бройлерного цыпленка. Синюшные руки выглядели сейчас наверняка не многим лучше отрубленных конечностей Вадима Петровича. К счастью, нигде ничего не болело, и это оставляло надежду на то, что меня просто раздели.

Осторожно-осторожно, боясь сделать неловкое движение и нечаянно зашуметь, я приподнялась на локтях и огляделась. Кроме меня, в машине никого не было - ни на водительском месте, ни на переднем пассажирском сиденье. За окнами шумел какой-то сумрачный парк, костлявые ветви черных Деревьев покачивались на фоне фиолетового неба. Жутковатым недвижимым пятном на смерзшейся земле лежал свет включенных фар, в пепельнице еще дымилась недокуренная сигарета. Казалось, что люди покинули этот «Летучий голландец» на колесах в мгновение ока, не успев толком ни удивиться, ни испугаться...

Я за последние дни тоже разучилась и удивляться и пугаться, как цивилизованная женщина, и будь у меня с собой парочка осиновых кольев, литра два святой воды или хотя бы связка чеснока, немедленно начала бы готовиться к обороне. Но, кроме нижнего белья, в моем распоряжении ничего не имелось, поэтому оставалось одно - бежать! С диким остервенением я принялась дергать все ручки по очереди и, как ни странно, достигла успеха. Три дверцы оказались заперты, а одна - та, к которой я лежала ногами, - открыта!

Жалобное «ай» поневоле вырвалось из моего горла, когда босые ступни коснулись заледеневший земли. Левую икру тут же свело такой сильной судорогой, что пальцы на ноге болезненно скрючились. Но времени на стоны и восстановительный массаж не было: нечто, именуемое «инстинктом самосохранения», настойчиво пихало меня в спину и зудело: «Беги! Беги! Беги!» Я еще как-то отстраненно успела подумать, что этот самый инстинкт даже лабораторную крысу заставляет до последней секунды цепляться за свое жалкое подобие жизни, и вдруг увидела буквально в пяти метрах перед собой темную бетонную стену! А в стене - маленькую деревянную дверь!

Вполне возможно, это были задворки какого-нибудь Дома культуры, из тех, что в изобилии разбросаны по московским паркам. Стремительно переполнившись неистовой любовью к Домам культуры и страстной надеждой на то, что замок не заперт, я бросилась вперед. Пару раз ударила в дверь плечом, еще пару раз - бедром, потом догадалась потянуть ее на себя и - о чудо! - она открылась. В черных трусах и лифчике, похожая, вероятно, на сбежавшую пациентку психдиспансера, я ввалилась в какую-то каморку. Здесь было темно и почти так же холодно, как на улице, вдоль стен стояли унылые швабры и перевернутые ведра. А на полу лежала тоненькая полоска света! Она выбивалась из-под еще одной двери, ведущей, вероятно, в служебное помещение.

Терять мне было нечего. А в душе теплилась шизофреническая надежда на то, что Человек в сером, согласно своему привиденческому статусу, не выползет на яркий свет. Поэтому я, не долго думая, налегла и на эту дверь и... Если вы полагаете, что меня опять угораздило нарваться на этого урода, то сильно заблуждаетесь! И я до сих пор не могу с уверенностью ответить, что было предпочтительнее: встреча с «призраком» или то, что произошло на самом деле...

Когда к моим глазам, ослепленным поначалу ярким светом, вернулась способность видеть, то... Впрочем, нет! Прежде чем мои зрительные нервы подали в мозг отчаянный сигнал тревоги, ноздри зацепил резкий запах аммиака. Я разлепила дрожащие веки и с ужасом поняла, что нахожусь в мужском туалете!

- Ой! - с каким-то дамским испугом проверещал маленький лысоватый шатен, стоящий у писсуара.

- Ото! - радостным басовитым эхом отозвался здоровенный бугай, так и не успевший до конца застегнуть ширинку.

- Женщина! - со значением и священным ужасом заключила голова, высунувшаяся из кабинки.

- Извините, я не туда попала! - глупо пролепетала я, пытаюсь одновременно прикрыть грудь, ноги, живот и лицо.

- Да отчего же! - притворно и добродушно обиделся бугай. - Вы не стесняйтесь, девушка, проходите! Чего вы, право слово, как в гостях!

И тут на пороге нарисовалась низкорослая тетушка в белом халате и со шваброй в руках. Ее появление почему-то не было встречено таким бурным энтузиазмом со стороны мужчин, зато тетушка отреагировала, на меня более чем отрицательно.

- Ах ты, шалава! - завопила она яростно, замахнувшись шваброй, как Чингачгук копьем. - Это же ты как сюда пролезла?! Вот зараза, а! Нигде от вас покою нет!

Видимо, по неведомой причине шалавы донимали ее с постоянством июльских комаров.

- Вот я сейчас милицию-то приглашу, узнаешь, как сюда таскаться!

- Не надо милицию. - Я вжалась спиной в кафельную стену. - Я случайно сюда попала! Честное слово, случайно! Меня привезли на машине...

- Ага! На «мерседесе»! На шестисотом! И к туалету подкинули!.. Надо же, путана валютная выискалась!

- Да поймите же, никакая я не путана!

- Конечно же она из миссии Святой Терезы! - все так же весело и миролюбиво вмешался в разговор бугай. - Не видите разве? Просто платочек белый дома забыла... Давайте отпустим девушку.

- Отпустим, как же! Добрый какой нашелся! У меня тут - не дом свиданий... - с будуарами!

Слово «будуары» тетушка со шваброй выкрикнула с таким невыразимым презрением, как будто именно оно было источником и оплотом разврата.

- Это уж точно! - согласилась голова, выходя из кабинки. К голове прилагалось туловище с округлым животиком и пара коротеньких ножек в синих джинсах. - Вообще, мыть здесь можно было бы и потщательнее!

На этом его критический запал благополучно иссяк, и он уставился на меня с живым и беззастенчивым интересом. Уборщица же возобновила боевые действия:

- От стены отойди! Шмотки свои собирай и пошли со мной на выход!.. И дергаться не вздумай - я таких, как ты, знаешь, уже навидалась на своем веку!

- Да нет у меня с собой никаких вещей! - отчаявшись прикрыть руками оголенные части тела, - я уронила пылающее лицо в ладони. - Говорю же вам: меня на машине сюда привезли, раздели и оставили... Задняя дверь была открыта, вот я и зашла. Откуда мне было знать, что здесь туалет!.. Ну пожалуйста, помогите мне! Прошу вас!

Это был один из самых жалостных воплей за всю мою жизнь. Однако тронуть каменное сердце уборщицы оказалось не так-то просто.

- Дверь, говоришь, открыта? - Она неодобрительно, но уже как-то неуверенно покачала головой. - То-то вы все и ползете! Давно надо было изнутри амбарный замок повесить! Эх, девушка, девушка! Стыдно-то как! Молодая ведь еще!..

Потом повернулась к мужчинам и «светски» поинтересовалась:

- Все свои дела сделали? И по-большому и по-маленькому? Ну и нечего тут стоять! Не цирк!

Присутствующие, видимо, так не считали, потому что помещение покинули без особой радости. Уборщица заперла за ними дверь на ключ, и мы остались наедине.

- У тебя что-то и вправду случилось? - Тетушка смерила меня все еще подозрительным, но уже слегка потеплевшим взглядом. - Говоришь вроде нормально, не матюкаешься... Рожа вот только...

В последнее время мне приходилось выслушивать множество различных высказываний по поводу моей внешности, поэтому обижаться было бы уже как-то глупо.

- Усыпили меня, - постаралась я отвоевать еще немножко уборщицыного доверия, - поэтому и выгляжу, наверное, плохо. Мне бы халатик какой-нибудь...

- Халатик!.. Усыпили!.. Пьешь ты много, голуба, вот что я тебе скажу.

Мягко заколыхавшись всем телом и постукивая о пол шваброй, как Санта-Клаус посохом, она направилась в темную каморку.

- А будешь так пить, добром это не кончится!.. У меня дочь такая же, как ты. По возрасту, я имею в виду...

В каморке загремели ведра, застучали падающие швабры. Воспользовавшись паузой, я решила взглянуть на себя в зеркало: неужели эфир действительно повлиял на мою внешность таким кошмарным образом? Ох, лучше бы я этого не делала!.. Из мутного, забрызганного стекла над умывальниками на меня глянула измученная (или потасканная?) сорокалетняя женщина с мешками под глазами и морщинками в уголках губ! Мой утренний макияж «а-ля утомленный мастер РЭУ» держался на удивление стойко! Ничего удивительного, что хранительница туалета приняла меня за подрабатывающую интимом алкоголичку.

- Извините, пожалуйста... - начала я, намереваясь попросить дополнительно к халатику еще и кусочек мыла. И тут из каморки, чуть ли не мне в лицо, комом вылетели вещи: болоньевое пальтецо, юбка, трико, шерстяная белая водолазка.

- На машине, говоришь, привезли?! Дверь, говоришь, открыта?! - Уборщица возникла на пороге, разъяренная, как фурия, и донельзя оскорбленная тем, что ее доверие жестоко обманули. - Закрыта дверь! Как всегда, снаружи закрыта!.. А ты, значит, шлюха дешевая, тут у меня гнездо себе устроила и вещички сложила? Притаилась, да?!

Объяснять что-то и дальше было бессмысленно. Просить мыло - тоже. Из туалета я вышла в своем болоньевом плаще, красная от стыда и конвоируемая молодым лейтенантом. На первом этаже Дома культуры играла неоновыми отблесками вывеска «Бар-бильярдная», а на улице призывно сиял «мигалкой» милицейский «уазик».

- Можно мне будет сделать один звонок? - спросила я тоскливо. - Кажется, арестованный имеет на это право.

- Ты не арестованная, а задержанная, - после некоторой паузы отозвался лейтенант. Что это означало - «да» или «нет», - истолковать было сложно.

Оставалось только надеяться...

Позвонить позволили сразу же после того, как убедились, что взять с меня нечего. Наверное, рассчитывали, что выкупать «узницу» явится сутенер, и изрядно удивились, когда я зарыдала в трубку:

- Ольга! Оля, это вы?.. Это Женя Мартынова! Меня забрали в милицию, вы бы не могли сюда за мной приехать? Надо будет заплатить штраф, но я вам все отдам, честное слово!.. Нет, за проституцию!

Менты на диванчике искренне веселились:

- А тебя, красавица, что, еще за что можно забрать? Может, ты у нас киллер, а? Может, на тебе гора трупов? Тогда колись давай!

Колоться я не собиралась. Тем более, что трупы тянулись за мной, так сказать, по независящим от меня причинам. Заведовал кровавым конвейером все-таки Человек в сером. Но о нем я тоже умолчала, сильно опасаясь провести время до приезда Ольги уже где-нибудь в Кащенко.

Впрочем, юмористический настрой родной милиции довольно скоро угас вместе с интересом к моей персоне. И оставшийся до освобождения час я тихо просидела в углу, наедине со своим стыдом и невеселыми мыслями...

Если быть точной, Ольга появилась через пятьдесят пять минут. Зеленые электронные часы над будкой дежурного показывали как раз без пяти десять. Она вошла, строгая, красивая, в

длинном кожаном плаще с капюшоном, отделанным каракулем. И я от стыда и неловкости постаралась еще дальше забиться в угол.

Впрочем, Ольга не обратила на мой внешний вид никакого внимания или, как истинная леди, просто сделала вид, что не обратила. Коротко переговорила с дежурным, протянула ему несколько купюр.

- Странная у вас подружка! - игриво заметил лейтенант, попивающий на диванчике чай. - Взялись бы вы за ее воспитание, что ли?

Ольга никак не отреагировала - видимо, посчитала это ниже своего достоинства.

Ровно в десять мы благополучно вышли на бетонное крыльцо, и я с наслаждением вдохнула воздух свободы. Небо над головой было все таким же тревожно-фиолетовым, ветер - холодным и пронизывающим.

- Я не буду спрашивать у вас о том, что произошло, - достаточно прохладно заметила Ольга, расстегивая сумочку и проверяя наличие то ли кошелька, то ли документов. - Если захотите, расскажете сами. Но один вопрос я все-таки вынуждена задать: вы украли мою записную книжку?

Пришлось сознаться. В свете ее сегодняшнего благородного поступка мое мелкое воровство выглядело и вовсе неприглядным.

- Я так и думала. - Ее зеленые глаза зло сверкнули. - И, как я понимаю, вы, с вашей бешеной энергией, добрались-таки до Леры?

- Да, но...

- Я же вам русским языком говорила, что она тут ни при чем! Говорила или нет?.. Выходит, вы до сих пор мне не верите?

- Нет, верю, конечно, - жалко залепетала я. - Просто мне показалось, что вы могли ошибаться. Она ваша подруга, и вам не хотелось думать о ней плохо...

- Лера - не просто подруга. Она практически единственный близкий человек. И я предупреждаю, что вряд ли смогу вам это простить...

Мгновенно почувствовав себя наказанным детсадовцем и к тому же изрядной свиньей, я мрачно побрела по пустынной аллее. Метрах в ста впереди виднелась автобусная остановка. Ольга, отставшая поначалу для того, чтобы прикурить сигарету, догнала меня у поворота тропинки.

- Вы вломились к ней домой? - Сталь в ее голосе все еще звенела отчаянно и жестко. - Что вы ей сказали?

- Да никуда я не вламывалась... Просто инсценировала маленький пожар... Да не смотрите вы так - в подвале, не у нее в квартире! Всех из подъезда вывели, вот тут я и увидела...

Против воли улыбка тронула уголки Олиных губ.

- Надо же! Пожар!.. Вашу бы энергию да в мирных целях!

- Толку нет никакого от моей энергии. - Я тяжело вздохнула. - Хоть какая-то версия с этой вашей Лерой была. А теперь что? Кстати, если вам интересно, наш дорогой Серый подкараулил меня у ее подъезда, с чьей-то помощью усыпил эфиром, а потом бросил в одних трусах и лифчике посреди парка!

- Что-то очень мелочный для такой фигуры поступок! - Она удивленно повела бровью. - Вам не кажется?

- Кажется. А что это меняет? Логика я во всем этом уловить не могу! Логика! Может быть, она и есть, но, чтобы ее прочувствовать, у меня просто-напросто не хватает мозгов. Я не знаю, конечно, но может, это и в самом деле связано с какой-то экстрасенсорикой, колдовством? Тогда понятно: у них свои законы...

- Перестаньте, ради Бога! Колдовство какое-то выдумали. Все должно объясняться гораздо проще... Впрочем, пусть и колдовство! Вы, вообще, хотя бы самое элементарное понятие о магии имеете?

Я утвердительно, но как-то не очень уверенно кивнула.

- Ну тогда знаете, что там тоже ничего не совершается без определенной цели. Есть действие которое направлено либо вам на пользу, либо во вред. Если заряд положительный, то вы должны здороветь, переполняться счастьем и хорошеть на глазах. - При слове «хорошеть» она взглянула на мою алкашескую физиономию почти виновато. - Отрицательный заряд тоже имеет

цель вполне конкретную: свести вас в гроб, насладиться хворью, увести любимого человека... Может быть, конечно, третий вариант - вас используют в качестве ритуального козла для жертвоприношений. Все! И что же из перечисленного вам подходит? В качестве кого вы себя видите в данной ситуации?

- В качестве идиотки!

По Ольгиным глазам было видно, что ей ужасно хочется заметить: «Тут уж, извините, ничего не поправишь! Природа есть природа». Однако она сдержалась и спокойно продолжила:

- А мне кажется, от вас чего-то хотят. Каких-то действий, поступков, информации. Вас по какой-то причине нельзя убивать, иначе вся эта канитель давно бы закончилась... Возможно, то же самое справедливо в отношении меня. Однако основные действия разворачиваются вокруг вас... Остается только разобраться, чем и кому вы можете быть полезны. Тогда все встанет на свои места.

- Но Оля! - Я стремительно повернулась и до боли стиснула кулаки. - Некоторые-то вещи никак не встанут на свои места! Ни при каком раскладе!

- Какие, например?

- Рука на моей подушке!

- Ключи от вашей квартиры у кого-то из команды Серого.

- А его появление у подъезда Леры?

- За вами могли следить.

- А то, что он ждал нас у дома Бирюкова?

- Так он ждал вас или все-таки появился там после того, как вы вышли из подъезда?

- Ладно, пусть это тоже слежка... А как же аэропорт? Он что, днюет и ночует под моим порогом? И потом, опять же рука! Никого не было в радиусе ста метров вокруг, когда Наталья бросала ее в помойку, - это во-первых! Никто вообще не мог знать заранее, что мы ее выбросим, а не спрячем, например, на балконе, - это во-вторых!.. Вам, вообще, не кажется сюрсом, что какая-то банда начинает рыться по мусорным контейнерам, ради того только, чтобы эффективнее напугать двух и так смертельно перепуганных дур? Или ограничиться одной открыткой с паршивой собачкой им показалось как-то несолидно?

- Опять нервничаете. - Ольга выбросила окурок в урну, поправила волосы и надела капюшон. Становилось и в самом деле холодно. - А надо думать! Не можем объяснить как, надо объяснять почему... Кстати, никто из присутствовавших на том дне рождения Человека в сером тоже почему-то не помнит.

- И не удивительно! - заметила я со свойственным мне в последнее время пессимизмом. - Никто ничего не помнит, никто ничего не видит, никто ничего не может понять. В один прекрасный день меня просто найдут с проломленной головой - вот и все! И мне тогда уже будет глубоко плевать, кто меня убил - реальные бандиты или веселенький коллективчик местных вампиров.

К остановке подошел автобус, забрал очередную партию пассажиров и уехал.

Под пластиковым тентом с рекламой «Нескафе» Остались только парень с девушкой.

На черной куртке парня была нарисована красная дьявольская морда с крутыми могучими рогами.

- Как вы относитесь к тому, чтобы прогуляться пешком? - поинтересовалась Ольга. - До метро не так уж далеко. Я вас провожу, а заодно и договорим.

Я отнеслась к ее предложению положительно. Тем более, что сатанинская рожа на спине парня еще и зловеще фосфоресцировала. Пешком так пешком, надо договорить, значит, надо договорить. Правда, свои способности к дедуктивному мышлению я, оценивала как весьма средние. Ольгины, впрочем, тоже. Зато она, похоже, чувствовала себя едва ли не аббатом Фариа.

- Давайте, Женя, вспомним все с самого начала.

Ольга шла вдоль самого бордюра, отгородившись от меня своим капюшоном, и неспешно размышляла вслух:

- Все это началось после моего звонка. До этого вам никто не угрожал, никто не преследовал? Вы не замечали ничего подозрительного, никаких странных, необъяснимых вещей?

- Да, тогда у меня еще не было паранойи, - кисло реагировала я.
- Вы не вкладывали деньги ни в какие финансовые пирамиды? Не работали на лохотронах? Не находили сумок с документами?

- Нет! Нет! И еще раз нет!

- Не говорили с кем-либо о денежных махинациях, о наркотиках или о чем-то подобном?

- Да нет же. Господи! - завопила я так громко, о даже спугнула дремлющую на дереве ворону. - Я вообще ничего не понимаю в таких делах! Дебеты-кредиты по вашей части. Максимум, на что я способна, - это пересчитать деньги в своем собственном кошельке!

- Вы никогда не становились свидетелем преступления?

- До приезда в ваш благословенный город, слава Богу, никогда!

- И никто из ваших знакомых...

- И никто из моих знакомых тоже не связан с мафией! Так уж странно получилось, что нет у меня друзей-бандитов. Все больше актеры. А-а! У одной новосибирской подружки муж - милиционер. Участковый! Старушек от метро гоняет, чтобы огурцами не спекулировали. Может, это как-то с его делами связано, как вы думаете?

На мои жалкие юмористические потуги Ольга не отреагировала. Отогнув рукав, взглянула на циферблат часов и так же спокойно расправила обшлаг.

- Если так, то вы что-то не то увидели или услышали в ночь, когда убили Вадима. - На последних словах голос ее сорвался, но минуту спустя снова обрел прежнюю тихую силу. - Теперь вспомните, пожалуйста, все по порядку. Вы заходите в комнату, где отмечается день рождения, видите Вадима Петровича и актеров. Были ли там люди, которые показались вам подозрительными? Может быть, кто-нибудь ходил по коридору? Просто заглядывал в дверь?

- Да нет... Вроде ничего такого... Из чужих, похоже, была я одна. Все друг с другом общались, одна я как на необитаемом острове сидела.

- А кто-нибудь особенно насторожился при вашем появлении?

Я пожала плечами:

- Женщины занервничали, конечно...

- Это понятно! - Ольга невесело усмехнулась.

- Аладенская как-то запсиховала... Впрочем, нет! Не больше других! Из баб, пожалуй, только Наталья ко мне нормально отнеслась, и то потому, что сильно пьяная была. Она и не соображала, по-моему, ничего толком.

Мимо нас по Проезжей части пронесся автобус.

На задней площадке стояли те самые парень с девушкой. Они целовались.

- Ну, что дальше?.. Дальше мы с Бирюковым пошли в соседнюю комнатку, он поставил мне кассету, попросил называть его на «ты»... В общем, все, как вы и говорили.

- Кассета с самого начала была та, что нужно? Он ничего не перепутал? Может быть, поставил сначала одну, потом быстро вытащил? Или бумаги какие-нибудь на диване лежали? Вспомните, Женя! Это очень важно!

- Да нет же? - взмолилась я, изламывая брови горестным домиком. - И кассета была та, что нужно, и бумаг я никаких не видела.

- Может быть, какие-нибудь фотографии? Или блокнот?.. У вас же страсть к чужим записным книжкам!

- Не брала я ничего! Пальцем ни к чему не прикасалась!

- А о чем он с вами говорил?

- О сыне. О том, что они с ним выглядят как ровесники. О том, что мы обязательно должны достичь взаимопонимания, о том, что ему нужна именно такая актриса...

- И все?

- Все! Клянусь!

- Дальше?

- Дальше актеры ушли, он со всеми простился и спустился вместе со мной в зал. Усадил меня в первом ряду, а сам начал оборудовать сцену...

- Комнаты он проверил?

- Да, наверное... Хотя какая разница? Выходы-то на сцену он абсолютно точно закрыл.

Ольга на секунду остановилась в задумчивости, потом решительно мотнула головой:

- Дальше... Давайте дальше!

- Потом сцена начала крутиться. Он прочитал сначала отрывок из «Гамлета» и бросил в зал шарф. Я еще тогда подумала, что надо заранее собрать его вещи...

Потом был, по-моему, Ромео... Да, точно, Ромео! И он выбросил куртку. А потом сцена еще раз повернулась, я как раз полезла за курткой под кресло, и...

- Стоп! - Ольга развернулась ко мне так резко, что я даже испугалась. Ее зеленые глаза нехорошо светились, тонкие ноздри раздувались. - А отсюда, Женя, все очень медленно и по порядку. Все-все! Буквально каждый шаг!

Мне вдруг показалось, что на улице резко потемнело, звезды как-то померкли, потянуло могильным холодом. Ольга, стоящая передо мной в просторном капюшоне, с черными локонами, лежащими на плечах, сделалась странно похожей не то на средневековую аббатису, не то на ведьму.

- Н-ну... Н-не знаю... - От волнения и осознания важности момента я даже начала заикаться. - Сцена выехала. Он прочитал классическое «убей луну соседством», швырнул куртку. Она упала под кресло. Не очень глубоко, но все равно надо было встать на корточки, чтобы ее достать. Пока сцена разворачивалась, я побежала. Наклонилась, взяла куртку. За воротник... Да, кажется, за воротник, а когда обернулась...

- Еще раз стоп! Когда вы наклонялись за курткой, вы ведь сидели спиной к сцене и лицом к выходу. Так? Справа... нет, слева от вас был и центральный проход между креслами, и проход между правой стороной зала и стеной?

- Да, все правильно.

- Вы все время опасались, что сцена вот-вот повернется? Что вы не успеете?

- Ну конечно.

- И не заметили при этом абсолютно ничего? Ни человека, пробежавшего, по сути дела, в поле вашего зрения, ни даже его тени?

- Я смотрела только на куртку. И еще чтобы из нее ничего не выпало!

Уголок Ольгиных губ нервно и недовольно вздрогнул.

- Ладно, допустим! Пусть на глазах у вас были шоры! А в ушах что? Бананы? Не могли же вы в абсолютной тишине не услышать звука шагов? Причем, заметьте, торопливых шагов!

- А вы не допускаете, что убийца был босиком или в мягких кроссовках? - злобно огрызнулась я, обидевшись на то, что со мной разговаривают как с кретинкой - Или он, по-вашему, дурак и надел сапоги со шпорами?

- Вы бы не услышали ровным счетом ничего только в одном случае - если бы он нацепил сандалии с крылышками! Но если вам так хочется верить, что в пяти метрах от вас беззвучно прокрался Чингачгук, пожалуйста, верьте!

- Или Чингачгук, или призрак... - едва слышно проговорила я, собираясь снова нырнуть в свое персональное море тихого ужаса, но Ольга не позволила мне этого сделать.

- Дальше!

Она остановилась, раскрыла сумочку, вытащила пачку сигарет и зажигалку.

- Рассказывайте, что было дальше!

- Потом я, кажется, закричала. От моего крика проснулась Наталья. Начала стучаться в дверь и просить, чтобы ей открыли. Я сначала испугалась еще больше. Стала спрашивать, кто там.

- О-очень мудро!

- А вы бы, интересно, что на моем месте сделали?

Ольга не ответила. Пламя зажигалки на секунду бросило на ее лицо жуткий красноватый отблеск.

- В общем, мы поговорили через дверь. Я поняла, что это - не убийца, достала из куртки Вадим Петровича ключи и открыла...

- Готова поспорить, что и дверь открылась абсолютно беззвучно!

- Не помню... Хотя, да! Но... - Я напряглась. - А откуда вы это знаете? И почему вдруг сейчас об этом говорите?

- Да так, к слову пришлось. Ну и?..

- Я рассказала ей, как было дело. Она подумала-подумала и согласилась мне помочь. Сказала, что Бирюкова можно вывезти на ее машине и спрятать где-нибудь за городом. Но у нас ничего не получилось. Тогда Наташка предложила отвезти его к нему же в квартиру...

Мимо промчался еще один автобус. Уже, наверное, третий или четвертый.

Ольга посмотрела на меня как-то странно и неожиданно предложила:

- А может, остановочку до метро все-таки доедем?

Это, видимо, следовало понимать как внезапное завершение разговора.

Почему вдруг ее намерения переменялись так резко, мне было абсолютно непонятно.

- Оль, а вам совсем неинтересно, что было дальше?

- В общих чертах я знаю, вы рассказывали. - Она равнодушно пожала плечами. - Кое-что даже подробнее, чем сегодня. И потом...

- И потом - что? - Я уже не на шутку разозлилась. Ненавижу, когда меня держат за идиотку и заставляют участвовать в разыгрывании каких-то нелепых и никому не нужных мини-спектаклей.

- Если вам что-то хочется сказать - скажите прямо! Не надо изображать из себя Шерлока Холмса в юбке! «Это элементарно, Ватсон, один вы, дурак, ничего не понимаете!» Вы ведь что-то поняли, да?

Ольга явно смутилась, но всего лишь на секунду. Откинула со лба упавшую темную прядь и проговорила виновато, но сдержанно:

- Да, извините... Это действительно выглядело дешево. Просто мне безмерно жаль, что в ту ночь вы, а не я, оказались в том зале... В общем, так: вам все еще интересно, откуда Человек в сером знал, что руку надо искать в мусорном контейнере?

Мои распахнутые глаза и приоткрытый рот были самым кратким и емким ответом на заданный вопрос.

- Он просто знал, что ее туда положат. И не из-за каких-то там своих сверхъестественных способностей, а по одной простой причине: была предварительная договоренность! Вы ведь не станете отрицать, что именно вашей Наталье пришла в голову замечательная идея выбросить руку на помойку?

Ольга все-таки не смогла обойтись без эффектной театральности. Но сейчас мне было в общем-то безразлично, в какую форму облекла она свою новость.

Сказанное ею было чудовищным!

- Послушайте! Я не позволяю... не позволю... - Язык мой заплетался от волнения. - Не позволю в таком тоне говорить о моей подруге! Вы защищали свою Игонину, и правильно делали. Вот и я Наташку в обиду не дам... Да ее же убили из-за всего этого...

- Откуда вы знаете, что ее убили? - начала было Ольга, но, увидев, что мой воинственный запал еще только приближается к кульминации, обреченно махнула рукой.

- Да Наташка... Да мы же с ней вместе! Никто не заставлял ее во все это лезть... И потом, если бы она была убийцей, то влекую убила бы и меня!

- Ого! Прогресс! Вы уже говорите «если»!.. Кстати, дружеский совет: пока мы не поняли, зачем все это организовано, не рассуждайте о том, почему она вас не убила! Не очень умно выглядит!

- Но Наташа...

- Что Наташа?! - Ольга вдруг утратила спокойствие и выкрикнула имя Каюмовой с яростным остервенением. - Ваша Наташа убила моего любимого человека! И вы пытаетесь заставить меня замолчать?! Это же ясно как белый день, если, конечно, немного пошевелить мозгами! Начнем с того, что Вадим странным образом ослеп и не заметил человека, спящего под пальто!

- Он был пьян!

- А не проще предположить, что она в это время где-то пряталась? Ладно, оставим пока это! Но дверь! Абсолютно бесшумно открывшаяся дверь! И это в старом, разваливающемся здании, где скрипит абсолютно все и вся! Как будто кто-то крайне предусмотрительно смазал петли... Дверь, с одинаковым успехом отпирающаяся как изнутри, так и снаружи!

Так вот отчего мне стало, неуютно и тревожно, когда мы впервые вошли в квартиру Бирюкова и дверь там отворилась бесшумно и легко! Мое подсознание просто услужливо открыло в тот момент нужный сундучок памяти со свежими воспоминаниями о той, другой

двери, открывшейся без малейшего скрипа, и светлом силуэте Натальи, возникшем в черном, пустом проеме.

- Вы хотите сказать?..

- Да, я хочу сказать, что у любезной вашему сердцу Каюмовой был второй ключ! Она заранее отперла дверь изнутри, дождалась, когда Вадим доедет до нее, ударила его ножом, под прикрытием полузадернутого занавеса забежала обратно и благополучно закрылась... В общем, примерно все то же самое, что она наплела вам про мистического убийцу в тапочках, только без идиотских пробежек через весь зал!

Я нервно сглотнула. То, что говорила Ольга, казалось ужасным, но вполне логичным!

- Дальше она прикинулась невинной овечкой и принялась долбиться изнутри, требуя, чтобы ее выпустили. Вы поверили и выпустили убийцу, хотя вообще-то она прекрасно могла выбраться и без вашей помощи.

- Оля, подождите! Но зачем?..

- Слушайте дальше! - оборвала она довольно резко. - Дальше ваша Каюмова берет инициативу в свои руки. И это при том, что всего час назад она, якобы мертвецки пьяная, спала под чьим-то пальто! Вы много за свою жизнь видели людей, которые в таком состоянии способны были хотя бы рассуждать? Не говоря уже о том, чтобы действовать?! Причем действовала Каюмова весьма энергично и стала не только контролировать каждый ваш шаг, но и навязывать вам определенные поступки. С ее подачи вы едете за предусмотрительно утерянной помадой!

Естественно, что Человек в сером заранее знает о вашем появлении. От нее же он узнает о вашем намерении поехать в аэропорт. И даже дубликат ключа от вашей квартиры ему при таком раскладе не нужен, потому что руку на подушку подложила все та же Наташенька, пока вы отлучались на кухню или в туалет!.. Не правда ли, все складывается просто отлично?

Я потрясенно и как-то тупо молчала. Мысли ворочались в голове тяжело и медленно, как белье в старой стиральной машине. Наташа! Моя Наташка! Резкая и энергичная Наташка! Не может этого быть! В принципе не может быть! Однако она ведь действительно звонила каким-то приятелям, когда мы собирали вещи у нее дома, прежде чем рвануть в аэропорт! И эти самые приятели ни разу после этого не возникли на нашем горизонте! Она могла, теоретически вполне могла звонить Человеку в сером! Она не оставляла меня практически ни на минуту, а потому имела возможность контролировать все мои действия. Опять же от меня она довольно много знала о Славике и Лехе. Только зачем все это? Зачем?!

Странная организация с туманным, как десять тысяч Альбионов, родом деятельности. Бирюков - шут и пешка, болтавший, к сожалению, слишком много. Славик и Леха, затеявшие свою игру и безнадежно проигравшие. И я... Какое ко всему этому имею отношение я?!

Ольга стояла прямо передо мной и задумчиво изучала ноготь безымянного пальца. Если бы она по-прежнему испепеляла меня взглядом, кричала, обвиняла, я бы, наверное, начала спорить. Но она стояла и молчала, как будто все только что сказанное само собой разумелось.

- Оля, - предприняла я еще одну жалкую попытку убедиться в том, что все это - лишь недоразумение, - вы ведь сами спрашивали: зачем? И главное, зачем так сложно? Почему кому-то понадобилось устраивать целое представление из убийства Вадима Петровича?

- Пока не знаю. - Она так хладнокровно пожала плечами, что у меня по спине пробежал неприятный холодок. В каждом ее слове, в каждом жесте чувствовалась спокойная уверенность женщины, которая нашла убийцу и теперь непременно отомстит.

- И потом... Помните, когда я заикнулась про колдовство и магию, вы сказали, что там тоже все очень логично и каждое действие имеет совершенно конкретную цель: либо тебя за что-то карают, либо от тебя чего-то хотят, либо просто приносят в жертву, как ритуального козла? Помните? - Ольга все так же спокойно кивнула. - Вот видите! Даже во всей этой оккультной чертовщине так! А здесь? Какая здесь может быть цель?! Да, Наташка уже через пять минут общения со мной поняла, что от меня можно добиться чего угодно без дополнительных запугиваний! Я сразу, вы понимаете, сразу готова была бежать отсюда сломя голову и всю оставшуюся жизнь не раскрывать рта! Стоило меня о чем-нибудь спросить - просто спросить, не обязательно подсовывая под нос мертвые руки! - я бы тут же все выложила как на духу! Ну не

борец я по характеру, не герой, и в разведку меня брать нельзя! А самое-то главное - Наташка об этом знала!

Выложившись на полную катушку, я как-то сразу сникла и взглянула на Ольгу с робкой надеждой. Но та, похоже, не была склонна к оправдательным вердиктам.

- Знала не знала - это все детали. - Ее глаза жестко сощурились, а губы презрительно искривились. - Я, честно говоря, думаю, что она всего лишь исполнитель, а никак не мозговой центр. Ваша любимая Каюмова ничего сама не решала, но это не важно - все равно получит то, что заслужила, и...

- Вы собираетесь идти в милицию?

- С чего вы взяли?

С минуту мы смотрели друг на друга с одинаковым выражением искреннего недоумения во взглядах. Потом почти одновременно опустили глаза. Мне было страшно. Однако я не знала, что можно возразить, какие привести аргументы в пользу все еще дорогой моему сердцу Каюмовой.

- Но надо же хотя бы проверить? Хотя бы как-то убедиться?

- Согласна. - Ольга наконец сняла свой кошмарный капюшон и взбила пальцами темные крупные локоны. - А для начала было бы совсем неплохо ее найти. Поэтому я сейчас собираюсь поехать в ту квартиру и поговорить с соседками. Если хотите, можете отправиться со мной.

До «Красных ворот» мы ехали на метро, потом шли мимо высотки и ярко освещенных витрин магазинов. И везде пассажиры и прохожие косились на нас весьма подозрительно. Мы и правда являли собой очень странную пару: печальная, красивая, одетая с иголки Ольга и моложавая бомжиха в старом болоньевом плаще. Потoki слез, пролитые в отделении, не только не украсили мою физиономию, но еще и усугубили эффект, производимый гримом. Я думаю, честным согражданам ужасно хотелось предупредить Ольгу о том, что надо внимательнее следить за своей сумочкой и карманами.

В полутемный и мрачный двор каюмовского дома я нырнула с большим облегчением. У глухой кирпичной стены стояло несколько машин, в помойке копался мой незнакомый «собрат».

- Вы уверены, что хотите туда пойти? - спросила Ольга, задумчиво раскрыв и снова закрыв пачку сигарет.

- О чем вы?

- Ну, хотя бы о том, что ваша Наталья вполне может оказаться дома.

Ольга чувствовала, что я до сих пор до конца не верю, и давала мне возможность если не смягчить, то отсрочить удар.

- Нет, я поднимусь вместе с вами. Тем более, что тетя Паша будет гораздо охотнее разговаривать со мной.

- Как хотите. - Ольга пожала плечами и первой вошла в подъезд.

До самой двери квартиры мы молчали и только перед тем, как нажать на кнопку звонка, обменялись взглядами.

«Лучше расставить все точки над «и» сейчас, сразу!» - сказали мои глаза, «Я уверена, что точки расставятся именно так, как я говорю!» - ответили глаза Ольги.

Дверь открыла меломанка. Она не казалась особенно расстроенной или печальной, но тем не менее была одета в траур - черную шерстяную юбку, черный свитер и черные чулки с нелепыми рельефными горошинками. Зато тетя Паша, показавшаяся в конце освещенного коридора, откровенно хлюпала носом.

- Женечка! - Она поспешила мне навстречу, тяжело переступая полными ногами с расширенными вздувшимися венами. - Женечка! Несчастье-то у нас какое! Это что же творится?! Это что же делается?! За что же вам, молодым?!

Ольга едва заметно сморщилась, учуяв густой и кислый запах перегара. Я же торопливо схватила тетю Пашу за руку:

- А что такое? Что случилось? С Наташей, да?

- Да. - Она снова громко хлюпнула. - Умерла наша Наташенька. Умерла! И некому, кроме меня, на ее могилке поплакать!

- Да ладно вам притворяться-то, Господи! - брезгливо бросила меломанка, присевшая на ларь с картошкой. - Не вы ли всего полдня назад все инстанции обегали, узнавали, кому комната достанется?

- А тебе завидно, что не ты первая успела, да?

- Мне незачем спешить. - Меломанкины сухие губы сложились бантиком. - Я же вам русским языком объясняю, Павлина Андреевна: по закону все права на эту жилплощадь принадлежат мне. Так что можете, конечно, суетиться...

- Оставьте ваши разговоры на потом! - неожиданно резко оборвала Ольга. - Нам хотелось бы узнать, что все-таки произошло с Натальей?

Повисла секундная пауза, а потом тетя Паша как-то по-бабьи просто и от этого страшно сказала:

- Утонула Наташенька. В Москве-реке утонула... Следовательно приходил, сказал: нашли ее утром, так и плавала в одной сорочке с веночком каким-то на голове... Говорят, что она это в состоянии...

-Невменяемости, - услужливо подсказала меломанка, так и не ушедшая в свою комнату.

- Невменяемости?

- Вот-вот!.. С головой вроде у нее не все было в порядке.

И ничего не изменилось. Не рухнул потолок, не полезли из стен дьявольские рожи и зеленые руки вампиров. Не перевернулся мир. И только в голове моей со страшной скоростью закружилась шекспировская фраза: «Как радостно по ложному следу залаяли вы, датские собаки!»

- Офелия! - проговорила я одними губами. Помертвевшими, бескровными губами.

- Что? - отрешенно спросила Ольга.

- Я говорю: Офелия!.. А до нее были Полоний и Гильденстерн с Розенкранцем. Именно в том порядке, в каком должны были быть! И в театре Бирюков начинал репетировать «Гамлета»...

На этот раз она не задала ни единого вопроса, только тревожно и испуганно всмотрелась в мое лицо. Она поняла то же, что и я...

Мое первое, детское воспоминание о Шекспире накрепко связалось в памяти с образом большеротого мальчика из тележурнала «Ералаш», скорбно и потешно завывающего: «Юрик! Бедный Юрик!» В тот день мы втроем с подружками играли у меня дома «в магазин» и краем глаза поглядывали в телевизор. Юмора, естественно, никто из нас не понял, «несмешной» выпуск «Ералаша» был подвергнут резкой, принципиальной критике. И только через пару лет, посмотрев нормального «Гамлета» с Иннокентием Смоктуновским, мы осознали, в каком месте и над чем полагалось смеяться. Только тогда нам, наконец, стало ясно, что «Юрик» - действительно не «Юрик Никулин», а страшный череп Йорика, и что «Гамлет» - это не только про мордобитие, но еще и «про любовь». Класе в пятом стало модно с легкой небрежностью и неуклюжей иронией рассуждать: «Бить или не бить? Вот в чем вопрос!» А в восьмом мы проходили «Гамлета» по программе... Это была катастрофа! Кстати, Витенька Сударев, видимо, так и затормозился на том, школьном, уровне, ибо никогда не упускал случая пропеть при мне, начинающей актрисе, грезящей ролями Офелии и Джульетты, дурацкий куплетик: «Офелия, Гамлетова девчонка, свихнулася...» - ну и так далее...

А тогда в школе наша учительница литературы поставила перед собой непосильную задачу: заставить нас запомнить содержание Гамлета! Хотя бы на уровне «кто кого любил и кто кого убил». И наши мальчишки, в четырнадцать лет все еще плюющиеся в одноклассниц бумажными шариками, из страха перед будущими экзаменами хмуро зубрили: «Умер старый Король. Его жена Гертруда вышла замуж за его брата Клавдия. А сын Гертруды Гамлет очень разозлился на свою мать за ее гадкий поступок. В смысле за то, что она вышла за дядю. А тут еще пришла Тень отца и наябедничала, что ее, оказывается, Клавдий и убил. И тогда Гамлет решил всем на свете отомстить. Сначала притворился дурачком. Потом грохнул старого придворного Полония, чтобы не стоял, где не просят, и не подслушивал. Король и королева послали к нему двух друзей - Розенкранца и Гильденстерна, - чтобы те разобрались, что происходит с сыночком. Короче, те влезли не в свое дело, и их казнили. А подружка Гамлета Офелия, которая к тому же была дочкой Полония, от горя свихнулась и утопилась. Тогда ее братец Лаэрт решил отомстить за сестрицу и за папашу и вызвал Гамлета на бой. Но бой был нечестным. Лаэрт вместе с Клавдием

заранее отравили вино и смазали ядом одну рапиру. Вино, правда, по ошибке выпила королева Гертруда и, естественно, померла. А рапирой успели зацепить и Гамлета, и Лаэрта. Перед смертью Лаэрт во всем признался, и разозленный Гамлет убил Клавдия. А потом тоже умер...» В общем, страсти-мордасти и целая куча трупов! Уф-ф-ф!

Теперь, спустя четырнадцать лет, и страсти-мордасти, и куча трупов чудовищным образом материализовывались из пустоты, как мертвая рука в моих полубредовых видениях. Все складывалось. Все страшно и логично складывалось. Бирюков - Полоний, Леха со Славиком - Розенкранц и Гильденстерн, Наташа - Офелия! Сюрреалистический, странный спектакль, который собирался ставить Вадим Петрович, и полутень-полупризрак, преследующий меня на каждом шагу...

Господи! С какой тоской я вспоминала теперь прежде казавшуюся беспросветной экономическую версию - версию, по которой и Бирюкова, и ребят убили из-за больших и, вероятнее всего, грязных денег. Тогда, по крайней мере, прорисовывалась хоть какая-то логика! Что же делать теперь, я просто не представляла. Зато одно знала почти наверняка: если мы не ошиблись и перед нами действительно разыгрывается чудовищная версия «Гамлета», то это надо снимать как смертельную шараду, которую необходимо разгадать. Убийца, оставляющий за собой кровавый след, убивает не просто так - он играет с нами, предлагая решить задачку со многими неизвестными...

Мне пришло в голову сказать об этом Ольге сразу после того, как мы вышли из каюмовского подъезда. Однако та отреагировала очень странно.

- Вы так запросто делаете выводы, Женя? - Взгляд ее был туманным, глаза - пустыми, на губах играла горькая усмешка. - Только это ведь не триллер с одобренным и утвержденным сценарием! Вам не кажется, что это вообще выше нашего понимания? «Есть многое на свете, друг Горацио...» Помните?

- Но вы же сами сегодня смеялись надо мной, когда я заговорила о колдовстве?!

- Колдовство тут абсолютно ни при чем.

- А что вы тогда имеете в виду?

- Ничего. - Она снова опустила голову. - Ничего, Женя, ничего... Если бы я могла до конца понять. Если бы я смогла вовремя понять...

На этом наш странный разговор закончился. Ольга вдруг подбежала к проезжей части, остановила синий «форд» и поспешно забралась на заднее сиденье.

Я успела только слабо вякнуть: «Вы куда?» - как автомобиль уже снова сорвался с места. В последний раз перед моими глазами мелькнул ее профиль, прядь черных волос, прилипшая к уголку рта, и Ольга исчезла. Я же осталась наедине со своими сомнениями и тяжелыми мыслями.

К счастью, в Люберцах в этот день не случилось ни очередной аварии, ни внепланового ремонта труб, поэтому горячая вода в кране была; Я залезла в ванную и часа два отмокала, смывая с себя воспоминания о неудачном поджоге, явлении Человека в сером и ужасных минутах, проведенных в отделении милиции.

На мне, естественно, было красное бикини, чтобы в случае чего не выскакивать из ванной голый. Рядом с мочалкой и лавандовым туалетным мылом лежал нож для разделывания рыбы.

Ах, как отчаянно не хотелось верить в то, что все это происходит на самом деле, в то, что не почудилась странная нить, связавшая средневековую трагедию с моей нынешней, вполне реальной жизнью! В принципе и у смерти Вадима Петровича, и у гибели Лехи со Славиком могло быть другое, вполне земное объяснение. Вот только Наташа! Ее подозрительная кончина не укладывалась ни в какие рамки. Холодная, покрытая ледяной шугой Москва-река, тонкая сорочка, венки на голове... Кажется, что конкретнее могло бы указывать на Офелию? Как там сказал следователь, приходивший к соседкам?

Возможно, она сделала это в состоянии невменяемости?! Но Наташка не была ненормальной. Абсолютно точно - не была. Более того! Людей, способных в критической ситуации размышлять настолько здраво и логично, я не так часто встречала за все двадцать восемь лет своей жизни!

Тут же как-то пакостно и горько вспомнилось Ольгино недавнее: «Она не только контролировала каждый ваш шаг, но и навязывала вам определенные поступки». Может быть, и навязывала, но теперь ее уже нет! И такой смерти я не пожелала бы даже злейшему врагу.

И все-таки кем же была Наталья? Невинной жертвой - безумной Офелией, не сделавшей никому ничего плохого, или все-таки хладнокровной соучастницей жестокого, но вполне земного убийства? Случайно ли картина ее смерти оказалась такой же, как у шекспировской героини, или следовало все-таки взяться за разгадывание шарады, предложенной убийцей?

Мне вдруг вспомнились резкие и беспричинные перепады Наташкиного настроения, нежная привязанность к водочке и способность истерически веселиться тогда, когда, по идее, следовало бы плакать. «Каждый актер должен быть немножечко сумасшедшим». На моей памяти это выражение никем и никогда не воспринималось буквально. Да, все говорили об эмоциональной пластичности, возбудимости и неустойчивости психики, но никто и никогда не признавался: «Я - профессионал и у меня на хорошем профессиональном уровне едет крыша...» Так все-таки «да» или «нет»? Была или не была моя Наташка шизофреником, параноиком или просто особой со слабой, надломленной психикой? Если «нет», то это не проясняло абсолютно ничего. Зато если «да»... Категорическое «да» могло означать только одно: надо напрягать мозги и пытаться понять, что же хотел сказать убийца...

Вот примерно в таких растрепанных чувствах и мыслях я и отправилась назавтра поутру в психиатрический диспансер, обслуживающий микрорайон, где жила Наташка. Грим на этот раз не понадобился, поэтому выглядела я по-походному бодро - черные джинсы, ботиночки, куртка с капюшоном и волосы, собранные сзади большой коричневой заколкой. А вот настроение было, мягко говоря, так себе...

Надо сказать, что психиатрические диспансеры, равно как и кожно-венерологические, всю жизнь внушали мне брезгливость, смешанную с суеверным ужасом. И не потому, что в моей жизни были неприятные моменты, выработавшие особое к ним отношение. Как говорится, Бог миловал! Просто мне почему-то всегда казалось, что, открыв дверь с соответствующей табличкой, я немедленно погружусь в океан либо заразы, либо безумия и никогда уже до конца не отмоюсь...

Но, как ни странно, изнутри психиатрический диспансер выглядел почти как обычная поликлиника. Регистратура со множеством карточек, медсестра в белом халате и крахмальном колпаке. Напротив входа - вполне мирные плакаты, объясняющие, в каком кабинете можно получить печать на справку, а где пройти медкомиссию для водителей автотранспорта.

Немного помявшись у порога, я все-таки подошла к девушке за стойкой и деликатно прокашлялась.

- Вы что-то хотели? - спросила она, взглянув на меня без малейшего интереса.

- Да... Вы знаете... В общем, мне нужно узнать об одном человеке - возможно, вашем пациенте...

- Вы родственница? - спросила медсестра в лоб.

- Да! - соврала я не моргнув глазом.

- Почему же тогда «возможно»? Либо это наш пациент, либо нет... А что, кстати, у вас за вопрос? И документы ваши, если можно...

Она была хорошенькой, в меру нагленькой и в меру языкатенькой. Из тех медсестер, которые своей вьедливостью обычно сильно облегчают жизнь врачам, но изрядно портят пациентам.

- Документов у меня с собой нет. - Голос мой понемногу начал обретать нормальную твердость. - А если бы даже и были, вам бы я их предъявлять не стала.. Мне необходимо побеседовать с доктором!

- Ваши документы, удостоверяющие: родство с пациентом, - повторила она флегматично и демонстративно раскрыла какой-то яркий журнал. Немного помолчала, делая вид, что читает, потом удивленно приподняла голову. - Вы не слышали разве? Если вам нужна какая-то информация о больном, предъявите документы. Существует такое понятие - врачебная тайна, и ее кому попало не разглашают... Или, может быть, вы из органов?

Только за вчерашний и сегодняшний день меня уже успели назвать и киллером, и милиционером - причем оба раза с одинаковой издевкой. Но никто из этих остряков-самоучек даже и не догадывался, как близко и часто в последнее время я встречаюсь со смертью. Никто не знал, что я научилась безошибочно чувствовать ее смрадное дыхание даже в прозрачно-чистом осеннем воздухе...

- Еще вопросы есть? - насмешливо спросила медсестра. И это уже явно было лишним.

- А ну-ка, немедленно проводите меня к врачу! - взревела я с яростью, сделавшей бы честь самому авторитетному предводителю буйных психов. - Я тут все у вас разнесу к чертовой матери! Сидят, понимаете ли, журнальчики листают!

Физиономия моя ужасающе перекосилась, глаза выпучились, нижняя челюсть затряслась так явно, словно вот-вот собиралась отвалиться. Звонящее эхо отразилось от выкрашенных голубой масляной краской стен.

К чести девочки-медсестрички надо заметить, что она почти не испугалась - видимо, сказала профессиональная выдержка. Всего лишь вздрогнула, нервно повела узкими плечиками и все так же спокойно спросила:

- А чего вы волнуетесь, собственно? Если вам так нужно, беседуйте с доктором. Но я заранее предупреждаю: просто так информацию о больных вам не даст даже сам главврач.

Ненормальный блеск в моих глазах усилился, и она почла за лучшее переменить тему:

- Адрес у вашего больного какой?

Назвав номер Натальино дома, взамен я получила номер кабинета и отправилась по коридору направо, сильно опасаясь, что в конце пути меня будут поджидать санитары со смиренной рубашкой.

Однако ничего похожего не случилось. На мой деликатный стук приятный женский голос ответил:

- Да-да, входите, пожалуйста!

Я толкнула дверь и оказалась в самом обычном кабинете с ширмой, медицинским шкафчиком и письменным столом. За столом сидела совсем еще молодая женщина, примерно моя ровесница. В отличие от медсестры из регистратуры, она не была хорошенькой. Слишком полные щеки делали овал лица кругом. Светлые «пороссячи» реснички опушали глаза, смагивающие часто и почти виновато. Но, как ни странно, общее впечатление создавалось достаточно приятное.

- Присаживайтесь! - приветливо предложила докторша.

Я опустилась на стул с мягкой кожаной спинкой.

- Ну, так что у вас случилось?

Я молчала, как двоечник у доски, понятия не имея, что же сказать.

Она немного поиграла фиолетовым фломастером, легко вздохнула и коснулась моей кисти своими теплыми, мягкими пальчиками:

- Рассказывайте, не нужно ничего бояться и стесняться!

И мне вдруг стало совершенно ясно: расскажи я ей сейчас обо всем, что на самом деле у меня случилось, - и в следующий раз мы будем беседовать в палате с обитыми поролоном стенами, не спроси то, ради чего сюда, собственно, и пришла, - результат будет тот же самый. Если меня не убьют, я просто сойду от всего этого с ума! Смирительная рубашка, как вид повседневной одежды, прельщала меня очень мало, поэтому я собралась с духом и просто сказала:

- Я - корреспондент журнала «Женское здоровье» и хотела бы взять у вас небольшое интервью.

Она тут же зарделась как маков цвет и даже не подумала спросить у меня удостоверение. Я же опасливо покосилась на дверь: в любой момент могла войти гадкая медсестра из регистратуры и разоблачить меня, к моему великому стыду и позору.

- Так что вас интересует? - уже совсем любезно спросила докторша, и мне на секунду сделалось невыносимо стыдно; наверняка у нее первый раз в жизни брали интервью.

- Ваши трудовые будни. Интересные моменты в работе. Трудности и радости - абсолютно все!

- Ну, радостей, в общем, не особенно много. Рутинной, скучной работы гораздо больше...

- Но ведь вам наверняка приходится беседовать с интересными людьми?

Фраза применительно к профессии психиатра прозвучала несколько странно, что немедленно отразил изумленный взгляд моей собеседницы. Однако ей удалось-таки переварить формулировку и деликатно ответить:

- Да, конечно. Разные пациенты встречаются, как, впрочем, и у любого врача...

В коридоре слышались чьи-то быстрые и деловитые шаги. Я сочла за лучшее поторопиться:

- А женщины? Женщин-пациенток много?

- И женщин хватает.

- Скажите, а это миф или реальность, что у женщин более хрупкая, неустойчивая психика?

- Ну как-ак вам сказать? - затанула докторша, видимо собираясь выдать длинное научное объяснение.

Я же заерзала на стуле, как на горячей сковородке. Очень реально и красочно представлялось, как в кабинет заходит медсестра, недоуменно округляет глаза и говорит: «Вот эта, что ли, журналистка?! Ну, тогда я - прима-балерина Большого театра!» И начинаются их жутковатые профессиональные разговорчики о прима-балеринах, наполеонах и микки маусах, отправленных в данный момент на излечение.

К счастью, собеседница решила не загружать меня специальной терминологией и медицинскими понятиями.

- Да, наверное, все-таки не миф, - выдала она с улыбкой.

И я тут же накинулась на нее со следующим вопросом:

- А творческие личности среди ваших пациенток встречаются? Ведь говорят, что у представителей богемы регулярно бывают нервные срывы и кризисы?.. Вам приходилось, например, лечить актрис?

- Ой нет! - Докторша почти весело отмахнулась. - Если вам для женского журнала надо, то напишите, что больше различными расстройствами страдают бабушки-пенсионерки. У молодых женщин после родов случается послеродовая депрессия. Кстати, ей подвержен довольно большой процент рожениц. Но не нужно волноваться: к счастью, она достаточно успешно поддается лечению... Ну и невроты сейчас, конечно...

- И все-таки давайте вернемся к творческой интеллигенции. - Я с ослиным упрямством продолжала гнуть свою линию. - Неужели-таки за всю профессиональную деятельность вам ни разу не приходилось сталкиваться ни с актрисами, ни с художницами, ни с поэтессами?

- Да я работаю-то всего ничего! - всплеснула руками круглолицая докторица. - Вот Антонина Сергеевна, по-моему, артистку одну из нашего района лечила, когда я у нее на практике сидела. С ней бы вам поговорить!

- А это можно устроить? - Ослицыно упрямство в моем голосе плавно заменилось лисьей вкрадчивостью.

- Сейчас нет, к сожалению. Она еще из декретного отпуска не вышла. Вот пришли бы вы месяца через два!.. Где-то в январе она, по-моему, должна появиться.

- А что за артистка? Вы не помните?

- Фамилию я вам, конечно, не скажу! Во-первых, права не имею... А во-вторых, честно говоря, и не помню... Может, она, кстати, и не артистка была - просто почему-то так в голове отложилось? Нет, похожа все-таки на артистку, и роман у нее неудачный был с режиссером. Из какого-то театра-студии, что ли?..

Это уже было что-то!.. Я напряглась, как рысь перед прыжком. Артистка! Театр-студия! Неудачный роман с режиссером! Наталья, правда, всячески подчеркивала, что никаких отношений у нее с Бирюковым не было и в принципе быть не могло. Но не слишком ли активно, не чересчур ли настойчиво она это утверждала? И потом эта ее давешняя обида и жестокое: «А мне не жаль, что он умер! Женщины таких вещей не прощают!» Кто знает, о чем она говорила тогда?

О том, что на сцене Вадим Петрович предлагал ей играть исключительно престарелых шлюх, или о том, что он отнесся к ней как к шлюхе в обычной жизни?

- А поподробнее можно, что там была за история?

- Уж и не помню толком. - Докторша пожала плечами и задумчиво оттопырила нижнюю губу. - Вроде бы она забеременела от него, он заставил ее сделать аборт.

У нее на этой почве случился сильнейший криз. В общем-то здесь она наблюдалась уже после того, как отлежала «острый» период в стационаре, на Матросской... По-моему, у нее после аборта начались серьезные гинекологические осложнения, чуть ли не до бесплодия... Нет, зря говорить не буду - только и вас, и себя запутаю!

Она снова приветливо улыбнулась, как бы поощряя меня к новым расспросам.

Я же на некоторое время погрузилась в тревожное раздумье.

- Скажите, а такие нервные расстройства, как у той актрисы, они могут впоследствии привести к суициду?

- На самоубийство иногда решаются и абсолютно психически здоровые люди.

- Докторша побарабанила пальцами по краю стола. - Но, вообще, если прецедент уже был...

- А она что, пыталась покончить с собой?

- Не помню. Правда не помню... Что-нибудь еще вас интересует?

Меня интересовало только одно: наблюдалась ли Наташа Каюмова у психиатра? И ответ на этот вопрос я получила.

Причем без предъявления документов о родстве и удостоверения работника милиции. Однако уходить вот так, сразу, было неудобно. Для вида я еще поинтересовалась последствиями послеродовой депрессии и ее профилактикой, острыми невротами у детей и целесообразностью аутотренинга с точки зрения современной медицины.

Когда «список вопросов» благополучно исчерпался, и пришло время попрощаться, докторша неожиданно спросила:

- Простите, вы приходили только за тем, чтобы взять интервью?.. Мне почему-то показалось, что у вас самой какие-то серьезные проблемы.

Я взглянула в ее светлые глаза с часто смаргивающими, «пороссячьими» ресницами, помотала головой и торопливо вышла из кабинета.

Никто на свете не мог мне помочь. Ни эта молодая врачиха с ее самыми лучшими и искренними намерениями, ни внезапно сбежавшая Ольга, ни мама, ни папа, ни предатель Пашков. Спасение утопающих на самом деле становилось делом рук самих утопающих. Если я успею, если пойму, если разгадаю... Впрочем, как раз во времени меня, похоже, не ограничивали. Я была не жертвенным ягненком, не актером и не статистом! Я была зрителем, для которого разыгрывается весь этот чудовищный спектакль, а зрителей, слава Богу, не принято было казнить по ходу представления...

Дома я первым делом залезла в текст пьесы, который мне любезно презентовали на репетиции в театре, и с суеверным ужасом убедилась: да, все логично! Все до безобразия логично!

Первым гибнет Полоний - вельможа, спрятавшийся за ковром в покоях королевы.

«Ты, жалкий, суетливый шут, прощай! - говорит о нем Гамлет и позже добавляет:

- Да, вельможа этот теперь спокоен, важен, молчалив, а был болтливый шут, пока был жив...»

Слишком много знавший и слишком много болтавший Бирюков! Спивающийся клоун, за бутылку текилы изображавший на потеху пьяной публики хоть Хазанова, хоть Жириновского, хоть черта лысого!

Гамлет уносит труп Полония из покоев королевы, и его долго и безуспешно ищет король со своими слугами. Труп Вадима Петровича тоже бесследно пропадает!

Следующими умирают Розенкранц с Гильденстерном...

...Их гибель

Их собственным вторженьем рождена.

Ничтожному опасно попадаться

Меж выпадов и пламенных клинков

Могучих недругов...

Бедный, бедный мой Леха! Бедный глупый Славик! Они всего лишь хотели легко и быстро срубить большие деньги. Влезли туда, куда ни в коем случае не должны были лезть. Может быть, чуть промедлили, решая, кому выгоднее продать информацию? Совсем чуть-чуть, но этого оказалось более чем достаточно...

Офелия! Безумная Офелия... Несчастливая, одинокая Каюмова, по сути не сделавшая никому ничего плохого.

Она старалась по ветвям развесить
Свои венки: коварный сук сломался,
И травы, и она сама упали
В рыдающий поток...

Радужные круги расплывались у меня перед глазами, когда я закрыла текст пьесы. Сердце гулко и больно колотилось, желудок отчаянно ныл. Все складывалось! Все чудовищным образом складывалось! Полония убили клинком - и Вадима Петровича закололи! Розенкранцу и Гильденстерну отрубили головы - то же самое случилось с Лехой и Славиком. Об Офелии и говорить нечего! Если бы не хрестоматийный пример ее гибели, я бы, возможно, до сих пор не догадалась о том, что, собственно, происходит...

За окном шел снег и тонкими горностаевыми шкурками ложился на ветви деревьев и карнизы окон. А где-то совсем рядом бродил призрак в сером плаще, с забинтованным лицом. За ним тянулся жуткий кровавый след. Кровь на снегу...

Красное на белом...

Но вот что странно: мне почему-то все меньше верилось в хоть сколько-нибудь нечеловеческую сущность призрака-убийцы! Это наверняка человек.

Нормальный, живой, но очень жестокий человек, почему-то решивший разыграть свой кровавый спектакль именно передо мной! И еще одно я знала точно: если мне удастся понять, почему именно я удостоилась чести стать зрителем в этом театре, то наверняка удастся и вычислить убийцу...

Ольга позвонила в тот же день и тихим, бесцветным голосом напросилась в гости. По телефону я не стала задавать лишних вопросов. Просто назвала свой адрес и, обуреваемая гостеприимством, приготовила салат из морковки с майонезом. Ждать пришлось часа полтора или два. За это время мне дважды мерещилось, что в доме напротив кто-то осторожно отдергивает штору на окне и наблюдает за мной, сам стараясь оставаться невидимым, что в зеркале отражается чей-то силуэт, при моем приближении стремительно исчезающий. По первой программе показывали международный турнир по фехтованию, у соседей наверху девочка одним пальцем разучивала на фортепиано тему «Монтеки и Капулетти» из прокофьевского «Ромео и Джульетты». В общем, все складывалось одно к одному.

Даже тень моей жалкой хрущевской пятиэтажки начинала странным образом приобретать черты Эльсинорского замка, и я бы, наверное, почти не удивилась, если бы ближе к вечеру мимо сберкассы и почты промаршировали войска Фортинбраса...

Однако, как только Ольга возникла на пороге квартиры, мне стало ясно, что моя нервная система - это просто крепыш с обертки «Гематогена» и что морковный салат сегодня едва ли будет пользоваться спросом. Выглядела она значительно хуже, чем вчера. На недавние спокойствие и сдержанность теперь не было и намека. Когда Ольга расстегивала пуговицы своего кожаного плаща, пальцы ее дрожали. Бутылка мартини так и вовсе чуть не вывалилась из рук, а толстый том с переводами Шекспира она швырнула на тахту, как гадкую огромную змею.

Книга тяжело ударилась о подлокотник. Во мне же вдруг всколыхнулись неприятные воспоминания о ее вчерашнем стремительном бегстве, после которого я как идиотка осталась стоять посреди улицы, недоуменно и испуганно раззявив рот. Кстати, было бы весьма желательно уяснить для себя, что Ольга имела в виду вчера, говоря: «Если бы я могла до конца понять, если бы я смогла вовремя понять».

Она снова не опустила до объяснений, с минуту постояла возле моего окна и заметалась из угла в угол, нервно потирая запястья и покусывая губы. В своей черной вязаной тунике и черных лосинах моя гостя была похожа на перепуганную, беспокойную птицу, а еще на батарейку «Энерджайзер», которую никто и никогда не остановит.

- Мне страшно, Женя! Мне страшно... - говорила она. - Первый раз в жизни так страшно... Это... Это не поддается никакому логическому объяснению!

Я терпеливо ждала, когда же Ольга расшифрует смысл вчерашних слов, но она только тихо постанывала и уже одним своим видом вызывала мучительное желание повеситься. Минут через двадцать, отфильтровав ее бессвязные речи, мне удалось вычленить основной смысл: она приехала затем, чтобы не сойти в одиночестве с ума от ужаса, она не верит в то, что это может

происходить на самом деле, она о чем-то догадывается, но посвящать меня в суть своих догадок не считает возможным. Вот так просто и без затей!

В конце концов мне изрядно наскучило это представление. Я плюхнулась на тахту, положив том Шекспира к себе на колени, и с мстительным спокойствием надкусила зеленое кислое яблоко.

«Ну и ладно! - вертелось у меня в голове. - Обойдемся без ваших разъяснений. А то надо же, какие мы нострадамусы! Догадки, видите ли, у нас! Пророчества не для простых смертных!.. Я тогда тебе тоже ни о чем не расскажу: ни про цитаты, ни про психушку!»

Нет, рассказать, конечно, следовало, но только в том случае, если она немного успокоится и перестанет сеять панику на десять километров вокруг себя.

Вообще, мы с Ольгой странным образом поменялись местами: еще недавно я отчаянно трусила и готова была покорно отдаться на волю провидения, теперь же она являла собой жалкое зрелище. Всего какие-нибудь сутки назад Ольга пыталась призвать меня к хладнокровию и здравомыслию, теперь я жаждала обдуманных действий и контроля над ситуацией.

Если быть до конца честной, меня весьма ободрял тот факт, что во всей этой истории мне отводилась роль зрителя. Зрителей, как правило, не закалывают, не топят и не травят ядами. В крайнем случае, выводят из зала за плохое поведение. Что и говорить, хотелось бы, чтобы меня вывели из зала! Но видимо, на этом спектакле билетеры предусмотрены не были...

Господи, если бы только глубокоуважаемый Шекспир знал, что на исходе двадцатого века его трагедия вдохновит на подвиги маньяка-убийцу, возможно, он никогда и не взялся бы за перо! Но пьеса, к сожалению, была написана, и теперь у меня на коленях лежали три или четыре варианта ее переводов. А на первой странице обложки принц Датский с перекошенным от ярости лицом вонзал огромный меч в чье-то невидимое горло. Глаза Гамлета сверкали дикой злобой, на челе лежала явная печать безумия. Мрачный силуэт Эльсинора поднимался из пляшущих языков гигантского пламени, да еще и фон иллюстрации был выдержан в кроваво-красных тонах. В общем, по духу и оптимистичности создаваемого настроения картинка сильно напоминала «Последний день Помпеи».

- Всегда ненавидела эту пьесу, - коротко и нервно бросила Ольга перехватив мой взгляд. - Просто какой-то сплошной, непрекращающийся кошмар!.. Трупы, трупы, трупы! Все бессмысленно и жутко. Человек сходит с ума... Ведь кто может поручиться, что он действительно не сошел с ума? И по его милости начинают гибнуть все вокруг: мать, друзья, невеста. Отец невесты, в конце концов!..

По понятной причине параллель Полоний - Бирюков трогала ее больше всего.

Но вот что странно: у меня тоже вдруг отчего-то неприятно и тревожно екнуло сердце. Что это было? Предчувствие? Догадка? Понять я не успела: мысль промелькнула и исчезла, будто ее и не было.

Ольга же присела на краешек тахты и уронила лицо в ладони.

- Нет, я не создана для всего этого! Не перенесу. Я не настолько виновата... Я боюсь того, чего не понимаю!

Ее высказывания типа «понимаю - не понимаю», «виновата - не виновата» явно не страдали избытком логики. Капитулировать под флагом «Боюсь!» в данной ситуации было выходом самым простым и глупым. Да и вела она себя не так чтобы очень приятно - чуть ли не каждым жестом и фразой подчеркивала: вам не понять, вы для этого слишком примитивны. Но даже несмотря на все это вместе взятое, Ольгу, в конце концов, стало жалко. Я пристроила недогрызенное яблоко на край тарелки и решила от доброты душевной поделиться с ней толикой своего мудрого, основанного на здравых размышлениях спокойствия:

- Оля, но нам-то с вами ничего пока не грозит, кроме разве что перспективы загреметь в клинику с неврозом... Нет, все происходящее - это, конечно, ужасно, но у нас ведь есть время! Время на то, чтобы подумать и во всем этом разобраться. Надо взять себя в руки и проанализировать все с самого начала. Просто теперь уже совсем под другим углом!

- Я не смогу. - Она обреченно помотала головой. - Здесь я вам не помощница... И даже не потому, что вы - актриса и мыслите образами, а я - приземленный экономист. Скорее наоборот: потому, что все это слишком касается меня!

- Все еще казните себя за смерть Вадима Петровича и...

Не договорив фразы, я осеклась. Ляпнуть «все еще» могла только такая крошечная, беспросветная и бестактная идиотка, как Женя Мартынова! «Все еще»!

Да эта женщина до конца своих дней не простит себе смерти Бирюкова!

Однако к моему великому изумлению, именно этот ляп Ольга пропустила мимо ушей.

- Я казню?! - На слове «я» она сделала резкий, пугающий акцент. - То есть вы полагаете, что это я сама себя казню?.. Господи, Женя, вы настолько материалистка или настолько дурочка?!

Надо сказать, в моем доме она вела себя как-то слишком круто! В другой ситуации на «дурочку» полагалось обидеться, но сейчас на это просто не было времени. Ольга смотрела на меня большими, отчаянными глазами, прядь темных, отливающих синевой волос прилипла к ее покрытому испариной лбу.

- Не дурочка и не материалистка. - Я сердито отвернулась и уставилась в пыльный и темный экран телевизора, отключенного от розетки за то, что вздумал в разгар моих мистических настроений транслировать турнир по фехтованию. - Просто мне почему-то кажется, что Высший суд и для вас, и для меня состоится несколько позже... В этой игре мы, к счастью, только зрители, и пора уже брать себя в руки!.. Яблоко хотите?

- А вы не видите ничего странного в том, что зрительный зал рассчитан на два места? - тихо поинтересовалась она, проигнорировав вопрос о яблоке.

- Что-то я не очень понимаю, о чем вы?

- О том, что гораздо логичнее выглядит либо грандиозное шоу, либо уж спектакль для одного человека! Цифра «два», знаете ли, ни туда ни сюда! Мы ведь с вами не двойняшки, не сестры, не подруги? Нас не имеет и никогда не имело смысла сводить вместе!

- И все равно неясно, к чему вы клоните!

Голос мой еще звенел упрямством, но неприятный, тревожный холодок уже разливался по позвоночнику. И она заметила этот мгновенный страх в моих глазах, поэтому, наверное, и усмехнулась с невыразимой горечью:

- К тому, что пьеса еще не закончена! Сколько там трупов впереди? Четыре, не так ли? И один из них, кстати, женский!

Потом нервным и резким движением откинув волосы со лба, она взяла с моих коленей книгу и, сощурившись, принялась быстро перелистывать страницы. Губы ее беззвучно шевелились, лоб морщился.

- Вот! - Ольга наконец нашла нужный отрывок и ногтем отчеркнула одну из строк. - Слушайте!

«Не пей, Гертруда!» -

«Мне хочется. Простите, сударь».

- «Отравленная чаша. Слишком поздно!» -

Подняла голову и посмотрела на меня внимательно, как ученый на подопытную лягушку. - Нравится вам, Женя, такой расклад? А между тем, нравится или нет, одна из нас этой самой Гертрудой и окажется!

Известие было, мягко говоря, неприятным. Некоторое время я тупо молчала, не зная, что возразить и что вообще уместно сказать в такой ситуации. В конце концов голос у меня таки прорезался и со свистящим сипением вырвался из гортани:

- Но ведь в этом не будет уже вообще никакой логики? Вадим Петрович - понятно, Леша со Славой - понятно! Там все строго по тексту, никаких отступлений от сюжета. Но с какой стати вам или мне становиться Гертрудой?!

- Слово «становиться» подразумевает момент добровольности. - Ольга снова усмехнулась безжизненно и вяло. - А тут спрашивать никто не будет: все роли заранее распределены!.. Можно дать зарок не пить вина, и яд подсыпят тебе в минеральную воду. Можно перейти на столовое питание из общего котла, и какой-нибудь там цианистый калий окажется именно в твоём стакане с компотом... Все предрешиено, Женя! Ничего изменить нельзя.

И вдруг я с невозможной ясностью поняла, что, говоря «тебе» и «в твоём», Ольга тем не менее подразумевает только себя! Ужас перед близкой и неотвратимой смертью стыл в ее распахнутых глазах, синими тенями залегал в уголках губ.

Как это ни гнусно, но я почувствовала что-то вроде мгновенного облегчения: мне, человеку в этой истории абсолютно стороннему, вряд ли была уготована роль Гертруды, это они - Бирюков, Ольга, Наталья, Леа со Славиком - были связаны между собой тоненькими ниточками странных отношений, это они ревновали, любили, страдали и грезили большими деньгами! Я же наблюдала за всем со своего места в зрительном зале, и, честно говоря, это устраивало меня куда больше, чем перспектива стать следующим трупом. Однако уже через секунду стыд нахлынул на меня горячей волной: Ольга сходила с ума от страха, а я радовалась тому, что ее, а не меня, вскоре увезут в морг на скрипучей каталке.

- По-моему, мы просто позволяем себя запугать. - Голос мой прозвучал, конечно, не так уверенно, как хотелось, но все-таки достаточно твердо. - Нам надо просто сесть и спокойно подумать... Мне вот тут вчера пришла в голову мысль: если я пойму, почему именно передо мной разыгрывается этот спектакль, то вычислю убийцу! Так давайте...

- Призрак, - произнесла Ольга одними губами, подтянула колени к подбородку и уткнулась в них лбом.

- Что? - не поняла я.

- Призрак. Тень отца Гамлета... Вы первоисточник читали? - Уголок ее рта нервно дернулся, - Если читали, то вспомните о вашем Человеке в сером, и все поймете... У призраков нет логики, у них нет лица, и их нельзя понять или переиграть.

- Господи, Оля! Призраки не прячут лица под бинтами, от них не пахнет туалетной водой. Они не раздевают женщин до трусов и не бросают их в парках! У призраков нет походки и нет манеры двигаться, по которой их можно было бы узнать! А его я знаю! Поймите: знаю! Это никакой не призрак и не тень. Это нормальный, живой человек. Человек убил вашего Вадима и мою Наташу. Человек! Что бы там по этому поводу ни говорилось у Шекспира!..

Я хотела добавить что-нибудь еще, столь же убедительное и исполненное пафоса, как вдруг сердце мое екнуло и горло на секунду сдавило мучительным спазмом. Это же было очевидно и просто, как таблица умножения! Не догадаться сразу могла только полная и законченная кретинка. А то, что этой кретинкой оказалась актриса, всего несколько дней назад подменявшая режиссера на репетициях «Гамлета», удручало окончательно. То, что так насторожило и встревожило меня в недавних словах Ольги, стало теперь ясным как белый день!

«Человек сходит с ума, - говорила она. - Ведь кто может поручиться, что он действительно не сошел с ума? И по его милости начинают погибать все вокруг: мать, друзья, невеста...»

Я сидела и тихо стонала от гнетущего осознания собственной тупости.

Гамлет - принц Датский закалывает Полония! Гамлет подделывает письмо с приказом казнить Розенкранца и Гильденстерна! Гамлет своей жестокой игрой доводит Офелию до безумия и смерти! Гамлет заваривает всю эту кашу. Он, и никто другой! Принц Датский - человек из плоти и крови! Значит, и искать надо именно Гамлета...

Когда я нетерпеливо завопилась в своем углу, не зная, как тактичнее привлечь Ольгино внимание, она наконец подняла голову.

- Вы что-то хотите мне сказать?'

- Да. - Я переплела пальцы рук, снова разомкнула их и снова переплела, словно не зная, на что все-таки решиться. - Понимаете, Оля, есть одна идея, которую срочно надо проверить. В принципе я предлагаю вам поехать со мной, но, если хотите, можете остаться здесь и подождать.

- Вы все еще бредите какими-то идеями, Женя? Все еще на что-то надеетесь?

- Конечно! Потому что на этот раз все очень даже реально...

- Да-да. - Она встала с тахты и как-то обреченно кивнула. - Но мне, наверное, все же лучше будет поехать домой...

Ох уж эта ее катастрофическая и неизвестно откуда взявшаяся покорность судьбе! Еще ни разу в жизни мне так сильно не хотелось взять человека за плечи и засунуть головой под кран с холодной водой. Однако на столь радикальные меры и дальнейшее устранение их последствий сейчас просто не было времени: часовая стрелка готовилась вот-вот запрыгнуть на цифру «5».

- Оля, прошу вас, - я старалась выглядеть уверенной и спокойной, - прошу вас: не надо никуда уезжать!.. Я вернусь через три... ну, самое позднее, через четыре часа и наверняка привезу какие-нибудь важные новости. Мы с вами все обсудим и ляжем спать: вы на тахте, а я на полу... Ну зачем, скажите, вам сейчас тащиться домой? Там что, намного безопаснее?

- Нет, - Ольга как-то равнодушно помотала головой, - просто...

- А раз нет, значит, оставайтесь здесь. Пейте чай, ужинайте... В холодильнике салат. Вилки, ложки, тарелки - все найдете... Я, честное слово, скоро приеду!

Она так и не спросила, куда и зачем я отправляюсь! А я ждала этого до самого последнего момента и даже, зашнуровывая ботинки, специально на несколько лишних, драгоценных минут задержалась в прихожей. Но Ольга продолжала сидеть на краю тахты, невидящим взглядом уставившись в оклеенную зелеными обоями стену... Хотя задай она вопрос - ну что бы ей ответила? По-хорошему, мне самой надо было еще очень во многом разобраться и как-то упорядочить мысли, роящиеся в моей голове. Да, в конце концов, хотя бы решить, куда поехать в первую очередь: в театр, наверняка уже встревоженный слишком долгим отсутствием Бирюкова, или все-таки к тете Паше? И там, и там с равной вероятностью можно было разжиться нужной информацией. А спросить я хотела следующее: «Кто, был у Наташи Каюмовой после Бирюкова? Кто он такой, этот «кадр», которого она хотела как-нибудь при случае наказать, воспользовавшись моими профессиональными услугами? Кто тот «прынец на белом коне», которого она ждала полжизни и дождалась-таки на свою голову?»

Я собиралась искать возлюбленного Офелии...

Для начала я все-таки отправилась к тете Паше. Во-первых, это как-никак был Наташкин дом - дом, где ее воспринимали отдельно от ауры закулисных сплетен, а во-вторых, вот так сразу соваться в театр было как-то боязно. Мое исчезновение в разгар репетиций «Гамлета» там наверняка расценили как бегство крысы с тонущего корабля. И теперь оставалось только страстно надеяться, что всю необходимую информацию удастся почерпнуть у каюмовских соседей.

Во дворе было тихо. Недолговечный осенний снежок, легкий, как безе, и нежный, как детская кроличья шубка, припорошил асфальт и карнизы окон. Одетый в кипенно-белое дом выглядел значительно менее унылым. Но все равно здесь дышалось как-то не так - больно и тяжело... Снег на ступеньках и козырьке подъезда. Снег в розово-фиолетовых закатных тенях. Снег, испещренный множеством следов: мужских, женских, детских. Не было среди них только одних - Наташкиных.

А я даже и не думала, что буду так сильно скучать по ней...

Тетя Паша оказалась дома. Как ехидно заметила меломанка, «на ночь сняла осаду с жилконторы». На этот раз бывшая каюмовская соседка была трезва, печальна и чем-то озабочена.

- Все как-то не по-людски, - вздыхала она, подливая мне свежей заварки.

- Все не по-человечески... В экспертизе ее, бедную, до сих пор, что ли, держат? Ни тебе похорон, ни официальной бумаги!

- Ну а следователь-то что-нибудь еще говорил? - допытывалась я, грея о бока чашки озябшие пальцы. - Прояснили они там, что это? Самоубийство? Несчастный случай?

- Прямо, говорил! Он и не заходил больше! Раз только явился, бумагульки свои заполнил, и все - с приветом!

- Про меня спрашивал?

- Спросил, да! Кто, дескать, гостил в ту ночь да куда делся? Но мы же не знали, где тебя искать? Так и сказали. Объяснили, что ты сама ее потеряла, что волновалась больше всех и что жених у тебя погиб.

- А он?

- Записал, покивал и ушел... Натальным здоровьем еще, правда, поинтересовался. Как вела себя последние дни? Не замечали ли за ней каких странностей? Про наркотики про эти ваши спрашивал, про любовь несчастную...

- Теть Паш, а кстати, насчет любви... - Я прокашлялась и постаралась, чтобы голос мой звучал естественно и спокойно. - У нее был кто в последнее время?.. Ну, встречалась она с кем-нибудь?

Тетю Пашу, похоже, мой вопрос удивил несказанно. Заплывшие ее глаза в густой сеточке морщин удивленно округлились, нижняя губа оттопырилась.

- Ну вы, девки, даете! Вроде дружите не разлей вода, чуть ли не в одной постели спите, а ничего друг про друга не знаете!.. О чем же вы тогда шепчетесь-то, если не о парнях?

- Да мы ведь с Наташей недавно совсем познакомились.

- Недавно-то недавно! - Она, казалось, категорически не одобряла подобной скрытности современной молодежи. - Только все равно не по-людски как-то... А теперь-то зачем тебе это знать?

- Но ведь ему тоже сказать, наверное, надо? Может, он и не знает еще ничего, ждет ее, волнуется?.. В общем, мне просто хотелось бы его найти.

В данном, конкретном случае я не врала. Хотелось, и еще как хотелось!

Тетя Паша покачала седеющей головой, щедро положила варенья в свою внушительную чашку со шпилем Адмиралтейства, потом откинулась на спинку стула и скрестила руки на груди.

- Да вот ты знаешь, ведь так сразу и не скажешь! - На лбу ее залегли две глубокие удивленные морщинки. - Вроде был кто-то, но я почему-то его ни разу не видела. По телефону она разговаривала - да, на свиданки бегала... Тут, видишь, еще Вера Николаевна наша виновата: кто из гостей в квартиру ни придет, она вечно такой визг поднимает! Вот Наташка, наверное, и стеснялась водить его домой. Она ведь на самом деле хорошая была девочка, добрая. Больше для виду дурь на себя напускала.

- Но, тетя Паша, не может же так быть, чтобы вообще - ни разу?! Хоть провожать-то вечерами он ее должен был. Вспомните, а! Постарайтесь!

Морщинки на соседкином лбу сделались еще глубже, брови почти сошлись у переносицы.

- Нет, Жень, не скажу... Из театра девчонки приходили - было дело, потом женщина какая-то в возрасте... Парень тоже один заглядывал, но давно. И то как-то так несерьезно: пару раз появился - пропал... А так, чтобы в последнее время... Нет, не видела, зря говорить не буду!

Разговор, последние пять минут топчущийся на месте, окончательно зашел в тупик. Я тоскливо выловила пару ягодок из розетки с клубничным вареньем и положила их в рот:

- Но может, она хоть что-нибудь вам о нем рассказывала? Вы же вроде общались, разговаривали... Имя или где работает? Ну хоть что-нибудь!

И снова ответ был отрицательный, как ни напрягала тетя Паша подточенную алкоголем память. Да, Наташка отшучивалась, что он в принципе есть, что и красивый, и умный, и небедный, но почему-то ни разу не приводила его в дом и не показывала никаких фотографий.

Приметы, мягко говоря, оставляли желать лучшего: красивый, умный, небедный. Даже при моих несколько завышенных требованиях к мужской внешности и интеллекту, в одной Москве подозреваемых набралось бы, как минимум, с десяток тысяч. Оставалось только поблагодарить радушную хозяйку за чай и засим откланяться...

А в театр идти не хотелось. Ох как не хотелось!

Разговор с тетей Пашей безжалостно напомнил мне еще и о том, что в «Эдельвейсе» вполне может быть милиция. Погибла Наталья. Возможно, хватились Бирюкова. А тут еще добрые тети из коммуналки, что называется, подсиропили, рассказав следователю о моем погибшем женихе. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы свести воедино три ниточки и понять, что рядом с каждым из убитых неизменно всплывает мое имя! Призрак тюрьмы маячил на горизонте все более и более явственно.

Однако другого выхода у меня просто не было. Я могла либо выпутаться сама, разгадав эту чудовищную шараду, либо по уши увязнуть в такой трясине, из которой не сумеет вытянуть даже суперопытный адвокат...

Вестибюль театра встретил меня сквозняками, гуляющими по углам, и мрачным, могильным молчанием. Пустые гардеробные вешалки вздымали к потолку свои черные чертовы рожки, на плюшевой скамейке валялась порванная и заляпанная афиша. Вахтерша, правда, уверяла, что в костюмерной кто-то есть, да и администратор «где-то тут слонялся», но в это слабо верилось. Театр неуловимо напоминал корабль, покинутый командой и уже готовящийся пойти ко дну.

«Опять «Летучий Голландец», - подумала я, вспомнив машину, брошенную в мерзлом вечернем парке. - Просто дурдом какой-то... Кстати, и дурдома в моей теперешней жизни хватает. Но кто бы мог подумать? Наташа! А теперь еще Ольга запсиховала и ударила в

мистику! Высшая кара ее, видите ли, пытается настичь! Всадники Апокалипсиса скачут и склянками с цианидами размахивают! А если учесть, что они же порубали Леху с Вадимом Петровичем, то не архангелы получают, а просто какие-то секьюрити мафиозных структур... Не-ет! Здесь не мистика и не колдовство! Здесь что-то совсем другое!»

Как ни странно, в костюмерной действительно разговаривало радио и горел свет. Женщина в серой пушистой кофте, стоящая спиной к двери, гладила испанскую юбку в пышных и ярких оборках. На мое деликатное покашливание она никак не отреагировала, зато в дальнем углу послышался какой-то шорох. Через минуту на фоне кронштейна, прогибающегося под весом костюмов, нарисовалась знакомая фигура Аладенской. Двумя пальцами местная прима держала дымящуюся сигарету, свободной левой рукой ощипывала с красного джемпера-«лапши» прилипшие обрывки ниток.

- О! Евгения... как вас, простите... Игоревна? - В голосе ее послышалось великосветское снисхождение и даже ирония. - Давненько вас не было видно. Как, впрочем, и Вадима Петровича... Он, кстати, когда уезжал на похороны, случайно, не упоминал, сколько человек из родни у него на этот раз скончалось?

Чисто теоретически я, конечно, не должна была отвечать за прилежание и поведение дяденьки режиссера и в другой ситуации непременно бы огрызнулась. Но сейчас меня несказанно обрадовал тот факт, что Бирюкова еще всерьез не хватились. А тут еще и костюмерша обернулась и улыбнулась мне гостеприимно и почти по-матерински.

- Нет, не говорил. - Я осторожно пожала плечами. - Мы с ним договаривались только на неделю... Но я тут, собственно, по другому поводу: Наташа Каюмова...

- Да! Вот, кстати, еще и Наташа! - Аладенская собрала наконец ощипанные нитки в пучок и швырнула их прямо на пол. - Что за странная тенденция?! Люди вокруг вас просто эшелонами пропадают! Вам известно, что она не явилась на «Сказки Гофмана»? Пришлось Леночку Масальскую срочно с больничного вызывать.

Воистину, милиция проявляла странную медлительность, однако мне это было только на руку. Выходит, в театре вообще ничего не знали! Еще могли острить на тему исчезновения людей, наивно полагая, что это смешно!.. «Люди пропадают вокруг вас целыми эшелонами». Ха-ха-ха! Просто ухохотаться! Если бы эта рыжая прима с толстым слоем карминовой помады на губах могла догадаться, насколько близка она к истине! Но ее счастье заключалось в том, что она не имела ко всей этой истории ни малейшего отношения, хоть и играла в «Гамлете» злосчастную Гертруду.

- Не явилась? - Мои глазки предательски забежали. Так фальшиво я не изображала удивление даже на вступительных экзаменах в театральном училище. - Надо же, как странно!.. Впрочем, примерно этого и нужно было ожидать.

Конечно, рано или поздно в театре все равно узнали бы об ужасной гибели Наташи Каюмовой. Но мне не хотелось, чтобы известие об этом слишком быстро связали с моим именем. И так уже, пусть в шутку, пусть без задней мысли, но все же заикнулась мадам Аладенская об исчезающих вокруг меня людях!

- Интересно, а почему этого нужно было ожидать? - Темные брови примы сложились высоким домиком.

- Понимаете, Наташа написала мне в записке, что переезжает к своему жениху, а ни адреса, ни телефона не оставила, хотя и знала, что мне очень нужно будет ее найти... Вот я и подумала: что-то здесь не так.

Костюмерша вздохнула, отключила утюг и вместе с испанской юбкой спряталась за кронштейном с костюмами.

Я по-прежнему как незванный гость мялась на пороге.

- Да вы проходите, проходите! - подозрительно любезно пригласила Аладенская, в очередной раз затянувшись сигаретой, и, спохватившись, крикнула через плечо:

- Ирина Григорьевна, можно?

Из дальнего угла донеслось невнятное «можно, конечно». Я вошла.

- Значит, загуляла наша Наташа!

- Нет, не загуляла, просто...

- Загуляла-загуляла. - Она кивнула мне на кресло, а сама убрала со стула недошитую юбку с крупными стежками наметки и села, закинув ногу на ногу. Ноги у нее были красивые и ровные, лицо - породистое. Предстоящий разговор ее, похоже, несказанно радовал. - Ну что ж! Ладно, хоть вы предупредили... выходит, два спектакля на следующей неделе автоматически вылетают?.. Вас она, я так понимаю, тоже сильно подвела?

- Вот по этому поводу я вообще-то и зашла... Вы не могли бы подсказать, что у нее за жених? Где его искать хотя бы?

- Жених? - Прима многозначительно усмехнулась. - Боюсь, Евгения... Игоревна, что огорчу вас: искать вам его придется очень и очень долго.

- В каком смысле?

- В том смысле, что она вас обманула. Не знаю, правда, зачем. Но никакого жениха у нашей Наташеньки нет: так, тень, фантом!

При слове «тень» мне едва не стало дурно. Аладенская же, не заметив моей безвольно отвисшей челюсти, с явным удовольствием продолжала:

- «Наташенька у жениха» - это примерно то же самое, что «Вадим Петрович на похоронах». Вы, кстати, знаете, что такое - «Вадим Петрович на похоронах»? Это значит, что он в запое! А Наташа? Она давным-давно нас сказочками потчует то о сыне министра, то о бизнесмене, то о каком-то безвестном женихе, объединяющем в себе все мыслимые и немыслимые достоинства!; Честное слово мы уже ее как радиосериал слушаем!.. Правда, Ирина Григорьевна?

Из-за кронштейна снова послышалось невнятное «конечно».

Сигарета у Аладенской потухла. Она взглянула на нее с оттенком легкого сожаления и, прощально щелкнув ногтем по фильтру, выкинула в пустую литровую банку.

- В общем, вот так, Евгения Игоревна! Я ведь Наташу отчасти понимаю. Не складывается у девчонки личная жизнь, а ей не хочется выглядеть невезучей. Вот и придумывает себе любовь со сказочным принцем. Наивно это все, конечно, и смешно, но...

Аладенская произносила слова так, будто читала со сцены привычный монолог с давно заученными интонациями. Существу в природе такая роль, ее несомненно доверили бы играть рыжеволосой приме - красивой, немного усталой, светски-снисходительной. Однако сейчас меня очень мало интересовал сей мини-спектакль, затеянный с единственной целью - в очередной раз подчеркнуть тот факт, что мадам Аладенская, несмотря на возраст, гораздо привлекательнее, умнее и удачливее молодых коллег. Мне хотелось одного - получить ответ на свой вопрос.

- Извините, но неужели у нее так никого никогда и не было? Никого, кто бы ухаживал за ней, провожал домой?

- Нет! Представьте себе! И знаете почему? Потому что она сама загнала себя в эту нелепую ловушку! После всего того, что Наташа нам тут рассказывала, ей уже просто неловко было бы представить нам какого-нибудь обычного, заурядного мужчину. Вот и приходилось врать все дальше и дальше...

- Значит, никто и никогда ее жениха не видел?

- Естественно! Она говорила, что ему недосуг. Все, конечно, понимали, в чем дело, но делали вид, будто верят. У нас, видите ли, очень доброжелательные, здоровые отношения внутри труппы. Вот и когда вы пришли... А что, кстати, у вас с режиссерской стажировкой? Она закончилась? Как-то вы внезапно исчезли - не сказали ничего, не попрощались...

- Заболела, - я виновато улыбнулась, - а потом почему-то решила, что Вадим Петрович уже на работу вышел.

Аладенская моим ответом удовлетворилась, в знак чего кивнула понимающе и благосклонно. Ирина Григорьевна наконец выползла из-за кронштейна в ворохе старых кринолинов.

Уже втроем мы поболтали еще минут пять, но и этот разговор не дал абсолютно ничего. Точнее, он лишь подтвердил слова тети Паши об абстрактном женихе, наделенном множеством добродетелей и одним существенным недостатком - чрезмерной таинственностью. В театре в то, что жених существует, не верили, соседка над этим как-то не задумывалась. А я? Я, пожалуй,

склонялась к мысли, что он все-таки был, но почему-то очень не хотел лишний раз светиться. Судя по последним событиям, на это у него имелись весьма и весьма веские причины...

Вернулась я уже затемно. Ольга молча открыла мне дверь и тут же прошла обратно в комнату. Я сразу поняла, что ни к салату, ни к чаю она не притрагивалась. Зато на журнальном столике стояла распечатанная уже бутылка мартини, в блюде рядом с бокалом дымилась сигарета. Опустившись на тахту, Ольга стряхнула с нее длинный, легкий столбик пепла и остановилась взглядом на моей растрепанной челке.

- Не сидите, Женя, - проговорила она бесцветно, с едва различимым оттенком горькой зависти, - а я сижу. Пока вы ходили, три совершенно белых волоска у себя нашла... Вы-то, как я понимаю, не нашли абсолютно ничего?

Разговор уже, естественно, шел не о волосах.

- Ничего существенного. - Я села рядышком и стянула через голову джемпер.

- Так и должно было быть. Так и должно... - Она кивнула, соглашаясь с какими-то своими мыслями, раздумчиво побарабанила ногтями по полупустой бутылке и вдруг почти озорно улыбнулась:

- А вы не знаете, какие симптомы отравления медленно действующим ядом?

От такого, с позволения сказать, «вопросика» мурашки побежали у меня по коже в темпе спринтерской гонки. Однако начать сейчас успокаивать Ольгу - означало вогнать ее в еще большую депрессию.

- Гертруда умерла минут через пять после того, как выпила вино, если вас это интересует, - заметила я сухо, по-покойнически складывая рукава джемпера на груди.

- Это радует, - отозвалась она с истерическим оптимизмом.

- Оля, я пыталась выяснить, был ли у Наташи Каюмовой жених... Ну вы понимаете, о чем я говорю? Однако там все очень туманно. Давайте вместе попробуем зайти с другой стороны. Вадим Петрович... Если рассматривать его как Полония, кто мог бы тогда оказаться Гамлетом? Может быть, сын каких-нибудь очень обеспеченных знакомых? Или просто заметный молодой человек из его окружения? Вообще-то в «Гамлете» все сказано достаточно конкретно...

И тут столик вместе с бутылкой и хозяйским бокалом подпрыгнул - так сильно Ольга саданула по нему напряженной, побелевшей ладонью.

- Да оставьте же, в конце концов, эту тему! - прошипела она, испепеляя меня неожиданно жестким взглядом своих удлинненных зеленых глаз. - Оставьте, слышите? Неужели вы еще не поняли, что от этого все несчастья? Это так же, как «Мастер и Маргарита». К этому нельзя прикасаться, в это не надо лезть без крайней необходимости! Я взялась мстить Вадиму, когда он репетировал «Гамлета», и вот, пожалуйста!

. - «Гамлета» проходят в средней школе, - угрюмо отозвалась я, зеленея от досады и злости: расплескавшийся мартини дотек-таки до края стола и накапал на мою светло-кофейную юбку.

- Ну проходят, так что? Тем хуже для тех, кто не хочет понять. Я поняла, но слишком поздно!

- Да что вы поняли, Оля?! Я смотрю на вас и не перестаю удивляться: вроде были такой разумной женщиной и вдруг впали в натуральную истерику. Пока все казалось сплошным темным лесом, вы держались нормально, но стоило только начать проглядывать хоть какой-то логике, превратились не знаю во что - в кисель, в амебу!..

- Потому что это страшная логика. - Ольга придвинула свое лицо так близко к моему, что я даже почувствовала ее теплое, сбивчивое дыхание. - Страшная, но, к сожалению, неопровержимая... Вы ведь наверняка думаете, что я спятила, что я экзальтированная дамочка, свихнувшаяся на мистике? Но дело-то все в том, что я куда больший реалист, чем вы. И, как ни странно, тоже хочу жить, несмотря на все свои грехи... Поэтому, когда вы ушли, я просто позвонила одному своему знакомому: скажем так, Мистеру Икс... Вы уж извините за нахальство, но мою записную книжку пришлось экспроприировать из вашей тумбочки... Так вот этот Мистер Икс - а он знает и может очень многое - заверил меня в том, что ему ничего не известно об этой таинственной организации. Более того, его ребята, у которых информация раз в сто полнее и оперативнее, чем у милиции, интересовались в свое время убийством вашего Леши и не смогли найти никаких следов. Трупы как будто возникли из воздуха. Так же, кстати, было и с Наташей...

Никто не видел Человека в сером, никто о нем ничего не слышал. Он, похоже, является только избранным. Прямо как Призрак в «Гамлете».

- Подождите-подождите! - Я насторожилась. - Что еще за Мистер Икс? Он кто? Мафиози? Или какой-нибудь фээсбэшник?

- Какая вам разница? Важно то, что он ничего не говорит зря и каждое его слово стоит очень дорого... И потом, те ребята ходят по следу, как гончие псы. Будь это обычный маньяк-убийца, его уже нашли бы и разорвали. Можете мне поверить! Но раз уж даже он не сумел помочь, то тогда...

- Что «тогда»? - Увидев, что Ольга поднимается с тахты и как-то по-походному закручивает на затылке волосы, я занервничала.

- Тогда надо отправляться домой и ложиться спать! Просто ложиться спать... Спасибо, Женя, у вас было очень хорошо и уютно!

Она улыбалась почти спокойно, и, если бы не льдистая, страшная тоска, тоска в глазах, выглядела бы вполне нормально. Сейчас же лицо казалось безжизненным. Я попробовала ее удержать, но безуспешно. Отклоняя мои доводы с пугающей уравновешенностью, Ольга вышла в прихожую. Надела пальто, неторопливо застегнула пуговицы, поправила перед зеркалом легкий шарф из ангорки. Уж лучше бы, честное слово, она психовала, как несколько часов назад!

- Оля, ну, может быть, все-таки завтра поедете? - сделала я последнюю попытку. - Переночуете у меня, утром встанете...

- Нет. - Она мотнула головой. - Но все равно спасибо за заботу. И не тревожьтесь!

- А книга? Книга ваша! Вы же оставили.

- Надо же! Совсем о ней забыла!..

- Сейчас принесу. - Я рванула в комнату, на ходу лихорадочно соображая, что бы еще такое предпринять, чтобы не выпускать ее на ночь глядя на улицу. А когда вернулась, Ольги в квартире уже не было. Приоткрытая дверь мерно постукивала о косяк, внизу на лестнице еще слышались торопливые шаги. Она ушла.

Ушла как-то странно и необъяснимо. И сердце мое на пару с желудком снова сжалось тоскливой болью предчувствия... Морковный салат оказался на редкость паршивым. Доедая его исключительно из чувства уважения к собственному труду, я размышляла о том, что сказала Ольга. Какой-то могущественный дядя, связанный то ли с мафией, то ли с ФСБ, авторитетно заявил, что в материальном мире Человека в сером не существует. А она беспрекословно поверила. И пошла чуть ли не умирать, забыв свою записную книжку на тумбочке, книгу на тахте и недопитый martini в бокале...

Кстати, салат был отвратителен не только сам по себе, а как закуска к благородному напитку - и вообще нечто невообразимое!

Так что там насчет «могущественного дяди»? Неплохо бы узнать, кто он такой и не имеет ли он сам какого-то отношения ко всей этой истории? Например, ситуация выглядела бы очень логичной, если бы «дядя» как раз и был членом этой самой организации. Тогда отрицать факт ее существования очень и очень удобно...

Судя по тому, что он прямо-таки ринулся оказывать Ольге услугу, она с ним в достаточно близких отношениях. До этого близкой подругой она называла одну только Леру Игонину. Может быть, о своем намерении отомстить Бирюкову она рассказывала и ему? Или все же Лера? Ольга - экономист, Лера - экономист, «дядя» тоже наверняка связан с бизнесом и большими деньгами. Почти наверняка знакомство с ним состоялось на почве каких-то профессиональных отношений. Лера вполне могла рассказать ему все. Особенно учитывая то, что сама физически не в силах была помочь подруге... И потом Человек в сером! Он же зачем-то появился возле ее дома? Хотя до этого возникал только в совершенно определенных местах: у подъезда убитого Вадима Петровича, в аэропорту, откуда мы с Натальей надеялись сбежать в Новосибирск. Я достаточно много носилась по городу, но нигде его больше (слава Богу!) не встречала. Почему же он вдруг решил выскочить, как чертик из коробочки, именно тогда и там, если след был заведомо ложным? Не-ет! Серый имел дурацкую привычку пугать и предостерегать своим появлением:

«Не лезь сюда, не делай этого, пожалеешь!» Не означало ли это, что Леру Игонину все-таки глупо было вот так сразу оставлять в покое?..

Уф-ф!.. От проделанной умственной работы я даже взмокла. Решение задачек по физике и попытки рассуждать логически всегда утомляли меня хуже любого физического труда. Но на этом мои интеллектуальные способности и исчерпались.

Дальше в голову полезли вялые вопросы... Все это хорошо, но при чем тут «Гамлет»? При чем тут Наташка Каюмова, открывшая кому-то дверь и в ужасе спросившая: «Это ты?» Зачем надо до полусмерти пугать Ольгу, и при чем здесь я, в конце концов?

Вообще, за последнее время в моей голове успело перевариться уже столько разных версий, что в результате получилась гадкая, несуразная каша. Только немного я знала точно: Бирюкова убили, Леху со Славиком убили, Наташка утонула, и все это каким-то необъяснимым образом имеет отношение ко мне! «Есть многое на свете, друг Горацио»?..

Книга со злобным Гамлетом на первой странице обложки по-прежнему лежала рядом со мной на тахте. Я взбила подушку, прислонилась к стене и открыла наугад одну из страниц.

«Милейшие друзья мои! радовался принц. - Как поживаешь, Гильденстерн?.. А ты, Розенкранц? Как вы живете оба?»

Искать «Гамлета» среди бывших друзей Славика и Лехи? Занятие долгое, трудное и, скорее всего, бесперспективное. Тем более, что нигде в тексте трагедии не сказано, что они были близкими друзьями. Скорее приятели, однокашники...

«Уж тем блаженно, что не сверхблаженно:

На колпачке Фортуны мы не шишка», - говорил Гильденстерн.

Да уж точно - не «шишка»! Бедные, бедные ребята. Смешной, несчастный Леха, жаждавший разбогатеть, и увезти меня в благословенную за границу... Однако же и переводик! Язык сломаешь!

Я заглянула в самое начало пьесы и убедилась: да, М.Лозинский. Его классический и, безусловно, самый точный перевод «Гамлета», как ни странно, нравился мне меньше всего. То ли дело Пастернак или Радлова, на которую не нарадуются половина режиссеров-постановщиков в России. Легко, сценично, да и на язык ложится! Взять хотя бы то же самое:

- Мы не перо на шляпе у Фортуны.

- Но не подошва башмаков ее?

А то какие-то там «колпачки», «шишки»... Интересно, а что тут про Офелию? Я снова перелистнула несколько страниц и кивнула знакомым срокам, так созвучным с моими мыслями:

- ...Ведь не утопилась же она в законной самозащите?

- Так именно и признали.

В книге могильщики, выдвигали версию о самоубийстве, а свет признавал несчастный случай. В этой же кошмарной ситуации все получалось наоборот: милиция, похоже, верит в суицид, а мы с Ольгой знаем, что это не так... Кстати, может, мы и есть могильщики, которым суждено только закапывать трупы? Тогда понятно, почему нас не трогают. Надо будет позвонить Ольге и утешить ее этой «веселенькой» версией! Ха... Ха... Ха...

Что же еще было по поводу Офелии и омута? Я полезла уже в начало и снова скривилась. Лозинский переводил:

«Потому что власть красоты скорее преобразит добродетель из того, что она есть, в сводню, нежели сила добродетели...» - ну и так далее... Кто же это? Радлова? Пастернак?.. Да, пожалуй, все-таки Пастернак писал: «И скорее красота стащит порядочность в омут, нежели порядочность исправит красоту».

Н-да... Шекспира я в свое время учила почти наизусть. И все из-за чего?

Движимая тщеславием, пыталась доказать режиссеру, что лучше других понимаю, чувствую и Офелию, и Джульетту. Лишь бы дали роль, лишь бы утвердили!

Интеллектуалка вшивая! Куда теперь со своими «энциклопедическими познаниями»? В общество пенсионеров-книголюбов? Лекции читать? Сначала дожить надо до них - до лекций!

Невероятная злость на саму себя охватила меня с дикой силой. Ведь на самом деле читала, на самом деле заучивала наизусть, на самом деле с умным видом цитировала целые сцены, а

теперь не могу во всем этом разобраться! И самое обидное: предчувствие того, что разгадка где-то совсем рядом, мучительно и нестерпимо зудит в позвоночнике! Должна быть какая-то подсказка. Если не в жизни, то в тексте. Ведь не зря же убийца затеял весь этот кошмарный спектакль.

Значит, хотел что-то сказать, пытался на что-то намекнуть? И опять же почему я?

Почему именно я?! Мне казалось, что знаю ответ. Совершенно определенно знаю.

Только не могу вспомнить что-то очень важное, не могу связать два обрывка в одну сплошную логическую нить. «Гамлет», «Гамлет», «Гамлет»... Что-то в моей жизни, безусловно связанное с «Гамлетом»... Мои мечты о роли Офелии? Пожалуй, нет... Мои заумствования и занудствования в разных компаниях на тему трактовки ее образа? Может быть. Но тоже почему-то не греет... «Гамлет». Спектакль. Постановка... Пьеса. Шекспир. Гамлет...

Я встала с тахты, несколько раз нервно прошлась из угла в угол, сухо щелкнула пальцами, хотя сама терпеть не могу этот звук. Снова плюхнулась на тахту. Запустила руки в волосы, как блохастая мартышка, и принялась медленно раскачиваться из стороны в сторону.

Гамлет. Гамлет. Гамлет... Молодой человек, приехавший из Виттенберга на похороны отца и почти одновременно на свадьбу матери. Смерть бесконечно дорогого мужчины. Предательство бесконечно дорогой женщины. Гамлет, влюбленный в Офелию, но жертвующий своей любовью ради мести. А может быть, и не влюбленный? Как раз на эту тему мне обычно нравилось занудствовать, интеллигентно закатывая глазки под потолок. Любил ли он Офелию? Нет! Скорее всего, нет, если позволил ей погибнуть. Собственно, уродливое проявление его любви и погубило несчастную девочку... Гамлет и Офелия, Офелия и Гамлет.

Конечно, логичнее всего искать именно здесь. Но почему такой тайной окружено все, что связано с Наташиным приятелем? Никто его не видел, никто не знает, никто не слышал о нем ничего конкретного. Он вроде бы есть, и в то же время его вроде бы нет...

Текст пьесы... Текст пьесы... Какое там может быть указание на Гамлета в связи с Офелией? «Уйди в монастырь»? «Помяни меня в своих молитвах, нимфа»?

Нет! Не то... Не то... «Принц, у меня от вас подарки есть: я вам давно их возвратить хотела...» Какие-то подарки от «Гамлета» в комнате Наташки Каюмовой?

Украшения? Золото? Нет, она не носила ничего, кроме серебряного колечка «за три копейки». Что еще? Сувениры? Игрушки? Чугунная балерина? Гипсовая ворона, раскрашенная под хохлому? Но почему тогда она ничего не захотела взять с собой в Новосибирск? Покидала в сумку замороженные пельмени и пакетики с майонезом, собрала кое-что из одежды и белья, а все остальное оставила в беспорядке валяться посреди комнаты. Может быть, я чего-то не заметила? Кулончик? Медальон? Шкатулочка? Это в принципе могло быть что угодно! Порыться в ее комнате? Устроить маленький обыск с позволения и под надзором тети Паши? Или там, конечно, уже повозилась милиция. Но может быть, и нет. А так - шанс!

Шанс...

От долгого копания в голове волосы мои встали едва ли не дыбом. Теперь они торчали во все стороны, как у домовенка Кузи. Да и вообще, с горящими сумасшедшим огнем глазами, с губами, беззвучно проговаривающими цитаты из Шекспира, выглядела я, наверное, самым странным образом. Мартини в бутылке давно закончился (последние полбокала я выпила залпом, как молоко). Остатки тертой морковки засыхали на стенках салатницы.

Шанс. Конечно шанс... Шансов в принципе много: найти что-нибудь этакое в вещах Каюмовой, допросить Леру Игонину и разузнать все про загадочного Мистера Икс. Да, шансов много, вот только времени мало. Мистер Икс, таинственный, как Гамлет. Гамлет, таинственный, как Мистер Икс... Уж не одно ли и то же это лицо?

Но откуда, откуда же я тогда знаю и эту манеру двигаться, и этот разворот плеч?

Никогда среди моих знакомых не было мафиози. Единственный бизнесмен - Витенька Сударев, которому вообще-то не за что мне так кроваво и жестоко мстить... Шутки ради попыталась прикинуть, мог ли Витенька ходить, наклоняться, двигаться так, как делает это Человек в сером, - не помню! Если бы можно было поставить их рядом и скоординировать: «На зарядку становись! К приседаниям приступай!» - тогда да! Тогда бы я смогла сказать точно! Ну что за глупая, неудобная, непрактичная память?! Как я ненавидела сейчас себя за тупость, за неумение понять, вспомнить что-то бесконечно важное...

Принц Датский. Лорд Гамлет. И девушка, пусть из знатной, но все же не королевской семьи. Если раскладывать по классической театральной иерархии, то ее возлюбленным должен был бы стать режиссер. Но с Бирюковым все уже было - было и сплыло. Да и тем более он уже давным-давно, еще до Натальи, шагнул в то самое небытие, которого так страшился Гамлет. «Умереть, уснуть и, может быть, увидеть сны...» А как там у Лозинского? «Умереть, уснуть - уснуть! И видеть сны, быть может?» Н-да... Какие-то сейчас снятся сны Вадиму Петровичу, Наташке, Лехе?.. А если отойти от театральной иерархии, от сугубо закулисной системы ценностей и престижа? И рассмотреть вариант с каким-нибудь молодым бизнесменом?

Как там говорила Аладенская? Сынок министра? «Лорд Гамлет - принц, не суженый тебе...» - это Радлова. «Лорд Гамлет - принц, тебе он не чета» - это Пастернак.

Что там по этому поводу думает господин Лозинский?..

Я снова полезла в начало тома просто так, скорее чтобы не прерывать ход мыслей. Перелистнула страницу, вторую, пробежала глазами «аппетитный» диалог Гамлета и Полония про червей в дохлой собаке. Вернулась к разговору Полония с королем и... Сказать, что волосы зашевелились у меня на голове - значило ничего не сказать. Слишком слабо и приблизительно выразила бы мое состояние фраза: «Сердце ее екнуло и на миг остановилось». Но самое главное, за какие-то несколько мгновений все, абсолютно все сложилось у меня в голове и стало ясно: кто, зачем и почему. А также «каким боком» ко всему этому отношусь я...

На белой странице чернели простые типографские буквы:

«Принц Гамлет - принц, он вне твоей звезды...»

И слово «звезда» заставляло меня задыхаться от изумления и ужаса.

Казино «Звезда», разноцветные фишки, холодные лица крупье и азартные - игроков... «Подставка для карт при игре в блэк-джек?» Спокойное и какое-то автоматическое: «Каблук». Если, например, я, Мартынова Евгения Игоревна, не хожу по казино, о рулетке имею весьма приблизительное представление, а из всех карточных игр более-менее сносно играю только в дурака, то меня можно пытаться клещами и раскаленным утюгом и все равно не выудить из моей памяти узкоспециальный, малоизвестный термин «каблук». Наталья же ответила на вопрос из кроссворда абсолютно не напрягаясь и как-то походя. Она вполне могла время от времени поигрывать в «Звезде». Моя (или теперь уже не моя?) Каюмова была азартным человеком...

«Мы с Сударевым зашли в «Звезду». Ну, в казино... И там была она... Она, в общем, очень обычная...»

Да, обычная! Худая, белобрысая и похожая на подопытную крысу. Но в то же время особенная - сильная, резкая, независимая...

Эти его постоянные, слишком частые «журналистские» командировки в Москву. Что он здесь, спрашивается, делал по несколько дней чуть ли не каждый месяц? Деньги... У него всегда водились деньги. Причем немалые! Он специализировался на экономике и вел в газете «Финансовую страничку». Он разбирался во всех этих делах...

Я знала, как движется Человек в сером, я помнила, как он движется. Но можно ли было не узнать его, Сережину, походку? Его манеру приседать, протягивать руку и наклонять голову? Да можно! Черт побери, можно! Потому что даже в самом страшном сне мне не могло привидеться такое объяснение происходящего. Мне и в голову не приходило сравнивать движения жуткого Человека в сером с движениями моего любимого, драгоценного Сереженьки! А сейчас? Сейчас я пыталась представить хотя бы его лицо и не могла. Перед глазами стоял кровавый туман, та фотография из газеты с мертвыми Лешей и Славиком, нож в груди Бирюкова...

«Пашков?! Нет! Не может быть! - жарким пульсом колотилось в затылке. - Нет! Никогда! Это же просто безумие!» И тихим, болезненным эхом отдавалось где-то в дальнем-дальнем уголке сердца: «Но это все мгновенно и логично объясняет...»

Я встала с тахты, подошла к окну и, сжав виски ладонями, прислонилась лбом к холодному стеклу. Удивительно, но оно не расплавилось и не зашкварчало, как жир на раскаленной сковородке. Желудок ныл так, что впору было ложиться и умирать. Однако в данной ситуации моя «плановая» смерть с хризантемами во всех углах и печальными волнами белого кружева представлялась непозволительной роскошью.

Пашков. Пашков. Пашков... Все складывалось до безобразия логично и так страшно, что кошмарнее просто не придумать. Какие-то его странные, необъяснимые «дела» в столице.

Деньги, в которых нет нужды... Он вполне мог быть активным членом или даже одним из руководителей этой самой организации. Пашков умный, он сумел бы сделать так, чтобы организация нигде не светилась и приносила большие, очень большие деньги. «Сергея, у тебя же авантюрно-мошеннические мозги! - любил приговаривать Витенька Сударев. - И чего ты их квасишь в этой своей газете? Тоже мне Эрих Мария Ремарк». Вот так «заквасил»! Вот так Эрих Мария Ремарк! Да тебе, Витенька, с твоей розничной и оптовой торговлей мылом такие авантюры и не снились!

При воспоминании о Судареве мне и вовсе стало плохо. Я сползла куда-то под подоконник и тихо завывала, закусив костяшки пальцев. Потом на четвереньках доковыляла до тахты и взяла ненавистную, зловещую книгу.

Блаженный ты или проклятый дух,
Овеян небом иль геенной дышишь,
Злых или добрых умыслов исполнен,
Твой образ так загадочен, что я
К тебе взываю...

Лозинский переводил «загадочен», Радлова писала: «В каком обличье странном ты явился...» Господи, как я кичилась в свое время тем, что с грехом пополам прочитала пару книжек по шекспироведению! С каким апломбом рассуждала о многозначности переводов и о том, что это самое слово «questionable» можно толковать и как «готовый вести беседу», и как «способный отвечать на вопросы», и как «сомнительный»! «Сомнительный», «странный», «загадочный», «вызывающий недоумение»!.. Призрак приносит Гамлету известие о предательстве Гертруды!

Витенька Сударев, прилетевший из Москвы в Новосибирск, рассказывает Пашкову о том, что я уже давным-давно за его спиной разводила шашни с «люберецким бандюганом»! Еще тогда, когда клялась в вечной любви и с радостным визгом кидалась на шею Сереже после каждого его возвращения из московской «командировки». А «странный», «сомнительный» и «вызывающий недоумение» вид?

Пожалуйста! Что может быть «сомнительнее» и, как говорится, «страньше», чем вид директора крупной торговой фирмы, являющегося на важную презентацию с огромным фингалом под глазом?! Нет, я не сомневаюсь, что заботливая Витенькина женушка заштукатурила его тональным кремом и затушевала пудрами всех цветов и оттенков сразу, но хрустальная кружка, с моей легкой подачи влетевшая в Витенькину физиономию, знала свое дело. Синяк там намечался такой, какой не спрячешь даже под тонной высококачественного театрального грима!

Когда-то Пашков любил устраивать свою голову у меня на коленях, снимать очки, близоруко всматриваться в мое лицо и говорить:

- Я завтра улетаю, Женька! Ты уж без меня не грусти и не скучай!
- Ладно, не буду, - традиционно радостно соглашалась я.
- Что-о-о?! - Сережа делал «страшное» лицо.
- Ну как ты просишь: не буду грустить, не буду скучать!
- Так, пробуем еще раз! - начинал он «сердиться». - Не грусти и не скучай без меня, Женя!
- Да не буду, не буду! - снова оптимистично заверяла я.

Тогда он закатывал глаза и стонал, цитируя «Гамлета»:

- «О женщины, вам имя - вероломство!»
- «Слабость - имя твое, о женщина!» - обычно перебивала я. - У Радловой это лучше звучит.
- Пусть так! - неохотно соглашался он. А потом... Потом между нами происходило то, что обычно происходит между любящими друг друга мужчиной и женщиной...

«О женщины, вам имя - вероломство!» Вот и вспомнилось то, что в моей жизни было связано с «Гамлетом». Так вспомнилось, что лучше бы и не вспоминалось вовсе. Чем стало для него мое «предательство»? Что в нем так страшно надломилось? Что же еще произошло? Ведь должно, непременно должно было произойти что-то еще! Что заставило его за какие-то сутки собраться, примчаться в Москву и здесь разобраться сразу со всеми: с врагами, предателями и

бывшими любовницами?! К сожалению, уже нельзя было спросить у Лехи, общался ли он когда-нибудь с Сергеем Геннадьевичем Пашковым. Сложно было бы убедить Бирюкова ответить на вопрос: имелся ли среди его «боссов» некто Пашков? Но Игонина...

Оставалась Лера Игонина, и Человек в сером (Боже мой, Человек в сером!) возле ее подъезда. Кем бы ни был мой Сереженька - убийцей, маньяком, сумасшедшим, - но он должен был откуда-то узнать о подготавливаемой мной и Ольгой карательной акции!

Мелко подрагивая челюстью и бряцая коленными чашечками, я встала и подошла к телефону. Записная книжка, так любезно забытая моей недавней гостьей, все еще лежала на обувной тумбочке. В принципе в ней не было особой нужды.

Номер телефона Леры Игопиной с того памятного дня, когда меня, полуголую, загнали в мужской туалет, прочно сидел в моей памяти.

«453», - набрала я, прикрыла глаза, мысленно повторила следующие цифры.

Пальцы отказывались накручивать диск, желудок разрывался от боли, голова кружилась.

- Да, я вас слушаю, - после пары гудков ответили на том конце провода. И мне не оставалось ничего иного, как обреченно и отчаянно спросить:

- Могу я поговорить с Валерией Игопиной? Мне очень нужно...

К моему удивлению, не последовало ни маньячески-подозрительного «а кто это?», ни истеричного «я не хочу и не буду ни с кем разговаривать, пусть все оставят меня в покое»; Все тот же ровный женский голос подбодрил:

- Говорите, пожалуйста! Я у телефона.

- Понимаете, я знакомая... то есть почти подруга Ольги... - Тут я с ужасом поняла, что не знаю ее фамилию. - Ну Ольги, вашей бывшей одноклассницы...

На том конце провода ощутимо напряглись, потом последовало осторожное:

- Да. И что?

- Это очень важно и для меня, и для нее. Ответьте мне, пожалуйста, на один вопрос - только на один! Вам что-нибудь говорит имя «Сергей Геннадьевич Пашков»?

Лера Игонина молчала всего пять или десять секунд. Но эти мгновения, как ни банально, показались мне вечностью. Ее молчание могло быть разным: осторожным, испуганным, потрясенным, виноватым...

«Недоумевающим! Только бы оно было недоумевающим! - молилась я, чувствуя, как потеет ладонь, сжимающая трубку. - Пусть она слыхом не слыхивала, кто такой Пашков. Тогда остается хоть какой-то шанс, что он здесь ни при чем! Хоть малюсенький!»

- Да, мне знакомо это имя, - четко и внятно ответила Лера, и земля в виде пола, застеленного линолеумом, стремительно уплыла из-под моих ног...

К тому моменту, как я сумела восстановить дыхание, из трубки уже вовсю неслись короткие, резкие гудки. Оставалось только положить ее на рычаг и медленно поковылять обратно в комнату. Я услышала то, что боялась услышать.

Все складывалось, как пазл к пазлу в сложной, на тысячу элементов, картинке. И картинка вырисовывалась, мягко говоря, ужасная. В нее вписывалось все: и шекспировский сюжет, и откритка в аэропорту, и даже то, что меня не трогали до поры до времени...

Правда, это «до поры до времени» ничуть не утешало. Гертруде, павшей в глазах сына, суждено было выпить свой отравленный кубок. И я еще ни разу не встречала такой интерпретации шекспировской трагедии, при которой она осталась бы жива. Господи, но почему все-таки Гертруда? Про женщин, которым «имя - вероломство», допустим, все понятно. Но вот о чем я никогда не догадывалась, так это о том, что Пашков питает ко мне чисто сыновние чувства!

Правда, испокон веков существовал эдипов комплекс и тому подобная психологическая дребедень. И в американской киноверсии «Гамлета» Гамлет - Мэл Гибсон вытворял с матушкой - Гленн Клоуз такое, что заставляло меня краснеть от пяток до корней волос! Может, конечно, режиссер имел в виду что-нибудь очень приличное. Но мое испорченное воображение истолковывало картинку именно так, а целомудренное воспитание не позволяло обратиться к кому-нибудь за дополнительными разъяснениями...

Значит, он видел во мне женщину, олицетворявшую в себе все: и любовь, и нежность, и сексуальность, и материнскую доброту! Вот оно, значит, как!.. И все бы могло закончиться очень

хорошо (просто-таки по Грину: «Они жили долго и счастливо и умерли в один день!»), не загляни в один злосчастный вечер в казино «Звезда» неудачливая актриса Наталья Каюмова. Сколько ночей у них было? Одна? Две? Несколько? Пашков признался в одной, хотя, впрочем, он не говорил ничего конкретного. А Наташка рассказывала об интеллигентном «принце» (принц Датский! О Господи!), который относился к ней как к очередной «постельной принадлежности»... Мы ведь болтали с ней о мужиках! Я брызгала слюной от злости, вспоминая своего «подлого обманщика», она жаловалась на изменщика «принца». Мы жалели друг друга, понимали друг друга и умудрились ни разу не назвать фамилии (фамилию!) своих возлюбленных! А потом она говорила о приятелях в Новосибирске, о каких-то «хороших знакомых, которые практически родственники». Стоило только спросить, проявить хотя бы минимум любопытства и человеческого интереса! А кстати, что бы я тогда сделала, услышав ответ?

Замерла в тупом недоумении? Вцепилась ей в волосы? Выставила бы из дома вместе с ее дурацким майонезом и пельменями? Значит, после Бирюкова у Натали был Пашков. И выходит, несчастного Вадима Петровича он мог убить еще и за то, что тот когда-то спал с его женщиной, с его Офелией...

Я мрачно отковыряла ногтем остатки моркови со стенки салатницы, меланхолично отправила их в рот и навзничь упала на тахту. Глаза мои смотрели в потолок. С потолка на меня тарасилась люстра со старыми, потрескавшимися плафонами. А когда-то на том месте, где покоилась сейчас моя голова, лежала мертвая, отрубленная рука с разможенной костью и дряблыми сизыми жилами.

Пашков не просто вел меня к могиле - на этом скорбном пути он пытался напугать меня до смерти. Чего он добивался? Того, чтобы я сошла с ума? Того, чтобы околела от разрыва сердца или прободения язвы желудка? (Кстати, в последнем он, похоже, весьма преуспел!) Чего он добивался и добивается?!

В принципе подробности не имели такого уж важного значения. Сережа желал моей смерти - это было ясно. И я точно знала, чего хочется мне - всего лишь жить и еще, наверное, обвешать весь дом внутри и снаружи плакатами с цитатой из того же Шекспира, где метровыми алыми буквами будет написано: «На мать свою не покушайся, Гамлет! НЕ ПОКУШАЙСЯ!!!»

Прошло, наверное, полчаса или больше. Я встала с тахты, добрела до ванной и умылась ледяной, пахнущей хлоркой водой. В зеркало над раковиной смотреть не стала принципиально: вряд ли оно отразило бы что-нибудь привлекательное! Потом подошла к телефону, сняла трубку, да так и не набрала номер - прямо с трубкой в руке бессильно сползла по стене. Белый спиральный провод растянулся до самого пола. Надо было позвонить Ольге, надо было рассказать ей все. Но язык отказывался слушаться, ноги не держали, а в висках стучало: «За что? За что? За что?» Ольга больше всех боялась, больше всех верещала: «Я - Гертруда! Меня отравят! Ах, я обречена!» - а в результате оказалась и вовсе ни при чем. Так, кстати, обычно и бывает.

Ольга ни при чем. Зато Пашков - «при чем». И в это невозможно, нельзя поверить! Я изо всех сил старалась убедить себя в том, что это уже не тот Сережа, которого я любила, а кто-то другой - страшный, непонятный. Даже глаза у него теперь, наверное, чужие. И голос, и руки. Но все во мне помнило его прежнего и отчаянно не хотело соглашаться с тем, что произошло, вот беда-то!

Немного поплакав и чуть ли не в кровь искусав губы, я все-таки встала, набрала номер Ольги и, чтобы не разрыдаться, уставилась в стену выпученными, как у жабки, глазами. Раздалось три или четыре длинных гудка, потом включился автоответчик: «Здравствуйте, я сейчас не могу подойти к телефону. Оставьте, пожалуйста, ваше сообщение...», - ну и так далее...

«Интересно, где это ее носит?» - с некоторой тревогой подумала я, хлюпнула носом и сказала в трубку:

- Оля, это Женя Мартынова. У меня для вас есть одна важная новость. Вам нечего бояться и не о чем беспокоиться. У меня появились не то чтобы доказательства, просто... В общем, во всем виноват мой бывший друг Сережа. Не знаю уж, что там с ним случилось, но он прилетел в Москву для того, чтобы отомстить мне за измену. Он, скорее всего, один из руководителей той самой организации и бывший любовник Каюмовой. Это все было в тексте. В тексте «Гамлета». Помните в переводе Лозинского: «Принц Гамлет - принц, он вне твоей звезды...

Дальнейшие свои соображения и выводы я изложила буквально в трех словах с одной-единственной целью - чтобы она поверила и успокоилась. Потом аккуратно опустила трубку на рычаг. И отправилась в комнату - плакать дальше.

А что делать? Только плакать и оставалось. Это в дурацких триллерах и «ужастиках» можно прокричать в лицо зомбированному или сошедшему с ума другу:

«Джон (Пит, Фрэнк), вспомни гамбургер с кетчупом (макарену на пляже, аптекаря в голубых трусах)!» И тот незамедлительно вспомнит нужный случай из детства (прикол из юности, незабываемый миг романтической любви), и страшная его рожа тут же просветлеет, глаза сделаются осмысленными, а из горла вырвется угрожающий рык: «Кто это меня заколдовал? Кто хотел заставить меня обидеть моего лучшего друга?! А вот я сейчас вас всех!»

Н-да... Хорошо, конечно, быть героиней триллера со счастливым финалом, но что делать в моей ситуации, я представляла очень смутно. Пойти в милицию с томиком Шекспира и со всеми своими соображениями? Может быть... Если, конечно, Сережа позволит мне дойти, а оттуда соответственно меня не пошлют по весьма далекому, но зато очень конкретному адресу. А вдруг не пошлют? Вдруг поверят?

Тогда Пашкова арестуют. И что будет дальше? Тюрьма? Расстрел? Или какой-нибудь там институт судебной медицины и психиатрии?

- Не-ет! - снова тихо застонала я и заметалась по комнате, зябко обхватив руками плечи.

А не попробовать ли поговорить с ним самой? Выслушает - хорошо, не дослушает - пусть так: двум смертям не бывать, а одной, как говорится... Зато никого не предаю, не посажу, не возьму грех на душу! И тут же противенький внутренний голос пакостно зазудел: «Отчего же? Как раз возьмешь! Вспомни, о чем вы не так давно разговаривали с Ольгой? Спектакль еще не закончен., и впереди намечаются четыре очаровательных трупика: Гертруда, Лаэрт, Клавдий и сам Гамлет - строго в порядке очередности! Твоя смерть не остановит действия, она просто станет еще одним звеном в развитии сюжета. И все остальные погибнут исключительно потому, что ты ничего не сделала - потому что ты просто и без сопротивления умерла!»

Я прошла на кухню, включила чайник, нацедила с полчашки заварки, бухнула три ложки сахара (чтобы лучше думалось!), но не смогла протолкнуть в горло ни капли - только зря перевела продукты. Попробовала закурить - поперхнулась дымом и с досадой швырнула сигарету прямо в открытую форточку. В голове бродили безрадостные мысли, вялые и заторможенные, как мертники на последней прогулке.

Гертруда, Лаэрт, Клавдий... Что взбредет в голову Пашкову? Какой неожиданный фортель выкинут его воспаленные мозги? Кто станет Лаэртом? А кто Клавдием? По идее, роль Клавдия должна быть уготована «люберецкому бандюгану». Но ведь его не существует в природе! А Лаэрт? Кто такой Лаэрт? Конечно сын Полония и брат Офелии, но еще к тому же и первый человек, открыто выступивший против Гамлета!

Не значит ли это, что любой, у кого я попрошу помощи и защиты в этой ситуации, автоматически окажется в числе приговоренных?

И главное, чем завершится трагедия? Неужели, точно по Шекспиру, гибелью самого Гамлета?!

Как никогда, я понимала сейчас несчастную королеву Гертруду, которая, наблюдая за безумием сына, разрывалась между любовью к нему и элементарным здравым смыслом.

Тем временем окончательно стемнело. Окна в доме напротив погасли. Через стену перестало слышаться бормотание телевизора, а малолетняя соседка сверху наконец-то прекратила терзать фортепиано. В квартире повисла звенящая и тревожная тишина.

Какое-то время, еще не осознавая этого, я продолжала ходить по комнате, бесцельно брала в руки какие-то предметы и книги, машинально смахивала ладонью пыль. Потом подошла к тахте, сдернула покрывало, чтобы расправить постель (сон организму все равно требовался), и тут поняла: что-то не так. Даже не поняла. Почувствовала! Резко обернулась - за спиной никто не стоял. На цыпочках прокралась сначала на кухню, потом в прихожую и ванную, везде оставляя за собой свет. В квартире, кроме меня, никого не было. Но холодные, с отслоившимися обоями стены словно прислушивались к моим шагам, решая, что со мной делать: раздавить прямо сейчас или же оставить на потом?

- Это все ерунда! - проговорила я вслух тихим и срывающимся голосом. - Это больные нервы! Это бессонница... Я сама себе больше придумываю, сейчас все пройдет!

И тут же услышала тихий, едва различимый стук в дверь. словно кошачья лапка, заледеневшая ветка или слабая ручка очень маленького ребенка мерно постукивала по косяку. Но самое странное, мне казалось, что я различаю какой-то до боли знакомый и пугающий ритм. Три длинных стука... несколько коротких... два длинных... опять целая россыпь мелких, вкрадчивых ударов.

- Кто там? - крикнула я отчаянно и хрипло, чувствуя, как кровь со страшной силой начинает пульсировать во всем теле. - Кто там? Отвечайте! Или я сейчас милицию вызову!

Стук прекратился так же внезапно, как и начался. И снова повисла тишина - ни шороха, ни скрипа подошв, ни торопливых шагов по лестнице - ничего вообще!

Пауза длилась минуту или две. А потом откуда-то из кухни донесся слабый свист. Так обычно посвистывает чайник, когда начинает закипать. Но чайник, абсолютно точно, стоял на подоконнике, водопроводный кран был закрыт, газ выключен. А может быть, все-таки нет?

С вытаращенными от страха глазами я метнулась из прихожей, кинулась к плите, стала принохиваться, как собака, пытающаяся взять след. И тут же услышала свист прямо за своей спиной. Но позади была только стена с затянутым паутиной вентиляционным отверстием! Капля пота, крупная, как крокодилья слеза, стекла между моими лопатками, в животе сразу стало как-то холодно и пусто. Мне вдруг показалось, что длинная серая тень возникла, выросла из пустоты и перечеркнула мою собственную тень крест-накрест. На этот раз я обернулась уже с жалобным, бессильным стоном и стопроцентной готовностью умереть. Но за спиной снова никого не было. Только стена в нелепом старомодном кафеле и маленькое отверстие под самым потолком. Свист слышался оттуда. Совершенно определенно оттуда! И в отличие от предыдущего звука, он не прекращался, а постепенно усиливался.

Не знаю, у кого какие ассоциации с тихими стуками и свистами ночью в пустой квартире, но у меня - самые прямолинейные и банальные («первого уровня», как любил говорить Пашков): Шерлок Холмс, доктор Ватсон, «Пестрая лента», болотная гадюка, ползущая по стене. А змей я боюсь просто панически - до дрожи и судорог! Из кухни меня словно ветром сдуло, дверью я хлопнула так, что чуть не разможила себе палец, а просвет между дверью и полом в какие-нибудь несколько секунд законопатил старой и объемистой кофтой крупной вязки.

Теперь у змеи (если она, конечно, существовала) не было шансов выползти в коридор, но от этого почему-то не стало легче. Свист заглушался странным шорохом, невнятным шуршанием. Я не могла видеть, что происходит в кухне, и от этого только яснее представляла себе длинное скользкое тело, просачивающееся в вентиляционную решетку, плоскую чешуйчатую головку с маленькими глазками, ворох газет за холодильником, в который эта тварь непременно зареется.

Мои мрачные фантазии вдруг обрели совершенно конкретный смысл. Змея!

Конечно же змея! Тот же яд, только не в бокале, а, так сказать, в естественном «флаконе». «Не пей вина, Гертруда!» - «Не трожь змею, Гертруда!» С той только разницей, что от вина можно отказаться, а от змеи не убежишь и не спрячешься.

Нырнет в какую-нибудь трубу и выползет уже в ванной или в комнате. Прошуршит по смятой простыне, блестящей лентой мелькнет в воздухе и вонзит свои острые, ядовитые зубы в голую ногу или руку!

Из квартиры надо было уходить, причем уходить немедленно. Некстати тоскливо вспомнился без единой лампочки темный подъезд, и пустынная остановка маршруток рядом с жутковатой площадкой для выгула собак. И все-таки другого выхода я не видела, поэтому поспешно влезла в джемпер, застегнула джинсы, метнулась в прихожую и...

Стук повторился снова. Тихий, монотонный, жуткий. Только на этот раз к нему прибавился еще и голос. Безжизненный, блеклый человеческий голос, просящий:

- Впусти меня. Открой мне. Впусти меня. Открой мне...

И все! Больше ни одного осмысленного слова. Голос был каким-то странным: он с равной вероятностью мог принадлежать как мужчине, так и женщине. Я слышала, как кто-то невидимый легонько гладит по двери с той стороны, словно надеется, что она отворится сама собой.

- Кто вы? - в ужасе выдохнула я, попятившись и замерев где-то на полпути между страшной кухней и выходом из квартиры. - Кто вы? Не молчите!

- Открой мне, - послушно попросил голос. - Впусти меня. Открой мне...

В мгновение ока мое сердце, трясущееся, как овечий хвост, переполнилось глубокой и трепетной любовью к милиции. Наверное, в Люберцах был какой-то свой, особенный милицкий номер, но мне оставалось уповать только на 02. Я рванула на себя трубку, чуть не своротив телефонный аппарат, прижала ее к уху и с ужасом услышала, как в мозг вместо гудков вливается глухая и беспросветная тишина. Телефон в моей квартире не работал!

Минуты через две ко мне вернулась способность соображать. К этому времени свист на кухне почему-то прекратился, как, впрочем, и шепот на лестничной площадке. Боясь хоть на секунду оторвать взгляд от зловещей двери, я начала медленно пятиться назад, в комнату. Единственным моим спасением оставался балкон. В крайнем случае можно было выскочить туда и что есть мочи заорать: «Спасите! Убивают!» Наверняка кто-нибудь да услышит, кто-нибудь да придет на помощь.

Уродливый китайский будильник, сделанный в виде развеселого домика, показывал час ночи. До шести утра - времени, когда по всему дому задребезжат такие вот уродцы и самые «ранние пташки» начнут выползать на работу, еще целая жизнь! Жизнь? Или последние ее жалкие мгновения, пронизанные липким, потливым страхом? Где-то рядом, среди вещей или старых газет, извивается гибким телом змея, под дверью едва слышно дышит. затаившийся человек... Голос? Похож ли был его голос на голос Пашкова? Мог ли мой Сережа измениться настолько, чтобы заговорить таким странным, сиплым шепотом?

Снова тихий-тихий стук в дверь. Как будто кто-то даже не стучит - скребется. Одним длинным и жестким ногтем: скр-р-р, скр-р-р, скр-р-р...

- Впусти меня. Открой мне. Впусти меня. Открой мне...

Неужели этого никто не слышит? Не может быть. Где вы, соседи?.. Страшный царапающий звук просто раздрает барабанные перепонки.

- Скр-р-р, скр-р-р, скр-р-р... Открой мне. Впусти меня...

Люстра под потолком начинает мигать, как от перепадов напряжения. Но какие к чертовой матери могут быть перепады напряжения среди ночи в Люберцах?..

И снова зажглось это окно в доме напротив. Два окна, словно два горящих глаза... Мамочки!!!

А тут еще, как назло, ужасно захотелось в туалет. Но для этого надо пройти совсем близко от кошмарной двери, за которой стоит человек, явившийся меня убить...

И змея... Где змея?.. Была ли, вообще, змея? В принципе, для того чтобы извести человека ядом, вовсе не обязательно запускать в квартиру ползучего гада. Вспомнить хотя бы «светлой» памяти бабушку - Екатерину Медичи с ее отравленными книгами, перчатками и полным набором ядовитой косметики! Вот уж была мастерица! Пашкову до нее, наверное, далеко. Хотя... Что я, собственно, знаю о Пашкове? Что я о нем всегда знала, кроме того, что он сам позволял о себе узнать? Эта его аккуратность вплоть до педантичности (никогда ни фотографии, ни записные книжки, ни даже наброски статей не валялись на видном месте!), его дипломатичность и сдержанность в оценках, его способность ориентироваться в любой ситуации почти мгновенно (буквально со скоростью разжимающейся стальной пружины!)

Снова что-то тихо и уныло засвистело. На этот раз за окном. Ступая тихо-тихо, как индеец, крадущийся в стан врага, я подошла к балконной двери.

Осторожно отодвинула портьеру, скомкала жесткий, холодный тюль. И увидела то, что, в общем, и ожидала увидеть - темные замерзшие деревья с резкими прочерками ветвей, несколько спящих автомобилей, почему-то похожих на мертвых доисторических черепах, и одинокую фигуру в длинном сером плаще, стоящую всего в каких-нибудь трех метрах от моего подъезда. Губы мои беззвучно прошептали:

«Сережа...» - и я тихо сползла на пол, по-прежнему цепляясь за штору. Странное состояние тупого оцепенения свалилось на меня сверху, как снег с крыши. И наверное, только это не позволило мне сойти с ума. Словно сквозь толстый слой ваты, заложившей уши, я слышала и слабые стоны под окном, и едва слышный стук в дверь, и монотонное «Впусти меня. Открой мне». Стоило встать и открыть, и все бы закончилось в тот же миг - весь этот кошмар, мистика и,

главное, ожидание смерти. Но инстинкт самосохранения - вещь упрямая. И я продолжала сидеть на холодном полу, таращась в пустоту и отрешенно повторяя: «Сережа, не надо... Не надо, Сережа... Сережа...»

В категории «нудность и клиническое постоянство» мы с голосом за дверью вполне могли бы конкурировать. И я бы, наверное, победила, потому что ближе к пяти утра он, отчаянно и громко рывкнув: «Впусти меня, слышишь?!» - все-таки затих, я же еще раз восемьдесят повторила «не надо, Сережа» уже в абсолютной тишине. Впрочем, почему в абсолютной? Где-то наверху соседи уже включили воду в ванной. Внизу закашлял и закричал древний старичок (он мучился бессонницей, и прежде его каждодневный шумный подъем меня ужасно бесил). За стеной петухом, разгоняющим нечистую силу, зазвенел будильник. А вслед за ним задребезжал телефон. Телефон снова включился!

Это могло означать только одно: я выжила, я выдержала, по крайней мере, на сегодня вся эта жуть закончена и можно подумать о том, что делать дальше. Из глаз моих вдруг обильно хлынули слезы, подбородок задрожал, и в прихожую я кинулась, рыдая сладко, как ребенок, которого наконец простили и выпустили из угла злые родители.

Звонить могла только Ольга. Наверняка прослушала мое сообщение на автоответчике и теперь жаждала убедиться, что все это ей не почудилось. «Да уж, пожалуй, что не почудилось!» - подумала я, с содроганием вспомнив Сергея в сером плаще, стоявшего под моим окном. Из-за того, что руки все еще тряслись, телефонная трубка показалась вдруг неимоверно тяжелой: пришлось подбородком прижать ее к плечу.

- Алло! - Голос мой упал в пустоту, как камушек в омут. - Алло! Оля, это вы?

- Нет, это не Оля, - шарахнуло по барабанным перепонкам. - Это не Оля. Ты слышишь, стерва?! Не захотела меня впустить, не захотела выпить со мной бокал вина, и теперь все пойдет так, как и должно было идти...

Меня одновременно бросило и в жар, и в холод, колени ослабели, пот потек по вискам двумя липкими ручейками.

Это был тот же самый голос, что недавно просил под дверью: «Открой мне! Впусти меня!»

- Сережа! - пробормотала я, сильно опасаясь, что сейчас опять рухну в обморок. - Сережа, за что ты так со мной? Все, что сказал Витька, - это ведь не правда! Ну, Сережа...

- Молчи! - снова резко бросили на том конце провода. - Сейчас уже ничего не изменишь. Ты не захотела выпить вино, и его вольют в глотку твоей Ольге. Она получит то, чего так боялась. Гертруда выпьет отравленный кубок, предназначавшийся не ей... Ты этого хотела, да?

От ужаса мой язык онемел и прилип к небу. Невидимый же собеседник продолжал:

- И дальше все будет так, как должно было быть. Будет настоящая мясорубка... Бедная, глупая стерва, ты ведь наверняка думала, что «мясорубка» - это просто такая нестрашная машинка для перемалывания кусочков говядины и свинины? -

Пауза, и снова монотонное:

- А Гертруда? А Лаэрт? А Клавдий? И ты, маленькая, трусливая сучка!

- Сережа! - в последний раз выкрикнула я, и в трубке, вместо ответа, запищали короткие гудки отбоя.

Все это было и страшно, и странно, и совершенно не, в духе Пашкова.

Только что-то на самом деле чудовищное могло таким образом изуродовать его мозг. «О, что за гордый ум сражен?» Факт моей «измены», пожалуй, не обладал такой разрушительной силой. А может... От внезапно пришедшей в голову мысли мне сделалось совсем уж дурно... Может, и не было никакого безумия? Если исходить из классического толкования Шекспира, Гамлет ведь никогда и не сходил с ума! Он был отвратительно, стопроцентно нормальным человеком! Притворство? Но с какой целью?!

Как странно бы себя я ни повел,
Затем что я сочту, быть может, нужным
В причуды облекаться иногда...

Мрачная тень Эльсинора снова нависла надо мной призраком неотвратимой смерти. Но сейчас не было времени на то, чтобы зарываться в переводы, толкования и шекспироведческие

статьи, пытаясь отыскать волшебное слово «сим-сим», которое сразу все объяснит и сразу всех спасет. Ситуация предполагала действия более оперативные и менее замороченные: позвонить Ольге и сказать, чтобы она спряталась, закрылась на все замки и ни в коем случае не отпирала никому - ни почтальону, ни соседке, ни сантехнику! «Ей вольют в глотку вино!» - обещал Пашков, и это значило, что у него есть помощники.

Непослушными, дрожащими пальцами я принялась накручивать телефонный диск и даже с досады саданула кулаком по стене, услышав длинные гудки. Ольги не было дома! Она могла находиться где угодно: на улице, в магазине, у той же Леры Игониной, в маршрутке, едущей от Кузьминок до Люберец. И где угодно ее могли достать...

Господи, как хотелось мне в тот момент сделаться вездесущей. Всего на пять минут, чтобы выдернуть ее оттуда, где она сейчас находится, и вместе с ней смыться. Но у меня не было даже плохонькой машины, не говоря уж о сверхъестественной способности пребывать одновременно в нескольких местах.

И тут смутная, невнятная еще мысль закопошилась у меня в голове.

Способность пребывать в нескольких местах одновременно... Скорость, оперативность. «Его ребята ходят по следу» как гончие псы... У его ребят информация в сто раз оперативнее и полнее, чем у милиции... Ну конечно же! Что не под силу одному человеку, запросто могут сделать несколько! Я не знала, кто они - сотрудники органов в штатском или обыкновенные бандиты, - но очень надеялась, что эти люди помогут мне спасти Ольгу. Что же касается телефона Мистера Икс, то на эту тему у меня тоже были некоторые соображения. Видимо, все-таки существовало равновесие справедливости и несправедливости в природе, раз Ольгина записная книжка все еще лежала на тумбочке в моей прихожей. А в книжке был один странный номер телефона. Просто номер, без всяких адресов и фамилий. Но зато с крошечным крестиком, стоящим возле последней цифры. Я обратила на него внимание еще в тот раз, когда пыталась вычислить Леру Игонину.

Крестик - «икс» - Мистер Икс... В принципе это было моим единственным шансом.

- Алло! - прокричала я в трубку, набрав комбинацию из семи цифр и услышав странно узнаваемый мужской голос. (Впрочем, я находилась сейчас в таком состоянии, что все голоса и лица вокруг казались мне подозрительно и угрожающе знакомыми). - Алло! Выслушайте меня, пожалуйста. Если вы тот, про кого я думаю... Вы ведь Мистер Икс? Одна моя подруга Ольга называла вас Мистером Икс, она звонила вам вчера из моей квартиры! Оля в опасности, ее хотят убить. Найдите ее, пожалуйста, как можно быстрее. Вы ведь можете?! Умоляю вас, найдите!

Мой невидимый собеседник молчал, будто не слышал всего, что я сказала, или же просто не хотел отвечать. Но это почему-то лишь добавляло уверенности: он именно тот, кого я ищу!

- Пожалуйста, скажите что-нибудь! - против воли из глаз моих покатились слезы. - Не молчите, пожалуйста! Вы ее последняя надежда. И моя тоже... Умоляю вас!

- Хорошо, - как-то нехотя, уронили на том конце провода. - Назовите свой адрес, я пришлю за вами машину...

Минут через двадцать к подъезду подкатил темно-синий джип с тонированными стеклами. Из машины вышли двое молодых людей в добротных шерстяных пальто. Все еще соблюдая великие меры предосторожности, я спросила через дверь, кто они и откуда.

- За вами посылали, - ответили ребята кратко и совсем по-гамлетовски.

Мои сборы заняли не больше пяти минут. Примерно столько же времени понадобилось мне, чтобы набраться храбрости и зайти на кухню за ключами. Зато остальные полчаса, что мы ехали до двухэтажного белого особняка в центре, я усиленно размышляла над тем, под каким «соусом» подам моему спасителю всю эту историю про «Гамлета». Как объясню про Пашкова? Про Офелию? Про Полония? Про Розенкранца с Гильденстерном? Поверит ли он мне?

И только войдя в просторный кабинет с зелеными кожаными креслами и вертикальными жалюзи на окнах, поняла, что все это не важно. Поняла еще прежде, чем заметила, что Ольга (живая и здоровая Ольга!) не смотрит мне в глаза. Еще прежде, чем увидела выходящую из боковой двери Наталью. Еще прежде, чем встретила взглядом с Лехой - отнюдь не

обезглавленным и вообще целым и невредимым настолько, что хоть сейчас на плакат, рекламирующий правильный образ жизни!..

Я увидела Олега Ивановича Бородина, собственной персоной. И последним звуком, услужливо выплунутым моей памятью, стал истошный визг поросюшки Даши, с которой этот самый человек в спешке и панике сдирал кружевные трусики...

Я не умерла от разрыва сердца и не упала в обморок, хотя в последнее время это сделалось у меня дурной привычкой. А просто прислонилась затылком к стене и прикрыла глаза.

- Ну, так как, мадемуазель артистка? - донеслось откуда-то сверху. - Нравится вам такой театр? Нравится, нравится! Не может не нравиться - вы же профессионал!

Я разлепила тяжелые веки. Бородин стоял прямо передо мной и усмехался жестко и зло. Его двойной подбородок едва ли не нависал над моим носом. - Хотя вот лицо у вас почему-то не радостное.

- Да и потасканное какое-то! Вы уж извините за прямоту. Н-да, в бытность вашу Аленой Вологдиной выглядели вы, прямо скажем, привлекательнее! - Он сделал пару шагов назад, склонил голову набок и «полюбовался» мной, как ценитель живописи редкой картиной. - И плечи сутулые, и шея в воротнике, как карандаш в стакане, болтается. А волосы! Ну что за волосы?! Я так полагаю, в сортире не много охотников нашлось с вами уединиться? Там ведь тоже симпатичные девочки ценятся...

В другое время я, конечно, не преминула бы восхититься богатым опытом Олега Ивановича, доподлинно знающего, какие именно девочки пользуются спросом в общественных туалетах. Но сейчас мне было не до того. Перед глазами расплывались радужные круги, и в кругах этих проступали лица Ольги, Натальи, Лехи. В самом углу переминался с ноги на ногу Славик Болдырев и уж так старался быть незаметным, что почти сливался со стеной.

Я все еще не могла до конца поверить в то, что это случилось именно со мной. Зато Бородин вовсю праздновал победу:

- Нравится вам быть униженной и растоптанной? Нравится выть от страха и бессилия? «Умоляю! Помогите! Спасите!» Нравится чувствовать себя идиоткой, которую водят за нос?!

Мне казалось, еще секунда и он меня ударит. Широкая его грудь под белой шелковой рубашкой тяжело вздымалась. Угадывающаяся под воротником золотая цепочка врезалась в покрасневшую шею. Каюмова за его спиной сосредоточенно ковыряла пальцем спинку кожаного дивана. Леха с глубоким интересом изучал носки собственных ботинок.

- Что ты молчишь?! - Бородин вдруг резко перешел на «ты» и, опершись рукой о стену рядом с моей головой, с яростью заглянул в мои глаза. - Что ты молчишь, дешевка?! Сказать нечего?! Роль не выучила? Или текста для тебя не написали? А ведь какая говорливая поначалу была - просто соловьем разливалась!

Уж пора, по идее, хоть что-нибудь ответить, я понимала это, но язык все еще отказывался меня слушаться, а во рту было так гадко, что я всерьез опасалась, как бы меня не стошнило прямо на ворсистый мягкий ковер.

Бородин же постоял у стены с минуту, дыша на меня кисло и жарко, потом совершенно спокойно выпрямился, повел плечами, поправляя пиджак, и неторопливо зашагал к столу. Когда он обернулся, у него вновь было спокойное и уверенное лицо победителя. Только округлое брюшко, внушительная проплешина на макушке да еще, пожалуй, отвратительная физиономия мешали ему сравниться в неотразимости с Полом Ньюменом.

- Так что проиграли вы, мадемуазель, по полной программе! - Он снова решил придерживаться светской линии. - И надеюсь, это послужит вам хорошим уроком. Думаю, вы поймете, что карать виноватых - все-таки право Бога, а не какой-то сопливой, недоделанной артисточки!

- Сесть можно? - вяло и безжизненно проговорила я, понимая, что разговор еще далеко не закончен.

- Садитесь. - Бородин равнодушно пожал плечами, кивнул мне на кресло, а сам, как председатель собрания, уселся за столом.

Все остальные, с его позволения, тоже рассредоточились на сидячих местах в кабинете. Ближе всех ко мне оказался Леха. Когда я увидела его розовеющие на глазах уши, меня чуть не передернуло от отвращения.

- Так вот, - бывший объект моего розыгрыша задумчиво повертел ручку с золотым пером (едва ли не ту же самую, которой поигрывая во время нашей первой встречи), - я действительно надеюсь, что это послужит вам хорошим уроком и в следующий раз, прежде чем ввязываться во что-нибудь подобное, вы десять раз подумаете. Ведь отчего все ваши беды? Оттого, Женя... Или Алена? Вам как приятнее?

Я промолчала, и Олег Иванович вернулся к излюбленному термину «мадемуазель».

- Оттого, мадемуазель, что вы вообразили себя слишком умной. Детективов поначитались, что ли? «Все мужики - дураки, одна я семи пядей во лбу»? Не спорьте, именно так и было! И манеры-то вы себе выбрали шлюшески дешевые... Или, может быть, они у вас естественные? Тогда простите, ради Бога!

Мне снова не оставалось ничего иного, как нервно проглотить слюну.

«Моральное изничтожение» меня еще даже не вступило в основную фазу. Краем глаза я видела, что Лехины уши уже пылают, как спелые помидоры. Каюмова же, наоборот, сделалась белой, точнодохлая лабораторная мышь. Одна только Ольга выглядела более или менее пристойно.

- В общем, избрали вы тактику дешевой проститутки, заявили ко мне в офис, разыграли дурацкий водевиль, и первой вашей глупостью было решить, что это вот так запросто сойдет вам с рук...

«Офис, водевиль... - отметила я про себя. - А ведь наверняка мало кто из присутствующих знает про дачу и про то, что там произошло на самом деле. Скорее всего, про Дашеньку и ее кружевные трусики он никому не рассказал!»

- Нет, это было второй вашей глупостью! Первая - то, что вы связались с моей, с позволения сказать, супругой и согласились поработать на нее! Она сдала вас с потрохами тем же вечером, во всем покаялась и телефончик дала и адресок. Людочка у меня дама без комплексов! И жалостную историю, которую она вам наплела, тоже пересказала: про беременность, про моих бесконечных любовниц...

Мне она все сказала, а вот вам - нет. Вы ведь ни про любовника ее молодого не знаете, ни про то, что ребенок этот непонятно от кого, ни про то, что она адвоката замордовала, все пыталась узнать, как бы ей так развод обставить, чтобы вину свалить на меня, а ей денег огрести побольше...

- Она на самом деле сказала, что ждет ребенка... - не очень уверенно вставила я, - вот мне и показалось...

- Когда кажется, креститься надо! - грянул Бородин. - Или думать, по крайней мере! Скольким, интересно, ты мужикам жизнь и карьеру вот так испортила? Ладно я. Меня так просто из седла не вышибешь. Пошипела моя благоверная, как ехидна, слюной ядовитой побрызгала, на том дело и кончилось. А с другими как? Да кто тебе вообще дал право судить?! Кто дал тебе право наказывать?! Ты кто - Бог? Ангел? Святая Евгения? Шлюха ты, подстава и подстилка! Причем глупая шлюха...

Я проглотила «комплимент», так как мне больше ничего не оставалось. Леха же заерзал на своем стуле так, будто в сиденье было вмонтировано с десяток острых шильц.

- И глупость твоя не только в том, что ты лезешь куда тебя не просят, а еще и в том, что дальше своего носа не видишь...

Видимо, тирада выглядела бы эффектнее после наводящего вопроса, потому что Олег Иванович выждал секунду или две. Но я не проявила инициативы, остальная часть аудитории тоже безмолвствовала. Тогда он поправил галстук, сколотый дорогой булавкой, и, откашлявшись, продолжил:

- Задумка у меня относительно тебя была не только простенькая, но и милосердная. Все время я давал тебе маленькие подсказочки, но ты ни одной из них не воспользовалась, а огород нагородила такой, что и не разобрать. Что ты там с этим... как его?..

- Пашковым, - подсказала Ольга.

Я взглянула на нее почти с ненавистью, но она достаточно спокойно и уверенно выдержала мой взгляд.

- Да, с Пашковым! Что ты там насочиняла? Мы как пленку с автоответчика прослушали, так чуть со смеху все не попадали. Это надо же! Шекспир! Цитаты!

«Гамлет - принц, он не твоей звезды!» Наташ, - он перевел взгляд на Каюмову, - ты хоть раз была в казино «Звезда»? Ну хоть разочек?

- Нет, - мотнула она головой. Светлая прядь выскользнула из-за уха.

А я почему-то вспомнила, как тосковала и горевала после ее «трагической гибели».

- А женишка ее знаешь?

На этот раз Каюмова не успела ответить. Мне надоело участвовать в акции «избиение младенцев» в качестве младенца, и я включилась в диалог:

- Но по казино-то ты все же время от времени ходила? Ты ведь не просто так вспомнила то слово «каблук» из кроссворда?

Каюмова вскинула на меня серо-голубые глаза и быстро кивнула.

- Я говорю! - тут же рявкнул Бородин, сделав акцент на слове «я».

Похоже, мысль о том, что я хотя бы частично реабилитируюсь и не покажу себя совсем уж клинической идиоткой, для него непереносима.

- Я говорю... И вообще, до твоего Сергея и твоих литературоведческих изысков еще дойдем. Были, конечно, цитаты... и про Полония, и про Розенкранца с Гильденстерном, но смысл заключался в том, чтобы напомнить тебе о неотвратимости наказания, а не в том, чтобы ты ринулась искать Гамлета! Теперь слушай сюда! Задумка, еще раз говорю, была элементарная и воплощена в жизнь весьма скромными актерскими силами. Мне очень приятно представить вам двух профессиональных артистов, принимавших участие в акции, - Наташу Каюмову и Алексея Митрошкина. Они из разных театров, но надеюсь, за это время успели подружиться...

И Леха, и Наташа с равной неохотой взглянули в мою сторону. По задумке Олега Ивановича им наверняка следовало шутовски поклониться. Впрочем, он вполне удовлетворился тем, что у меня, в конце концов, задрожал подбородок: не от стыда, так хоть от обиды!

- Еще, конечно, центральная действующая фигура - Вадим Петрович Бирюков, но он, похоже, «на похоронах». Такой грешок за ним в самом деле водится.

Остальные - любители. Ольга Михайловна Терентьева - главный бухгалтер одной из наших дочерних компаний и мой близкий друг...

Вот Ольга - та улыбнулась. Правда, едва заметно и скорее утешительно, чем насмешливо; но все-таки улыбнулась! И Бородин, наклонившись через стол, как-то особенно мягко потрепал ее по плечу. Не знаю уж, что это было - интуиция? внезапное озарение? - но мне почему-то вдруг стало ясно как дважды два четыре то, что она уже друг. Как там на эту тему говорилось у Чехова?

Женщина может быть сначала просто знакомой, потом любовницей и потом только другом? Совершенно определенно, Ольга Терентьева - красивая, яркая, слишком дорогая для того, чтобы быть любовницей нереализовавшегося театрального режиссера (Господи! Как же я сразу-то этого не почувствовала!), была когда-то подругой самого Олега Ивановича. И после этого сумела сохранить с ним хорошие дружеские отношения.

- И второй наш любитель - Вячеслав Болдырев!

Славик тихо засопел в своем углу и почему-то покосился на Леху.

- Слава действительно работает барменом в «Лилии», актерских способностей у него, к сожалению, ноль. Он ведь признался мне, что чуть не расхохотался, когда вы заявили к нему домой и стали выпрашивать про Олю.

«Все время, - говорит, - думал, что сейчас рассмеюсь и все испорчу!» В общем, пришлось его перевести на роль бессловесную, но важную! И вот тут вы, Женя, нас, честно говоря, напугали... «Знаю я, как двигается Человек в сером! Видела его уже! Это точно»

Он смотрел на меня смеющимися и в то же время жестокими карими глазами, а я готова была от досады и злости съесть собственный нос. Славик? Ну конечно же Славик! Как можно было не вспомнить? Не догадаться? Не узнать? Правда, без плаща и бинтов я видела его всего два раза, но это, по-хорошему, не оправдание!

Бородин же, вдоволь насладившись сменой эмоций на моем лице, откинулся на спинку кресла и сцепил руки на животе:

- Ну вот в общем-то и все. Все остальные - в эпизодах. Да, кто остальные, кстати? Только милиция, получается. И еще Валера Родионов, который к вам в дверь стучал. Рассказывать-то как - по порядку? Или вопросы задавать предпочитаете?

- Мне все равно, - хмуро ответила я, хотя один вопрос на самом деле вертелся у меня в голове.

- Ну что ж! Тогда по порядку, - решил Олег Иванович и довольно благодушно поведал:

- Адрес ваш и телефончик я, как уже говорил, узнал от жены. А на идею спектакля натолкнула меня Оля; обмолвилась как-то, что актрисе надо мстить ее же оружием. Тут я и сам вспомнил кое-какие моменты нашего с вами знакомства, покумекал-покумекал и решил: да, то, что нужно! Оля познакомила меня с Бирюковым. Кто он там? Бывший приятель подружки, по моему? - Ольга сдержанно кивнула. - Ну да, приятель подружки. В общем, все вместе мы разработали литературно-художественную композицию. Вадим Петрович привлек Алексея из чужого коллектива, чтобы не возникало накладок, и Наташу - из своего. Кстати, на самом деле у Наташи с Бирюковым великолепные отношения, просто она как никто другой подходила для этой роли - и живет в коммуналке без папы, мамы, и близких друзей нет, и личную жизнь на показ не выставляет...

Видимо, в этом месте подразумевались восторженные аплодисменты публики, но я аплодировать не собиралась категорически, и поэтому лишь неопределенно скривилась. Леха, вообще, давно изображал соляной столб. Отдуться пришлось Каюмовой. - Ну не такие уж и великолепные! - фальшиво-веселым голосом прошептала она, подобострастно улыбаясь. - Все-таки режиссер и актриса! Сложности всегда есть. Так что я, например, искреннее удовольствие получала, когда в машине ругала Вадим Петровича на чем свет стоит, а он, бедненький, ничего не мог возразить. Странно было бы, если б «труп» заговорил, правда?

Бородин усмехнулся. А я с ненавистью подумала: «У-у, крыса! Чтоб тебе всю жизнь третью сосну с краю играть!» Еще немного поразмыслила и решила: «Но актриса-то она хорошая. Как, впрочем, и Митрошкин. Откуда только они взялись на мою голову?»

- Так вот! - приступил к дальнейшему повествованию Олег Иванович. - Еще раз повторюсь, что план был милосердным. В самой его идее заключалась первая подсказка, но вы ею не воспользовались. Помните, Женя, «Царевну-лягушку», которую вы пересказывали у меня в кабинете? Вы и тогда, наверное, считали себя очень умной? Ну как же! Сидит этакий «мешок с деньгами», таращится на ваши распрекрасные ноги и можно ему хоть «Колобка» рассказать - он все равно не поймет, потому что сложнее «Букваря» ничего в жизни не читал. Так, да?

Наверное, ответить в данной ситуации «да» было равносильно смерти, не ответить ничего - только раззадорить и без того легко выходящего из себя Бородина. Поэтому я выбрала золотую середину, неопределенно и виновато протянув: «Н-ну-у-у...» В конце концов, от меня требовалось всего лишь вытерпеть еще час или два этих издевательств, а потом выйти на улицу и постараться забыть обо всем, как о кошмарном сне.

- «Ну»... Вот вам и ну! Умничать мозгов хватило, а сообразить, что вся ваша ирония белыми нитками шита - выходит, нет? Да сразу я тогда все про вашу сказочку понял! Только вот поверил, что вы и правда с «Мосфильма»: сейчас ведь всяких чудиков хватает, может, кто и на «Царевну-лягушку» покуситься решил. А вы, значит, были свято уверены, что никому, кроме вас, такая «гениальная» идея в голову прийти не могла. Поэтому и не поняли ничего, когда увидели, что ребята из «Эдельвейса» с «Гамлетом» на сцене вытворяют! Я ведь специально задание дал Бирюкову: посовременнее, посмешнее, поабсурднее... Чего бы, кажется, проще: задуматься и вспомнить, перед кем и когда вы сами разыгрывали такой же номер? ан нет!

Тут меня и в самом деле взяла ужасная досада. Я опустила голову и принялась изучать собственные «распрекрасные» колени. Ведь была же у меня мысль о «Царевне-лягушке»! Была! Но совсем в другом контексте: я, мол, со своей «Царевной-лягушкой» этому идиоту-режиссеру и в подметки не гожусь. Ха-ха-ха! Дурища самоуверенная!

Бородин тем временем вышел из-за стола, подошел к окну и открыл жалюзи.

Серое пасмурное утро медленно и скучно вползло в кабинет.

- Кстати, Бирюков потратил целых четыре репетиции на то, чтобы начать делать «Гамлета» специально для вас. Актеры думали, что все это взаправду. Даже съемочная группа от Комитета культуры была настоящая... Не догадываетесь зачем?

Я уже догадывалась, но все равно упрямо мотнула головой.

- Для того чтобы вы вынуждены были позаменять Вадима Петровича на репетициях! Кстати, это был чуть ли не единственный раз, когда ваша, с позволения сказать, сообразительность

заработала в нужном направлении без пинка со стороны... Наташе даже не пришлось предлагать вам взять на себя режиссерские функции. Она только намекнула, деликатно подвела к этому разговору, и вы сами завопили: «Эврика! Я придумала, как нам выпутаться!» Опять же, не хотите спросить: для чего такие сложности?

Ярость и обида пытались задушить меня по принципу «кто быстрее?».

Смотреть в лицо Олега Ивановича я опасалась из чувства самосохранения. Поэтому сосредоточила свой полный ненависти взгляд на его толстых и коротких, словно обрубленных, пальцах. Пальцы изредка шевелились, мерно постукивая по подоконнику.

- А сложности для того, чтобы дать вам возможность разгадать вторую подсказку. Во-первых, сразу «Гамлет», а во-вторых, не припомните, с какого момента началась репетиция? Относительно этого Вадим Петрович дал актерам очень строгие указания! О-очень строгие!

Что же там было? Сцена с королем, Гертрудой и придворными? Да... Но что конкретно? Хилые морщины, символизирующие аналогичную по мощности работу мысли, избородили мой лоб. Бородин улыбнулся:

- Я вам помогу. И даже процитирую:

Мне кажется? Нет, есть. Я не хочу
Того, что кажется. Ни плащ мой темный,
Ни эти мрачные одежды, мать,
И все обличья, виды, знаки скорби
Не выразят меня: в них только то,
Что кажется и может быть игрою:
То, что во мне, правдивей, чем игра:
А это все - наряд и мишура.

Шекспир шел ему как корове седло, и читал он на редкость отвратительно.

Но мне сейчас было не до зрительских оценок, да и вообще ни до чего. Бездна моей тупости открылась передо мной во всей своей устрашающей глубине и необъятности! Олег Иванович еще ехидно спрашивал: «Ну как? С этого начинал Гамлет? Этой репликой началась ваша первая репетиция?» - а я уже с ужасом понимала, что остаток дней проведу в лечебнице для недоразвитых взрослых.

«В них только то, что кажется и может быть игрою»... То, что во мне, правдивей, чем игра, а это все - наряд и мишура». Мне почти открытым текстом говорили: «Игра! Фарс! Задумайся, дура!» Другую такую цитату из «Гамлета», где столько раз встречалось бы слово «игра», надо еще поискать! Но я-то хороша, а?

Вот уж действительно возомнившая о себе невеста что идиотка!

- Всерьез - это то, что касается театра... - Бородин наконец отлепился от окна и прошелся перед нами, сидящими в креслах, с видом школьного учителя, объясняющего новую тему. - Что до фотографий в альбоме у Оли, то они, само собой, постановочные. Как и вся трагическая история их с Бирюковым романа. Снимки мы нащелкали за три дня в самых разных местах. Для правдоподобия. И все опять же с одной-единственной целью: ткнуть вас носом в фотографию с нашим призраком. Аура, как вы уже, наверное, поняли - это всего лишь хорошая, профессиональная работа фотографа. Подготовительный период занял, конечно, некоторое время. Потом Оля позвонила вам и предложила на нее поработать. Вы клюнули, и машина заработала.

- А если бы я не клюнула?

- Да куда б вы делись? - Он, казалось, искренне удивился. - Во-первых, деньги, а вы, мадемуазель, достаточно жадная. Во-вторых, ваше благородное предназначение - мстить за обиженных женщин. Ну и в-третьих, тут страдала своя сестра актриса. Как не помочь! Ведь правда? И вот Вадим Петрович Бирюков стал «трупом», для чего очень профессионально закрепил на груди ножик и облил себя кровью. Я резонно предположил, что вы перепугаетесь и к «телу» не полезете, поэтому не сможете уловить дыхание или прощупать пульс. Для этого на сцене появилась роскошная и хладнокровная Наталья! Она упаковала господина режиссера в плед, с его же, разумеется, помощью. Она предложила вам вывезти его из театра...

Каюмова снова скромно потупилась, я же ощутила нестерпимое желание вцепиться в ее белобрысые волосенки. Причем теперь это желание было гораздо острее, чем тогда, когда я, проанализировав переводы (Господи! Дурь-то какая!), вычислила, что это она была той пашковской зазновой из «Звезды»... Как правдоподобно прикидывалась подругой, как искренне и простодушно пила водку, как кляла вместе со мной «интеллигентов» и носилась в моей ночной сорочке по комнате! Сара Бернар! Комиссаржевская! Раневская!

- Далее, вам по пути попала милиция, что, конечно, было вовсе не случайно. Ребята в общих чертах знали смысл игры, даже предварительно познакомились с будущим «трупом» и Натальей. В их задачу входило не выпустить вас за пределы Кольцевой, ну и, естественно, напугать как можно сильнее, что, по-моему, им вполне удалось. Богата талантами родная милиция! Впрочем, ладно...

Идем дальше! Наташа привозит вас в квартиру Бирюкова и предусмотрительно теряет там губную помаду. Заодно еще раз напоминает вам, что единственный выход в этой ситуации - найти Ольгу. О том, что разыскать ее можно через бармена, вы, к счастью, догадываетесь сами... С «кофе, как обычно» хорошая идея была, правда?

Изнемогая от унижения, я закусила нижнюю губу и отвернулась к окну.

Краем глаза успела заметить, что Бородин смотрит на меня уже с оттенком брезгливой жалости. словно в подтверждение этого, он покачал головой и печально проговорил:

- Вообще, я вам даже сочувствую. Мы выступаем в слишком разных весовых категориях, и вы с самого начала были обречены на проигрыш. Вас ведь все время вели, передавали с рук на руки! Вы почти ни на минуту не оставались в одиночестве. Наташа просто следила, чтобы вы двигались в нужном направлении, Алексей подбрасывал информацию, Оля нагнетала мистику... Согласитесь, жути было предостаточно?

- А рука? - Я резко обернулась и взглянула на Олега Ивановича со вновь всколыхнувшимся страхом. - Откуда рука? Она ведь была настоящая! Так откуда же...

- Нет, дорогая мадемуазель, специально ради вас я никого не убивал и не устраивал ограбление патологоанатомического музея. Хотя... что-то в этом духе... В общем, существует милейший парень Боря Колпаков - санитар морга, и существуют бомжи, которые имеют свойство умирать в канавах и на вокзалах. Как правило, до их полной «комплектности» никому дела нет. Правда, ручку пришлось отмыть и почистить под ногтями. Перстенок, как у Вадима Петровича, заказать в двух экземплярах...

- В двух?

- Конечно в двух! Будь вы, Женя, повнимательнее, заметили бы, что в кроватке у вас лежала правая рука, а в коробочке - левая... Бегать за вами по ночным Люберцам и следить, в какую помойку выкинете руку, - как-то утомительно и излишне сложно. Я так полагаю, что обе «запчасти» сейчас на свалке... Ну и третья подсказка была самой опасной: это когда Ольга на пальцах объяснила вам, как действовала Наталья. Она ведь не придумала почти ничего, вам оставалось самостоятельно сделать всего лишь малюсенький шагочок: сообразить - зачем? Это был шанс. Хор-роший шанс! Но вы опять же им не воспользовались.

Ольга тем временем взяла со столика графин и налила себе воды. Выпила, аккуратно промокнула уголки губ батистовым платком и поставила стакан на место.

Вообще, в кабинете Бородина она чувствовала себя значительно свободнее, чем Каюмова или Леха, что было вполне объяснимо: одно дело - бывшая любовница, все еще достаточно могущественная фаворитка, и совсем другое - бедные актеры, нанятые для того, чтобы разыграть заказанную пьесу. «Совсем как в «Гамлете», - подумалось мне некстати. - Как там у Шекспира?.. «Послушайте, старый друг: можете вы сыграть «Убийство Гонзаго»?»

- С газетой тоже получилось неплохо, - прервал мои отвлеченные размышления Олег Иванович. - Я полагаю, вы уже поняли, что она была отпечатана в единственном экземпляре? Но какой точный расчет! И то, что Наташина соседка не устоит перед перспективой выпить на халяву, и то, что она не выписывает программу. Фотография опять же просто превосходная! Ну а потом ночью ваша наперсница трагически исчезает, предварительно проорав чуть ли не в замочную скважину соседки: «Это ты?» - и вы переходите в распоряжение Ольги. «Смена караула», так сказать....

Сидящий слева от меня Леха заметно расслабился. Наверное, обрадовался тому, что момент его «смерти» уже промахнули, а значит, отдельно восхищаться его игрой не станут. В принципе я его понимала: мне бы тоже было неловко, если бы я участвовала в столь гнусной акции, направленной против своего же брата актера. Понимала, но вот простить не могла...

- Ну а дальше все было очень просто: Валера Родионов, который шептал сегодня под вашей дверью, пришел в Натальину квартиру под видом следователя и рассказал соседкам про Офелию. Старухи поохали для приличия и тут же принялись, бедняжки, воевать за освободившуюся жилплощадь! Ольга тем временем нагнала уже достаточно жути. Заметьте, тоже хорошая идея - сначала всякую мистику категорически и насмешливо отвергать, а потом начать загружаться: «А ведь правда... Другого объяснения нет!» Раскаившийся грешник всегда гораздо убедительнее праведника, да?

- Да! - Я подняла голову и заставила себя выдержать его взгляд - самодовольный, самовлюбленный взгляд человека, привыкшего к легким победам.

Прямо-таки лоснящийся от гордости Бородин вызывал нестерпимое желание хотя бы самую малость подпортить ему удовольствие.

- Да, все это, конечно, правильно. Но вот чувство меры вам изменило. Призрак возле подъезда Леры Игониной - это был уже явный перебор! Просто цирк какой-то!

- Что-то я не заметил, чтобы вы особенно смеялись, - как бы вскользь заметил Олег Иванович, но тут же вполне миролюбиво добавил:

- Но, в общем я согласен: были в моем плане и проколы, всего не предусмотреть... Например, когда вы слишком быстро прибежали домой к Славе. Редкое везение, что он успел уйти на встречу с Алексеем! До вашего появления они чуть ли не в туалет должны были ходить вместе, как сиамские близнецы. Ну что бы наш бармен стал делать, ввалились вы в квартиру, когда он был один? Роль влюбленного Ромео, который приоткроем для вас завесу тайны, с самого начала отводилась Алексею. Славик просто не смог бы симпровизировать...

Леха с приклеенной на лицо идиотской ухмылочкой окончательно сгорбился и стал похож на скульптурное изображение гигантского сворачивающегося ежика. Я испытала новый приступ неодолимого желания сначала плюнуть ему в физиономию, а потом с профессиональной завистью и восхищением пожать руку. Как сыграно! Ну как сыграно! Просто хоть к Государственной премии представляй!

- То же самое и с призраком у подъезда Олиной приятельницы. Вообще-то информацию про нее вам подкинули только затем, чтобы вы украли записную книжку.

Откуда-то вы должны были узнать номер моего телефона, правда? Ну а призрак...

Да, это, конечно, было лишнее. Но я просто не смог устоять перед искушением засунуть вас нагишом в мужской сортир. Чтоб вы на своей шкуре почувствовали, что это такое - стоять голяком перед посторонними людьми, которые думают о вас невесть что! Я же не знал, что это сподвигнет вас на такие сложные умозаключения! Это надо же! Призрак появился возле подъезда не просто так. Значит, это от Игониной... как его? Пашков узнал о готовящемся плане... Фантазия у вас, Женя, безудержная!

- Но почему же она сказала мне по телефону, что знает Сергея? - Это был тот самый вопрос, который с самого начала вертелся у меня на языке. - Тоже импровизация?

- Не-ет! - Бородин, казалось, озадаченно помотал головой. - Олина приятельница не была посвящена в нашу затею. Мы не считали нужным рассказывать еще и ей. Меньше народу, как вы знаете, - больше кислорода!

«Очень смешно! Просто искрометный юмор!» - захотелось заметить мне, но я благоразумно промолчала.

- А в самом деле, как это получилось?

Теперь Олег Иванович обращался уже к Ольге. Та пожала плечами и подтянула к себе телефон; стоящий на столе.

- Сейчас узнаем... Я громкую связь включу?

Бородин кивнул.

Ольга набрала номер, и буквально через минуту в комнате раздался голос Леры Игониной:

- Алло! Я слушаю!

- Лерочка, привет! Слушай, у меня к тебе один вопрос. Вчера тебе звонила одна моя приятельница и спрашивала по поводу некоего Пашкова Сергея?

- Да, звонила. Я, кстати, ничего не поняла...

- Но ты его действительно знаешь?

- Знаю.

- А откуда?

- Да это один журналист из Сибири. То ли из Томска, то ли из Омска. Пишет у себя в газете на экономические темы. Довольно настырный молодой человек. Дня четыре обрывал мне телефон и просил о встрече. В результате телефонной беседой мы и ограничились. А в чем дело? Что-нибудь случилось?

- Нет, ничего. Просто надо было уточнить... Спасибо, Лерочка!

Пока подруги обменивались любезностями, Бородин, усмехаясь, поигрывал своей любимой перьевой ручкой. Я все ждала, когда он положит ладонь на стол и начнет тыкать ручкой между пальцами, как бандит в фильме «Место встречи изменить нельзя». Все-таки физиономия у него была как у условно-досрочно освободившегося пахана, и тем обиднее оказалось потерпеть от него поражение...

Ну надо же было так опростоволоситься с Пашковым! Полезть в такие дебри и не заметить очевидного! И самое унижительное, что бывший «объект» действительно на протяжении всей игры давал мне подсказки...

- Н-да... С версией про вашего приятеля вы, конечно, выкинули номер! - заметил Бородин, когда Ольга положила трубку. - Но это уже тема для отдельного разговора, скорее на морально-этические темы. Может быть, побеседуем наедине?

Разговор наедине? Я заметно насторожилась. Он, конечно, корчил из себя интеллектуала, но вполне мог задумать банальный и пошлый финал. Однако, как ни странно, напряглась и Каюмова. - Олег Иванович, - она даже встала, как школьница перед учителем, - а как насчет нашего с вами разговора? Ну о финансировании постановки чеховского цикла. Вы же обещали?

- Ах да! - Он кивнул. - Я обо всем помню, но сегодня нет Бирюкова, так что разговаривать бессмысленно. Давайте вы с ним вместе подъезжайте ко мне как-нибудь на неделе, и мы обо всем побеседуем. Договорились?

- А не лучше ли сегодня?

- Но ведь Вадим Петрович ваш не явился?

- Может быть, тогда съездить за ним? - Каюмова даже позеленела от осознания собственной наглости. - Дело в том, что я ему звонила: телефон все время занят. Он, наверное, просто забыл...

- Или просто запил! - Бородин с легкой досадой сорвал с ручки колпачок, но телефон к себе все-таки подтянул и нажал кнопку внутренней связи. - Максим, - проговорил он в трубку, - отправь кого-нибудь из ребят на Устиньевскую, адрес у секретаря возьми. Пусть привезут одного чудика... Да, Бирюков Вадим Петрович... Все, давайте в темпе.

Наталья опустила обратно в кресло, перепуганная, как мышь, спросонья рыкнувшая на кота. А Олег Иванович отложил ручку в сторону и взглянул на меня почти ласково:

- Раз так складываются обстоятельства, побеседуем прилюдно, если вы не против, конечно.

Знал бы он только, насколько я не против! Пусть говорит что хочет, пусть иронизирует сколько ему угодно, лишь бы не оставаться наедине с этой тушей, облаченной в дорогой костюм и пылающей жаждой изысканной мести!

Впрочем, возможно, я была к нему несправедлива.. Далее Олег Иванович повел себя вполне по-светски: связался с секретаршей, попросил для всех кофе, позволил желающим закурить. Его любезным предложением, понятно, никто не воспользовался. Тогда он сам достал из пачки сигарету и со вкусом задымил, стряхивая пепел короткими, сильными щелчками.

Уже первая его фраза стала многообещающей.

- А побеседовать с вами, Евгения Игоревна, я хотел вот о чем. - Бородин прищурил левый глаз, как охотник, готовящийся выстрелить. - В каком случае человек имеет право брать на себя функции Бога и решать, кого карать, а кого миловать? И какими качествами он для этого должен обладать?

Видимо, подразумевалось, что он, Олег Петрович Бородин, как раз всеми нужными свойствами обладает и может хоть сейчас записываться в штатные карающие ангелы. И все это, естественно, в отличие от меня!

Я угадала.

- Вот взять хотя бы вас! Оставим даже то, что вы излишне самонадеянны и не очень сообразительны. В самом деле оставим!.. Но есть некоторые морально-нравственные аспекты, которые обойти нельзя... Кому вы пакостили? Людям, абсолютно незнакомым и не сделавшим вам ничего плохого! Выслушивали только одну сторону и резво бросались зарабатывать свои денюжки! И не надо мне рассказывать, что вы искренне верили вашим заказчицам! Ради Бога, не надо!.. Вы никому не верите, кроме самой себя. Не знаю, какие уж у вас были отношения с господином Пашковым, но вот так запросто начать подозревать близкого человека черт-те в чем?! На основании каких-то там жалких цитаток! Я думаю, ему крупно повезло, что он с вами расстался. Душевно рад за этого молодого человека!

А ведь он был прав! До обидного прав. Слишком быстро и без особых мучений я смирилась с мыслью о том, что Сергей - убийца. Конечно, все складывалось очень логично. Конечно, я была напугана. Да и обида за это «звездное» приключение все еще была в моем сердце. Но ведь я его когда-то любила! Или мне казалось, что любила? И как я после всего этого смогу посмотреть ему в глаза? Если, конечно, такой случай еще представится.

Бородин же продолжал рассуждать:

- Скажете, что я поступил точно так же, как вы? Нет! Я всего лишь отомстил! Причем сделал это красиво. Гораздо красивее, чем вы! Шекспир, знаете ли. Никакой пошлости, никакой вульгарности. Вы понимаете, о чем я?

Если бы я не чувствовала его обидной правоты, если бы до сих пор была уверена в том, что занималась безукоризненным с нравственной точки зрения бизнесом, то непременно отозвалась бы с готовностью и громко, как на пионерской линейке: «Конечно, понимаю! О хрюшке Даше, с которой вас застали в спальне, и о том, как вытянулись при этом физиономии ваших коллег».

Но Олег Иванович знал, что возразить мне нечего, поэтому держался с великолепным спокойствием и уверенностью. Каким бы он ни выглядел противным, гадким, дешевым и кичащимся собственной оригинальностью, но отчасти он был прав!

- Я бы мог запросто размазать вас по стенке, не особенно утруждаясь! Вы бы приползли ко мне на коленях уже на следующий день, но... Немного мудрости и терпения - и вы сделали это сами, добровольно! Вас не то что не пришлось тащить за шкирку - я сильно опасался, как бы вы не рванули ко мне на поклон впереди присланного за вами джипа!

И снова он был прав. Но, Господи, как не хотелось в этом признаваться!

- А если бы я не позвонила? Перебудила бы соседей, попросила вызвать милицию, повесилась бы, в конце концов, от страха?

- Ну, вызвали бы вы милицию и что бы сказали? Кто-то стучится у вас под дверь и свистит на кухне? Кстати, это была простейшая пищалка с часовым механизмом! Ольга подложила ее в вентиляцию, пока вы носились по Москве. Да на вас бы посмотрели как на чокнутую! А насчет повеситься... Такие, как вы, не вешаются. Поверьте, вы бы позвонили, Женя! Не утром, так днем. Не днем, так вечером. Я сделал бы так, чтобы вы позвонили...

И словно иллюстрацией к его словам раздался резкий телефонный звонок.

Бородин снял трубку, пару раз коротко бросил «да», потом лицо его побагровело, а маленькие глазки заблестели нехорошим огнем. Выматерился он глухо, но вполне конкретно, трубку на рычаги швырнул так, что я всерьез испугалась за целостность роскошного аппарата. Каюмова, видимо уже пожалевшая о том, что так не вовремя заикнулась о финансировании какого-то там проекта, вся подобралась, приготовившись по команде «брысь!» сорваться с места. Леха только стрельнул в мою сторону круглыми глазами.

Ольга взглянула на Олега Ивановича заботливо и встревоженно.

- Та-ак... - вразяжку проговорил он и опустил на стол свой внушительный кулак. Не ударил - просто опустил, но этого было более чем достаточно. - Та-ак... Сидеть всем на местах...

Немного подумал, снова переключился на внутреннюю связь и приказал невидимому собеседнику:

- Макс, езжай сам на Устиньевскую, проследи, чтобы все убрали аккуратно. Ну и разберешься - в общем, сам знаешь... Дальше, организуй заверенную телеграмму откуда-нибудь с Урала или из Сибири с просьбой уволить по собственному желанию. Да! Естественно, от его имени, не от моего же! С милицией к хренам собачьим засветились и с уродом этим из морга... Все, давай!

Потом медленно обвел взглядом кабинет, остановившись на каждом лице по очереди. Не знаю, кому как, а мне стало жутковато. Теперь это был нормальный Олег Иванович Бородин, «условно-досрочно освободившийся пахан», без признаков излишней интеллигентности или хотя бы вальяжности.

- Так, суки, - сказал он в точном соответствии со своим новым образом, - там в незапертой квартире валяется мертвый Бирюков. Кстати, зарезанный ножом. И подход он не час и не два назад. Причем кто-то его ударил, а кто-то еще пытался остановить кровь. Сейчас вы мне живенько, во всех подробностях расскажете, кто из вас его видел последним и о чем он в этот последний раз говорил. А потом быстренько расползетесь отсюда, и не дай Бог кому-нибудь из вас хоть вслух, хоть про себя вспомнить об этой истории! Все меня поняли? Вот так-то!

Часть третья

«Убийство Гонзаго»

Я ненавидела театр. Ненавидела Шекспира. Ненавидела кошмарных клоунов в витрине «Макдоналдса» и всех без разбору клоунов, кривляющихся на сцене.

Ненавидела свой собственный диплом. Себя в качестве бесплатного приложения к этому диплому. Естественно, Пашкова - за то, что теперь действительно была перед ним виновата. И Леру Игонино - за то, что она такая умная и к ней за интервью ломаются журналисты со всех концов страны.

Но больше всего сейчас я ненавидела звук Лехиных шагов - этакое торопливое полуподпрыгивание-полушарканье и его гайморитное сопение. Неужели нельзя хотя бы достать платок и хорошенько высморкать нос?!

У перекрестка мое терпение лопнуло. Я остановилась и стремительно обернулась. Леа тут же отскочил в сторону, как бобик, преследующий авоську с колбасой и пойманный с поличным. Круглые глаза его забежали, на физиономии проступило какое-то испуганно-пакостливое выражение.

- Чего тебе надо? - осведомилась я недружелюбно, но, самое главное, уже не в первый раз. - Скажи мне, ради Бога, чего тебе надо?! А то у меня создается ощущение, что в вашей хваленной Москве одна асфальтированная улица на весь город и тебе просто некуда свернуть!

- Не, ну при чем тут Москва-то? - пробубнил он, раздираемый двумя противоречивыми желаниями: заступиться за честь родного города и хотя бы в чем-то согласиться со мной, чтобы иметь возможность и дальше тащиться следом, доводя меня своим присутствием до белого каления.

- Москва ни при чем, да? Есть еще, слава Богу, улицы? Ну тогда давай определимся: тебе после перекрестка куда?

- А тебе?

Вид у Леа при этом был совершенно невинный, взгляд наивный, как у годовалого малыша. И если бы у него имелся хвост, он бы, наверное, немедленно завилял им, демонстрируя крайнюю (клиническую) степень искреннего расположения.

- Слушай, ты! - Я уже начала злиться всерьез. - Ты свою работу выполнил, я курс воспитательной психотерапии приняла. Все было просто блестяще, роскошно и неподражаемо! Ты - великий актер, я - самонадеянная идиотка... Что еще?

- Ну почему сразу «идиотка»?

- Нет, не сразу! Вы совместными усилиями сделали из меня идиотку постепенно, чтобы я острее почувствовала глубину собственной дегенерации. Все, почувствовала. Спасибо вам большое. А теперь вали отсюда!

Леха снова переступил с ноги на ногу и неловко повел шеей, как средней худобы цирковой медведь. Молодая женщина с коляской аккуратно обогнула его справа и взглянула на нас обоих с мудрой, понимающей улыбкой: дескать, бранитесь, милые, бранитесь, вот пойдут пеленки и ползунки - не до того будет!

Я подождала, пока она прокатится мимо, и повернулась, чтобы идти дальше.

Но тут, как назло, на светофоре зажегся красный свет.

- Жень, - Леха снова шумно шмыгнул носом, - но я-то никого из тебя не делал! Я же не знал, что ты - это ты! Просто согласился сделать нормальную работу за нормальные деньги...

- Ах, «я не знал, что ты - это ты»! Прямо как в «Служебном романе»: «Но я же не знал, что полюблю вас!»

- Нет, я же не в этом смысле. - Он немедленно еще больше смутился и общим тоном физиономии стал сильно напоминать светящуюся в данный момент стекляшку. - Не в смысле, что полюблю... Просто неудобно как-то...

- Неудобно штаны через голову надевать! - совершенно в духе Олега Ивановича Бородина парировала я. - И спать на потолке, потому что одеяло сваливается. А тут чего неудобного? Все совершенно нормально: работа есть работа. Сделал, и вали!

- Ну, Жень, ты меня тоже пойми... Сначала, когда просто обсуждали, все казалось нормально, потом тебя увидел, и мне как-то не по себе стало. Смотрю: нормальная девчонка, перепуганная вся - жалко. Я хотел... Честно, хотел из игры выйти, но было уже поздно. Слово нарушать ведь тоже как-то не хорошо... Да и потом, обещали же, что с тобой ничего не случится: разве что перетрусишь немножко, как будто «жутик» посмотришь.

- «Жутик»?! - Перед моими глазами, как в убыстренном кино, промелькнуло все, чего я насмотрелась за эти дни. Последним возникло лицо Вадима Петровича - теперь уже на самом деле мертвого. - Чтоб тебе такими «жутиками» бесплатно до конца своих дней наслаждаться!

- Ладно, пусть! - обреченно кивнул Леха. - Пусть мне их даже за столом во время еды показывают. Только давай поговорим, а?

На светофоре снова загорелся зеленый. Я молча рванула через дорогу, мой навязчивый кавалер - следом, забегая то справа, то слева, как кошка, конвоирующая хозяина до миски.

- Ну послушай меня, а?

- Я сегодня, только и делаю, что кого-нибудь слушаю! Сначала Олега Ивановича вашего любимого, теперь тебя... Словесное недержание у вас у всех, что ли? Или это такая новая китайская пытка - заговорить человека до смерти?

- Женя. - Леха неожиданно взял меня за плечи, развернул к себе и сделался совсем серьезным. - Я ничего от тебя не хочу, кроме одного: не держи на меня зла! Я ведь тогда после кафе... Ну, помнишь, когда ты мне вдруг сказала, что Бирюкова убили, хотя и рисковала сильно: вдруг бы я в милицию пошел? В общем, я ужасно хотел тебе тогда все рассказать. Намекнуть хотя бы. Цитату, что ли, ту же повторить про игру?.. И сказал бы, если бы Наталья не вылезла. Она как почувствовала что-то, кинулась нас в стороны растаскивать!

Да, действительно, был этот его странный взгляд и перекатывающиеся на щеках желваки. Мне еще тогда показалось, что он хочет мне что-то сообщить!

Однако теперь это уже не меняло дела. Хотел предупредить - но не предупредил!

«Почти» не считается. Я не хотела его видеть, я просто мечтала остаться одна и вдоволь, в этом самом одиночестве нареваться. А заплакать было от чего: от стыда, от обиды, от унижения - от всего сразу!

Видимо, взгляд мой сказал красноречивее всяких слов. Леха оставил в покое мои плечи, сделал шаг в сторону и угрюмо поинтересовался:

- А делать-то что теперь собираешься?

- Вешаться! - пообещала я уверенно. - Чего я в последнее время не видела? Только повешенных, наверное. Утопленники были, казненные посредством отрубания голов были, зарезанные были...

- И есть, - довольно мрачно подхватил мой спутник, но тут же, неожиданно повеселев, добавил:

- Вот влип Олег Иванович, да? - Видимо, новый поворот в разговоре показался ему перспективным. Ну как же: унижить Бородина и гуманистически намекнуть, что не одна я оказалась в дураках. - Кто-то здорово ему подсиропил. Знал бы он, что придется за кем-то трупы убирать, десять раз бы подумал, прежде чем всю эту игру затевать!

Я промолчала и ускорила шаг. До метро оставалось совсем немного, потом до «Кузьминок» каких-то три-четыре станции. В душе моей теплилась надежда, что в Люберцы Леха все-таки не потащится.

На него, к моему великому ужасу, напало красноречие.

- Нет, влип совершенно конкретно! И ментам, которые вас на дороге караулили, он Бирюкова показал еще живого: дескать, вот, завтра в «трупном» виде поедет. И кольцо точно такое в морг передали, чтобы на бомжовскую руку надеть... В общем, кранты! Нет, его ребята, конечно, уберут так, что следов не останется. И телеграмму отправят, как будто режиссер уже слинял, а потом заочно попросил его с работы уволить. Но все равно... Знаешь, получается, будто Бирюков за тебя отомстил, с него все началось, на нем все и закончилось...

- Вот только не надо символов и параллелей! - страстно взмолилась я, наметив впереди магазин женского белья и уповая на то, что Леха туда зайти постесняется. - Я устала от заумных загадок и просто хочу спать!

- А мороженое хочешь?

Вопрос, честно говоря, поставил меня в тупик. И даже не сам вопрос, а вся глубина его чистосердечной, искренней наглости!.

- Ты что, издеваешься?

- Нет. - Леха мотнул круглой головой. - Просто киоск вон по правой стороне, ну я и подумал: вдруг будешь мороженое?

Он, наверное, мог бы стать мне неплохим товарищем, если бы не участвовал во всей этой гнусной воспитательной операции. Впрочем, какое я имела право называть идею Бородина гнусной? Она, конечно, была ничуть не лучше «карательных акций» из моего репертуара, но и не подлее. От сознания собственной порочности и низости мне стало совсем плохо. А когда я задумалась о том, что представляют собой эти качества в сочетании с патологической тупостью, и вовсе захотелось исполнить свое обещание и повеситься!

- Значит, отменяется мороженое, - констатировал за меня Леха и, развивая гастрономическую тему, продолжил:

- Представляю, как Бирюков выглядел, если говорят, что он там уже дня три пролежал! Как только соседи запах не учуяли? Вот ведь не повезло мужику. Сейчас концов, конечно, уже не найдешь...

- Ну почему же? Если ваш глубокоуважаемый Олег Иванович такой умный? Да еще и ребятки столь резвые в его распоряжении? Пусть проявит ум и сообразительность, которые у меня так катастрофически отсутствуют! Проанализирует, отгадает, где и на что ему намекал убийца...

- Без толку, по-моему. Из наших, получается, вы его с Наташкой последние видели, когда в ванной укладывали...

- Я - не из ваших!

- Ладно, пусть не из наших... Больше никто с ним не созванивался и не встречался. Единственный шанс, наверное, найти того человека, который салфеткой этой кровь ему остановить пытался. Он, ясно дело, в штаны со страху наложил и удрал, когда понял, что Бирюков все равно помрет, но ведь...

- Да что «но ведь»! - Я остановилась перед самой дверью магазина и гневно сдула с носа упавшую прядь. - Все своего Бородина цитируешь? Нашел тоже мозговой центр нации! Надо же, вывод он сделал, что первую помощь оказывали! И вы все, как попугаи, заповторяли! А в голову вам такой простой вариант не приходил, что Вадим Петрович умер не сразу и мог сам подойти к шкафу, выдвинуть ящик с этими чертовыми салфетками и попытаться остановить кровь? Никак не возможно такое предположить, да?

Я ощутила себя если и не победителем, то по крайней мере диверсантом, учинившим под занавес гнусную и обидную выходку. Леха же неожиданно смутился и даже погрустнел.

- Жень, - проговорил он, когда в голове моей уже звучал торжественный туш, - наверное, это все-таки будет не правильно... Бородин ведь сказал, что лежал Вадим Петрович возле музыкального центра. Логичнее было бы при твоём раскладе, если бы он упал прямо возле шкафа или по пути к телефону или дивану. Чего ему возле центра делать-то?

«Музычку похоронную слушать!» - ехидно проверещал мой внутренний голос.

Леха же иронию, как способ общения со мной, отринул давно и решительно и теперь пытался подобрать мягкие и утешительные слова:

- Нет, на самом деле, я тоже сначала, как и ты, подумал, а потом проанализировал... Да и Бородин наверняка не сам догадался. Это ребята его из службы охраны пробежались там, все проверили и ему уже готовую версию доложили...

- Перестань меня утешать! - истерично взвизгнула я. - Что ты со мной разговариваешь, как доктор с психом? Да, я в очередной раз выставила себя идиоткой! И не надо делать вид, будто ты так не считаешь... Только, если хочешь знать, женщине вовсе не обязательно быть Шерлоком Холмсом!

Не придумав никакой более удачной фразы для того, чтобы поставить точку в нашем разговоре, я поспешно нырнула в магазин. Феминистки всех стран и народов просто убили бы меня за подобное высказывание. Это надо же: «Женщине не обязательно быть Шерлоком Холмсом!» Просто огромная и красочная подпись под врачебным заключением об олигофрении и тупоумии: «С диагнозом ознакомлен, полностью соглашаюсь, покорно свешиваю лапки! Пациент».

Впрочем, на секунду от горестных размышлений меня отвлекло великолепие бюстгалтеров, раскинувшихся на черном бархате витрины. Комбинашки висели чуть левее. Трусики занимали весь центральный стенд.

- Что вас интересует? - с милой улыбкой спросила продавщица. И тут в магазин ввалился Леха.

«Ни стыда, ни совести!» - мысленно констатировала я.

- Ты что думала, тут от меня спрячешься? - как бы отвечая на мои мысли, угрюмо поинтересовался он. - По-твоему, я лифчиков ни разу в жизни не видел?

- Хотите сделать подарок? - Продавщица стремительно переключилась на «кавалера», как на потенциального носителя кошелька.

Я только вздохнула. Почему-то уже второй человек за день принимал нас за мило переругивающуюся парочку. Но если все влюбленные выглядят так отвратительно, то, может, ну ее - эту любовь?

- Комбидрессы, комбинации, гарнитуры... - щебетала меж тем продавщица. - Шелк, хлопок, батист...

Леха краснел и смущался. Не от обилия дамского белья, конечно, - оттого, что не хотел выглядеть жмотом и не знал, как выкрутиться из этой ситуации. В конце концов додумался и с видимым облегчением, немедленно отразившемся на лице, перевел стрелку на меня:

- Если дама что-нибудь выберет... Жень, хочешь лифчик?

«Остричь пытается, гад! Или хамить! Не такой уж ондохлый барашек, каким прикидывается!» С каким бы мстительным удовольствием я сейчас захотела гарнитурчик долларов этак за триста! Но, к сожалению, горечь и досада всецело властвовали в моей душе, не оставляя места для мелкой мести.

- Нет уж, спасибо! Лучше мороженое.

С тем мы и покинули магазин, провожаемые взглядом слегка огорченной, но вовсе не удивленной продавщицы.

Леха, вдохновленный моими словами, тут же слетал за мороженым, сунул мне в руки эскимо, а сам прислонился к фонарному столбу, рискуя испачкать пальто, выглядевшее для середины осени очень чистым. Глаза у него были все еще настороженные, но губы уже собирались расплыться в довольной улыбке.

- Не сердись уже, да? Я правда извиняюсь, очень прошу меня простить и вообще...

- И вообще что?

- И вообще, в одном Бородин прав: у тебя просто с самого начала не было шансов. Дело не в том, умная ты или глупая, тут он, конечно, загнул. Просто сейчас надо постараться забыть обо всем этом, как о дурном сне.

- Опять умная или глупая?! Как вы меня все заколебали! - Я, в последнюю секунду уже задумавшаяся над тем, чтобы развернуть фольгу, с яростью метнула ни в чем не повинное эскимо в урну. - Это что - продолжение спектакля? Теперь будете культивировать во мне комплекс неполноценности? Не получится, господа хорошие! Я с вами вдоволь наигралась, и не пошли бы вы все вон?

- Ну вот, опять двадцать пять! - опечалился Леха и рванул вперед, пытаясь ухватить меня за рукав и приостановить наметившееся стремительное движение в сторону метро. - Я просто уже боюсь рот раскрывать. Что ни скажу - все не то! Ты пойми: не хочу я тебя обидеть! И никогда не хотел. Ну, что мне сделать, чтобы ты поверила?

- Ключ от квартиры Вадима Петровича достать! - лягнула я ни с того ни с сего. - Бородинские орлы там наверняка все позапирали. А я хочу сама посмотреть и во всем разобраться. Вот найду, кто Бирюкова зарезал, и пусть тогда ваш Бородин заткнется на всю оставшуюся жизнь!

Сказала и вдруг представила, как бы это на самом деле было хорошо!

Прихожу я в квартиру Вадима Петровича, устраиваю там маленький изящный обыск и натыкаюсь не на те улики, которые мне усердно подсовывают ради хохмы, а на самые что ни на есть настоящие! С пронизательностью Шерлока Холмса и светским спокойствием мисс Марпл абсолютно верно истолковываю значение какого-нибудь воскового пятна на ковре или переставленных статуэток на полочке. Вычисляю убийцу и сдаю его милиции. А потом как бы невзначай захожу в офис к дражайшему Олегу Ивановичу и замечаю: «Убийца сидит в тюрьме. Вы могли бы так не стараться, замечая чужие следы. Лучше бы поменьше увлекались вашей интеллектуальной вендеттой, а побольше шевелили мозгами. Игра есть игра, у нее свои правила. И победитель в игре вовсе не всегда победитель в жизни». Да-а!

Наверное, было бы эффектно. Примерно с тем же сладким томлением в груди, еще в бытность мою новосибирской актрисой, я представляла себя на церемонии вручения «Чайки» или «Хрустальной Турандот». Жаль, что, как правило, осуществляются только незначительные и отнюдь не самые яркие мечты...

- А если ключ достану, помиримся? - прервал мои грезы более склонный к прикладному мышлению Леха.

- Да помиримся, помиримся, - устало вздохнула я. - Можешь считать, что уже помирились. Только не надо провожать меня домой! Мне очень плохо, на душе ужасно гадко. Ты - хороший парень и во все это влез, не подумав. Но мне надо успокоиться, чтобы начать относиться к тебе адекватно.

Он кивнул, как-то горестно и обиженно покосился на урну, в которой золотилась фольга от мороженого, и отступил, давая мне дорогу. В то, что уже в метро мне не придется ни с кем беседовать, верилось слабо.

- Пока! - против воли сорвалось с моих губ едва ли не с сочувствием. - Пока... И тоже не думай, что я - такая уж стерва.

- Я и не думаю, - печально, но уверенно ответил Леха. На том мы и расстались. Я, надвинув капюшон на самые глаза, поспешила к метро. Он остался подпирает фонарный столб и тосковать о мороженом, которое, не доставив никому радости, бесславно погибло в урне...

Дома я первым делом в голос заревела - в транспорте делать это было как-то неловко. Сняла кофту и в лихорадочном темпе навела порядок на кухне (надо же было так забаррикадироваться?! Змея! . Змея!.. Тьфу!). С отвращением выудила «пискульку» из вентиляции и села плакать уже в комфортных условиях.

В то, что этот кошмар закончился, до сих пор не верилось. Неужели в любую секунду я могу сесть в самолет, улететь в Новосибирск и меня больше никто и никогда не станет пугать отрубленными руками и кровавыми тапочками? Похоже, так оно и есть. Дома будет хорошо! Там театр, друзья. Ленка Журавлева, в отличие от Каюмовой, не способная на гнусности. Там Пашков...

Через несколько секунд я с удивлением осознала одну вещь: мысль о Пашкове не сопровождалась привычным уже щемящим, болезненным, но все же немного приятным

чувством. Только глухое раздражение - и все! Еще немного посидев на полу возле стены, я встала, прошла в комнату, выудила из книжки фотографию моего ненаглядного все в тех же стильных очках с грустной и умной полуулыбкой на устах. И тут же, к моему искреннему ужасу, глухое раздражение сменилось раздражением более чем явным! Мне вдруг захотелось изорвать снимок в клочки, поджечь на блюдечке и спустить в унитаз. Не больше и не меньше!

И из-за этого человека я чувствую себя виноватой! Плохо о нем подумала, ну надо же! Да в моих кошмарных фантазиях, в образе маньяка-убийцы, он, по крайней мере, являлся за мной в Москву, потрясенный моей изменой, измученный моим отсутствием! А в реальной жизни ему, похоже, было абсолютно начхать на то, где я и что со мной. Ну, уехала - и уехала! Жива - не жива, здорова - не здорова? Плевать! Он летал в Москву великое множество раз, он знал, как трудно здесь устроиться. В конце концов, он знал, что я тоскую без него!.. Из-за него и только из-за него я вошла во всю эту историю, а он не только не приехал меня спасти. Он не приехал вообще!

Уронив голову на руки, я заплакала горько и безутешно. Но почему-то от этих слез становилось легче, как будто они смывали с моих легких толстую, грубую коросту, мешавшую нормально дышать...

А в девять утра меня разбудил звонок в дверь. Вообще-то я намеревалась проспать часов до одиннадцати, поэтому открывать пошла не только со смутной тревогой, но и с недовольством. Кто это мог быть? Не очередной ли призрак, символизирующий продолжение игры? Пожалуй, это было бы уже не просто безвкусно, а глупо. Скорее всего, какой-нибудь бодрый коммивояжер: «Добрый день, сегодня фирма «АВС» проводит презентацию своей продукции...» Однако это оказался не призрак и не коммивояжер, а Леха.

- Привет, - сказал он, правым плечом протискиваясь на территорию моей квартиры, а левой ногой все еще стоя в коридоре. - Ну что, поехали?

- Ты откуда мой адрес узнал? - изумилась я, отказываясь верить собственным глазам. - Каюмова, зараза, сказала, да?

- Н-ну... В общем, да. Так мы едем или ты уже передумала?

В памяти моей мгновенно всплыли все события вчерашнего дня и, конечно же, финал нашего с Лехой разговора. Ключи от квартиры Бирюкова. Мое яростное «А вот сама все узнаю и вам всем нос утру!». Бородинское, мягко говоря, недоброжелательное: «Не дай Бог кому-нибудь из вас хоть вслух, хоть про себя вспомнить об этой истории». Н-да... К чему ляпнула? И ведь не скажешь теперь, что пьяная была, - вроде в здравом уме и твердой памяти!

- Проходи, - кивнула я обреченно, так и не придумав, что бы такое соврать. - Ты ключи нашел, что ли?

- Более или менее! - радостно сообщил он, вваливаясь в прихожую.

Пока Леха снимал пальто и расшнуровывал ботинки, я сходил в комнату за расческой и кое-как привела в порядок свои взлохмаченные, торчащие во все стороны волосы. У меня, конечно, и в мыслях не было красоваться перед незванным гостем, но воспитание требовало хотя бы выглядеть прилично. «Эх, вот если бы это пришел Пашков! - ностальгически промелькнуло в голове и тут же в другом, «злом», полушарии моего мозга возникло продолжение: - Следовало бы немедленно спустить его с лестницы!» В принципе «злая» половина моих мозгов была права: драгоценный Сереженька, сначала вдоволь накобелявшийся в Москве, а потом бросивший меня здесь на произвол судьбы, заслуживал того, чтобы перед его носом смачно хлопнули дверью. Но, если быть объективной, ничуть не меньше этого заслуживал Леха. Почему-то судьба имела дурную привычку посылать мне мужчин сомнительных нравственных достоинств.

Когда я вышла из комнаты в на все пуговицы застегнутом халате, с волосами, забранными в пресный ученический хвост, мой гость уже вовсю хозяйничал на кухне. Нарезанный ломтями белый батон лежал на тарелке, в которой обычно размораживается мясо, стаканы то ли походному, то ли по-тюремному были до половины наполнены сухой гранулированной заваркой. А Леха, сопя от усердия, пытался соскрести варенье со стенок баночки, которую я уже два раза ополаскивала для морса. Заметив мое присутствие, он оставил банку в покое и светски поинтересовался:

- Завтракать будешь?

Видимо, вариант отказа не исключался, и в этом случае Леха собирался в одиночестве сожрать мой батон, не дожидаясь, пока чайку предложит хозяйка.

- Буду! - из чувства противоречия сказала я, хотя есть совсем не хотела.

Гость повел себя с достоинством: если и огорчился, то совсем незаметно, кипяток налил в оба стакана и даже выудил откуда-то из-под джемпера шоколадку.

- Вот, умственную активность повышает!

- Издеваешься, да? - В голосе моем прорезались вчерашние истерические нотки.

- Да нет. Просто раз мы с тобой собрались на такое ответственное дело...

Вот уже и «мы с тобой»! Насколько я помнила, вчера об этом разговора не было. Я и одна-то никуда всерьез не собиралась, а уж тем более с Лехой. Нет, было бы, конечно, здорово вычислить убийцу и утереть Бородину нос, но... И Леха, к сожалению, не производит впечатления суперинтеллектуала со склонностью к дедуктивному мышлению, а обо мне уж и говорить нечего: о том, к чему приводят мои попытки мыслить логически, долго и с удовольствием вещал вчера Олег Иванович Бородин.

Выловив из чашки с десятка распрямившихся чайных листиков и с отвращением размазав их по краю тарелки, я сухо заметила:

- Ни на какое дело лично я не иду. А вчера все это говорила только для того, чтобы ты отстал...

- Да? - Он улыбнулся так радостно, что сразу стало ясно - не поверил.

- Да! И нечего тут ухмыляться... Я так от всего этого устала - словами не передать! На Бородина и на то, что он там себе думает, мне откровенно начхать, а Бирюков - не сват, не брат и не кум, чтобы как-то особенно горевать из-за его смерти и лезть в очередную историю. Так что спасибо за ключи; можешь вернуть их туда, где взял, с моим низким поклоном. Допивай свой чай, и давай прощаемся окончательно.

Договорила и ощутила что-то вроде легкой досады: не по поводу, конечно, окончательного прощания с Лехой - нет! Просто в очередной раз с горечью осознала, как бесславно закончился мой так лихо начинавшийся бизнес.

Напуганная, жалкая, осмеянная, выставленная круглой душой, бегу из Москвы, как фашист из-под Сталинграда. Мне дается последний шанс, но я добровольно и обеими руками от него отказываюсь, чтобы не опозориться уж совсем по полной программе.

А могущественный и мнящий себя не просто новым русским, а новым русским интеллектуалом Бородин только усмехается жестко и холодно: глупая «шлюшка» получила то, чего заслуживала, и пусть теперь катится ко всем чертям!

Леха, наверное, прочитал мои мысли, потому что чай отхлебнул с явным удовольствием и действовать начал по методу змея-искусителя. Не думаю, что его волновало восстановление моего душевного равновесия - скорее то, что чай в чашке вот-вот закончится и прощаться придется, не доев халявный батон.

- Жень, а может, все-таки съездим на Устиньевскую, а? Ты сама подумай: никто об этом не узнает, ничего опасного в этом нет. Походим - посмотрим, вдруг и, правда, что-нибудь интересное найдем?

- Нет, - повторила я уже без прежней уверенности.

- А не найдем - так и ладно! В конце концов, уехать ты всегда успеешь. Можно в квартиру и не заходить, просто пробежаться по соседям и поспрашивать, кто что видел.

- Во-первых, ребята Бородина там наверняка уже и без нас пробежались, а во-вторых, мне перед соседями лишний раз светиться тоже ни к чему. Не забывай, что они могли не только убийцу видеть, но и то, как мы с Наташкой «труп» грузили.

- О! Совсем другое дело! - гнусно обрадовался Леха. - Когда начинаются «во-первых» и «во-вторых», это мне уже нравится. Ладно, отвечаю! Во-первых, не суди об умственных способностях бородинских орлов по тому, что рассказывала о них Ольга: все это говорилось исключительно для нагнетания жути, а так бандюки и бандюки - ничего особенного! Во-вторых, даже если тебя кто и узнает - ты ничем не рискуешь: трупа-то нет, значит, и убийства нет. Не знаю, как насчет думать, но кровяницу убирать эти товарищи умеют... Ну и в-третьих, ты же актриса: шапку там какую-нибудь надень, балахон...

При упоминании «шапки» и «балахона» сердце мое тоскливо сжалось.

Вспомнился грим «а-ля мастер РЭУ» и последующее позорное перемещение из мужского туалета в отделение милиции. Немного притупившаяся обида вспыхнула с новой силой и красными пятнами проступила на щеках. Леха же невозмутимо ухватил последний кусок батона с тарелки:

- Так что, едем?

- Едем, - согласилась я. - Только это еще не значит, что мы и дальше будем с тобой общаться... Просто посмотрим - и все!

Примерно через час мы вышли из дому. Я была в своем светлом пальто и маленькой коричневой шляпке, с волосами, заботливо подкрученными плойкой, и даже «в макияже»! За последние пару недель слово «косметика» почти исчезло из моего лексикона, и теперь я снова с приятным томлением ощущала, что значит выглядеть если и не на все сто, то хотя бы на девяносто восемь. Леха шел чуть позади и болтал без умолку обо всякой ерунде: о каких-то ночных клубах, о том, что Люберцы якобы собираются присоединять к Москве, и о том, что в одном из здешних озер выловили ручного крокодила. Слава Богу, сегодня его треп не сопровождался гайморитным подхрюкиванием, поэтому почти не раздражал. Я же думала о своем. Неплохо бы найти в квартире покойного Вадима Петровича улику, указывающую на убийцу. Мне страшно не нравилось чувствовать себя идиоткой, но кто-то явно выпутался из скверной истории за мой счет! Ведь весь этот спектакль был организован, с целью унижить и макнуть лицом в грязь меня, а кто-то хитрый и жестокий воспользовался случаем, убил Бирюкова и ушел абсолютно безнаказанным, возможно даже не ведая о том, что труп убрали, и не осознавая до конца, как же ему повезло!

И еще этот человек... Тот, кто пытался оказать Вадиму Петровичу первую помощь. Как получилось, что он пришел практически следом за убийцей? Появись он много позже, и спасать уже просто было бы некого: ножевые ранения в область печени - не шутка. Попробовал остановить кровь, понял, что поздно, испугался... С этим более или менее ясно. Но вот это странное пересечение во времени убийцы и незнакомца!.. Возможно, Бирюков договорился со своим приятелем о встрече заранее, а убийца каким-то образом об этом узнал и... Случайность или попытка подставить другого человека? Это очень напоминало первый акт пьесы, разыгранной в назидание мне, и выглядело довольно логично. Действительно, в разгар устроенного Бородиным спектакля Вадим Петрович вряд ли стал бы открывать дверь кому попало, ибо за ней вполне могла оказаться я. Вот была бы картина маслом: «труп» стоит на пороге, вежливо улыбается и предлагает выпить чайку. Значит, сейчас важнее всего вычислить незнакомца и хотя бы примерно очертить круг их общих с Бирюковым друзей и врагов...

- Чего такая серьезная? - бесцеремонно прервал цепь моих рассуждений Леха. - А-а! Знаю! Наверное, уже прикидываешь, как лучше расставить убийце ловушку?

Я не удостоила его ответом. И вопрос был глупый, и в очередной раз попадать впросак не хотелось...

Примерно в половине двенадцатого мы подошли к дому Вадима Петровича.

Погода выдалась на удивление хорошая, на площадке резвилось великое множество детей под бдительным присмотром мам. Впрочем, сегодня я не собиралась ни от кого прятаться в надежде, что мой новый имидж не вызовет никаких, даже самых отдаленных ассоциаций с той воровато озирающейся девицей в фиолетовой куртке и узких черных джинсах. Мой спутник тоже выглядел достаточно прилично, во всяком случае, издалека. Мы наверняка производили впечатление весьма респектабельной молодой пары.

Сюрпризы начались уже в подъезде, когда Леха, невинно хлопая глазами, попросил «прикрыть» его «на случай чего».

- На случай чего? - не поняла я. - И в каком смысле «прикрыть»? Прицельным огнем по квартирам соседей, что ли?

- Да нет. - Он потупился и взглянул на меня исподлобья. - Просто, если придется слишком долго с замком возиться и меня кто-нибудь засечет, скажи, что я свой, слесарь из РЭУ. Тебе же не привыкать мастером притворяться?

«Мастера из РЭУ» я намеренно пропустила мимо ушей, а вот по поводу замка подозрительно осведомилась: .

- А чего бы ради с ним долго возиться? Он же открывается элементарно за две секунды!

- Это ключом за две секунды, а подручными инструментами...

- Чего-чего?! - Крайняя степень изумления заставила меня судорожно схватиться за перила, чтобы не упасть. - Какими еще «подручными инструментами»? Ты же сказал, что ключи нашел?

- Я сказал «более или менее»... В том смысле, что это - не совсем ключи, но дверь ими открыть можно. - С этими словами Леха вытащил из кармана связку каких-то тускло поблескивающих палочек с закорючками на концах. - Да ты не волнуйся, все нормально!

Я не волновалась, а пыталась стойко перенести известие о том, что судьба послала мне в напарники квартирного взломщика с дипломом об актерском образовании. Вообще относительно меня рок постоянно оказывался не просто злым, а суперзлым. Сначала Пашков с «авантюрно-мошенническими» мозгами, теперь вот Леха с банальными отмычками в кармане вполне приличного драпового пальто.

Налицо, как говорится, не только система, но и моя очевидная деградация...

Впрочем, для философских размышлений о прискорбной судьбе вполне можно было выбрать другое время и место. Поэтому я только вздохнула и обреченно проговорила:

- Жди пока на площадке внизу. Я пошла стучаться в дверь с самым большим и подозрительным глазком...

Дверь с самым большим глазком открыла молодая женщина вида чрезвычайно перепуганного и заполошного. Халатик на ее груди намокал от прибывающего молока, где-то в комнате жалобно мяукал младенец. На мои предельно кратко и четко сформулированные вопросы, она отвечала растерянно:

- А?.. Что?.. Какой Вадим Петрович?

Когда же я спросила, часто ли в шестьдесят седьмую квартиру заходят посторонние, и она, прежде чем ответить, украдкой глянула на номер своей двери, мне стало абсолютно ясно, что ловить тут нечего.

В шестьдесят восьмой никого не оказалось дома.

Зато в шестьдесят шестой дверь открыла милая толстенькая старушка в вязаной кофте и домашних тапочках. Еще прежде, чем оценить всю степень опасности, я успела ляпнуть традиционное:

- Здравствуйте, я из бухгалтерии РЭУ, - и только потом осеклась.

Старушка выглядела просто очаровательно. Ее прямые седенькие волосы были собраны на затылке в аккуратный «кукиш», розовое лицо с носиком-картошкой и круглыми старческими щечками излучало радушие и доброту. В руках она держала вязанье - то ли носок, то ли рукавичку - и беспрестанно шевелила блестящими спицами. Просто не бабушка - а ожившая иллюстрация к какой-нибудь «Репке» или «Курочке Рябе»! Однако опыт показывал, что именно такие чудо-бабушки чаще всего бывают зловередными, как старина Мюллер из «Семнадцати мгновений весны», и ошибок точно так же не прощают.

- Я из бухгалтерии РЭУ, - слабым голосом повторила я, лихорадочно соображая, как буду выкручиваться, если меня расконтрят. Однако бабушка для начала проявила миролюбие: не стала требовать ни паспорт, ни удостоверение, а только радостно закивала:

- Проходите, проходите!

Прихожая изрядно напоминала павильон для съемок фильма о народно-декоративном творчестве: какие-то плетеные коврики, кашпо из лозы, расписные досочки на стенах. На спинке старенького кресла, стоящего рядом с телефоном, был накинута гигантский розовый палантин, связанный крючком.

- Меня зовут Елизавета Павловна, - представилась старушка. - А вас?

- Вологодина Алена Ивановна - предусмотрительно и почти автоматически соврала я. - У меня к вам, Елизавета Павловна, один вопрос. Дело в том, что от вашего соседа из шестьдесят седьмой квартиры давным-давно не поступает проплата за жилплощадь. На телефонные звонки он не отвечает, дома его застать невозможно. Не подскажите: может, он куда уехал? Давно вы его в последний раз видели?

Старушка наморщила круглый розовый лобик и, закатав под потолок светлые глазки:

- Давно?.. Да нет, пожалуй, недавно! Недели две назад или чуть меньше?.. А что, много он задолжал?

- Достаточно. Но дело даже не в этом...

- А вы знаете, - Елизавета Павловна заговорщически сощурилась, отложила вязанье и неожиданно звонко щелкнула себя по горлу, - с этим делом-то ведь у него проблемы... Может, горячка белая началась, и он просто забыл, что за квартиру платить надо?

- Вот как?.. Неприятно, конечно... А вы не знаете, заходил к нему кто-нибудь в последнее время? Ну, скажем, кто-то долго стучался, а Вадим Петрович не открывал? Или наоборот - сразу открыл и снова в квартире спрятался?

- Даже не подскажу. - Бабушка снова взялась за вязанье и, высунув от усердия язык, подцепила тугую петлю. - Лично я никого не видела. Есть, конечно, женщины, которые целыми днями просиживают возле дверных глазков, но я не из таких...

Последнюю фразу она произнесла как-то слишком спокойно и даже ехидно.

Похоже, Елизавета Павловна все-таки была Мюллером и, возможно, даже понимала, что ни из какого я не из РЭУ.

Однако это уже ничего не меняло. Вежливо распровавшись с хозяйкой и чуть не запутавшись в дурацком лоскутном коврикe у порога, я вышла на лестничную клетку и, соблюдая конспирацию, засемила вниз по ступенькам. Хотя бабуся и уверяла, будто глазком практически не пользуется, как-то слабо верилось, что она сейчас не прильнула к двери и не отслеживает тщательно и пристрастно мой маршрут.

Единственным радостным моментом за все утро оказалось лишь то, что «взломщик» Леха уже справился с замком. На площадке его, к счастью, не было, и мне не пришлось фальшиво удивляться, якобы узрев знакомого слесаря, явившегося чинить трубы, а заодно и вскрывать замки. Для верности я постояла на первом этаже минут пять или шесть и только потом поднялась обратно. Дверь в квартиру Бирюкова открылась от легкого нажатия ладони. Открылась бесшумно и как-то зловеще. На минуту мне стало жутко. Вдруг явственно представился труп, лежавший здесь еще вчера. Заскорузлая от крови рубаха, тяжелый, сладковатый запах, тянущийся над полом, распахнутые мертвые глаза. И еще эта салфетка. Окровавленная, скомканная салфетка возле страшной раны...

Однако панически-упадническое настроение мгновенно разрушил деловой Леха, зарисовавшийся в прихожей уже через секунду после того, как я переступила порог квартиры.

- Заходи! - запросто пригласил он, как будто находился у себя дома. - Я тут в комнате в компьютере копаюсь.

- Ну и как? Накопал что-нибудь?

- Полезного - ничего, а интересное вроде есть. Хочешь посмотреть?

Я кивнула и вслед за ним прошла в комнату, отделенную от коридора двустворчатыми сосновыми дверьми. Именно здесь прожил свои последние мгновения Вадим Петрович Бирюков - возможно, талантливый, но не состоявшийся режиссер и не особенно счастливый в личной жизни человек. Музыкальный центр с двумя новенькими колонками стоял у самого окна, плюшевый диван - у противоположной стены, компьютер - в углу, рядом с тумбой для видеокассет.

Естественно, не было и намека на то, что вчера здесь лежало мертвое тело. Чистейший ковер с пушистым, нежным ворсом, журнальный столик с небрежно, но не лихорадочно набросанными газетами. Ни пятен крови, ни неприятного запаха!

Как будто поработала целая бригада победителей конкурса «Лучший по профессии» среди горничных.

- Вот, смотри! - Леха плюхнулся на вертящийся стул и пробежался пальцами по клавишам. На экран монитора выползли строки, набранные крупным, жирным шрифтом. - Вадим Петрович основательно к нашей, то есть... ну, в общем, к этой операции готовился!

Я, прищурившись, оперлась локтями о спинку стула и внимательно всмотрелась в текст. Щека моя при этом нечаянно коснулась мочки Лехино уша.

Он замер, как кот, которому чешут загривок. Пришлось отстраниться и разглядывать строчки уже издали.

«Ты, жалкий, суетливый шут, прощай! - высвечивалось на экране. - Но важнее: «Ну что же, Гамлет, где Полоний? За ужином»... - и дальше ремаркой синего цвета: «На похоронах... Ха-ха-ха!»

Похоже, Вадим Петрович мрачно иронизировал сам над собой и над тем, как будет расценено его «исчезновение» в театре.

Снова правки синим курсивом. Несколько цитат «под вопросом». В том числе про «блаженного духа или окаянного демона», про актеров - «столичных трагиков» и многозначительное шекспировско-пастернаковское: «Таким образом, моя догадка предупредит вашу болтливость...»

- Видишь, ты была права, когда лезла в разные переводы и погрязала в текстах! - Леха довольно потер ладонью кончик носа. - Бирюков представлял себе этот спектакль более тщательно срежиссированным и более изящным. Бородин, он кто такой? У него же вся месть - в туалет запереть и милицию вызвать! Один бы он в жизни до такого не додумался. Так что можешь вообще забыть обо всем, что он тебе наговорил. Ты бы и разобралась, и догадалась - просто времени не хватило!

Интенсивная психотерапия, призванная убедить меня в том, что я все-таки не окончательный дебил, похоже, продолжалась.

- А я и не думал даже, что Бирюков так тщательно над этим работал. Вообще, он не очень серьезным мужиком казался... «Трупом» - то хоть был убедительным?

- Перестань, - попросила я, покосившись на участок ковра рядом с музыкальным центром, щедро залитый сейчас не кровью, а солнечными лучами. - Перестань, не надо...

Вообще, в свете последних событий усиленная работа Вадима Петровича над текстом «Гамлета» представлялась чем-то мистическим и странно пророческим.

Особенно это: «На похоронах... Ха-ха-ха!» и жутковатый вопрос: «Где Полоний?»

Леха мое настроение уловил мгновенно, кивнул с энтузиазмом и пообещал:

- Ладно, больше не буду!

- Еще что-нибудь интересное в компьютере есть? - уже почти спокойно спросила я, подходя к мебельной стенке и выдвигая один из ящиков.

- Да нет... В папке «rabota». только наш «Гамлет», в «arhiv» - еще три пьесы Москвина. Наверное, ставить собирался... В папке «роес» - стихи - откровенно дерьмовенькие. В «slov» - всякая «солянка сборная»: текст выступления какого-то, еще стихи, наброски пьесы, целая пьеса, судя по дате, две недели назад законченная... В общем, я бы не сказал, что он активно пользовался компьютером. Даже «игрушки» и те стоят стандартные, да и дискет что-то не видно.

- Но есть еще в чем полазить?

- Есть... - Он не очень уверенно, но все же кивнул. - «Slov» я не до конца просмотрел. Может, там что-нибудь занятненькое обнаружится... Хотя, честно говоря, Жень, мне слабо верится, что перед смертью он любезно занес в какой-нибудь файл фамилию, имя и отчество убийцы...

- Не остри! - угрюмо попросила я и приступила к обследованию ящика.

В ближайшие же десять минут мне пришлось с грустью убедиться в том, что если записную книжку со специально выделенными адресами и телефонами тебе не подсовывают нарочно, то найти ее чрезвычайно трудно. Попадалось что угодно: какие-то старые рецепты и скомканные носовые платки, сломанные зажигалки и аудиокассеты. Зловещая пачка бумажных салфеток лежала с самого края. Но вид теперь она имела самый что ни на есть обыкновенный. Еще в двух ящиках обнаружили старые грамоты и дипломы, холостяцкий набор ниток-иголок и нераспакованный блок «Кэмела». Джинсы, рубашки и джемперы - в отделении для одежды.

Семейство пиджаков было представлено единственным темно-серым уродцем.

Похоже, Вадим Петрович не питал болезненного пристрастия к классическому мужскому костюму. Дохлой змейкой на дне шифоньера свернулся синий шарф.

Преодолевая неловкость, я осмотрела карманы, но ничего существенного не обнаружила. Не порадовала ничем интересным и книжная полка. Зато на антресолях, под серой норковой ушанкой обнаружился довольно увесистый фотоальбом.

Леха приветствовал мою перспективную находку торжествующим «Вау!», я же смахнула с обложки едва заметный налет пыли и опустила вместе с трофеем на ковер.

Чего здесь только не было: и совсем старые, детские фотографии с корявыми подписями «2 года 5 месяцев», «3 года 2 месяца», «5 лет, день рождения», и школьные нечеткие снимки с деревьями, сливающимися на заднем плане в сплошную, пронизанную солнцем дымку. И

фотографии студенческих лет, и очаровательные женские портретики с милыми, скромными и, наоборот, призывными улыбками на накрашенных устах...

Наконец галерея побед Вадима Петровича закончилась, уступив место фотографиям с какого-то спектакля, за ними последовали снимки с великолепного банкета: Бирюков во главе стола, щедро улыбаясь, провозглашает тост, Бирюков по-гусарски пьет из округлой, сверкающей стопки. Снова спектакль - похоже, «Чайка». Вручение какой-то грамоты. А вот на следующем листе фотографий не было. Точнее, место для них имелось - стандартная картонная страница с удобными уголками, причем один из уголков надорван, а под другим даже застрял обрывок снимка. Дальше снова фотографии, а здесь - пустота!

И очень похоже было на то, что карточки вытаскивали второпях, лихорадочно.

Я постучала ногой по ножке Лехиного стула и молча протянула альбом. Он только тихо присвистнул и подцепил надорванный уголок пальцами.

- Думаешь, тот, кто убил Бирюкова, ликвидировал напоминание о себе?

- Может быть... Или на этих снимках было что-то такое...

На сердце стало тревожно и нехорошо. Снимки... Фотографии... Что-то такое, на что я не обратила внимания. Эти постановочные фотографии в Ольгином альбоме... Бирюков в вестибюле кафе на фоне мозаичного панно... Бирюков в полосатой тенниске на базе отдыха... Бирюков, вольготно раскинувшийся на лавочке в вечернем парке... Что же меня тогда так встревожило? Что или, может быть, кто?

Нет, теперь уже не вспомнить! Тем более, что лиц, фоном промелькнувших на тех фотографиях, было достаточно много: какие-то улыбающиеся мужчины, женщины в легких платьях, юнцы в затемненных очках...

- А что, если тот, кто выдрал отсюда карточки, не хотел, чтобы всплыл сам факт их с Вадимом Петровичем знакомства?

Леха наклонился вперед и подпер рукой подбородок.

- Это все, конечно, очень странно, но пока ничего нам не дает...

И в этот момент в дверь постучали. Сначала тихо и едва слышно. Потом настойчивее и под конец, когда Леха уже выглянул из комнаты в коридор, так, будто в квартире находился глухой, реагирующий исключительно на сотрясение мебели.

- Леша, кто это? - трусливо прошептала я. - Что нам теперь делать? Прятаться?

- Н-ну... - раздумчиво протянул он. - Я думаю, нужно сначала посмотреть в глазок, а потом уже действовать по обстоятельствам. Как индеец, красться умеешь?

Я не умела, о чем и оповестила энергичным мотанием головы. Леха вздохнул, видимо сетуя на мою бесполезность, и на цыпочках, прижимаясь к стене, медленно пошел к двери. И тут через замочную скважину в гулкое пространство коридора вполз громкий змеиный шепот:

- Алена Ивановна, это я! Откройте, пожалуйста! Я же знаю, что вы здесь!

Голос, вне всякого сомнения, принадлежал милой бабушке Елизавете Павловне.

«Проклятый Мюллер!» - подумала я, обгоняя Леху и прикикая к дверному глазку. И чуть не рухнула в обморок. На лестничной площадке рядом с мерзкой старушенцией стояли еще две бабуси, такие же приторно положительные и наверняка столь же злобные! Одна из них выглядела скорее такой пожилой дамой: светлая помада на губах, подведенные брови, редкие пряди покрашены в русый цвет и заботливо уложены. Вторая, с пластмассовой гребенкой в седых волосах и во фланелевом халате в крупный горох, почему-то наводила на мысли о Каюмовой на пенсии.

- Алена Ивановна! - снова зашипела Мюллерйха, прикикнув к двери. - Откройте! Я знаю, кто вы. Мы пришли, чтобы вам помочь!

Леха недоуменно повел светлыми, кустистыми бровями. Я в ответ только пожала плечами. Настойчивые бабуси, похоже, не собирались уходить.

- Может, откроем? - одними губами произнес он. - В принципе мы ничего не теряем. В крайнем случае, больше никогда здесь не появимся.

Возразить я просто не успела. Видимо, Леха придерживался принципа, что согласия женщины нужно спрашивать из чистой формальности. В замке повернулся ключ, щелкнул шпингалет. И все три бабушки немой кошмаром возникли на пороге.

Впрочем, Елизавета Павловна тут же нарушила наметившуюся паузу, доверительно сообщив:

- Алена Ивановна, не бойтесь! Мы никому ничего не скажем... Взрослые ведь люди - понимаем!

- Да, Алена Ивановна, - оптимистично подхватил мой напарник-взломщик, - не бойтесь. Они взрослые люди, и все понимают. Сейчас вот только объяснят, что именно.

Впятером мы прошли в комнату, бабушки чинно, как курицы на насест, усьелись на диван, и Елизавета Павловна продолжила начатую речь:

- Алена Ивановна, я не какая-нибудь Дунька с Коптевского рынка и сразу поняла, что вы - оттуда! - При этом она многозначительно закатила глаза под потолок, так что спектр толкований слова «оттуда» расширился от Лубянки до небесной канцелярии. - И я не удивлена, что там... - снова взгляд на люстру, - заинтересовались нашим соседом. Ничего объяснять не надо, мы все понимаем: интересы безопасности, тайна следствия...

Леха, стоящий у окна со скрещенными на груди руками, выразительно оттопырил нижнюю губу и пару раз моргнул веселыми круглыми глазками.

- Сама я не могла сообщить вам ничего полезного. Но потом, после вашего ухода, подумала, позвонила приятельницам и вот...

При словах «и вот» приятельницы синхронно кивнули, видимо выражая полную готовность помочь следствию.

- Анна Львовна, - еще один кивок дамы в помаде и искусственных кудрях, - и Татьяна Дмитриевна, - доброжелательная улыбка той, что во фланелевом халате, - кое-что вспомнили!

На этом «увертюра» закончилась. Пора было как-то реагировать. Я попыталась изобразить мужественного и проницательного «слугу закона». На помощь снова пришел Леха:

- Большое спасибо!

Он отлепился от подоконника, поправил штору и прошелся туда-сюда перед старушками, как бы о чем-то напряженно размышляя.

- Но вы, надеюсь, отдаете себе отчет в том, насколько это секретная и не подлежащая разглашению акция?

У меня в голове завертелось, что разглашению не подлежат обычно все же сведения, но, естественно, вслух я ничего не сказала.

- Ситуация с Вадимом Петровичем Бирюковым очень сложная. Любая информация сейчас может оказаться важной и полезной. Но больше всего нас интересует, приходил ли кто-нибудь в шестьдесят седьмую квартиру в последние дни, и если приходил - то кто и когда?

Татьяна Дмитриевна нервно заерзала на диванчике - видимо, ей было что сказать. Мюллериха, выполняющая функции координатора, прикрыла глаза, давая добро.

- Да, приходил! - Голос у Татьяны Дмитриевны оказался на редкость писклявым и противным. - Точно приходил! Я еще сразу подумала, что дело нечисто... Ну, нормальный человек с такими якшаться не станет! Бывает, конечно, горе: вот у одной моей знакомой сына недавно на семь лет посадили, но вообще-то...

- Стоп-стоп-стоп! - Я наконец тоже включилась в разговор и поднялась с компьютерного стула, расправив полы пальто. - Оставим пока сыновей знакомых. Кто приходил? Что за человек? Почему нормальные люди не стали бы с ним якшаться?

- Так бандит же! Пальто длинное, черное, шарф белый и телефон... как его?.. сотовый. В общем, натуральный бандит!

Что и говорить, логика была железная. Я покосилась на Лехино пальто, висящее на подлокотнике дивана, ехидно улыбнулась своему напарнику одними уголками губ и продолжила «опрос свидетелей»:

- Он входил в квартиру или уже выходил?

- А вот насчет квартиры не знаю! - Татьяна Дмитриевна решительно помотала головой. - Я со своего пятого этажа спускалась и его догнала где-то на втором. Он ведь не торопился, важно так шел, по своему телефону разговаривал!

- Но с чего тогда вы взяли, что он был именно у Вадима Петровича?

- А к кому еще. здесь он мог приходить? К Селивановым? Или к Кропоткиным? Или вот к Анне Львовне, например?

Не будучи знакомой ни с Селивановыми, ни с Кропоткиными, я не могла прочувствовать всю абсурдность своего предположения. Оставалось только поверить на слово бабушке с гребенкой.

- А когда это было, точно можете сказать?

- Могу. - Она важно кивнула. - Вчера и было. Вчера ближе к обеду!

Леха скривил рот, отчего, естественно, не сделался красивее, и издал неопределенный звук - то ли фыркание, то ли хрюканье, то ли пыхтение. В переводе это наверняка означало: «Информация абсолютно бесполезная. Это мог быть бородинский Макс или кто-нибудь еще из его орлов, а то и вовсе совершенно посторонний дядя с сотовым телефоном. В любом случае к этому времени Вадим Петрович был уже давно и прочно мертв».

Однако бабушек следовало поощрить.

- Большое спасибо! Нам очень пригодится то, что вы сообщили, - проговорила я с чувством и, уже обращаясь к Анне Львовне, добавила:

- Ну а вы что видели или слышали?

- А я? - Она, казалось, ужасно смутилась. - В принципе, наверное, ничего особенно важного. Просто три дня назад я поднималась к Татьяне Дмитриевне за корицей и видела мужчину, который как раз звонил в шестьдесят седьмую квартиру.

Вот это уже было интересно!

- Три дня назад? Вы уверены?

- Да, уверена. Я как раз ждала в гости дочку с зятем, пироги поставила, а потом вспомнила, что корицы для посыпки у меня нет.

- И в котором часу это было?

- Часа в три, пожалуй... Или нет! Ближе к четырем. Тесто уже подходило, я телевизор краем глаза смотрела и начинку готовила и вот вспомнила.

Мы с Лехой переглянулись. В принципе это вполне мог быть как убийца, так и незнакомец, пытавшийся спасти раненого Бирюкова. Сейчас очень важно было ничего не упустить.

- Анна Львовна, - Леха сел перед старушкой на корточки и сцепил пальцы в замок, - а вы долго у Татьяны Дмитриевны гостили?

- Да нет. Минут пять - десять. - Она застенчиво заулыбалась. - Только попросила корицы в кулечек отсыпать, парой фраз перемолвилась и домой пошла.

- А когда вы спускались, этого мужчину уже, конечно, не видели?

- Конечно не видела.

- И шагов на лестнице тоже не слышали? Анна Львовна по-птичьи помотала головой, поправила кончиками пальцев волосы, и до меня донесся свежий запах мягкого лимонного крема.

- А как он выглядел, описать сможете?

- Вообще-то да... Лет, наверное, пятьдесят пять, может, чуть меньше. Седые волосы, хорошее пальто. А лицо такое... Как бы это сказать?.. Незапоминающееся! Таких тысячи и тысячи, на улице ни за что внимания не обратишь.

- Ну, может быть, родинка? Или шрам? Или глаза какие-нибудь особенные? Хоть цвет-то глаз вы запомнили?

- Нет, извините! - Анна Львовна сделалась совсем виноватой и несчастной.

Леха с шумом выпустил изо рта воздух:

- А пальто какое? Черное? Серое? Коричневое? Кожаное? Драповое?

- Погоди минутку! - Видя, что сейчас бедная бабуся окончательно стушется, я потрепала своего ретивого напарника по плечу, хотя с гораздо большим удовольствием съездила бы ему по уху. - Анна Львовна, вы успокойтесь, пожалуйста... Успокойтесь, и все само собой вспомнится... Вы о чем-нибудь подумали, когда его увидели? О чем-нибудь вспомнили?

- Да-да! - тут же подбодрила Мюллериха. - Вот я, например, когда сегодня Алену Ивановну увидела, сразу подумала, что она вовсе не из РЭУ...

- Очко не в твою пользу! - как бы мимоходом, но с пакостной улыбочкой заметил Леха.

Анна Львовна между тем, изнемогая под тяжестью возложенной на нее ответственности, мученически наморщила лоб, отчего ее подкрашенные тонкие бровки сошлись домиком.

- О чем я подумала? О чем же я подумала?.. Да! Вы, наверное, будете смеяться, но я подумала о том, что надо позвонить в поликлинику и попросить участковую докторшу выписать рецепты на следующий месяц... Мы еще потом с Татьяной Дмитриевной об этом поговорили!

Смеяться я, само собой, не стала, хотя в памяти немедленно всплыл бородатый анекдот про мужика, у которого спрашивали, о чем он думает, глядя на кирпич. «О бабах! - отвечал мужик и, видя изумленные лица, пояснял: - Я всегда о них думаю!»

Милой ухоженной старушке Анне Львовне в ее весьма преклонном возрасте как раз и полагалось думать о пирогах, дочках, зятях и рецептах на следующий месяц. Но нам от этого легче не становилось. Возможно, очень возможно, что мужчина, три дня назад стучавшийся в дверь Бирюкова, имел отношение к убийству.

Однако найти его по таким, мягко говоря, расплывчатым приметам не представлялось возможным.

Оставалось только сказать бабушкам спасибо и со всеми возможными почестями проводить их до двери. На прощанье Елизавета Павловна, она же Мюллериха, строго посмотрела мне в глаза и наказала:

- Алена Ивановна, боритесь, боритесь с преступностью! Мы всегда рады вам помочь в меру наших скромных сил. Только вы не отступайте, пожалуйста!

Леха пожал ей руку, заверил, что мы ни под каким предлогом не отступим, а когда закрыл за старушками дверь, философски констатировал:

- Лучше бы в кино сходили или в кафешку какую-нибудь. Времени много угрохали, а толку - ноль! В результате у нас имеется альбом с выдранными фотографиями и сообщение государственной важности о том, что некая Анна Львовна подумала о врачихе из местной поликлиники, когда увидела мужика на лестничной площадке. Как ты думаешь, Жень, может, у него фонендоскоп из кармана свешивался или шапочка на голове была белая с кра-асненьким таким крестиком? Или из спины шприцы торчали? А что? Бабушки, они ведь люди забывчивые! С их ассоциативным рядом без пол-литра не разберешься!

- Очень смешно! - мрачно отозвалась я, застегивая пальто. - Это ведь ты подбил меня на эту авантюру. Я никуда уже идти не собиралась...

- Ну не собиралась и не собиралась! Чего ты потеряла-то?

- Время! Время потеряла... Сейчас бы уже вернулась из касс «Аэрофлота» с билетом и счастливой мыслью; о том, что завтра меня здесь не будет. Ладно, отсюда поеду. Как раз там скоро перерыв заканчивается.

- А поесть?! - взревел Леха обиженным медведем. - Ты что, меня кормить не собираешься?

- Нечем, - сухо заметила я. - Мой батон, рассчитанный на два дня, ты смолотил за утро.

- Так купим еды какой-нибудь... Я так понял, из тебя хозяйка хреновая, а заготовительница - и того хуже. Зайдем в магазин, я куплю продуктов...

- Ага! Пельменей, майонеза...

- Почему пельменей, майонеза? - не понял он.

- Потому! Ты прямо как Каюмова! Она тоже ко мне в гости со своим продовольственным запасом приезжала...

- Я - не Каюмова, а нечто совсем другое, - глубокомысленно заметил Леха.

И я не поняла, следует ли мне обрадоваться или же огорчиться?

Вот что-что, а поесть Леха явно был не дурак. Правда, к чести его, надо заметить, что и готовил он самостоятельно. Пока я собирала оставшиеся вещи с полочек шифоньера, мой гость слепил десяток котлет устрашающих размеров, начистил картошки и даже начал сооружать все в той же тарелке для размораживания мяса странного вида салат под мирным названием «Мимоза». От обычной «Мимозы», приготавливаемой из рыбных консервов, яиц, риса, лука и масла, этот салат отличался присутствием крабовых палочек и выложенной сверху корейской морковки для остроты. Я есть его ни в коем случае не собиралась, так как уважительно относилась к своему бедному больному желудку, но запретить травиться Лехе, естественно, не могла.

Когда кулинар позвал меня за стол, почти все вещи были уже сложены.

Оставалось только сделать в квартире генеральную уборку и взять билет на любой вид транспорта до Новосибирска.

- Уезжаешь! - проявляя чудеса проницательности, догадался Леха, разливая в бокалы темно-красное «Каберне». - Уезжаешь, и, между прочим, очень глупо делаешь!

- Интересно, почему это? - Я с великой осторожностью положила на свою тарелку немного картофельного пюре и ломтик ржаного хлеба.

- Потому что раз ты удрала из своего Новосибирска, значит, тебе там было плохо. А зачем снова возвращаться туда, где уже было плохо?

- Ну, допустим, хуже, чем в вашей Москве, мне еще нигде не было.

- Но это же все из-за Бородина! Из-за какого-то одного маньяка сбегать из столицы? Да ты знаешь, сколько народу здесь пытается зацепиться?! Со всей страны, между прочим, ломаются!

- Диагноз - московское зазнайство? - светски осведомилась я, решив-таки рискнуть жизнью и отломить половину котлеты.

Леха немедленно насупился:

- При чем тут «зазнайство»? Просто здесь возможностей устроиться больше. Ты же актриса, в конце концов! Неужели таких простых вещей не понимаешь?

- Простые вещи понимаю. Вот только не понимаю, тебе-то какая разница?

Если честно, я, конечно, кривила душой. В общем-то к двадцати восьми годам можно было научиться отличать мужчину заинтересованного от мужчины равнодушного. И сейчас мне просто нравилось наблюдать за тем, как краснеют, словно молодые помидоры на грядке, смешные Лехины уши.

Он немного поерзал на табурете, сосредоточенно сопя и делая вид, что страшно увлечен салатом. Потом поднял голову. Солнце светило Лехе в затылок, и вокруг его головы с коротко подстриженными волосами розовел закатный нимб.

- Есть, значит, разница, - проговорил он после некоторой паузы. - Допустим, ты мне нравишься. Сложно такое вообразить?

- Сложно, - уверенно отозвалась я, движимая мелким и злорадным чувством мести. - Если бы я тебе нравилась, ты бы в самом начале послал Бородина куда подальше и по-рыцарски избавил меня от всего этого кошмара.

- Ну-у опять! Заладила одно и то же... Я же тебе уже тысячу раз все объяснял! Миллион раз объяснять надо?

- И ты хочешь, чтобы я с тобой, таким нервным, вступила в какие-то отношения?!

Краска с Лехиных ушей равномерно разлилась по лицу. Только самый кончик носа почему-то остался белым. Глаза почти обиженно округлились. Я же от души расхохоталась, придерживая волосы, падающие на лицо.

- Что-то ты развеселилась? - угрюмо заметил он.

- А почему не повеселиться? Гонял меня, мучил, а теперь вот сидишь и котлетками кормишь. Хороший ты, Алеха, парень. Не вру - хороший! Но дело все в том, что у меня в последнее время идиосинкразия от мужчин - представителей творческих профессий. Мечта моей жизни - газосварщик, на худой конец какой-нибудь инженер.

- «В последнее время»? - Хмурый Леха уже немного очухался после столкновения с моей убийственной прямолинейностью, поэтому смог вычленить самое главное. - Я так понимаю, сейчас следует ожидать исповеди о трагической любви с каким-нибудь актером-режиссером-поэтом-композитором?

- С журналистом, - уточнила я, с аппетитом откусывая очень даже неплохую котлетку. - Помнишь, Бородин говорил про некоего Пашкова? Вот это он и есть. А исповеди не будет. Обойдешься!

Мой гость, впрочем, не особенно этим огорчился. Сгреб к себе в тарелку примерно половину салата и принялся наматывать на вилку оранжевые ленточки корейской морковки. Вино тем временем грелось в бокалах, и давно уже было пора сказать тост. Что Леха в конце концов и сделал, перехватив мой взгляд и с пафосом провозгласив:

- Так выпьем же за то, чтобы ты, Евгения, - женщина глупая, стала своевременно женщиной умной и сумела не упустить свое счастье!

Что конкретно подразумевалось под «счастьем» - перспектива остаться в Москве или что-либо иное, - он не расшифровал. Да, в общем, это было и не важно. Я не собиралась пить за

себя, глупую, и даже планировала разразиться потоком ругательств в адрес человека, испортившего дурацкой морковью салат, а своим бескостным языком - тост.

Однако Леха не позволил мне вставить и слова, забубнив дальше:

- Это же Москва! Москва!.. Просто ты сидела в своих Люберцах и ничего, кроме «Почты-Сберкасы-Магазина», не видела. Здесь же столько театров, столько работы... Не устроишься сразу в нормальную труппу, на телевидении с полгодика покантуешься. У меня двое друзей хороших в одной телекомпании детскими передачами занимаются. Да, вообще... - Он схватил с подоконника областную бесплатную газетку «Тема» с программой и развернул на середине. - Берем любой телеканал и читаем... Гм... Это не то... Это тоже не то...

- Что, не жаждут видеть в «Останкино» безработных провинциальных актрис? - усмехнулась я, все-таки отхлебывая вино из своего бокала.

- Да подожди ты! - Он сосредоточенно насупил брови и вдруг снова удивленно распахнул глаза, как кукла, которую поставили в вертикальное положение. - А хочешь, Жень, я тебе объясню, почему Анна Львовна про участковую врачиху вспомнила, когда на мужика этого посмотрела?

- Естественно, хочу!

- Нет, скажи сначала, сколько времени тесто для пирогов делается?

- Ну, часа два с половиной или три! А в чем дело-то? - Я перегнулась через стол и цапнула газету, от которой все никак не мог оторваться Леха.

Впрочем, он отдал ее без сопротивления и, прямо-таки сияя самодовольством, подвел итог:

- Тогда все правильно и все получается!

- Что получается-то?

- В программу загляни! Во сколько, она сказала, пошла на пятый этаж? В три или в половине четвертого! Значит, тесто поставила в двенадцать или в половине первого. А все это время готовила начинку и краем глаза смотрела телевизор. Понимаешь, о чем я говорю? Нет?

Я помотала головой, не желая вслух признаваться в собственной несообразительности или ненаблюдательности.

В двенадцать двадцать по НТВ начался «Старый телевизор», повтор от какого-то там июля. И вспоминали в тот день в «Телевизоре» старое доброе кино «Тропинка в осеннем лесу»... В чем там суть, надеюсь, помнишь?

В чем там суть, я помнила. Кино было не таким уж старым, но действительно неплохим. Захолустная больница, небольшой коллектив врачей и медсестер терапевтического отделения и вариации на вечные темы любви, предательства и милосердия...

- Народу там в эпизодах много мелькает, - продолжал праздно разглагольствовать Леха, раскручивая двумя пальцами вилку, словно пропеллер, - в том числе и с такими лицами, которых тысячи, но которые не запоминаются...

Наверное, этот мужик был чем-то похож на одного из актеров, вот у бабушки в голове и заклинило!..

И снова странное чувство неясной тревоги заставило меня зябко поежиться.

Мне опять показалось, будто я не замечаю, упускаю что-то очень важное. Опять не могу связать в единое целое два конца разорванной нити. Актеры? Нет, не то...

Эпизоды? Нет, не то... Больница? Также не то... Кино? Игра? Моя ставшая маниакальной в последнее время боязнь игры?

Боязнь театра?

Театр. Компьютер. При чем здесь компьютер? Компьютер в квартире Бирюкова. Пьеса! Ну конечно же пьеса!

- Лешенька! - завопила я так громко и так неожиданно, что мой напарник чуть не свалился с табуретки. - Лешенька, только не говори сразу, что я идиотка. «Тропинка в осеннем лесу» - это ведь изначально пьеса?

- Ну да, пьеса, - согласился он, потирая ушибленный о холодильник затылок. - Только зачем же так орать?

- А чья пьеса?

- Москвина, по-моему...

- Не по-твоему, а именно Москвина. Теперь, пожалуйста, постарайся вспомнить: не показалось ли тебе что-то странным, когда ты лазил в компьютере у Вадима Петровича?

- Я тебе уже говорил, что показалось: компьютером он не особенно активно пользовался... Но ты, я так понимаю, к Москвину клонишь?

- Да, Леша! Да! - От волнения мои ладони вспотели, а коленки начали мелко и дробно постукивать одна о другую.

- Ну и что Москвин? Три его пьесы у Вадима Петровича в папке «arhiv» были... «Провинциалка», «Последнее лето» и еще что-то...

- Ну!..

Леха облокотился обеими руками о стол и с искренним недоумением уставился на мое разгоряченное, едва не подергивающееся в нервном тике лицо. По всему было видно, что он пока ничего не понял.

- Ага! - торжествующе завопила я, вскочив и уперев руки в бока. - Я, значит, идиотка? Я, значит, ничего не соображаю и не замечаю, а все остальные вокруг, просто сдохнуть, какие умные и наблюдательные!.. А тебе, Лешенька, не показалось странным, что человек хранит в памяти собственного компьютера три чужие пьесы? Три! А не одну, которую, в принципе возможно, собирается ставить!

Причем все три уже совершенно официально изданные. По крайней мере, в «Современной драматургии»! Учти еще, что, судя по другой папке или файлу... не знаю, как правильно называется, человек этот сам пишет пьесы!

Леха снова начал потихоньку менять естественную окраску на густо-розовую. Вилка в последний раз крутанулась между его пальцами и с глухим стуком упала на пол. Я же продолжала бесноваться:

- И еще подумай о том, что такое передача «Старый телевизор». О том, что там не только крутят кино, но и приглашают в студию актеров, режиссеров, чуть ли не звукооператоров!

- Так ты хочешь сказать?..

- Да, я хочу сказать именно это: если бы компьютер до сих пор не изобрели, мы бы нашли у Бирюкова рукописи! Ты понимаешь? Рукописи! Рукописи тех самых пьес, которые идут по всей стране под фамилией Москвина! Вадим Петрович писал эти пьесы, а потом или продавал, или отдавал...

- А «Старый телевизор»... - Леха озадаченно шмыгнул носом. - Туда, в честь показа «Тропинки в осеннем лесу», вполне могли пригласить драматурга? И это был повтор, значит, не прямой эфир, да?

- Да! - Я в изнеможении опустилась на табуретку и в порыве чувств даже проглотила столовую ложку ужасного салата. - Насколько мне помнится, физиономия у Москвина действительно ничем не примечательная. И ладно бы он еще был знаменитым артистом: каким-нибудь там Вячеславом Тихоновым или Бондарчуком. А то сидит тихий, незаметный мужичок, отвечает на вопросы. Анна Львовна капустку с луком перемешивает, изредка в телевизор косится, а что за дяденьку показывают, и не понимает толком. Зато потом начинают крутить кино про врачей, и дальше, как ты говоришь, ассоциативный ряд совершенно понятен. Спустя два часа бабушка выходит на лестничную клетку, просекает знакомое лицо, но, естественно, не может вспомнить, где его видела, а в подсознании «включается» логическая цепочка: больница, врачи, участковая, рецепты...

Под окном, прошелестев шинами, проехал автомобиль. Наверху соседская девочка уселась за фортепиано. Услышав пронзительные и жалобные, как предсмертные вопли кролика, звуки «Вальса-фантазии», Леха страдальчески сморщился.

- Вообще, с пьесами очень странно... - проговорил он, шевеля пальцем в ухе так, будто туда попала вода. - Как же я сам-то не обратил внимания?

- Ну! - Я развела руками, словно само собой разумелось, что гость мой - умственно неполноценный.

- И «Провинциалка» ведь была в режиме авторской правки. Ну, с синим курсивом... Как бы два варианта текста получалось! Я еще подумал: «Творец»! «Демиург»! Самому что-нибудь путное написать слабо, так давай современную «классику» править!»

- Леш, а вот та, две недели назад законченная пьеса, которая в другом файле хранилась? Она как, ничего была?

- Я читал, что ли? - Он почти возмущенно фыркнул. - Много у меня там времени было. Может, ничего, может, дерьмо полное... Ты в том смысле спрашиваешь: стал бы он ее или нет Москвину предлагать?

- Да... Хотя нет... - Я закинула ногу на ногу и задумчиво посмотрела сквозь красный кристалл вина, заключенный в полусферу бокала, на лампу в старом плафоне. - Я вот о чем думаю... Будь это действительно Москвин, кое-что не складывается. Все-таки он - имя, фигура! А кто такой Вадим Петрович Бирюков?

Его и не знал-то никто. При нормальных отношениях «покупатель-продавец» Бирюков должен был записываться к Москвину на прием, а уж никак не наоборот. Почему же пришел он? Что случилось?

- А если предположить, что они были друзьями? Старыми, добрыми приятелями, например? Разве у великих нет друзей и одноклассников? Тогда, кстати, вполне возможно, что это с Москвиным фотографии прежде были на той странице в альбоме...

- Фотографии фотографиями, но деловые отношения такого рода, как правило, дружбе не способствуют.

Леха еще немного поспел, залпом допил вино и снова наполнил наши бокалы, почти не глядя, но точно, как заправский пьяница. Я отломил еще один кусочек котлеты и отправила его в рот.

- Вот если что-то в системе «покупатель-продавец» вдруг разладилось... - Челюсти мои двигались медленно, как у засыпающего суслика. - Если разладилось... Тогда все это выглядит очень логично. Москвин пришел прояснить отношения, расставить точки над «и». Бирюкову могло показаться, что ему мало платят. Или, наоборот, он мог напиться и впасть в депрессию по поводу своей загубленной творческой судьбы, в смысле: ну их на фиг эти деньги, пусть зато все узнают, какой гигант драматургии Вадим Петрович Бирюков!

- То есть ты думаешь, что он хотел разорвать с Москвиным отношения или даже пытался его шантажировать?

- А почему нет?

- Потому... - Леха нравоучительно, но как-то не очень уверенно потряс указательным пальцем, - что все это запросто может оказаться нашими с тобой домыслами. Москвин действительно имя и фигура, а мы вот так легко и непринужденно бросаемся достаточно серьезными, но бездоказательными обвинениями... А что, если бабушка в тот день смотрела не НТВ, а ОРТ? И все! Все рассыпается, как карточный домик!

- Но пьесы-то в файле «arhiv» остаются!

- А может, Бирюков - маньяк? Может, у него приколы такие - чужие пьесы в «Word» переписывать? Мы, между прочим, там и Шекспира нашли в режиме «показывать исправления на экране». Так что же, «Гамлета» тоже Вадим Петрович написал?

Я резко встала, взяла свою тарелку и чуть ли не швырнула ее в раковину.

Скептицизм и обидное здравомыслие Митрошкина раздражали несказанно.

- Ну, значит, и давай так сидеть! - Голос мой задрожал и сорвался. - Давай сидеть и закрывать глаза на то, что у Москвина мог быть мотив для убийства Бирюкова! В конце концов, он вполне мог оказаться тем человеком, который пытался оказать Вадиму Петровичу первую помощь и почти наверняка что-то видел или слышал! Давай, давай сидеть и трескать салат, за рецепт которого цезарь Борджа вместе с Екатериной Медичи по полцарства бы отвалили!

- А ты что так кипятишься? - глумливо заметил Леха, невинно хлопая глазами. - Ты, как я понял, вообще уезжаешь? Вон и чемоданчики уже собрала! Я-то еще могу здесь в Москве посидеть и мозгами пораскинуть. У меня время есть. Да и знакомый, кстати, один, которого можно о господине Москвине порасспрашивать...

- Знакомый? Что за знакомый?

- Да тебе-то какая разница?.. Ты давай упаковывай чашки, ложки, тарелки... Что там еще не сложила?

- Леша, - я вернулась за стол и с детсадовской покорностью сложила руки на коленях, - Леша, я остаюсь, если ты обещаешь познакомить меня с этим своим знакомым. Насчет него ты ведь не врешь, надеюсь?

- Я когда-нибудь тебе врал? - начал было он с просто-таки пузырящимся на губах благородным возмущением и осекся, опустив глаза в пол.

На следующий день в десять утра мы встретились на «Таганской». Когда я приехала, Леха уже слонялся возле лотка с газетами и сосредоточенно курил, выпуская в морозный воздух струйки светлого сигаретного дыма. Нравоучения читать он начал еще до того, как я успела открыть рот и сказать: «Привет!»

- В общем, так! Дедушка он очень хороший и добрый! Обижать его мне не вздумай. О Москвине, конечно, спрашивай, но и его пьесами, хотя бы из чувства такта, повосхищайся... «Узелок на память» знаешь? А «Часовщика»?

Пришлось сознаться в собственном невежестве.

- Дремучая! - угрюмо констатировал Леха. - А я вот как раз в его «Часовщике» играл. В первой постановке. Тогда Владимир Макарович и сказал, что я - лучший актер из всех, кого он мог представить в этой роли.

Я конечно же не упустила возможности уесть своего напарника и елеиным голосом заметила:

- А вот это твоё заявление про «лучшего актера» имеет непосредственное отношение к нашему визиту? Я бы, наверное, просто погибла без этой информации, да?

- Нет! Не погибла бы... Не погибаешь же ты без элементарных знаний и навыков, которыми должен обладать хомо сапиенс. Кстати, образ я для тебя подобрал соответствующий твоему умственному потенциалу!

Леха, как я погляжу, наглез не по дням, а по часам! Теперь он уже не боялся меня обидеть или расстроить и даже всячески муссировал тему моей природной глупости: чувствовал, гад, что я никуда не уеду, пока есть шанс разобраться в этой истории и утереть господину Бородину нос! Однако ролью, которую мне предстояло исполнить сегодня, все же следовало поинтересоваться.

- Ну. И то же это за образ?

- Образ провинциальной дамочки, которая учится на заочном в Литинституте и пытается писать проникнутые тонким психологизмом пьесы.

- Глупой как пробка? Я правильно понимаю?

- Да, но достаточно воспитанной для того, чтобы о Москвине Антоне Антоновиче спрашивать вскользь, а все больше щебетать о красотах Москвы и о своей признательности Владимиру Макаровичу за то, что он согласился с ней встретиться. Самодеятельности никакой! Ты поняла меня, Женька?

- Нет, не поняла. - Я аккуратно перешагнула через смятый макдоналдсовский стаканчик, валяющийся посреди тротуара. - Умственный потенциал не позволяет! Приду к твоему Владимиру Макаровичу, выпью суп через край тарелки, а потом ткну старичка локтем в бок и сообщу: «А Москвин-то ваш пьески ворует! У меня и доказательства есть!»

- Евгения! - Леха сурово помотал головой. - Не дай Бог тебе выкинуть какой-нибудь номер! Удушю собственными руками!

На том и порешили...

Владимир Макарович Пеев, автор трех идущих в российских театрах пьес, милейший человек и божий одуванчик, жил в сталинском доме с огромными комнатами и высоченными лепными потолками. Лет ему было, наверное, под восемьдесят, но держался он на удивление бодро. Да и супругу свою гонял так, будто та еще не утратила способности носиться с лихим молодым задором: «Марина, принеси то... Марина, принеси это!»

Я, сидя перед столом, накрытым к чаю, чувствовала себя ужасно неловко и все время порывалась встать и помочь. Но Марина Юрьевна, статная, благородно и красиво поседевшая, одетая в длинную юбку и розовую блузку с вязаным жилетом, останавливала меня ласковым похлопыванием по плечу: «Сидите, девочка, сидите! Во-первых, и толку от вас будет немного - вы же на кухне у меня ничего не знаете. А во-вторых, гиподинамия - вещь в нашем возрасте чрезвычайно опасная».

Оставалось только покорно кивать и заранее исходить слюной, глядя на воздушные булочки с малиновым и земляничным вареньем. Пахли они умопомрачительно, а змейский Леха еще и неустанно нашептывал мне на ухо:

- Вот, Женя, это называется - булочки! Примерно такими мучными изделиями собственного производства хозяйки должны потчевать гостей, а не черствыми батонами, из-за которых они к тому же готовы удавиться.

Закончив телефонный разговор, Владимир Макарович вернулся к столу, супруга его разлила по чашкам чай, и мы приступили к чаепитию и беседе. Сначала говорил Леха, представляя меня в качестве своей дальней провинциальной родственницы, за меня рассказывал, как манили наивную сибирскую девочку красоты столицы и как мечтала она, то есть я, приобщиться к театральному миру Москвы.

- Не-ет! В актрисы она никогда не рвалась! - уверенно заявлял он, махнув на меня рукой, как на предмет неодушевленный. - А вот писать класса с пятого пробовала... Да, Жень?

- Да, - глубокомысленно подтверждала я, исправно играя роль слабо говорящей истуканши.

Владимир Макарович доброжелательно щурился, но, похоже, начинал понемногу терзаться вопросом, как же такая молчаливая леди умудрилась связать за всю свою жизнь хоть пару слов.

- Рассказы ее на городских конкурсах побеждали. И на областных! - продолжал соловьем разливаться Леха. - Но ее больше влекла драматургия. Женя у нас еще в восьмом классе написала для школьного театра две пьесы, которые шли потом по всему городу. Да, Жень?

- Да, - снова вякала я, не уставая изумляться своей потрясающей творческой биографии.

Мой же, с позволения сказать, напарничек для пущей убедительности придумывал все новые и новые факты, и оставалось только с содроганием ждать, когда же он сообщит, что роман, написанный мной на первом курсе, получил Букеровскую премию, а пьесу, сотворенную за три дня и три ночи, поставили сразу в БДТ и во МХАТе.

Впрочем, Владимир Макарович, похоже, относился ко всему этому с достаточным юмором, Лехины дифирамбы толковал как проявление родственной солидарности, розеточки наши заботливо наполнял вареньем и следил за тем, чтобы мы не скромничали и ели булочки.

Когда вступительная, «безопасная» часть была закончена, Леха смущенно откашлялся, для профилактики наступил на мою ногу под столом и проговорил:

- Во-от... И значит, у Женьки нашей с детства был кумир - Антон Антонович Москвин... Она, правда, тогда была необразованная, кроме Шекспира и Москвина, никого и не знала, потому что стащила в библиотеке только один журнал «Театр», где была статья о «Ромео и Джульетте» и какая-то пьеса Антона Антоновича...

- Зря вы, Алеша, так легкомысленно к Москвину относитесь, - вступился за товарища по цеху божий одуванчик. - Он очень хороший драматург! Очень! И, как вы знаете, мой добрый знакомый... Ничего плохого по поводу его творчества сказать не могу. У всех, конечно, есть и более удачные произведения, и менее... Но то, что Женечка выбрала Антона Антоновича своим кумиром, совсем не удивительно.

- Скажите, пожалуйста, а «Провинциалка» вам нравится? - Я решила, что уже достаточно намолчалась, и поэтому встряла в разговор.

- «Провинциалка»? - Он на секунду задумался. - Это, по-моему, пьеса трехлетней давности? Да, неплохо, очень неплохо! Немного, правда, не в его стиле...

- То есть вы хотите сказать, что она отличается от всех остальных его произведений? И от «Последнего лета»?

- Нет. «Последнее лето» - тоже что-то в этом духе. Был тогда у Антона Антоновича такой своеобразный период... А вы, как я понимаю, достаточно серьезно интересуетесь его творчеством?

Леха под столом пихнул меня ногой и жизнерадостно сообщил:

- Интересуется, конечно, но как и многим другим... А вот из того, что она видела в прошлом году, ей больше всего понравился ваш «Часовщик». Она просто сказать стесняется... Правда, Женя?

- Правда, - кротко согласилась я, снова перевоплощаясь в гипсового истукана.

Выпили еще по чашке чаю, поговорили о тенденциях современного театра и о «Часовщике» Владимира Макаровича. Леха не без удовольствия, слегка краснея и опуская круглые очи долу, выслушал серию комплиментов в свой адрес.

- Он - хороший актер! Очень хороший! - с таким же пафосом, с каким недавно говорил о Москвине, восклицал божий одуванчик дедушка Пеев.

А я думала: «Да уж знаю, какой он актер! Можете не объяснять!»

На самом деле общение со стареньким драматургом и с его улыбочиво-спокойной супругой было на удивление приятным. Мне нравилось слушать о фронтовом друге, который стал прообразом Часовщика, о том, как Марина Юрьевна после премьеры еще два часа плакала от волнения, даже о том, как дурацкий Митрошкин кричал, будто у него ничего не получится и едва ли не собирался отказываться от роли. Время текло славно и неспешно. И я почти усилием воли заставила себя снова перевести разговор в нужное русло:

- Скажите, пожалуйста, Владимир Макарович, а Москвин - он много пишет? Я как-то пыталась подсчитать, и у меня получилось, что в год у него вышло чуть ли не восемь пьес? Это правда?

Дедушка неопределенно пожал плечами и, скрестив руки на груди, откинулся на спинку дивана:

- Не знаю, я никогда не подсчитывал... Но, вообще, он плодовитый драматург, особенно в последнее время. Удивительно плодовитый!

В принципе мы пришли сюда, чтобы задать два вопроса. Первый: «Отличаются ли по стилю пьесы, найденные в архиве у Бирюкова, от всего остального, что сотворил Москвин?» Ну и второй; «Не слишком ли много для одного человека он пишет?» Мы должны были задать эти вопросы, и мы их задали. Но Леха почему-то все равно обозлился, снова покраснел и извинился, сказав, что ему надо выйти покурить. По пути, естественно, не упустил возможности в воспитательных целях пихнуть меня коленкой.

«Ну и дурак! - подумала я. - А Владимир Макарович умный, он не обижается... Подумаешь, поинтересовалась лишний раз тетя из Сибири столичной знаменитостью! Между прочим, цель визита была заранее оговорена!»

Когда Леха вышел, Марина Юрьевна тоже поднялась из-за стола и вместе с чайником удалилась на кухню - наверное, решила подогреть еще воды. Мы с Владимиром Макаровичем остались вдвоем. И тут я поняла, что это шанс! Мой единственный шанс! Вернется Митрошкин и снова не позволит сказать ни слова, торопливо перекрывая своим жизнерадостным баритоном мой писклявый и не особенно могучий голос.

- Не скучаете, Женя? - мило осведомился дедушка.

И я решила:

- Владимир Макарович, я понимаю, что это, наверное, звучит не очень красиво, нескромно, и вообще... Но вы не могли бы познакомить меня с Антоном Антоновичем, раз он ваш хороший знакомый? У меня есть наброски пьесы, которые я хотела бы показать именно ему... Ваше мнение, конечно, тоже очень важно, но я пыталась писать... как бы это выразиться?... в стиле Москвина! И поэтому...

Дедушка божий одуванчик накрыл мою руку своей теплой старческой ладошкой и успокаивающе проговорил:

- Я все понимаю, Женечка! Не нужно так волноваться и смущаться... Я конечно же попытаюсь поговорить о вас с Антоном Антоновичем. Обещать, естественно, ничего не буду, но сделаю все, что могу.

- А сейчас? Вы не могли бы созвониться с ним прямо сейчас? Понимаете, Алеша - он всего этого не одобряет и если узнает...

- Все ясно! - Владимир Макарович усмехнулся. - Будьте добры, Женечка, подайте телефон: он стоит справа от вас на тумбочке...

А дальше был звонок, светский обмен любезностями, короткий разговор о здоровье и о новой пьесе Москвина, идущей сейчас в одном из самых модных театров-студий Москвы.

- Антон Антонович, - проговорил Пеев, видимо дождавшись паузы в разговоре, - а со мной тут рядом сидит воздушное, эфирное создание, которое считает себя горячим вашим поклонником!.. Да... Молодой, перспективный драматург и, кроме того, очаровательнейшее

существо! Прямо Наташа Ростова в чуть более зрелом возрасте... Да, просто восторг! Очень-очень хочет показать вам свою пьесу, но ужасно стесняется. Что? Завтра? Завтра в четыре часа вас устроит, Женечка? - это уже мне.

Я, естественно, закивала так энергично, что моя бедная голова чуть не отделилась от шеи.

- Ну все! Тогда спасибо, Антон Антонович, я очень вам обязан. Всего доброго. До свидания!

Как добраться до загородной дачи, на которой меня будет завтра ожидать знаменитый драматург Москвин, Владимир Макарович закончил объяснять за секунду до того, как в комнату вошел Леха. Я благодарно улыбнулась краешками губ и увидела в выцветших глазах божьего одуванчика ответную заговорщическую улыбку.

Мы посидели еще с полчаса, попили чаю, съели по паре булочек, от которых просто невозможно было отказаться. А когда, попрощавшись с хозяевами, уже вышли на улицу, напарничек удивленно заметил:

- Надо же! Несмотря на все гадкие особенности твоего характера, ты им понравилась!

- Более того! - не замедлила с ответом я. - Обо мне, молодом перспективном драматурге, переговаривали по телефону с Антоном Антоновичем Москвиным, и завтра он ждет меня у себя на даче.

Если бы Леха спустился по наклонной плоскости, то, наверное, ткнулся бы носом в асфальт, потому что туловище его еще продолжало стремиться вперед, когда ноги резко замерли на месте.

- Кто и где тебя ждет? - спросил он, подозрительно сощулив глаза и склонив голову к плечу, как гигантских размеров волнистый попугайчик.

- А на какой вопрос отвечать сначала? На «кто»? Или на «где»?

- На оба! - рявкнул он так, что испуганная цветочница машинально прикрыла рукой стеклянный ящик с розами. Я же недовольно хмыкнула и демонстративно принялась изучать наклеенную на бетонном заборе афишку Кремлевского балета. Воистину наглость этого молодого человека прогрессировала с чудовищной скоростью! Как-то даже не верилось, что всего два дня назад он тащился за мной к метро и жалобно гнусил, чтобы я его простила.

- Женя! - Не дождавшись испуганных слез или падения в обморок, Леха навис надо мной с видом крайне серьезным и угрожающим. - Женя, я, между прочим, не шучу! Объясни, будь добра, что значат эти твои намеки?

- Ничего себе намеки?! - Я даже обиделась. - Да это, можно сказать, самая крупная моя удача за два дня! Владимир Макарович позвонил Москвину, и тот согласился побеседовать со мной завтра в четыре часа на своей даче в Логинове.

- Ага! И что дальше?

- Не понимаю твоего глумливого тона. Дальше я с ним встречусь и попытаюсь выяснить, имеет он какое-нибудь отношение к убийству Бирюкова или нет.

- И каким же это образом, интересно?

На эту тему у меня были пока весьма смутные соображения, но некоторые наметки все-таки имелись.

- Уильям Шекспир. «Гамлет». «...Я слыхал, что иногда преступники в театре бывали под воздействием игры так глубоко потрясены, что тут же свои провозглашали злодеянья: убийство, хоть и немо, говорит...» Понятно? Или тебе нужно на совсем уж примитивном уровне объяснять? Приду к нему, под видом сюжета своей будущей пьесы расскажу историю с убийством Бирюкова и посмотрю, как онотреагирует!

Я начала с высокопарного слога и цитирования все того же академического перевода Лозинского, Леха же ошарашил меня неожиданным и искренним:

- Нет, ну вы видали дуру, а?! - Слова эти, похоже, адресовались Небесам, уличным фонарям, а также бетонному забору и расклеенным на нем афишкам. - Женя, ты понимаешь разницу между художественным произведением и жизнью? Между средневековым художественным произведением и нашей чертовой, реальной жизнью? Так он тебе и расколется! Услышит твою «Сказочку про Козявочку», в ножки бухнется и заплачет: «Простите меня, пожалуйста! Посадите меня поскорее в тюрьму!» Чего ты ждешь? Что у него глазки забегают, или «смертельная бледность проступит на челе»? Слушай, твоим классным рецептом надо поделиться со следственными органами и награду за ноу-хау попросить - этак тысяч сто долларов. Или лучше -

миллион! Они там, бедненькие, сидят, мучаются, не знают, как преступников раскалывать, а решение - вот оно! Опишите подозреваемому красочно и драматично картину преступления, он зарыдает, закричит: «Огня! Огня!» - и начнет в ужасе рвать на себе волосы!

- Может, хватит? - Я посмотрела на Леху мрачно и осуждающе. - Чего ты тут раскудахтался? Есть у тебя другой вариант - предлагай! Нет - иди и молчи.

- «Иди и молчи»? - Он снова покраснел равномерно, исключая лишь поганисто-белый кончик носа. - Ты хоть понимаешь, что завтра, возможно, встретишься с настоящим убийцей?! Если он действительно убил Вадима Петровича, то и с тобой у него, можешь мне поверить, не заржавеет! Куда ты лезешь - подумай!

- Да тебе-то какая разница? То тебе не нравится, что я из Москвы собираюсь уезжать, то к Москвину меня не пускаешь... Ты что, деньги в меня вложил, как в скаковую лошадь, и боишься, как бы я раньше времени не сошла с дистанции?

- Естественно, деньги! - Напарничек нервным движением ослабил свое светлое кашне. - Одних котлет на тебя сколько пошло, хотя ты и утверждала, что есть не будешь!

- Леш, я сейчас не настроена шутить.

- А если серьезно... Если серьезно...

Я уже знала, что он сейчас скажет. И хотя своим любимым мужчиной по-прежнему считала Пашкова, уже почти хотела, чтобы он это произнес. Может быть, для того, чтобы почувствовать себя красивой и желанной. Вспомнить, что и меня можно любить, а не только терзать и гонять...

Леха стоял передо мной красный и злой, как сто индейцев. Уши его едва не шевелились от ярости, на щеках тяжело перекатывались желваки. Он был выше меня сантиметров, наверное, на пятнадцать и совершенно не походил на Пашкова.

- Ну, так что же, «если серьезно»? - спросила я несколько более издевательски, чем собиралась.

- А то, - рявкнул он, глядя куда-то поверх моего плеча, - что ты лезешь в дерьмовую историю и меня за собой тащишь. Бородин сказал, что всем бошки открутит - он и открутит! А мне моя башка вообще-то дорога...

Это было совсем не то, что я ожидала услышать. Напротив - то, чего я не хотела бы слышать ни при каких обстоятельствах!

- Так, значит, ты не из-за меня? Из-за себя? - почти против воли вырвалось из моего горла. Я поперхнулась и, рывком поправив на плече сумочку, быстро зашагала к метро. Леха за мной не побежал...

Все утро следующего дня я провела в тяжких раздумьях. А если уж быть совсем честной, то просто тряслась от страха. То, что Москвин - убийца, казалось весьма вероятным. И меня он может прихлопнуть, как надоедливую осеннюю муху, бьющуюся в стекло. Правда, о нашем randevu на даче знали Владимир Макарович и Леха: оставалось надеяться, что до милиции слух о моем исчезновении все-таки дойдет. Но это весьма слабо утешало. К тому же дедушка Пеев наверняка уже на следующее утро забыл о моем существовании, а Леха... Леха - тот просто побоится попасть в историю и не захочет рисковать своей драгоценной башкой.

Время летело на удивление быстро. Так обычно бывает, когда собираешься к стоматологу и, тихо скуля, наслаждаешься последними минутами жизни, не заполненными болью и запахом жженой кости. Кажется, только что было десять - ан нет: часы показывают уже половину одиннадцатого. Вроде бы совсем недавно часовая стрелка подползала к одиннадцати - и вот уже почти полдень, а в Логиново нужно выезжать за часа полтора до встречи!

И самым обидным было то, что ничего особенно толкового в моей голове так и не зародилось. Вчера, с пафосом цитируя Лехе Шекспира, я понимала, что все это - ерунда. Но не признавалась исключительно из вредности. Сегодня тактических и стратегических планов по-прежнему было ноль целых ноль десятых.

Впереди меня ждала встреча с возможным убийцей, а позади... Впрочем, что было позади? Театр? Пашков? Унизительный спектакль, устроенный Бородиным? И труп Бирюкова, наверняка уже надежно спрятанный где-нибудь на дне реки или дотла сожженный в негашеной извести...

В общем, в двенадцать тридцать я хорошенько умылась холодной водой, тяпнула для храбрости водочки, заблаговременно приобретенной в киоске возле почты, и вслух сказала себе: «Ты - актриса. Ты - хорошая актриса. И у тебя обязательно все получится!»

Как ни странно, но мое болезненное воображение к этому моменту благополучно отключилось, и жалостные картинки грядущих похорон безвременно усопшей Женечки Мартыновой не стали тревожить и без того истерзанную душеньку.

В хризантемах ли мне предстояло лежать или в осенней холодной грязи - разница, в общем, была небольшой. А я чувствовала в себе нахальное и неистребимое желание выпутаться из этой истории не только живой и невредимой, но еще и победившей.

Следовало хладнокровно проанализировать ситуацию. Митрошкин вчера не был на сто процентов прав, когда ерничал и издевался над моим желанием воздействовать на психику Москвина по методу принца Датского. Одно дело, когда преступника пытается расколоть следователь, который по долгу службы обязан это делать, и совсем другое, когда приходит неизвестно откуда взявшийся человек и заявляет:

«Я знаю - ты убил!» Кроме того, пьесу с многозначительным названием «Мышеловка» перед Клавдием разыгрывали профессиональные актеры - причем лучшие актеры, столичные трагики! Будь это датская народная самодеятельность, возможно, даже у Шекспира финал оказался бы совсем иным... И потом, я ничего не теряла. «Кроме своей жизни, кроме своей жизни, кроме своей жизни...» Тьфу ты, черт! Опять все тот же «Гамлет»! Ну не признается он - и не признается, не дрогнет лицо, не забегают глазки - ну и пусть себе остаются недвижимыми, как у целлулоидной куклы! Обезопасить же себя, наверное, можно незамысловатым и классическим методом: «О том, что я встречаюсь с вами, знают еще несколько человек. В случае, если я не вернусь, письмо с изложением всех фактов поступит на Петровку, 38». Можно... Можно было бы, если бы я, например, задумала вымогать деньги. Но я, к сожалению, в любом случае собиралась сдать Москвина милиции и после этого гордо и насмешливо посмотреть в глаза Бородину. Так что оставалось только уповать на везение и небесных ангелов-хранителей...

Как ни быстро летело время, но его было еще более чем достаточно.

Ожидание же делалось невыносимым. Поэтому ровно в час дня я надела свою походную куртку, туго зашнуровала ботинки и вышла из темного и сырого подъезда.

Неожиданно яркое солнце плеснулось мне в глаза с небывалой для осени щедростью. Я сморщила нос и подумала о том, что жизнь все-таки очень хороша. В голове моей в тот момент бродили самые разнокалиберные мысли: от суперглобальных - о праве человека на месть, до сугубо прикладных - с каким интервалом ходит электричка до Логинова. Еще во всех красках вспоминалось вчерашнее Лехино предательство, и от этого почему-то делалось тоскливо.

«Ты всегда по большому счету была одна, и теперь - одна, - размышляла я, проезжая в маршрутке мимо многоэтажек Жулебина. - Сама за себя отвечаешь и только на себя можешь рассчитывать... Ну присутствовал когда-то в твоей жизни Пашков. А что Пашков? Поставил тебя перед фактом своей измены и предложил, как женщине «умной и сильной», самой что-нибудь придумать... Нет, если ты никому не нужна, то и тебе никто не нужен. Заканчивай с этой историей и больше уже никогда не смей портить себе жизнь из-за мужиков. Плевать на них надо с высокой колокольни».

Однако чем ближе я подъезжала к пункту назначения, тем менее отвлеченными и философски-спокойными делались мои мысли. Когда же подошвы моих теплых ботинок коснулись бетонной платформы на станции Логиново, то я и вовсе почувствовала мучительное желание запрыгнуть обратно в электричку и умчаться куда угодно, только бы подальше отсюда! Но двери за моей спиной со стуком захлопнулись, народ потянулся к утопанной узкой тропинке. И мне не оставалось ничего иного, как последовать за аборигенами.

Дачные коттеджи стояли вдали сплошной серо-оранжевой стеной. Некоторые были сделаны из камня или бетонных блоков, некоторые - из кирпича. Особыми архитектурными изысками дома не отличались: все те же террасы, мансарды, остроугольные крыши, неприменные круглые застекленные окошечки и кое-где лестницы с широкими перилами.

Номер дома Москвина я помнила как «Отче наш» и истово надеялась, что к этому часу Антон Антонович уже будет на месте. Каждая дополнительная минута ожидания грозила обернуться тяжелой шизофренией, возникшей на почве заячьей трусости и дурацкого желания что-то доказать окружающим и себе самой. Однако судьбе было угодно лишний раз щелкнуть меня по носу: калитка оказалась открытой, но на стук в дверь никто не отвечал. Наручные часы показывали половину третьего, а в доме было темно и тихо, как в антресолях старого шкафа...

«Раз сказал: в четыре - значит, приедет к четырем», - догадался Штирлиц», - тоскливо подумала я и пошла в разведывательный рейд вокруг дома.

Нельзя сказать, чтобы коттедж Антона Антоновича сильно отличался от соседних домов. Двухэтажный, серо-белый, с большими прямоугольными окнами, он был окружен жидким, полысевшим к осени кустарником. Ничего особенно зловещего в пейзаже не наблюдалось, но тем не менее коленки мои отчего-то все больше и больше слабели.

Лаз в подвал... Что там? Может быть, огромный холодильник для складирования трупов? Наглухо зашторенное окно... Темная комната с неясным силуэтом человека, притаившегося в углу? Новенькая лопата с тяжелым черенком, прислоненная к шершавой стене... Да-а, такой если шарахнуть по голове, то мозги полетят до самой платформы Логиново...

Что я ему скажу, когда он попросит показать наброски пьесы? «Лучше давайте я вкратце обрисую фабулу»? «Некий театральный режиссер решает подзаработать денег и для этого продает свою пьесу именитому драматургу, разучившемуся писать...» Его глаза темнеют, ноздри начинают нервно вздрагивать.

Или наоборот? Он улыбается подчеркнуто вежливо и кивает седовласой головой:

«Продолжайте, продолжайте! Я вас внимательнейшим образом слушаю!» И что дальше?

Прочувственно распрощаться и уйти, каждой клеточкой спинного мозга ожидая удара лопатой по голове?

Я как раз в красках и подробностях представляла себе этот самый удар: холодную сталь, припорошенную снежком и крошащую череп, брызги крови, резвыми пташками разлетающиеся во все стороны, - когда вдруг увидела его... Антон Антонович Москвин, собственной персоной, неспешно шагал по тропинке к даче. И на нем наверняка было то же самое темно-серое драповое пальто, в котором засекла его престарелая соседка убитого Вадима Петровича.

Моя дерзкая отвага вместе со способностью соображать мгновенно куда-то подевалась. На минуту показалось даже, что смерзшаяся земля, как водяной матрас, уходит из-под ног. Задыхаясь от ужаса, я спряталась за выступ стены и прижалась щекой к ее холодной шершавой поверхности. «А может, правда повосхищаться его творчеством и рассказать идею какой-нибудь дурацкой пьесы? - промелькнуло в голове. - Есть же в запасе «Царевна-лягушка», в конце концов»...

Господи!.. Мамочки!.. Что же делать?!

Он прошел еще несколько метров, обогнул лежащую на тропинке корягу.

Расстояние между нами неумолимо сокращалось, теперь от калитки Москвина отделял всего с десяток шагов. И тут откуда-то слева появился Леха! Я даже подумала, что у меня зрительные галлюцинации, и часто-часто заморгала глазами, пытаюсь прогнать нелепое видение. Но это была не галлюцинация, а самый настоящий, живой Митрошкин, улыбающийся светло и зубасто, как дипломат на приеме, и одетый почти в такое же, как у Москвина, драповое пальто.

Они сходились, как два представителя дружественных стран, а я все плотнее вжималась в стену.

«Чуйства» переполняли меня, словно истерическую барышню девятнадцатого века. Он все-таки пришел! Он меня не бросил! Леха! Хороший, надежный Леха! Но что он собирается делать и как намеревается объяснить Москвину свое появление?

- Здравствуйте, по поводу меня вам вчера звонил Владимир Макарович Пеев! - отрекомендовался Митрошкин, чуть не налетев на Москвина, собирающегося войти в калитку. И глаза Антона Антоновича медленно поползли на лоб.

Уж не знаю, что он там подумал по поводу почтенного божьего одуванчика, давшего подобную рекомендацию, но то, что Леха весьма мало походил на воздушное и эфирное создание, было неоспоримым фактом. Столь же незначительно и туманно мой напарничек напоминал повзрослевшую Наташу Ростову. Носатый, ушастый, коротко подстриженный, он стоял перед Москвиным и смотрел на него открытым, искренним взглядом пионера на линейке.

- Так вы и есть тот самый молодой драматург? - не очень уверенно переспросил Москвин, и я с ужасом поняла, что сейчас разражусь истерическим, икающим смехом.

Однако Лехины круглые глаза неожиданно сделались серьезными.

- Не совсем драматург, - проговорил он, ненавязчиво поддерживая Антона Антоновича под локоть и возобновляя движение к дому. - Мне пришлось пойти на небольшой обман, чтобы добиться этой встречи с вами... Видите ли, я - представитель частной адвокатской конторы, в которую две недели назад обратился Вадим Петрович Бирюков...

Москвин вздрогнул! Абсолютно точно вздрогнул! Я прекрасно видела это из своего временного убежища за выступом стены! Даже щеки его сделались по-стариковски дряблыми, хотя всего пять минут назад он выглядел пожилым добрым молодцем. А Леха тем временем продолжал:

- Наш клиент намеревался подать иск об установлении авторских прав на пьесы «Провинциалка», «Последнее лето» и «Вербное воскресенье». Он утверждал, что данные произведения украдены вами и весь доход присвоен...

- Послушайте, но это же чушь! - Антон Антонович резко остановился и выдернул свой локоть из цепких Лехиных пальчиков. - Не знаю, кто вы и зачем пришли, но говорите вы полнейшую ерунду!.. Если вы, молодой человек, сию же секунду не уберетесь отсюда, я буду вынужден вызвать милицию. Подумать только! Нет, это же просто смешно сказать...

Леха, однако, не поспешил устыдиться или хотя бы усомниться в своем праве нагло наезжать на заслуженного и признанного деятеля искусств. Физиономия его оставалась по-прежнему невозмутимой и чем-то неуловимо напоминала морду аквариумного сомика, прижавшегося лбом к стеклу и смотрящего на мир равнодушными, не замутненными мыслью глазками.

- Может быть, поговорим в доме? Не стоит, мне кажется, делать эту историю достоянием гласности. Соседи, знаете ли, прохожие...

- Соседи? Прохожие? - весьма натурально взбеленился Москвин, и в этот момент я почти готова была поверить в то, что мы опозорились, а пьесы действительно его. - Да что это вы себе позволяете? Либо вы мерзкий, низкий шантажист и вымогатель, либо кому-то из моих знакомых изменило чувство юмора, и он решил вот так глупо пошутить...

- В соответствии с заявлением Бирюкова начала работать комиссия по установлению авторства... - так же монотонно и спокойно проговорил напарничек. - И, должен сказать, результаты не в вашу пользу...

- Это черт знает что! Мне необходимо встретиться с Вадимом Петровичем!..

- Вы не можете с ним встретиться, - Леха совсем не в духе трагизма ситуации гайморитно шмыгнул носом, - потому что Вадим Петрович Бирюков убит. И вы прекрасно об этом знаете...

То, что произошло потом, отпечаталось в моей памяти в какой-то сюрреалистическо-клиповой манере. Митрошкин с Москвиным, стоящие в каких-нибудь двух шагах от крыльца и соответственно в четырех - от меня... Утоптанная дорожка перед коттеджами - как раз пустынная... Запах близкого снега... Голые, перемерзшие кусты... Круглые Лехины глаза, глядящие с любопытством и вызовом...

Шершавая стена, царапающая мою щеку... Дряблые, старческие щеки Москвина... Его рука, опускающаяся в карман за зажигалкой... Зажигалка, падающая на землю прямо Митрошкину под ноги... Напарничек, наклоняющийся за ней... И снова рука Москвина, опускающаяся в карман! Безлюдная тропинка! Запах близкого снега! Запах крови! Нож, торчащий в груди Бирюкова! Беззащитная Лехина спина! Лопата, вдавливающаяся в мое плечо!

- А-а-у-а-а! - утробно закричала я, выскакивая из-за угла с лопатой наперевес и со всего размаху шарахая ею Антона Антоновича по загривку. - Гад! Сволочь! Ты убил - я знаю!

К счастью, размах у меня оказался небольшой. Хребет заслуженного драматурга не треснул. Москвин только слабо охнул, начал заваливаться на бок и медленно осел на мерзлую землю прямо в своем шикарном дорогом пальто. Рука его безжизненно вывалилась из кармана вместе с пачкой сигарет. А Леха, взглянув на меня почти испуганно, осведомился:

- Ты что, с дуба рухнула?

- Нет, - серьезно ответила я и от переизбытка чувств заплакала...

Поднять Антона Антоновича с земли и втащить его на крыльцо было делом трех минут. Он, впрочем, не особо сопротивлялся, даже пытался сам перебирать ногами и, морщась, приговаривал:

- Вы ошибаетесь! Вы даже себе не представляете, ребята, как ошибаетесь!

- Ключ! - угрожающе прорычал Леха, и рука драматурга послушно полезла во внутренний карман. Представляю, какими словами он вспоминал в этот момент дедушку Пеева, сосватавшего ему сразу двух «эфирных» и «воздушных» молодых драматургов с замашками Родиона Раскольникова и явными нарушениями психики!

Нам же просто нечего было терять. Тут уж, как говорится, или пан или пропал.

- Вы убили Вадима Петровича Бирюкова! - дожимал Леха, толкая Антона Антоновича в кресло под деревянной лестницей. - Вас видели, вас запомнили, вас опознают. У вас был мотив для убийства. Отпираться бессмысленно, лучше все рассказать сразу!

- Да! Вы воткнули ему в печень нож и оставили лежать там, возле музыкального центра! - «живописала» я, не желая отказываться от своей блестящей идеи «расколоть» его по методу принца Датского. - На вас было это же пальто, вы пришли около половины четвертого и долго звонили в дверь, прежде чем Бирюков открыл...

Москвин только отрешенно мотал головой и как-то болезненно морщил лоб.

Щеки его дрожали, словно у пожилого, немощного бульдога.

- Валидол! - в конце концов простонал он. - Позвольте мне взять из кармана брюк валидол.

- А когда Бирюкова убивали, валидол, наверное, не требовался?

Антон Антонович вдруг как-то сник, словно устал сопротивляться, поднял на меня бессмысленные, больные глаза и четко произнес:

- Я был в его квартире - да. Но я никого не убивал, хотя вы вряд ли мне поверите...

Нет, отчего же! Мы вполне могли верить, памятуя о том, что после убийцы в комнату заходил еще один человек, пытавшийся остановить кровь, хлещущую из раны. Но как-то уж очень не хотелось отказываться от такой замечательной и логичной версии с проданными пьесами и признавать, что я оприходовала лопатой не убийцу, а всего лишь свидетеля, благоразумно смывшегося с места преступления.

- Берите свой валидол! - Леха отступил на пару шагов и зыркнул на меня многозначительно и сурово. - И рассказывайте все четко, по порядку. Надеюсь, вы не станете отрицать, что и «Провинциалка», и «Последнее лето»...

Он не договорил. Антон Антонович положил таблетку под язык, запрокинул голову на спинку кресла и неожиданно расхохотался.

- Нет, не буду! Конечно же не буду! - Из его горла вырывались какие-то странные полувсхлипы-полустоны. - Да! И «Провинциалка», и «Последнее лето» написаны Бирюковым, но если вы, молодые люди, считаете это мотивом для убийства, то глубоко заблуждаетесь! Есть нотариально заверенные договора, согласно которым Вадим Петрович добровольно отказывается от всех прав на данные произведения и получает соответствующее вознаграждение... Это очень широко распространенная практика, и если б за это начали убивать, то, поверьте, ряды творческой интеллигенции изрядно поредели бы! Он добровольно продавал мне свои пьесы, потому что никогда не пробился бы с ними сам. А у меня уже было имя. И-мя!

- То есть как договора? - пробормотала я, убирая руку с деревянных перил.

- А так! Очень просто! На те же прилавки с детективами посмотрите: фамилия одна, а романов - сто! Есть имя, которое пользуется спросом и которое покупается. Таков закон и ничего тут не попишешь! Но между прочим славу свою я заработал себе сам, своим умом и талантом, и только потом уже время от времени стал пользоваться услугами господ типа Бирюкова! И главное, это - не тайна! Поверьте мне, не тайна! Об этом не кричат на каждом углу, но те, кому надо знать, знают!

Леха неопределенно вздохнул, помотал стриженной головой и сел на пол, свесив руки с коленей.

- Но зачем тогда вы к нему приходили? - Взгляд его все еще был внимательным и подозрительным.

- За новой пьесой, - тихо проговорил Москвин. Он уже не постанывал и не всхлипывал, и только щеки его по-прежнему дрябло тряслись. - Он должен был закончить новую пьесу. Была предварительная договоренность. Я на нее рассчитывал. А Бирюков куда-то пропал.

- И чем же закончился ваш визит?

Я перевела взгляд с Антона Антоновича на Леху и вдруг поняла: он хочет узнать про салфетку! Если Москвин - не убийца, а тот человек, который пытался спасти смертельно раненного Бирюкова, то конечно же скажет про салфетку, вытащенную из ящика. Если не скажет, всем его клятвам и уверениям - грош цена!

- Я долго звонил. Потом стучал... - Антон Антонович говорил тихо и безжизненно. - Потом случайно чуть сильнее толкнул дверь. Она оказалась незаперта. Не надо было входить! Я как чувствовал, что не надо, - но вошел... А он лежал в комнате... Мертвый. Весь в крови... Там был нож и возле раны какая-то окровавленная тряпка... И запах этот...

Мне захотелось потрясение заорать: «Что-о-о!» - но вместо этого из моего горла вырвался какой-то жалкий, невразумительный писк. Леха же взглянул на меня с искренним сочувствием.

- Не место преступления, а проходной двор какой-то! - печально заметил он, и его слова со стопроцентной точностью выразили мои мысли.

Когда шок прошел, и способность говорить вернулась ко мне хотя бы частично, я первым делом спросила:

- Антон Антонович, а вы уверены, что тогда он уже был мертв? И сколько, по-вашему, времени прошло с момента смерти?

- Ну вот! Уже Антон Антонович! - Маститый драматург, выглядящий сейчас более чем жалко, попытался усмехнуться. - А как лопатой по спине - так без имени-отчества! Мертв он был. Мертв! А сколько времени прошло, это уж в вашей милиции должны разбираться.

- Мы не из милиции, - уронил Леха, поднимаясь с пола и отряхивая джинсы.

- Не из милиции?! Но тогда какое же отношение вы имеете...

- По идее, никакого!

- Никакого, - вставила я, окончательно отлепляясь от перил. - Если не считать того, что я, по милости некоторых субъектов, считала Вадима Петровича мертвым еще тогда, когда он был жив...

Спустя три часа мы все еще сидели в гостиной и пили рябиновую настойку из маленьких рюмок с тонюсенькими ножками. Для человека, которого совсем недавно огрели лопатой по спине, Антон Антонович демонстрировал просто чудеса гостеприимства. Он уже немного оклемался, и лицо его приобрело налет прежней вальяжности. Но глаза оставались все такими же затравленными и тревожными.

Больше всего Москвина, понятно, волновал тот факт, что его видела соседка и он, хотя и ужасался вслух варварскими методами Бородин, не мог скрыть радостной надежды на то, что тело никогда не найдут.

- Мне не нужен скандал, - говорил он, поглядывая сквозь тонкое стекло рюмки на огонь, пляшущий в камине. - Мне совершенно не нужен скандал. Видит Бог, я неплохо относился к Вадиму, и мне жаль, что его нет, но... Он, по сути, был одиноким, никому не нужным человеком. Смерть его, конечно, ужасна, но он уже умер - все! Кончено! Совершенно бессмысленно и жестоко было бы портить из-за этого жизнь ни в чем не повинным людям.

- Он как будто предчувствовал, что его тело не найдут и не похоронят, когда готовился ко всей этой мистификации с «Гамлетом», - бормотала я слегка заплетающимся языком - легкий поначалу хмель становился тягучим и липким, точно патока.

- «Его кончина, тайна похорон, где меч и герб костей не осеняли...», - печально подхватил Москвин.

Леха же пил настойку молча, изредка переводя печально-насмешливый взгляд с меня на побитого драматурга.

Вообще, эта история с «Гамлетом», рассказанная мной сбивчиво и не по порядку, произвела на Антона Антоновича едва ли не большее впечатление, чем сама смерть Бирюкова.

- Красиво! - заметил он еще тогда, когда я вкратце обрисовала ситуацию.

- Не очень порядочно, не очень этично, но, черт возьми, красиво!.. Повторите-ка, пожалуйста, еще раз этот момент с Розенкранцем и Гильденстерном!

Приходилось повторять, погрязая при этом в ненужных подробностях и весьма переменчивых чувствах по отношению то ли к Гильденстерну, то ли к Розенкранцу, а проще говоря, к напарничку Лехе, сидящему поодаль и пытающемуся делать вид, будто все это его не касается.

- Значит, Розенкранц и Гильденстерн были казнены, как и полагается, за то, что пытались найти свой интерес «меж выпадов и пламенных клинков могучих недругов»? Что ж, отлично, отлично! Хотя и не люблю я, честно говоря, всю эту современную мафиозную тематику... А с Офелией?

- И с Офелией все как полагается. «Утонула» в веночке и ночной сорочке.

Перед этим предусмотрительно «сошла с ума», о чем мне с таинственным видом поведали в районном психоневрологическом диспансере. Причем «обезумела» на почве несчастной любви все к тому же Вадиму Петровичу... Нет! Там все было очень лихо закручено - не подкопаешься! Везде свои люди, начиная с психушки и заканчивая моргом...

Каминные изразцы переливались ало-золотыми отблесками. Огонь казался загадочным и манящим, как волшебный цветок.

- А вот с Офелией ваш... как его?.. Олег Иванович?.. не дотянул немного, - сокрушался тоже опьяневший и раскрасневшийся Москвин. - И это, к сожалению, выдает в нем дилетанта... Какая могла быть линия! Какой драматургический замысел! Офелия - любовница собственного отца! Именно поэтому ее так ранит его смерть: осознание греха инцеста, один любовник, закалывающий другого... Но нет, линия брошена, тема провисла, замысел не дотянут...

«Господи! - думала я, слушая его приятно хрипловатый голос. - О чем мы говорим? Какой замысел, линия, драматургия?.. О чем мы, вообще, говорим, когда вся эта нелепая игра закончилась, а труп Бирюкова остался!»

Однако Антон. Антонович не унимался и снова тормозил меня, требуя рассказать теперь уже об актерах.

- Ах, как это хорошо! - Слова срывались с его губ весомо и по-дикторски четко. - Актеры! «Столичные трагики...» «Можете вы сыграть «Убийство Гонзаго»?.. И они играют!

- Они играют уже «Мышеловку» - «Убийство .Гонзаго», дополненное специальными стихами, написанными Гамлетом.

- Пьеса в пьесе, как матрешка в матрешке... Да, конечно... А все-таки мне кажется, что ваш Бородин все равно воображал себя Гамлетом, что бы он там ни говорил о намерении всего лишь показать вам неотвратимость кары. Ведь все же складывается, правда?

- Правда, - соглашалась я и уже с тоской взидала на золотистые остатки рябиновой настойки, плещущиеся на дне бутылки. Похоже, Москвин был твердо намерен приговорить сей напиток сегодня. Впервые после того дня, когда Антон Антонович увидел мертвого Бирюкова, он мог немного расслабиться и поговорить с людьми, связанными с ним общей страшной тайной.

«Сладостную негу» разрушил, как ни странно, Леха. Встал с кресла, посмотрел на часы и специально для меня громко сообщил, что некоторым еще предстоит добираться до Люберец.

- Бросьте, бросьте! - тут же замахал обеими руками Москвин. - Никуда вы сегодня не поедете. В доме множество комнат. Переночуете. Или вы все еще опасаетесь, что я - убийца?

Я уже ничего не опасалась и хотела только одного - спать. Напарничек попытался было вселить в меня заряд бодрости, подергав за уши и пощелкав по носу. Но все было бессмысленно.

- А может, и правда останемся? - канючила я. - Тебя что, мама потеряет? Или жена? Я не могу никуда ехать - усну по дороге.

Митрошкин спорить перестал. Антон Антонович засуетился. Тоже поднялся и, шатаясь, побрел вверх по лестнице. Правой рукой он держался за перила, а левой потирал ушибленную спину, заставляя меня содрогаться от ужаса перед содеянным.

Минут через десять сверху донеслось, что комната готова. Леха просунул руки мне под мышки и поволок, как куль, к деревянным ступенькам. Нет! Я, конечно, могла идти и самостоятельно. Но мне почему-то очень приятно было осознавать, что обо мне заботятся, ведут, несут и не дают уснуть, как собачке, на холодном полу...

Хмель потихоньку начал рассеиваться только в тот момент, когда мы оказались вдвоем в комнате, а Москвин вышел, деликатно прикрыв за собою дверь.

- Ой! - тихо сказала я, осторожно переползая к самому краю широкой двуспальной кровати.

- Вот тебе и «ой»! - с неожиданно грустной улыбкой отозвался Леха.

Потом встал, взбил обе подушки и разложил их на максимально возможном расстоянии друг от друга.

- Не бойся, ничего с тобой не случится. - Спина его была напряженной и прямой. - Хочешь - раздевайся, хочешь - так, в джинсах, спи... И смотреть я на тебя не стану, и трогать тебя не буду.

- Леш...

- Чего «Леш»?

- Леш, а ты вчера почему сказал, что тебе только свою «бошку» жалко? Обидеть меня хотел или просто засмущался?

Он сел рядом со мной на край кровати, порылся в кармане и выудил оттуда что-то странное, покрытое мелкими крошками и едва ли не песком:

- Печенюшку хочешь, пьяная женщина?

Я присмотрелась. Печенюшка оказалась овсяной.

- Ненавижу овсяное печенье!

- И мужчин - представителей творческой интеллигенции. А любишь только рябиновую настойку и еще газосварщиков!

- Не умничай. - Я подтянула колени к подбородку и печально уставилась на стул, стоящий в углу.

Леха неопределенно хмыкнул:

- Ну отчего же не поумничать?.. Или я больше соответствовал светлому образу газосварщика, когда молча проглатывал твои «интеллектуальные» шуточки по поводу «Фуэнте Овихуны»?

- Я же не знала тогда, что ты - тоже актер!

- Теперь узнала. Ладно, давай ложиться спать.

Я обернулась через плечо и взглянула в его круглые честные глаза с одним-единственным намерением - гордо и почему-то оскорбление брякнуть:

«Спокойной ночи!» - но вдруг увидела, что уголок его губ нервно подрагивает. А дальше...

Самой себе в принципе можно вдохновенно и убедительно врать, будто я дотронулась до его лица лишь с гуманистической целью успокоить нервный тик.

Если бы только я еще могла самой себе поверить! Но, так или иначе, мои пальцы коснулись его щеки. Он перехватил мою руку у запястья и осторожно, как новорожденного ребенка, поцеловал в ладонь.

- Леха, ты что? - сорвалось с моих губ с невыразимо фальшивым удивлением. После чего я немедленно устыдилась, закрыла лицо руками и отбежала к окну.

Митрошкин посопел за моей спиной, поскрипел пружинами кровати.

«Подойдет - не подойдет? Обнимет - не обнимет?» - бешеным пульсом стучало у меня в висках. Он подошел, обнял меня за плечи, развернул к себе и поцеловал в губы.

А я вдруг ясно-ясно поняла, что мне очень этого хочется: хочется прикосновения его рук и горячего дыхания возле моей ключицы, его нежности и его силы. И пусть все это будет, и не пошел бы господин Пашков к чертовой матери?

Рябиновая настойка сделала свое черное дело. Я не чувствовала ни малейших угрызений совести - ни тогда, когда Леха нес меня к кровати, ни тогда, когда путался в мелких пуговичках моего батника. Тихий счастливый смех рвался из моей груди. Пальцы, как по клавишам пианино, на котором мне так и не суждено было научиться играть, бегали по его позвоночнику. Его волосы... Его жесткие непослушные волосы... Даже мокрые от пота, они все равно торчали смешным «ежилом»... Его губы... Они надавливали на мой рот и заставляли его открываться. И глаза его были полуприкрыты, и мучительно-сладкий стон «Женька! Моя хорошая Женька!» окутывал меня, словно нежным пуховым одеялом...

Проснулась я часов в шесть утра с твердым подсознательным ощущением, что мне должно быть стыдно. Митрошкин еще сопел рядом, его тяжелая рука лежала поперек моей груди. И я с ужасом поняла, что все это мне не приснилось.

«Шлюха! Пьяная развратная женщина! - вихрем пронеслось в голове. - А как же Сережа? Как же Пашков? Все это, конечно, хорошо, но ты, дорогая, допрыгалась до того, что и в самом деле ему изменила!»

Попытки, извиваясь ужом, выползти из-под горячего Лехино тела ни к чему не привели. Хорошо, хоть увенчалась успехом операция по добыванию моего нижнего белья со спинки кровати и лампы под гофрированным абажуром.

Укоризненное и донельзя огорченное лицо Сережи представлялось мне так ясно, будто перед моим носом держали фотографию. Митрошкину же все было нипочем: лежал себе и сопел в две норки, подхрюкивая гайморитным носом!

А утро за окном занималось просто чудесное! Розовые прочерки зари светлели на лиловом небе. В форточку тянуло свежестью и почему-то запахом костра. В такое-то утро просыпаться бы рядом с любимым мужчиной, а не с каким-то напарничком, который к тому же наверняка будет прятать взгляд и ужасно раскаиваться в содеянном.

И все рябиновая настойка! Проклятая рябиновая настойка с большим, но не сразу заметным и от этого коварным градусом. Интересно, что подумал про нас Москвин, если обратил, конечно, внимание на то, как я вчера пьяно и отвратительно выкрикивала:

«Тебя кто-то потеряет? Мама? Жена?» Н-да... Кто бы мне сказал еще два дня назад!.. Да кто, вообще, мог предвидеть такой финал?! Знай Бородин, во что превратили его первоначально эффектную и изящную задумку с «Гамлетом», наверняка принялся бы рвать на себе волосы от злости! Какая роль мне во всем этом отводилась? Гертруды? Да, наверное, все-таки Гертруды. А Лехе, допустим, Гильденстерна... Получается, что Гертруда переспала с Гильденстерном! Здрасьте - приехали!

Впрочем, может быть, Олег Иванович и не особенно бы расстроился: могла же у него Офелия быть любовницей собственного батюшки Полония?!

Стоп! Это было похоже на гаденький укус червячка сомнения, закравшегося в душу. Офелия и Полоний... Полоний и Офелия... Как сказал вчера Москвин, единственная деталь, не укладывающаяся в четко выстроенную картину. Недотянутая тема. Брошенная линия. Как он досадовал, как сокрушался по этому поводу! Все, дескать, красиво, но вот эта ситуация драматургически не завершена. «Убийство Гонзаго»... «Мышеловка»... Почему мне в голову приходят «Убийство Гонзаго» и «Мышеловка»? Две пьесы, как матрешки, спрятанные одна в другой. Почему Бородин, в таких подробностях рассказывавший мне обо всем «спектакле», ни словом не обмолвился о психушке? О милиции рассказал, о том, как фотографии делали, рассказал, о санитаре из морга рассказал, а о диспансере - ни слова... А что, если?..

Я резко села в кровати, скинув Лехину руку и уже ничуть не тревожась о том, что он может проснуться. (Правда, это так и не нарушило его счастливого сна: напарничек лишь подложил локоть под голову и захрапел дальше!) Конечно!

Ведь это именно она, Каюмова, настояла на том, чтобы немедленно пригласить для разговора Бирюкова!.. «Убийство Гонзаго» - «Мышеловка»... «Мышеловка» - «Убийство Гонзаго»... Одна пьеса под вывеской другой! А ведь Бородин говорил: мы обсудили, мы прикинули, я решил... Да ничего ты не решил, самовлюбленный богатый остопоп! Кто-то умный и хитрый подогнал свою идею под твои интересы, просчитал все до малейших деталей, исключил даже минимальную возможность ошибки или провала... Кто-то умный, хитрый и жестокий сделал так, что ты поверил: грандиозная, красивая, изящная идея принадлежит тебе! Ты полюбил этот «спектакль», как свое детище, а тебя всего лишь использовали в качестве банального «чистильщика». Тебя вынудили засветиться перед множеством людей, в том числе и перед милицией, с «трупом» Бирюкова, а потом просто-напросто поставили перед необходимостью ликвидировать следы чужого преступления!

Господи! Все складывалось! Все чудовищным образом складывалось! Но я так часто повторяла за последнее время эти слова и столько раз попадала впросак, что уже просто боялась верить. Конечно, частный детектив из меня никакой и с логикой у меня большие проблемы, но картинка на этот раз вырисовывалась совершенно четкая, лишенная какого бы то ни было налета мистицизма!

Я знала, как убили Вадима Петровича Бирюкова. Догадывалась, за что его убили. Понимала, кто его убил! Но все это надо было проверить. Семь... Нет, десять раз проверить, прежде чем предпринимать хоть какие-то шаги!

И если события развивались именно так, как я себе представляла, то мне предстояло разобраться во всем этом одной, без Лехиной помощи.

Отбросив одеяло, я прыгнула с кровати. Влезла ногами в трусики.

Перевернув, застегнула под грудью лифчик. В высоком, тускло серебрищемся зеркале отразились мои исхудавшие тела. Впрочем, сейчас было не до оханий и аханий по поводу

собственной внешности. Первая электричка, согласно расписанию, проходила мимо Логинова, по-моему, в шесть часов.

Когда джинсы были уже натянуты и батник застегнут, ни с того ни с сего проснулся Митрошкин. Сел в кровати, похлопал заспанными и еще мутными спросонья глазами, сладко потянулся и недоуменно спросил:

- Во! А ты куда?

Даже не посети меня эта страшная, требующая немедленной проверки догадка, я бы все равно не знала, как реагировать... (Пашков... Рябиновая настойка... Господи, как стыдно!) А тут и вовсе стушеввалась. Устыдилась собственной растерянности, занервничала.

- Женька, да что случилось-то? - уже более осмысленно поинтересовался Леха. Еще раз потянулся, хрустнув суставами, опустил ноги на пол.

И тогда я решительно мотнула головой, сдерживая дрожь в голосе, проговорила:

- Мне во всем надо разобраться самой. Без тебя! - схватила куртку и выскочила из комнаты.

Теперь я была умная. Я тоже была хитрая и умная и не знала, наверное, только одного: кому можно верить на этом свете? Актеров просто хороших и хороших во всех отношениях в последнее время развелось ну прямо как тараканов - хоть дустом трави! Но если обычно говорят, что артист - это послушная глина в руках режиссера, то в данном случае на ум почему-то приходило только развеселое название «Сам себе режиссер». Надо было обладать поистине снайперским хладнокровием, чтобы терпеливо, не делая лишних телодвижений, дожидаться-таки своего единственного, но бесподобного шанса и мгновенно построить гениальную комбинацию! Бедный, глупый Бородин! Вот у него шансов как раз не было. Как, впрочем, и у Вадима Петровича Бирюкова, который тоже искренне верил в то, что это он создает новый «спектакль», полный юмора и оригинальных ходов. Вадим Петрович не знал, что роет себе могилу...

Наташка! Веселая пьянчужка Наташка, прошедшая в начале этой истории скорее в качестве комического персонажа. Этакая опереточная субретка: «Символ тухлости и порочности Датской империи».

Белобрысая, неопределенного возраста девица со светлыми ресницами и взглядом нахальной лабораторной мыши... Наверняка она участвовала в разработке сценария до самого конца и, значит, намеренно куражась, балансировала на краю пропасти, когда придумывала Ольгин текст: «Это Каюмова. Ваша Каюмова убила моего любимого мужчину! Ваша замечательная Наташа Каюмова - убийца! Женщины таких вещей не прощают...» Значит, обида была слишком болезненной и слишком сильной, если она не простила господина Бирюкова и не смогла ничего забыть. Но какая все-таки потрясающая актерская школа и какое хладнокровие!

«Ну, не такие уж и великолепные у нас с Вадимом Петровичем отношения! (угодливый смех: хи-хи-хи!) Все-таки режиссер и актриса... Сложности всегда есть!» И в этот момент она наверняка помнила о трупe, тихо и страшно разлагающемся в доме на Устиньевской. Не знала только о чьей-то попытке спасти умирающего, о салфетке, закрывающей кровоточащую рану... Впрочем, кто был этот неизвестный, еще только предстояло выяснить. Пока же я не могла до конца поверить в то, что это все-таки произошло: по нелепой случайности, из-за нелогичности и непредсказуемости собственных поступков я получила ту информацию, которую не должна была получить!

Никто не мог предположить, что я потащусь в психиатрический диспансер проверять, была ли на самом деле «Офелия» безумной? Никто, в том числе и сама Наталья, не мог предвидеть, что я все-таки узнаю то, о чем пришла узнать...

Но теперь я была умная. Я тоже была хитрая и умная. Поэтому не собиралась больше подкатываться к честной круглолицей врачу, озабоченной проблемой послеродовых депрессий и атакуемой автолюбителями, квартиропродавцами и прочими гражданами, желающими получить справку о своей вменяемости. Я планировала заехать на оптовый рынок, а оттуда уже в психиатрическую больницу, где Наталья должна была отлежать острый период. Я ехала на Матросскую Тишину...

Конфеты мне попались нормальные, свежие, с относительно недавней датой выпуска на нижней стороне коробки, икра самая обычная - красная в зеленой жестяной баночке и черная в традиционной стеклянной бадейке, а вот коньяк, похоже, на самом деле очень даже неплохой.

Пожилой кавказец в турецком джемпере, комплектовавший мой продуктовый набор, с многозначительной улыбкой заметил:

- Хатэл бы я быть тэм мужчыной, к каторому такая дэвушка едэт с такими подарками!

«Ага! Как раз к «мужчине»! - подумала я, укладывая все это великолепие в пакет. - Вай, дарагой, я бы и сама все это съела с превеликим удовольствием, если бы не предстояло подманивать на коньячок кого-нибудь из младшего или среднего медперсонала психушки».

План дальнейших действий представлялся мне очень и очень смутно, и поэтому я приятно удивилась, когда охранник на проходной психиатрической больницы номер 3 благосклонно принял первую бутылку коньяку и пообещал:

- Отчего же не помочь? Раз надо помочь - постараемся. Есть тут у меня один человечек, который может узнать то, что вам нужно. Только человечка тоже, само собой, отблагодарить придется...

Я радостно закивала в знак готовности раздавать дорожный коньяк налево и направо и села ждать на лавочку возле урны. Минут через сорок - не раньше, появился «человечек» - толстая, угрюмого вида; санитарка в черной фуфайке, накинутой поверх халата.

- Ну? - спросила она, вместо приветствия. - И чего тебе надо?

- Про пациентку одну узнать. - Язык мой отчего-то начал прилипать к небу. - Она тут у вас лечилась, это точно. Потом выписалась «под наблюдение» в психоневрологический диспансер. В общем, мне нужно или покопаться в истории болезни, или поговорить с кем-нибудь из тех, кто ее помнит.

Санитарка мелко заухала, изображая внезапное веселье, и насмешливо покачала головой:

- Ну ты даешь!.. «Кто ее помнит»? Да если всех психов помнить, сам психом станешь. Представляешь, сколько у нас тут народу лечится?

- Да. Но я знаю имя, и фамилию, и примерную причину, по которой она сюда попала...

- Ладно уж. Говори!

Я назвала Наташкину фамилию, выслушала претензии по поводу того, что мне не известно ни отчество, ни дата, когда пациентка попала в больницу, и снова приготовилась ждать.

На этот раз санитарка явилась только через час - я уже успела изрядно подзамерзнуть. Угрюмо плюхнулась на лавочку, придерживав расходящийся на коленях халат, почему-то злобно зыркнула в сторону пакета с коньяком.

- Не было у нас никогда никакой Каюмовой, - сообщила она с непонятной агрессией. - Ни Натальи, ни Василисы... Но если ты думаешь, что мне делать больше нечего, как только для тебя по всей больнице бегать, то сильно ошибаешься!

- Понимаю-понимаю! - Я торопливо заулыбалась и полезла в пакет за бутылкой. - Спасибо вам, конечно, огромное, но... Вы понимаете, не может быть, чтобы ее истории болезни не было! Мне участковый врач из диспансера сказала, что она здесь лежала в острый период. Вы все хорошо узнали?

Санитарка взяла бутылку, обернула ее в газету и опустила в карман:

- Как могла, так и узнала! Не бойся - не чаи распивала, пока ты тут на лавке куковала. Если б хоть время знать, когда эта Наталья здесь лечилась...

- Не знаю, к сожалению... Но она - актриса, и у нее была трагическая любовь с театральным режиссером! А потом что-то у них произошло, она вроде бы делала аборт и на этой почве...

- Да на этой почве знаешь сколько здесь женщин лежит?! Кто не из-за водки, те все из-за мужиков.

- Это все понятно... Но актрис-то, наверное, среди них не так много? Она такая невысокая, худая, волосы прямые, белесые. Ресницы тоже светлые и брови. В общем, не очень приметная...

- Хе-хе-хе! - снова засотрясалась всем своим плотным телом санитарка. - Ох уж и актриса! Просто Любовь Орлова! И ты хочешь, чтобы ее, такую «красивую», кто-нибудь запомнил? Вот Алиса Фрейндлих - это, я понимаю, актриса! Или Алферова. Или Фатеева Наталья, или...

Она еще продолжала перечислять, а я уже тихо впадала в странный транс.

Из закоулков моей памяти, ехидно усмехаясь, выползала яркая, как елочная игрушка, картинка: круглолицая молодая врачиха в белом колпаке, светлый кабинет психдиспансера...

«А может, она и не артистка? Просто почему-то в памяти так отложилось? - говорила докторша. - Нет, похожа все-таки на артистку!» Никто и никогда не сказал бы, что тощая и

бледная как поганка Каюмова похожа на артистку! На уборщицу, на чертежницу, на почтальоншу - на кого угодно, но только не на артистку! Спроси сейчас эту санитарку, кто я по профессии, и она тоже начнет предлагать варианты: учительница, швея, инженерша... Как должна выглядеть артистка согласно традиционным, банальным представлениям? Огромные глаза, яркие губы, легкая надменность во взгляде и стильная оригинальность в одежде!

Сильный, поставленный голос, красивые жесты...

- Извините, пожалуйста... - пролепетала я, поднимаясь со скамейки, - мне сейчас надо кое-что обдумать. Спокойно обдумать. Одной. А потом, возможно, мне придется обратиться к вам еще раз. Извините!

Санитарка проводила меня недоуменным взглядом, возможно заподозрив, что я - тоже из бывших пациентов. Охранник, разжившийся за мой счет коньячком, улыбнулся на прощание и едва ли не отдал честь. А я вышла с территории больницы и снова рухнула на первую попавшуюся лавочку. Бестолковые, суматошные мысли крутились в моей голове, как разноцветные стеклышки в калейдоскопе.

Ее истории болезни нет. Ее и не могло быть. На что я купилась? Только на то, что у некой женщины был роман с театральным режиссером! Да чуть ли не каждая уважающая (или, наоборот, неуважающая?) себя актриса переживает в своей жизни подобный роман! Или не актриса? «Может быть, не актриса... Нет, все-таки похожа на актрису...» Отчего же так тревожно на душе? Почему мне почти страшно?

Мимо протопал неуклюжий малыш в толстом комбинезоне и с пластмассовым паровозиком на веревочке, следом прошла мама - совсем еще молодая девушка в коричневом свингере с капюшоном и высоких шнурованных сапогах. На повороте малыш споткнулся и встал на все четыре конечности, кверху круглой смешной попой. Мать тихо засмеялась и подняла его, подхватив под мышки...

Поговорить бы не с этой вчерашней студенткой из психдиспансера, а с той докторшей, которая лечила актрису. Хотя зачем? Зачем? Мне почему-то казалось, что я знаю зачем... Но докторша, по словам практикантки, в декретном отпуске и выйдет только в январе. Может быть, набраться наглости, узнать адрес и напроситься к ней домой? В принципе ребенок уже большой. Раз декретный заканчивается, значит, ему почти три годика - наверняка сможет она уделить мне хотя бы полчаса.

Три года... Интересно, смогу ли я высидеть дома три года, когда у меня родится малыш? И родится ли он у меня когда-нибудь? Пашков... Я предала Пашкова, я изменила ему с Лехой. Какими глазами смотрел на меня Леха, когда я удирала утром из коттеджа Москвина! А вот если просидеть безвылазно три года в одной квартире с Митрошкиным, то, наверное, запросто можно сойти с ума.

Каким он все-таки иногда бывает ужасным. Три года... Докторша просидела с ребенком три года. Значит, эту актрису она должна была лечить, как минимум, три года назад...

Мамаша в коричневом свингере прошествовала обратно вместе со своим неуклюжим малышом, я же ахнула так громко и неожиданно, что бедный карапуз даже вздрогнул и выпустил из рук веревочку от паровозика.

Три года! Актриса! Актриса! Три года! Теперь я понимала, какая мысль тревожно и мучительно ворочалась в моем подсознании, не позволяя забыть про докторшу из психоневрологического диспансера. Ну конечно же три года! Когда мы с Пашковым приехали на эту чертову базу отдыха, на это чертово соленое озеро и заселились в этот кошмарный корпус люкс, нас же предупреждали: «Возможны кое-какие сбои в системе коммуникаций, неполадки с лифтами, небольшие сквознячки из окон (ничего себе небольшие!). Корпус новый, строили ударными темпами, сдали совсем недавно, так что - извиняйте!» Значит, три года назад этого белокрылого, летящего красавца корпуса с огромными, поистине южными окнами еще просто не было в природе! Зато было все остальное: волейбольная площадка, старые одноэтажные домики, теряющиеся в тени деревьев, теннисный корт и столовая. Столовая, построенная каким-то безумным архитектором, «антифасадом» к административному корпусу и летней эстраде!

Фотография! Случайная фотография в альбоме Ольги! И угол той самой столовой! Слишком смело было бы предположить, что халтурщик-строитель гастролировал по всей стране и на всех базах отдыха устраивал подобное безобразие. Зато очень легко представлялся новенький белый

корпус люкс, как бы наслаивающийся на картинку с той фотографии из Ольгиного альбома... Эта была та самая «уникально-лечебная» и «великолепно-природная» база отдыха, на которой мы отдыхали с Пашковым! Та самая база отдыха, но, как минимум, три года назад! Три года назад Ольга была знакома с Бирюковым и даже отдыхала с ним в алтайском пансионате! Ольга - красивая, яркая, умная, говорящая низким поставленным голосом. «Вот таким женщинам место на сцене!» - подумала я, когда впервые ее увидела. «Я хотела бы быть актрисой! - говорила она. - Я понимала бы его, как никто другой, и делала на сцене именно то, что он требует». Конечно, она могла оказаться на той базе всего лишь в качестве приятельницы подружки Бирюкова, могла сфотографироваться с ним просто так. И все мои логические умозаключения вылились бы в результате в простую систему совпадений. Но Ольга тоже жила в центре, всего в двух кварталах от Наташки Каюмовой, следовательно, теоретически относилась к тому же самому психоневрологическому диспансеру. Так что следовало все проверить...

Третью, последнюю, бутылку коньяку доставать из пакета не пришлось.

Охранник во второй раз вызвал знакомую санитарку без взятки - видимо, надеялся, что теперь я стану посещать сие заведение регулярно. Она «приплыла» злая, как золотая рыбка в финале сказки, и недружелюбно осведомилась:

- Чего еще надо?

Я поспешно протянула ей пакет с икрой и конфетами, подтверждая свою платежеспособность:

- Не могли бы вы узнать насчет Терентьевой Ольги? Она должна была лечиться здесь три года назад или чуть раньше.

Санитарка взъерилась:

- Это надо же, сколько у тебя психов знакомых! Может, ты сразу список составишь, а то чего мне туда-сюда, как дуре, бегать?

Однако все-таки встала, уперев руки в могучие колени, ничуть не стесняясь, одернула смятый халат пониже спины и неспешно поковыляла по пустынной аллее, унося с собой пакет с продуктовым набором, предназначенным специально для приятного времяпрепровождения.

Отсутствовала она довольно долго, а возвратилась уже без пакета, но зато с сухонькой старушонкой, зябко прячущей руки в карманах и по-птичьи поводящей худой, дряблой шеей. На голове у бабуся тоже была повязана белая медицинская косынка с черным, расплывчатым штампом на уголке.

- Вот! - Санитарка скосила на старушонку выпуклые карие глаза. - Свидетеля тебе привела. Допрашивай!

- Спрашивайте, спрашивайте! - Бабуся доброжелательно осклабилась.

- Да я, собственно, хотела узнать по поводу Терентьевой Ольги... Лечилась у вас такая?

- А как же не лечилась? Я очень хорошо Олюшку помню: дай Бог ей никогда к нам больше не попадать.

Сердце мое заколотилось с сумасшедшей, пугающей скоростью. Желудок снова сжал таким резким спазмом, что глаза чуть не выскочили из орбит.

- Помните?! А что-нибудь рассказать о ней можете?

- Могу. Отчего же не могу? Лечилась она здесь, по-моему, полтора месяца. После аборта. Неудачно ей все сделали, чуть ли не все женские органы покровомали... Ну так шутка ли - почти четыре месяца!

- А почему она вдруг решила делать аборт, вы не знаете? - Голос мой задрожал и сделался хриплым, как у больной, ослабшей вороны.

- Так кобель этот ее и заставил! От этого у нее с головой все несчастье и произошло... Она-то хотела ребеночка оставить, поэтому и не говорила ему ничего долго, чтоб уж поздно было. А этот гад чего-то ей в еду подмешал. Или просто соврал, что подмешал? Не помню... В общем, сказал: «Иди делай аборт, иначе уроды родишь». А что ей оставалось? Она пошла и сделала...

Бабушка закончила, чинно сложила руки на коленях и сглотнула, отчего шея ее сморщилась, как у старой ящерицы. Она явно ждала. А у меня уже не было ничего: ни коньяку, ни икры, ни даже конфет. Пришлось, сгорая от стыда, залезть в карман и вытащить оттуда свернутую вчетверо пятидесятку - последний мой сколько-нибудь значительный капитал - практически НЗ. Однако старушонка приняла деньги с печальным достоинством. Взяла купюру дрожащими

пальцами, бережно расправила и опустила в карман. А прежде чем подняться с лавочки, проговорила:

- Вы Олюшке-то привет от Марии Николаевны передайте. Она вспомнит... Пусть не болеет, здоровья ей...

На том и попрощались... Я перешла через дорогу, купила в ближайшем киоске пачку «Честерфилда» и, наплевав на дико ноющий желудок, выкурила целых три сигареты - одну за другой.

Вот теперь все действительно складывалось. Складывалось в жуткую, но вполне реалистичную картину. У нее был более чем веский мотив. У нее была возможность это сделать. Все указывало на то, что это сделала именно она, но у меня не было никаких доказательств...

К театру я подъехала приблизительно в половине двенадцатого. Утренняя субботняя репетиция должна была быть в разгаре. Из-за прикрытых дверей зала доносились звуки музыки, в щель жутко тянуло пылью и табаком. Завидев меня в проходе между креслами, Костик Черепанов ринулся со сцены со скоростью небольшой морской торпеды. Я даже испугалась, что он сломает себе ноги или шею, а то еще, чего доброго, стукнется головой так, что глаза сбегутся к носу окончательно и бесповоротно.

- Евгения Игоревна! Евгения Игоревна! - завопил он, радостно потирая ладони. - Вот вы и появились!.. «Гамлета» будем доделывать? Нет?

- Нет, Костя. Вы уж извините меня, пожалуйста, но стажировка моя закончилась, так что..,

- Да ну ее - стажировку! Вы еще просто наших новостей не знаете! Вадим Петрович телеграмму из Улан-Удэ прислал: просит уволить его по собственному желанию и выслать документы. Новый режиссер пока только сказочку детскую доделывает. Вы представляете, какой это для вас шанс?! Режиссеру мы быстро рот заткнем, скажем, что вы «Гамлета» с нами уже целый месяц работали. Евгения Игоревна, а? Ну давайте попробуем! Задумка-то какая хорошая была!

Я еще раз извинилась и отстранила его рукой. В первом ряду, опустив голову и с преувеличенным вниманием изучая маникюр на собственных ногтях, сидела Каюмова. Она просто не могла не заметить моего прихода.

- Привет. - Я прошла по проходу и села рядом, но не в соседнее кресло, а через одно.

- Привет. - Наталья по-прежнему избегала смотреть мне в глаза.

- У меня к тебе один вопрос: в тот день именно ты настояла, чтобы с Бирюковым поговорили незамедлительно. Почему ты это сделала? Какая тебе была разница: сегодня, завтра? Ты не боялась Бородин разозлить и вообще безо всякого финансирования остаться?

- Не знаю. Сделала и сделала! Просто сделала, и все. А-а, нет! Ольга, бухгалтерша бородинская, сказала, что с него с живого слезать нельзя: надо требовать, чтобы все, что пообещал, подписал и приказом оформил в тот же день, - иначе забудет, начнет откладывать. Да и на прием к нему просто так не запишешься. В общем, все - пиши пропало!

- Ясно. - Я кивнула и поднялась.

- И все? Ты за этим, что ли, приходила?

- А зачем еще? - Мне по-прежнему было неприятно и больно смотреть в ее серые, опущенные белесыми ресницами глаза.

- Женя, ну ты пойми: мы люди подневольные, лично я к тебе никакой антипатии не питала. Ты мне даже нравилась. Водку ты пьешь классно!

- Зато ты - плохо! - Я с остервенением застегнула «молнию» на куртке. - Знаешь, мы с тобой - не разведчики и не шпионы. И не было никакой необходимости лезть в задушевные подружки к человеку, к которому просто «не питаешь антипатии». Могла бы просто и дежурно отыграть свою роль. Ничего бы от этого не изменилось. Я ведь плакала, когда ты «утонула». И потом, когда выяснилось, что ты жива.

- Евгения Игоревна... - снова заканючил где-то за спиной Костик Черепанов, изнемогающий от желания сыграть Гамлета.

Я встала и вышла из зала, ни разу не обернувшись...

С серого-серого неба падал белый-белый снег. Укутывал мерзлый асфальт и крыши домов, оседал смешными горками на козырьках светофоров и воротниках прохожих. Я брела в толпе, вяло текущей от метро, и думала о том, что все кончилось. Все. Абсолютно все. И «Гамлет». И

мой оригинальный бизнес. И похоже, мои отношения с Сережей Пашковым. Я добились того, чего хотела: вычислила убийцу и теперь имела прекрасную возможность утереть Бородину нос. Но почему-то уже не хотела этого делать. Вадим Петрович Бирюков был мертв вот уже несколько дней, и воспоминанием о нем не осталось даже траурной урны с прахом. Никто не сожалел, никто не тосковал о нем. И убийца ходил по земле, совершенно не опасаясь того, что в один прекрасный день за ним захлопнутся стальные тюремные двери.

Его кончина, тайна похорон,
Где меч и герб костей не осеняли,
Без пышности, без должного обряда,
Взывают громко от небес к земле,
Да будет суд...

О том, кто убил Бирюкова, знала я одна, а значит, мне и предстояло вершить этот суд. Но я не чувствовала в себе для этого ни силы, ни уверенности...

Я знала, что она будет дома - все-таки суббота и плюс к тому утро - время, когда нормальные трудящиеся граждане еще нежатся в постели. Так и оказалось. Правда, Ольга, похоже, проснулась уже давно и теперь пила в комнате кофе с традиционной дамской сигаретой.

- Проходите, - просто сказала она, отступая в сторону и скрещивая руки на груди. На ней была длинная, в пол, черная юбка и темно-серая шерстяная водолазка.

- Вам от Марии Николаевны привет, - тихо проговорила я. - Она желает вам здоровья. Ну и, в общем, всего хорошего...

- Вы все знаете? - В глазах ее всего на секунду вспыхнул золотистый, странный огонек.

- Боюсь, что да...

- Тем лучше. Но кофе-то выпьете?

Я прошла в комнату и опустилась в то самое кресло, сидя в котором когда-то рассматривала альбом с Ольгиными фотографиями. Она вернулась с кухни через пару минут, неся на подносе кофейную чашечку и плитку шоколада.

- Оля, а почему вы оставили среди фотографий тот снимок с Алтая? Это, конечно, случайность, что я когда-то отдыхала там же. Но ведь все равно - риск?

- Глупая женская сентиментальность... Все-таки это были самые счастливые в моей жизни дни. И последние счастливые...

- И у него из альбома эти же фотографии забрали?

Она кивнула, взяла сигарету, не донесла ее до рта и снова отложила на край пепельницы.

- Я устала от этого, Женя. Очень устала. Думала, что будет проще, а вот ведь как все получается! У каждого есть свои персональные тени и призраки, и никого по большому счету нельзя покарать, кроме самой себя... Хотя я ни о чем не жалею!

- Но ведь кровь остановить пытались тоже вы? Не было никакого другого человека?

- Да. - Уголки Ольгиных четко очерченных губ слабо дрогнули. - Слабая женщина! Что с меня взять? Сначала ударила, а потом, когда он захрипел...

Она уронила лицо в ладони и помотала головой. Черные ее волосы всколыхнулись крупной волной.

- Он ведь, наивный, верил, что я все простила и забыла, что мы с ним теперь хорошие друзья. Так радовался, когда я для него работу эту нашла! Так благодарил...

- Вы до сих пор его любите?

- Нет! - Ольга выпрямилась и проговорила это так четко и жестко, что у меня сразу отпала охота спрашивать что-нибудь в этом духе. - Я разлюбила этого человека в тот день, когда мне сказали, что препарат действительно провоцирует страшные уродства... Вы были когда-нибудь беременны. Женя?

- Не была. - Я неуверенно и криво улыбнулась, словно ощущая свою вину за то, что, дожив до двадцати восьми лет, умудрилась не сделать ни одного аборта.

- Значит, не поймете... Когда ему шестнадцать недель, он уже начинает тихонько шевелиться. А в десять у него уже есть маленькие пальчики на ручках и ножках. Он уже видит свет и слышит... И говорят, даже прячется от ножа, когда его выскребают. А потом от него

остается только кровавое месиво. И в этом месиве - ушки, пальчики, глаза... Я бы родила его для себя, обязательно родила!

Но он сказал: «Три часа назад ты съела творожную массу, в которую были искрошены восемнадцать таблеток. Два пальца в рот совать уже поздно: все переварилось... Хочешь уроды - рожай!» И главное, в творожную массу! В то, что полезно для ребенка. Я ведь сама ее терпеть не могу.

Кофе, естественно, не лез мне в горло, губы пересохла от волнения, но облизнуть их я не решалась.

- Его Дениской должны были бы звать. Я почему-то точно знала, что у меня родится мальчишечка. Костюмчик даже ему купила велюровый, хотя говорили, что нельзя заранее ничего покупать. И ничего от него не осталось. Говорят, то, что после аборта, на какие-то кремы и лекарства с добавлением плаценты отправляют. Страшно... Моего мальчика!..

- А почему Бирюков так не хотел, чтобы вы родили?

От моего вопроса Ольгины плечи нервно передернулись.

- Не хотел жениться или что-то еще?

- Не было никакого разговора о женитьбе. Я, конечно, была бы счастлива, если бы он сделал мне предложение, но знала, что не сделает... Просто у Вадима был «гуманистический» принцип: «Нельзя заводить детей от женщин, которых не любишь!» Вот так!

Мы еще некоторое время помолчали. Потом Ольга все-таки взяла сигарету, глубоко затянулась и сказала:

- Простите. Простите за то, что я вас использовала, как, впрочем, и Олега Ивановича. Просто ваш конфликт подходил для всего этого как нельзя лучше.

Это был шанс, которого я ждала.

- «Убийство Гонзаго»? - спросила я. - «Убийство Гонзаго» и «Мышеловка»?

- Что? - Ольга рассеянно повела бровями. - А, ну да... Конечно... Просто как-то уже стало забываться...

И я вдруг поняла, что она помнит до сих пор и что будет помнить всю оставшуюся жизнь. Медицинскую эмалированную ванночку с кровавым месивом и некогда любимого, а теперь мертвого мужчину, распростертого на полу возле музыкального центра...

Больше мне в этой квартире делать было нечего. Я отодвинула свою чашечку от края стола, поправила батник под ремнем джинсов и молча вышла в прихожую.

Ольга поднялась следом, тоже вышла в коридор, но ни о чем не спросила - ни о том, куда я иду, ни о том, что собираюсь со всем этим делать. Похоже, ей действительно было уже все равно. И никто не мог наказать ее больше, чем собственная мертвая любовь, падающая с неба холодным, обжигающим снегом. Этого снега с каждым днем будет становиться все больше и больше, а сладкое опьянение вендетты окончательно пройдет. И тогда мертвые, слезавшиеся снежинки придавят грудь тяжелым сугробом и не позволят дышать...

Никто в целом мире не мог наказать ее больше. Да наверное, никто и не имел права наказывать. А я уж тем более не рвалась ни в судьи, ни в палачи. До Люберец доехала в такси на совсем уж последние деньги (просто не могла сейчас видеть улыбающиеся человеческие лица), вышла из машины перед самым подъездом, нашарила в кармане ключи и тут заметила его. Заснеженный, точно какой-нибудь бронзовый памятник, Леха подпирал бетонную стену и молча курил. Я подошла и прижалась щекой к его груди. Теплая рука легла на мой затылок.

- Ну как? Во всем разобралась? - спросил он.

И я честно ответила:

- Не знаю...